ЧИСЛА

4

TCHISLA, CAHIERS TRIMESTRIELS, PARIS

ЧИСЛА

СБОРНИКИ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
И. В. де МАНЦІАРЛИ и Н. А. ОЦУПА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1930 — 1931

НАСТОЯЩІЙ СБОРНИКЪ НАБРАНЪ И ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ДЕКАБРѢ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТЪ ТРИДЦАТАГО ГОДА ТИПОГРАФІЕЙ SOCIÉTÉ NOUVELLE D'ÉDITIONS FRANCO-SLAVES ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ ТЫСЯЧИ ДВѢСТИ ДВУХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ИЗЪ КОИХЪ ТЫСЯЧА СТО ПЯТЬДЕСЯТЪ НА БУМАГѢ АЛЬФА, ПЯТЬДЕСЯТЪ НУМЕРОВАННЫХЪ ОТЪ I ДО L НА БУМАГѢ HOLLANDE DE RIVES И ДВА НА JAPON IMPÉRIAL НУМЕРОВАННЫХЪ ОТЪ A ДО B

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ

1.

Твоихъ озеръ, Норвегія, твоихъ лѣсовъ...

И оборвалась рѣчь сама собою.
На камнѣ женщина поетъ безъ словъ.
Надъ нею небо льдисто-голубое.

О вѣрности, о горѣ, о любви,
О сбившихся съ дороги и усталыхъ
— Я здѣсь! Я близко! Вспомни... назови! —
Сіяетъ снѣгъ на озаренныхъ скалахъ.

Сіяютъ сосны красныя въ снѣгу.
Сонъ недоснившійся, неясный, о которомъ
Иначе разсказать я не могу.

Твоимъ лѣсамъ, Норвегія, твоимъ озерамъ.

1924

2.

Холодно. Низкія кручи
Полуокуталъ туманъ.
Тянутся бѣлыя тучи
Изъ за безмолвныхъ полянъ.

Тихо. Пустая телѣга
Изрѣдка продребезжитъ.

Полное близкаго снѣга
Небо недвижно виситъ.

Господи! И умирая
Черезъ полвѣка, едва-ль
Этого мертваго края
Этого мерзлаго рая
Я позабуду печаль...

1919

3.

Пора печали — юность — вѣчный бредъ!

Лишь растерявъ по свѣту всѣхъ друзей,
Едва дыша, безъ денегъ и любви,
И больше ни на что ужъ не надѣясь,
Онъ понялъ, какъ прекрасна наша жизнь,
Какое торжество и счастье — жизнь,
За каждый часъ ее благодаритъ
И робко умоляетъ о прощеньи
За прежній ропотъ дерзкій...

1924

ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ

РАЗРОЗНЕННЫЯ СТРОФЫ

(1930)

1.

И нѣтъ и да. Блеститъ звѣзда,
Сто тысячъ лѣтъ — все тотъ же свѣтъ.
Блеститъ звѣзда. Идутъ года,
Идутъ вѣка, а счастья нѣтъ...

Въ печальномъ мірѣ тишина,
Въ печальномъ мірѣ, сквозь эфиръ,
Сквозь вѣчный ледъ, летитъ весна
Съ букетомъ розъ — въ печальный міръ!

2.

...Облетаютъ бѣлила, тускнѣютъ румяна,
Догораетъ заря, отступаютъ моря —
Опускайся на самое дно океана
Безполезною, черною розой горя!

Все равно слишкомъ поздно. Всегда слишкомъ рано.
«Догорѣли огни, облетѣли цвѣты» —
Опускайся на дно мірового тумана,
Въ непроглядную ночь міровой пустоты...

3.

Безсонница которая насъ мучитъ,
Безсонница, похожая на сонъ.
Безсмыслица, которая насъ учитъ
Что есть одинъ законъ — ея законъ.

На блѣдномъ маревѣ абракадабры,
Въ мерцаньи фосфорическаго дна,
Больныя рыбы раздуваютъ жабры...

4.

Черныя вѣтки, шумъ океана,
Звѣзды такія что больно смотрѣть,
Все это значитъ — поздно иль рано
Надо и намъ умереть...

5.

Райской музыкой, грустной весной
Тишиной ты встаешь надо мной.

Твой торжественный шагъ узнаю,
Вижу черную славу твою,
Узнаю твой блаженный полетъ,
Стосаженный, сквозь розы и ледъ!...

6.

Въ совершенной пустотѣ,
Въ абсолютной чернотѣ —
Такъ же вѣетъ вѣтеръ свѣжій,
Такъ же дышатъ розы тѣ же...

Тѣ же, да не тѣ.

7.

Это звонъ бубенцовъ издалека,
Это тройки широкій разбѣгъ,
Это черная музыка Блока
На сіяющій падаетъ снѣгъ!

...За предѣлами жизни и міра,
Въ пропастяхъ ледяного эфира
— Все равно не разстанусь съ тобой!

И Россія, какъ бѣлая лира,
Надъ засыпанной снѣгомъ судьбой.

НИКОЛАЙ ОЦУПЪ

1.

Все будетъ уничтожено, пока же
Мы любимъ, самой смерти вопреки,
И пальцы дѣтскихъ ногъ на лѣтнемъ пляжѣ
И голубя на глинѣ коготки.

И многое еще... Но только мало
Всей прелести земной, чтобъ перестало
Изъ этой жизни влечь всего сильнѣй
Въ то смутное, что кроется за ней.

Тамъ долго мы искали, какъ умѣли,
Для міра объясненія и цѣли,

И научились только день за днемъ
(Не разрубивъ узла однимъ ударомъ)
Довольствоваться тѣмъ, что вотъ — живемъ,
Хотя и безъ увѣренности въ томъ,
Что надо жить, что все это не даромъ.

2.

Раскачивается пакетъ
И зонтикъ матовый раскрытъ...
Довольно бережно одѣтъ
Онъ не особенно спѣшитъ.

Поспѣшно семенитъ за нимъ
Невзрачный сгорбленный, въ очкахъ,
Подальше съ кѣмъ то молодымъ
На очень острыхъ каблучкахъ

Проходитъ женщина. За ней
Какой то розовый солдатъ.
И цѣлый день, и сотни дней,
И тысячи, впередъ, назадъ

Идутъ бокъ о бокъ или врозь
Не тѣ, такъ эти, гдѣ пришлось...

Ни человѣка, ни людей
(Живые, да, но кто и что)
А сколько жестовъ и вещей,
Ужимокъ, зонтиковъ, пальто.

3.

Снѣгъ передвинулся и внизъ
Сползаетъ по наклонной жести,
Садится голубь на карнизъ
И дремлетъ на пригрѣтомъ мѣстѣ.

И капель тысячи горстей
Подъ вѣтромъ сыплются съ вѣтвей...

Но этого всего съ кровати
Не видно. Маятникъ стучитъ
И мало воздуху въ палатѣ
И умирающій хрипитъ.

4.

Когда устанетъ воробей
Обтачивать сухую корку,
Среди играющихъ дѣтей —
По ихъ лопаткамъ и ведерку —

Поскачетъ онъ, прощебетавъ,
И это тихо наблюдая,
Твою сосѣдку за рукавъ
Потянетъ дѣвочка худая

И ты увидишь мать и дочь
Онѣ бѣдны, ихъ плечи узки
И невозможно имъ помочь...
Но ты вѣдь литераторъ русскій —

На профиль первой и второй
Ты смотришь съ горечью такой,
Какъ будто здѣсь на этомъ свѣтѣ
(Опомнись, мало ли такихъ)
Мы передъ совѣстью въ отвѣтѣ
За долю каждаго изъ нихъ.

5.

Дѣло неизвѣстно въ чемъ —
Люди и любовь и годы,
Въ океанѣ подъ дождемъ
Проплываютъ пароходы...

И не знаю, кто и гдѣ,
Наклонившійся къ водѣ,

Или же, какъ я — въ отелѣ,
Лежа на своей постели, —

Видитъ ясно всѣхъ другихъ,
Что-то дѣлающихъ гдѣ-то,
И до слезъ жалѣетъ ихъ
И себя за то и это:

То — на убыль жизнь идетъ,
И у насъ тепло беретъ
Міръ, отъ насъ же уходящій;

Это — настежь неба сводъ,
Ледяной и леденящій.

1929-1930.

САЛЬЕРИ

Молчи, угрюмая денница!
Мнѣ въ нашей жесткой темнотѣ
Окаменѣлый хаосъ снится.
Въ порабощенной пустотѣ
Стоятъ, внѣ времени, внѣ срока,
Одѣты плѣсенью и мхомъ
Валы застывшаго потока,
Отягощаемые сномъ.

Чужда молитвъ и суесловья,
И вдохновенья, и огня,
Холодной, мертвенною кровью
Ты опоила, смерть, меня.

Иноплеменныхъ звуковъ холодъ,
Музыки вѣнценосный бредъ,
И бѣлыхъ клавишъ черный голодъ,
И черныхъ клавишъ черный свѣтъ.

Вкусъ вѣчности, чуть горьковатый
Мнѣ былъ знакомъ. Всегда одинъ
Невольной жизни соглядатай,
Ея привычный властелинъ, —
Не я ль берегъ науку тлѣнья,
Всю чистоту ея одеждъ,
Отъ глупости и удивленья,
Прикосновенія невѣждъ.

Еще звѣзда съ звѣздой боролась,
Еще металась въ страхѣ твердь,
Когда возсталъ безспорный голосъ,
Твой голосъ, явственная смерть.

Смерть пролила святую чашу.
Звенѣлъ и гасъ пустой кристалъ.
И медленно, надъ міромъ нашимъ
Прозрачный отгулъ умиралъ.

Въ пятилинейномъ заключеньѣ
Хранятъ скрипичные ключи
Небесъ холодное біенье
И первозданные лучи.
Спасительный, безсмертныхъ, темныхъ,
Желѣзныхъ формулъ плѣнъ, броня, —
Дыханіе ночей огромныхъ
И слабый свѣтъ земного дня.
Дневныя Моцартовы звуки
Тьмы не посмѣютъ превозмочь, —
Покорна лишь моей наукѣ
Слѣпая дѣвственница ночь!

И сторонясь людской музыки
Я къ скрипкѣ не принужу рукъ. —
Неистовый, косноязыкій,
Молчи — юродствующій звукъ.
О, деревянной скрипки пѣнье,
О, голосъ, дряхлаго смычка, —
Такъ жить и чувствовать — вѣка —
Безсмысленное понужденье!

Забывъ земную суету,
Томленіемъ пренебрегая,
Лелѣю я одну мечту
О каменномъ, безмолвномъ раѣ.

Мы, встрѣтивъ старость, познаемъ
Безплодность сердца. Время, время!
Холоднымъ сожжено огнемъ
Случайной молодости бремя.

На что мнѣ огнь земныхъ свободъ?
Увы, все искажаетъ скука.
Душа предчувствуетъ и ждетъ
Тебя, смертельная разлука.
Молитвы безполезный дымъ
И звуковъ каменная твердость —
Недаромъ я шести земнымъ
Грѣхамъ — предпочитаю гордость!

Разъявъ, какъ яблоко, любовь,
Я міромъ брезгую. Слѣпая,
Бѣснуется слѣпая кровь,
И жизнь проходитъ, какъ слѣпая.

Въ окнѣ надъ міромъ истлѣваетъ
Глухой, мертворожденный день
Сгибаетъ свѣтъ святая тѣнь,
Какъ вѣтеръ тростники сгибаетъ.
Нѣжнѣе рукъ часовщика
Ея прохладное касанье.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка,
Безъ имени и безъ названья.

О Моцартъ, Моцартъ, какъ, Орфей
Ты скалы покорилъ музыкѣ —
Къ чему? Во слѣдъ душѣ своей,
Во слѣдъ пропавшей Евридикѣ
Ты бросишься. Но хаосъ глухъ,
Но тугоухи глыбы мрака,
И не уловитъ бѣдный слухъ
Въ ночи — ни отзвука, ни знака

День отошелъ уже ко сну.
Густѣетъ вѣроломный воздухъ.
Я никогда не отдохну —
На что рабовладѣльцу отдыхъ?

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ

1.

Розовый свѣтъ опускается къ бѣлой долинѣ.
Солнце встаетъ, занимается небо души,
Ангелъ танцуетъ въ лучахъ золотой мандолины,
Въ паркѣ замерзшемъ деревьевъ блестятъ камыши.

Утро зимы начинается заревомъ снѣга.
Падаетъ вѣчность безшумно на теплую руку,
Чистая вѣчность спускается къ тѣлу, какъ нѣжность
И исчезаетъ, припавъ къ воплощенному духу.

Мертвое солнце на розовомъ айсбергѣ дремлетъ,
Тихо играетъ въ темницѣ оркестръ заключенныхъ,
Мертвыя души съ огнями спустились подъ землю,
Въ небо поднялись священныя тѣни влюбленныхъ.

Снѣгъ мірозданія падаетъ въ воздухѣ черномъ,
Дѣва разсвѣта блуждаетъ среди экипажей,
Тихо за ней, наклоняясь процессіей скорбной,
Шевствуютъ желтые, мутные призраки газа.

Все затихаетъ. На башнѣ молчатъ великаны.
Все измѣняется къ утреннимъ страшнымъ часамъ.
Мертвое небо бѣлесымъ большимъ тараканомъ
Въ черное сердце вползаетъ нагимъ мертвецомъ.

2.

Дѣва осень вышла изъ рая,
Небо сине до самаго края.
Тихо въ вышнихъ моряхъ свѣтлоокихъ
Тонетъ бѣлый корабль одинокихъ.

Подъ березами въ мертвомъ лѣсу
Спитъ прекрасный лѣсной Іисусъ,
Сѣрый заяцъ стоитъ надъ нимъ
Лапой трогаетъ желтый нимбъ.

Дѣва осень, Ты хороша,
Какъ погибшая моя душа,
Ты тиха, какъ разсвѣтная мгла
Отъ которой она отъ земли ушла.

Боже Господи! какъ глубоко,
Какъ легко, какъ отъ земли далеко.
Въ темномъ домѣ она жила
Никому не сдѣлала зла.

Много плакала, много спала,
Какъ хорошо, что она умерла.

Если Бога и рая нѣтъ
Будетъ сладко ей спать во тьмѣ.
Лучше, чѣмъ жить въ золотомъ раю
Куда я за ней никогда не приду.

3.

СТОИЦИЗМЪ

Въ теплый часъ надъ потемнѣвшимъ міромъ
Желтоносый мѣсяцъ родился,
И тотчасъ же, выстиранный съ мыломъ,
Вдругъ почувствовалъ: осень, садъ.

Цѣлый день жара трубила съ башни,
Былъ предсмертный сонъ въ глазахъ людей.
Только поздно улыбнулся влажно
Темно-алый вечеръ чародѣй.

Подъ зеленымъ пологомъ каштановъ
Высыхалъ гранитъ блѣдно-лиловый,
Хохотали дѣти у фонтана,
Рисовали мѣломъ городъ новый.

Утромъ птицы мылись въ акведукѣ
Спалъ на теплыхъ доскахъ императоръ
И уже средь мрамора и скуки
Адъ дышалъ полуденный съ Эфрата.

А на башнѣ подъ смертельнымъ небомъ
Распростерши золотыя крылья
Улыбалась мертвая побѣда
И солдатъ дремалъ подъ слоемъ пыли.

Было душно. Въ неуютной банѣ
Воровали вещи, нищихъ брили.
Шевеля медлительно губами
Мы въ водѣ о сферахъ говорили.

И о томъ какъ отсіявъ прекрасно
Міръ сгоритъ, о томъ что въ Римѣ вечеръ
И о чудной гибели напрасной
Мудрецовъ — дѣтей широкоплечихъ.

Утираясь, фыркали атлеты,
Разгоралась желтая луна,
Но Христосъ склонившійся надъ Летой
Въ отдаленьи страшномъ слушалъ насъ.

Въ морѣ ночи распускались звѣзды
И цвѣты спасались отъ жары
Но уже проснувшись шли надъ бездной
Въ Вифлеемъ индусскіе цари.

И слуга у спящаго Пилата
Воду тихо въ чашу наливалъ
Центуріонъ дежурный чистилъ латы
И Іосифъ хмуро крестъ стругалъ.

1928-1930.

ЮРІЙ СОФІЕВЪ

1.

На ярко-красномъ полотнѣ заката
Огромный лебедь, черный и крылатый.
На утрамбованной площадкѣ дѣти...
И мы съ тобой играли въ игры эти.

И мы... но, Боже мой, летятъ столѣтья,
Тысячелѣтья и милльоны лѣтъ!
И вотъ опять усталость и разсвѣтъ,
И на закатѣ — черной тушью — вѣтви...

Послушайте, вѣдь въ тридцать съ лишнимъ лѣтъ
Насъ по иному грѣетъ жизни свѣтъ.
И ты, мой другъ, къ такимъ же днямъ придешь —
Печаль существованія поймешь.

2.

И вотъ еще, еще одна строка.
За ней идутъ придуманныя строчки,
И три спасительныя ставитъ точки
Неудовлетворенная рука.

Уйти, забыть, разсѣять колдовство.
Но и немыслимо освобожденье.
Такъ напряженно жить, въ такомъ смятеньи,
Такъ маяться не сдѣлавъ ничего.

3.

Во всемъ, во всемъ: «мнѣ кажется», «быть можетъ».
Нашъ умъ беднѣе нищенской сумы.
Вотъ почему мы съ каждымъ днемъ все строже,
Все сдержаннѣе и грустнѣе мы.

Ничтожна власть людскихъ ключей и мѣръ.
Но этотъ путь — труднѣйшій — слишкомъ горекъ.
Безспорно — человѣческое горе,
Любовь безспорна и безспорна смерть.

Дремлетъ садъ, вдали трамвай шумитъ
И какъ прежде руку наклоняетъ
Сѣрая Діана, и въ глаза ей
Голубь пролетающій глядитъ.

Чувствуется вѣчность... Слава Богу
Размело весеннюю тревогу,
Унесло... И темные дома

Насъ зовутъ къ негромкимъ разговорамъ,
Къ чаепитьямъ передъ смертью скорой...
Мчатся листья, близится зима.

Въ туманный вечеръ
Голубоватый
Брели солдаты
Широкоплечи.
Куда? Куда-то.
И пѣли трубы:
Кто васъ полюбитъ?
Кто васъ погубитъ?
Куда? Куда-то.
Вернемся-ль въ маѣ?
Но къ дому брата
Прошли трамваи.
Не май заплачетъ,
Онъ синеватъ,
Пройдетъ палатой
Надѣвъ халатъ.

А новымъ годомъ,
Когда ночной походъ,
Подъ тихимъ сводомъ
Тебя покроетъ ледъ.
Куда? Куда-то.
Проснутся-ль галки
Иль станетъ жалко
Солдата брата.
Солдатъ не плачетъ,
Лежитъ, не плачетъ,
А конь ускачетъ —
Въ ковыль ускачетъ.

Широкоплечій
Идетъ солдатъ
Какъ этотъ вечеръ
Голубоватъ.

АЛЕКСѢЙ ХОЛЧЕВЪ

СНѢГЪ ПАДАЕТЪ

На сердцѣ обручи прошедшихъ злыхъ годовъ
Втугую стянуты секретными замками...
Такъ замкнутымъ умру... И къ шуму поѣздовъ
Прислушиваюсь я, закрывъ лицо руками.

Зимой то было, вечеромъ... На городскомъ каткѣ,
За елочнымъ барьеромъ округленнымъ
Играла музыка и въ скованной рѣкѣ
При свѣтѣ электрическомъ казался ледъ зеленымъ.

А сзади быстрыхъ ногъ въ скрещенiи магическомъ
Серебрянными нитями ложилась борозда,
Поблескивали никелемъ при свѣтѣ электрическомъ
Коньки, скользящiе по твердой глади льда.

Я помню все: и елки, въ снѣгъ воткнутыя,
И маленькаго доктора въ сверкающихъ очкахъ,
Склоненнаго надъ женщиной, и ноги подогнутыя
Подъ шубку, со «снѣгурками» на желтыхъ башмачкахъ.

На ротъ капризно-плачущiй, на подбородокъ съ мушкой
Снѣжинки падали медлительно крутясь.
Револьверъ маленькiй невинною игрушкой
Валялся около, въ прозрачномъ льду двоясь.

О, хоть подольше бы не принесли носилокъ!
Я голову послушную на муфту положилъ,

И муфты черный мѣхъ, поцѣловавъ затылокъ,
Щеки и шеи блѣдность оттѣнилъ.

О, хоть подольше бы носилки задержались.
Я съ нѣжностью приглаживалъ кудряшекъ мягкій ленъ,
А въ сердцѣ ненависть и жалость обнимались...
Я былъ влюбленъ... былъ въ мертвую влюбленъ.

Сижу и думаю, а въ мысляхъ вечеръ давній,
Снѣжинки падаютъ, ровняя знакъ слѣдовъ...
Съ далекой станціи, въ окно съ разбитой ставней,
Мнѣ слышенъ шумъ идущихъ поѣздовъ.

... Съ горбинкой носъ, неясный слѣдъ веснушекъ
И изъ-подъ шубки видное отъ платья кружевцо.
И въ окруженіи кокетливо упавшихъ завитушекъ
Оснѣженное, мертвое лицо.

СЕРГѢЙ ГОРНЫЙ

ТРИ ОТРЫВКА

1.

Она, помнится, всего боялась. И, дѣйствительно, осталась она одна, нѣмка, на заводѣ. Да и въ городѣ почти больше вовсе нѣмцевъ не осталось. Мужа ея, гвоздильнаго мастера, Генриха Брахта, сослали въ Оренбургъ. Это было въ самомъ началѣ войны. Тогда женщинамъ не позволяли еще ѣхать за мужьями, военноплѣнными. Она и осталась.

Была маленькая, черненькая, похожая на птицу. Съ чернымъ, остренькимъ лицомъ. Ходила послѣднее время въ вязанной черной пелеринкѣ. Пелеринка на ходу чуть вздымалась, трепетала.

Первыя недѣли она пряталась, не показывалась. Разсказывали, что боится она всего очень. Другія нѣмецкія семьи, половчѣе, уѣхали — прямо какъ-то «смылись» — точно чудомъ исчезли за недѣлю, за двѣ до начала войны. Брахтъ почему-то не уѣзжалъ. Былъ онъ тоже маленькій, вродѣ жены, миніатюрный, изящный — это рѣдко у массивныхъ нѣмцевъ. Бородку носилъ остренькую, тоже какъ-то не по нѣмецки. Когда все разразилось, продолжалъ ходить по заводу, какъ ни въ чемъ не бывало. Только какъ будто еще меньше сталъ. Подставлялъ ладонь подъ гвоздильные станки, — туда падали горячіе, въ маслѣ, только-что — въ гулкомъ ударѣ станка рожденные — гвозди. Подвинчивалъ, подкручивалъ плашки и ножи, — шелъ дальше. Пробовалъ опилки, въ которыхъ (крутясь въ барабанѣ) чистились гвозди, обходилъ мастерскія. Такъ его и застали и увезли.

Фрау Брахтъ запахнула только пелеринку, — пошла-было его провожать къ заводскимъ воротамъ, — потопталась, точно споткнулась — и поспѣшно чуть зигзагомъ (словно тогда уже что-то оборвалось и закачалось у нея — навсегда) пошла назадъ по казарменному двору. Направо и налѣво зданія. Гулкій бой станковъ. У конденсатора, похожаго на башню, надъ градирней — большой

бѣлый столбъ пара. Сараи, мастерскія. Неуютно, даже для привыкшаго.

А у нея все должно быть оборвалось. И стало страшно отъ стѣнъ, отъ зданій, отъ неумолимаго (день и ночь) бьющаго гула станковъ. Ихъ было двѣсти. Большіе и малые. Бахающіе не спѣша, гулко и лѣниво — крупные, тяжкіе гвозди. И маленькіе, точно запыхавшіеся, словно въ сердцебіеніи — плевавшіеся маленькими, крошечными гвоздями. Точно дождь подъ станкомъ сѣялъ, желѣзненькій. День и ночь. Почти не умолкая. Когда — межъ смѣнъ — заводъ вдругъ останавливался — дѣлалось странно. Непривычно, неуютно. Ухо, кровь, сама душа привыкали къ бою: все билось и ударяло въ тактъ съ ударами завода. И когда онъ умолкалъ, — казалось, что сердце и виски бьются еще. Гудѣло еще въ ушахъ. Эти паузы были хуже чѣмъ бой и гулъ.

Нѣсколько недѣль фрау Брахтъ не было видно. Вилли, одиннадцатилѣтній мальчикъ, въ австрійской курточкѣ, изъ которой онъ выросъ — ходилъ, слонялся у ящичной, упаковочной — ближе къ квартирамъ мастеровъ. Онъ дичился, боялся рабочихъ. Но тѣ любили нѣмчика. Кой-кто жалѣлъ его. Былъ Вилли мальчикъ красивый, съ личикомъ тоненькимъ, — носъ правильный, причесанъ чистенько, глаза голубые.

Потомъ стали передавать, что фрау Брахтъ всего боится, всюду видитъ враговъ, русскихъ солдатъ. Она будто разсказывала, что солдаты уже въ погребѣ, стучатъ тамъ, — скоро придутъ за нею.

Пришла одинъ разъ въ контору, озираясь. Пелеринка вздымалась на плечахъ и чуть трепетала сзади, какъ крылья. Пришла написать въ Оренбургъ и еще — прошеніе губернатору. Вилли стоялъ тутъ-же, смотрѣлъ красивыми дѣтскими глазами, — разсматривалъ чернильницу, фигурки на столѣ. Все больше молчалъ. О чемъ думалъ, не говорилъ. Кажется, былъ къ отцу своему, маленькому Брахту, привязанъ крѣпко. Тотъ, дѣйствительно, отецъ былъ уютный, какой-то удобный, подходящій сыну. Должно быть играли хорошо вмѣстѣ и дружили.

Разбудили меня въ то утро рано. Раньше обычнаго. Раньше гудка. Все еще было сѣрое, странное. такъ всегда кажется въ не-

урочный, ранній часъ. Въ немъ всегда, въ этомъ часѣ, скрытно-тревожное что-то, даже угроза. «Брахтъ облила себя керосиномъ. Поджгла себя. Кухня ихъ огнемъ задѣта. Но пожара нѣтъ. Она только сама — совсѣмъ. Идите скорѣй. Вилли подъ кровать залѣзъ. Его вытащили. Разрѣшите помѣстить у васъ на квартирѣ».

Я сбѣжалъ внизъ, застегиваясь на ходу. Бѣлесое все еще было и спящее. Это глупости — думать, что вещи не спятъ. И какъ еще. Заборъ спитъ, сѣрый, недвижный. И деревья спятъ, на небѣ видно даже, не шелохнутся. И корпуса фабричные, большіе, — красныя стѣны — все спитъ. Днемъ, — совсѣмъ другое дѣло. Тогда и кирпичи другіе. Тогда все живое. А утромъ, рано, очень рано утромъ все спитъ.

Домики мастеровъ, сзади, тоже не проснулись еще. Особенно сирень свѣсилась — прямо спала.

И, вотъ, из-за одной вещи я все это и разсказываю. Изъ-за той самой, что я увидѣлъ когда вошелъ въ низенькую квартиру Брахта. Былъ моментъ, что и заходить не хотѣлось. Но служба была такая, что обязанъ былъ зайти. Просто по долгу. Надо было вызвать полицію. Но надо было и самому посмотрѣть, распорядиться.

Домики мастеровъ низенькіе, уютные. Отъ крыльца — корридорчикъ, — и направо и налѣво комнатки. Не помню ужъ кто меня велъ по двору туда, — кажется сторожъ ночной и плотникъ старшій ночной смѣны. Не помню. Распахнули входную дверь. Прошли мы по корридору. — Пожалуйста, въ кухнѣ, направо.

Такъ вотъ, — у мастеровъ, да и вообще у всѣхъ служащихъ были такіе ящики для угля, для отопленія. Довольно большіе, — края ихъ были срѣзаны наискось, — одинъ край былъ выше, тотъ который къ стѣнѣ придвигался, а другой ниже. Крышки не было. Фрау Брахтъ влѣзла туда, оказывается, въ этотъ ящикъ. Ей было не трудно это. Маленькая она была. Сѣла должно быть на корточки, цѣликомъ тамъ и помѣстилась.

Пахло остро керосиномъ. Близъ ящика мы нашли стулъ. На немъ пустая бутылка — отъ керосина. Аккуратно лежащая коробочка спичекъ.

Уходя отъ жизни, отъ русскихъ солдатъ, стучавшихъ цѣлыя

ночи въ ея погребѣ, (они были и за каждымъ поворотомъ, за стѣной — сторожили ее, собирались взять ее — — но таяли, когда она высматривала, маленькая черная женщина, въ черной пелеринкѣ и съ потемнѣвшей навсегда душой), — уходя отщ жизни, она не хотѣла сдѣлать пожара, безпорядка. Ее учили порядку, въ ея родномъ Хаммъ, въ Вестфаліи. И это осталось у нея прочнѣе, чѣмъ тотъ мракъ, который опустился на нее, когда полицейскіе, высокіе и неуклюжіе, уводили со двора самого Брахта.

Вилли потомъ разсказывалъ, много недѣль спустя, когда отошелъ, что онъ услышалъ крикъ (— страшный, должно быть, одинокій, зовущій, изступленный, но и просящій, но и молящій крикъ) и соскочилъ съ постели. (Онъ спалъ въ длинныхъ рубашкахъ). Прибѣжалъ въ кухню. «Мама горѣла. Стояла на корточкахъ, присѣла въ ящикѣ. Отталкивала. Sie kâmpfte noch mit mir». Вилли убѣжалъ. Маленькій-же онъ былъ еще.

Его нашли подъ кроватью.

Я говорилъ съ нимъ и видѣлъ: у Вилли раскрылись зрачки (онъ видѣлъ мать въ этомъ пламени, скорченную тамъ, она кричала и отталкивала его). Мы его взяли къ себѣ на квартиру. Одѣли кое-какъ скорѣе и увели. Спалъ онъ у меня, въ сосѣдней комнатѣ. Поздно вечеромъ, бывало, когда ужъ ему давно полагалось спать, я входилъ тихонечко посмотрѣть, спитъ-ли. И въ полутьмѣ видѣлъ: Вилли смотритъ, глаза у него раскрыты и зрачки все такіе-же, — какъ попало въ нихъ, т о , такъ и не уходитъ.

Вотъ эти зрачки помню. И забыть ихъ нельзя.

И еще помню. То самое, изъ за чего я все это и написалъ. Самое фрау Брахтъ. То, что отъ нея осталось.

Вдоль на спинѣ былъ такой вѣеръ копоти, — опаленная стѣна. Ящикъ былъ чуть обугленъ. Какимъ-то чудомъ онъ лишь обгорѣлъ. Пламя съѣло, сожрало лишь маленькую женщину, то живое, что, затихая, кричало в ъугольномъ ящикѣ, и само затихло, насытилось. Пожара не случилось.

Я подошелъ (нерѣшительно, — мнѣ не хотѣлось) и посмотрѣлъ туда въ ящикъ. Напрасно посмотрѣлъ. Не надо было. Ничѣмъ я не помогъ. А на всю жизнь — на всю жизнь — съ собою э т о взялъ.

Очевидно, когда сгорѣла она, фрау Брахтъ, уже не удержалась на корточкахъ и то спаленное, что осталось, упало на бокъ. И это я увидѣлъ. Все вѣдь, сгорѣло — платье, все, что было на ней. Я увидѣлъ бедро (вотъ его-то я и взялъ съ собою на всю жизнь). Даже нельзя было сперва разобрать сразу, что-же это такое. Лишь потомъ по утоньшающейся книзу, чуть поджатой ногѣ — было видно: бедро, ляжка. На пожарахъ бревна такія бываютъ. Но, вѣдь, то бревна, а это кожа, человѣкъ. Кожа натянулась, подпаленная, въ трещинкахъ, даже не въ пузыряхъ, а ровно подпеченная, точно ее коптили. Отъ человѣка осталось что-то похожее на окорокъ. Все остальное не было видно, тамъ въ ящикѣ.

Говорили потомъ, что разжать ее, фрау Брахтъ, нельзя было. Пришлось какъ-то по особому втискивать въ гробъ. Она была вся свернутой, скрюченной и не разгибалась.

Вилли мы на похороны не пустили. Даже объясняли ему, что мать, молъ, спасли, что она больна, въ больницѣ, скоро пойдемъ къ ней. Онъ слушалъ такъ, какъ часто дѣти слушаютъ безпомощную ложь взрослыхъ. Ему точно не хотѣлось смущать насъ разсказомъ о томъ, что онъ знаетъ все — и больше насъ. Онъ молчалъ, но только зрачки его говорили. Мы видѣли эти зрачки и знали, что онъ все знаетъ, — даже больше насъ. Но что-же намъ оставалось дѣлать? Мы его только не пустили на похороны.

Я заходилъ часто поздно вечеромъ къ нему. Онъ лежалъ въ полутьмѣ съ широко открытыми глазами (мнѣ казалось я вижу его разъ открывшіеся и не затихающіе зрачки) и молчалъ.

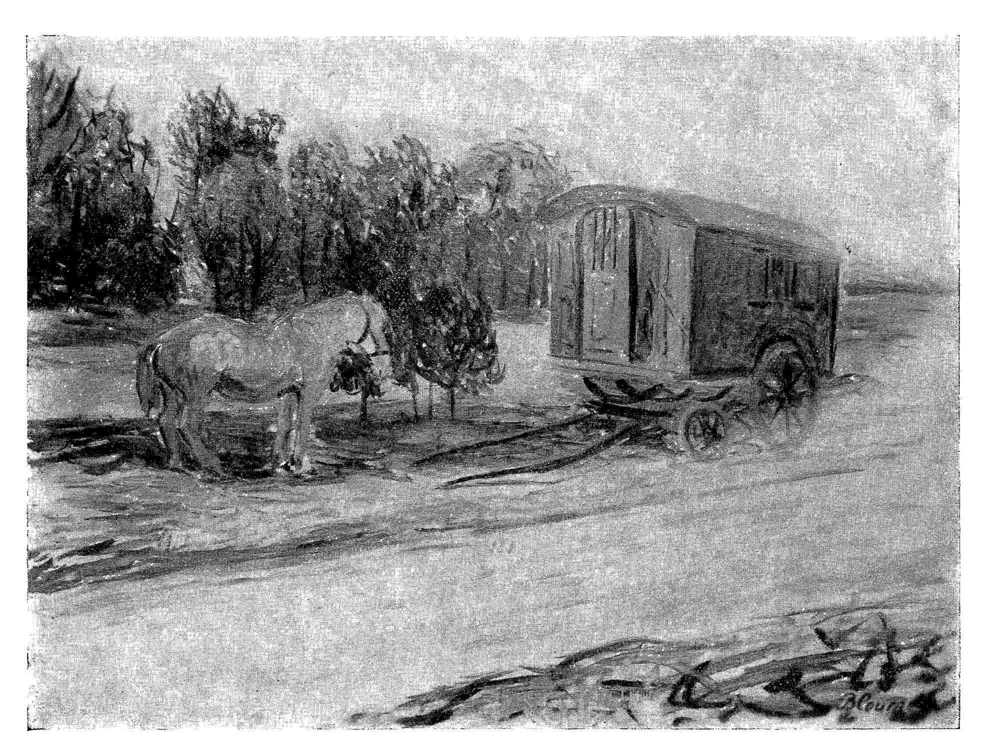
Я тоже молчалъ и, присѣвъ на край кровати, гладилъ его руку. Онъ не отвѣчалъ лаской или привѣтомъ. Никакъ. Онъ еще не вернулся тогда о т т у д а.

Недавно — прошло съ тѣхъ поръ пятнадцать лѣтъ — проѣзжалъ я Хаммъ въ Вестфаліи. Я думалъ: — можетъ быть объ этомъ, какъ разъ, домѣ, — объ этомъ частоколѣ, поворотѣ дорожки, именно объ этомъ думала маленькая женщина въ Россіи, — тоже жертва войны, — залѣзая въ угольный ящикъ. Темно было въ душѣ ея. Темно, съ летучими мышами, страхомъ, видѣньями. Померкло. Но, можетъ быть, при первомъ пламени, все сразу стало свѣтло, все вернулось — и потому крикъ такой былъ жалобный.

М. Блюмъ. Пейзажъ.

M. Bloume. Paysage.

М. Блюмъ. Пейзажъ. *M. Bloume. Paysage.*

Въ угольный ящикъ вошла душа затемненная, а просилось оттуда тѣло (въ пыткѣ, на кострѣ) и фрау Брахтъ проснувшаяся. Та самая, что вспомнила эти вотъ домики Хамма въ Вестфаліи. Шлагбаумъ. Задній дворикъ. И бѣлье развѣшанное. Куры копошатся. Жизнь, жизнь.

2.

Вотъ что не уходитъ изъ памяти:

Какая-то странная, какая-то страшная неподвижность. Камень, напримѣръ, онъ, понятно, не живой, но онъ и не мертвый. А эта туго натянутая, въ рейтузѣ, ляжка была мертвая, ибо Гаджіевъ только-что утромъ убилъ себя. Я стоялъ надъ нимъ въ англійской покойницкой, склизкой, со столомъ, устроеннымъ точно для убоя (должно быть въ мясныхъ, гдѣ свѣжуютъ туши тоже такіе столы). Смотрѣлъ пристально. И понималъ: .

— Никогда не забуду.

Все что касается смерти — встрѣчи, случаи, уходы людей отсюда, все что при этомъ видѣлъ, — никогда не забываешь.

Зайти за другую сторону стола и посмотрѣть въ лицо не хотѣлось. Вообще двигаться не хотѣлось. Его спѣшно увезли сюда англійскіе полисмэны въ фескахъ (это было въ колоніи) — не переодѣли еще, онъ былъ еще въ синихъ тугихъ рейтузахъ. Лежалъ ничкомъ, точно спрятавъ отъ насъ голову, зарылся. И округло и туго были натянуты эти рейтузы. Синіе. Они, были очень неподвижны. Если-бы Гаджіевъ спалъ или былъ въ обморокѣ, этой тугой неподвижности не было-бы. Ужъ въ томъ какъ лежала эта возвышавшаяся надъ столомь ляжка была непоправимость. Мы знали куда идемъ, что съ Гаджіевымъ. Стояли попросту въ покойницкой. Жутко это, боязно. Всегда боязно рядомъ съ э т и м ъ . И, разумѣется, такими глазами и смотрѣли на лежавшее возвышеніе. Это было бедро и нога, туго затянутая. Что-то похожее на тушу, но въ рейтузѣ. Разъ человѣкъ умеръ, въ немъ всегда что-то, какъ въ тушѣ. Мясо. Неподвижность.

Повторяю: въ камнѣ нѣтъ смерти, онъ не двигается, не переливается, но онъ не то, что шло, ходило и остановилось — навсегда.

Я невольно посмотрѣлъ на сукно: натянутое, хорошее, кавалерійское, какое-то рифленое. Струйки, вродѣ полосокъ, хорошее сукно. Никогда не забуду.

Поспѣшно ушли. Насъ-то и вызвали туда, вродѣ какъ понятыхъ, какъ свидѣтелей. Представителей русской колоніи. Помочь мы ужъ ничѣмъ не могли. Да и Гаджіевъ отвернулся отъ насъ, зарылся носомъ, выставилъ синюю ляжку, огромную, неподвижную — и въ этомъ (только въ этомъ, — этого довольно) и была смерть.

А сдѣлалъ онъ это просто.

Поставилъ портретъ Наташи (кажется ее такъ звали, — спѣлая, дозрѣвшая здѣсь уже въ изгнаніи дѣвочка — въ узенькой батистовой кофточкѣ, изъ которой она жирными мясными складочками выпирала — живыми складочками ожирѣвшей спѣлой дѣвочки — и губы у нея были дозрѣвшія, какъ вишни, готовыя сію минуту треснуть, чего-то поджидали — и дождались грека. Грекъ былъ богатый. Деникинскій Гаджіевъ кромѣ тугихъ рейтузъ и гордости съ Кавказа — ничего не привезъ. Обиду и гордость, и черные пронзительные глаза. И любовь — неистовую и горячешную къ бѣлокурой, разсыпчатой дѣвушкѣ, наливавшейся и выпиравшей изъ батиста на его глазахъ).

Сдѣлалъ онъ это такъ. Рано утромъ, когда узналъ все точно (кажется, узналъ наканунѣ), поставилъ ея портретъ предъ собой, что-то сжегъ (полицейскій нашелъ потомъ на полу кучку золы), можетъ быть письма. Выстрѣлъ (онъ вложилъ дуло въ ротъ) разбилъ все небо, затылокъ, но лицо замкнутое, стиснутое осталось неизмѣннымъ. Занавѣсилось только. Закудахтали растревоженныя гречанки, хозяйки, сосѣдки. Дошла вѣсть до насъ. А его уже сразу свезли въ чистенькій госпиталь англійскій въ паркѣ. А тамъ прямо въ маленькій, каменный отдѣльный домикъ. Чуть холодный. Всего одна или полторы комнаты — съ притворомъ. Съ длиннымъ столомъ. Тамъ его положили. Я думаю скорѣй: — сбросили. Иначе не легъ-бы онъ такъ бугромъ возвышающимся съ низко запрятанной головой. Вотъ я и прошу объяснить мнѣ, — почему это такъ? Посмотрѣли на синій овалъ до отказа натянутой рейтузы, — тугое мясо въ сукнѣ, туша — и поняли: Смерть. Этого ужъ не поправишь. Можетъ быть легче было-бы на раздробленныя кости затылочныя,

на кусочки и кровь запекшуюся смотрѣть. Это ужъ ясно. Здѣсь все досказанное и законченные аксессуары. Особенно кровь. Ритуалъ. Этого ждешь и это получаешь. Но, вотъ, ляжка у человѣка, еще въ кавалерійскомъ, только что живая. Такая-же, — ничто въ ней не перемѣнилось, ни крови, ни брызгъ, ничего. Но что-же въ ней всетаки перемѣнилось? Почему сразу видно? Смерть, мясо, падаль, туша. Тугое, застывшее мясо въ рейтузѣ. Можетъ быть судорога свела ногу и она застыла. Навсегда. Все вообще здѣсь дѣлается навсегда. Какъ говорится про это: закоченѣла. Совершенно вѣрно: — закоченѣла. И такъ и осталась. Останется. Вообще и у насъ въ душѣ. Ибо не неподвижное страшно. А то что шло и остановилось.

Гаджіевъ (солнечный, впитавшій буйство Кавказа, его лозъ, торопившійся) остановился. Заострилъ неистовую любовь къ жизни на тоже солнечной, только лѣнивой сѣверянкѣ, пухшей подъ горячимъ небомъ, зрѣвшей, — ворожившей надъ нимъ дѣвичьимъ, готовымъ уже для плода, броженіемъ.

Хоронили на какомъ-то голомъ похожемъ на тенисную лужайку кладбищѣ. Пропѣли дискантами и басами что надо добровольцы. Кроткую рѣчь сказалъ похожій на сельскаго священника, незлобивый, съ большой бородой, батюшка. Слова скользнули и полетѣли, какъ дуновеніе. Не было въ нихъ пристальности, взрѣза душъ нашихъ. Кроткій батюшка просто вѣрилъ и были слова его легки, какъ дыханіе. Ему-то они все облегчали. А можетъ быть «тамъ» именно такія слова и вѣра нужны. Немудрыя. И кислоты, травящія (какъ мѣдную доску съ прорѣзами гравюры) душу — не отъ сельскаго Христа, а отъ Дьявола? Ну, что-жъ? Стало быть намъ и Дьяволъ иногда нуженъ. Ибо сельскій батюшка пошелестѣлъ тихимъ безропотнымъ благословеніемъ, — вѣтеръ качнулъ, погладилъ ласково листья, затихъ. А порѣзы на душѣ, они-то, вѣдь, остаются. Какъ-же быть?

Отъ кладбища отходили стройныя обсаженныя англичанами аллеи. Паркъ. Кварталы гдѣ жили они, не мѣшаясь съ населеніемъ. Высокія, крѣпкія внизу и раскрывавшіяся густой короной пальмы. Отъ всего этого Гаджіевъ отказался. На все это онъ хотѣлъ (и могъ) смотрѣть только черезъ броженіе и густѣніе дозрѣвавшаго

(выпиравшаго сквозь незастегнутость батиста) случайнаго тѣла. А она-то чѣмъ виновата, Наташа эта или какъ ее? Что на ней именно заострилась его неистовая любовь къ жизни? (Вѣдь самоубійцы-то очень любятъ жизнь. Больше насъ. Мы живемъ хоть какою-нибудь. Они какую-нибудь не хотятъ. Если имъ что очень не нравится, они уходятъ отсюда. Можетъ быть они и есть аристократы жизни? Въ какомъ кругу ихъ встрѣтилъ Данте? Ужъ не помню. Но мѣсто ихъ средь утвердителей жизни, средь жизнелюбцевъ).

2

Я видѣлъ все это съ верхняго балкона.

Былъ тревожный, вѣтренный день. Утро. Почти всѣ были на берегу.

Между берегомъ и длиннымъ рядомъ высокихъ, каменныхъ, «нѣмецкихъ» дачъ была узенькая, но пріятная полоса сосенъ: — вдоль берега тянулся лѣсокъ. Сквозь него нельзя было разобрать точно, что дѣлалось на берегу, но какими-то пятнами, сгустками жизнь все-же тамъ виднѣлась. И вотъ эти сгустки вдругъ подкатились другъ къ другу. Пробѣжало нѣсколько человѣкъ черезъ лѣсокъ. Кто-то побѣжалъ къ нашей дачѣ.

Вдругъ подумалось (а черезъ секунду вдругъ безошибочно почуялось): — несчастье.

Въ такихъ случаяхъ что-то внутри тебя (игла въ сердце) з н а е т ъ о несчастьѣ раньше чѣмъ ты самъ: — несчастье.

Ты еще отгоняешь эту мысль, даже хмуришься («не можетъ быть», — «просто сбѣжались на что-то поглазѣть») — а холодокъ (острой, ледяною, дышащей трубочкой въ самомъ сердцѣ) уже з н а е т ъ : — не-счас-тье.

По короткой аллеѣ ведшей къ берегу — чуть наискось отъ нашей дачи — быстро прошли, почти пробѣжали двое: — въ сѣромъ костюмѣ, повыше, и толстый, пониже. Толстый (не очень) шелъ такъ, какъ торопятся, въ случаѣ несчастья: — дѣлалъ два-три шага быстро, почти бѣгомъ, рывкомъ, потомъ спадалъ (не умѣлъ бѣжать), потомъ опять ускорялъ шагъ, даже дѣлалъ неумѣлый,

взрослый полу-прыжокъ (только дѣти умѣютъ это дѣлать, какъ слѣдуетъ).

Подумалось: «докторъ!» А внутри (трубка въ сердцѣ знала): — да, докторъ, — несчастье.

Вѣтеръ наклонялъ верхушки сосенъ, — наверху онъ рвалъ и гналъ облака. Подумалось: — вотъ потому съ утра такъ тревожно, — что нибудь должно было случиться.

Почему-же они тамъ всѣ сбѣжались. Темное, большое, копошащееся пятно чуялось сквозь деревья. Оно почковалось: — ясно, что это были сбѣжавшіеся люди. Почему?

Несчастье.

Какой-то простой человѣкъ — рыбакъ или такой «арендаторъ», который сдаетъ корзины дачникамъ на берегу — показался межъ деревьевъ. Онъ бѣжалъ какъ будто къ нашей дачѣ. Да. По тропинкѣ, мимо «нашей» скамеечки, къ нашимъ воротамъ.

Тотъ человѣческій клубокъ, который копошился тамъ на берегу оказался не только страшнымъ («несчастье»!), но и близкимъ нашему дому, намъ. Холодокъ въ душѣ остался, и еще окутался болью.

Я зналъ, что «свои» всѣ здѣсь — вотъ въ сосѣдней комнатѣ, — я ихъ слышу, — иначе былъ-бы ужасъ, страхъ: — холодные пальцы, мгновенно рвущіе сердце на двѣ части съ лохматыми краями. Такъ и кажется: — съ рванными краями.

Но этого не было: «свои» были здѣсь. Голоса дѣтей и надъ ними успокаивающая воркотня матери, какъ насѣдки: она имъ что-то объясняла. И приглушенные голоса эти стали снова — въ который разъ? — особенно дорогими, прекрасными, музыкой жизни и молитвой.

«Свои» дома.

И все-же...

Наверху обрывки тучъ неслись, разорванныя въ клочки. Ихъ гналъ вѣтеръ. Все было тревожно: и сосны, и непріятно вылизанное дачное шоссе, самый воздухъ. Было ясно (съ утра?): что-то должно было случиться.

И уже теперь явно: — случилось.

Хозяинъ нашей дачи — высокій, круглый, бывшій офицеръ,

быстро военнымъ шагомъ побѣжалъ къ берегу. Это за нимъ и прибѣгалъ просто-одѣтый человѣкъ.

Съ балкона все было видно: и то, что хозяинъ не бѣжитъ, но и не идетъ. А спѣшитъ къ несчастью. Особый бѣгъ.

А раньше было видно, что у рыбака или полу-рабочаго, — словомъ у того, кто прибѣгалъ за нимъ — цѣпочка большая, старомодная, бьетъ при каждомъ, похожемъ на бѣгъ, шагѣ — по животу.

Теперь они оба — хозяинъ и этотъ рыбакъ — уже больше не были видны. Должно быть на берегу. Слились съ большимъ морскимъ пятномъ.

Что это? Несчастье съ кѣмъ-либо изъ нашего дома? Съ кѣмъ?

Очень непріятный день. Съ ранняго утра уже: — сѣрый, не свѣтлый, въ настойчивомъ вѣтрѣ — (точно брызги и пѣна въ самомъ воздухѣ) — всегда тревога. Ясно, что что-то и должно было случиться. Брызги и пѣна въ облакахъ и надъ моремъ — и словно надъ соснами. Проклятіе.

Все хорошо видно съ верхняго балкона. Можно застыть недвижно, за накрахмаленной, мѣщанскою занавѣской. Балконъ, понятно, закрытъ: — не открывать-же въ эту вѣтренную погоду. И вотъ я стою въ стеклянной коробкѣ и вижу все.

Вдругъ межъ сосенъ видно, что идетъ хозяинъ. Онъ идетъ медленно. Ему даже неудобно такъ медленно идти: вѣдь онъ высокій, военный, всегда марширующій. А сейчасъ у него ноги чуть заплетаются, — это онъ старается идти медленнѣй. Онъ ведетъ дѣвочку. Лѣтъ восьми. Она въ нынѣшнемъ спортивномъ костюмѣ. Почему-то костюмъ красный, толстый, тепловатый. Должно быть изъза холодной погоды такой надѣли.

Она прижалась къ хозяину, какъ-то наискось головой и семенитъ. Онъ старается идти медленно, а для нея и это скоро.

Плечи ея вжаты, надъ ними точно несчастье. Черное.

Что-же случилось? Утонулъ кто-либо?

Они входятъ во дворъ, и я больше не вижу ихъ. Съ моего балкона можно видѣть только даль. То что внизу подъ нами уже не видно.

Хозяинъ привелъ значитъ ее, дѣвочку въ красномъ, шерстяномъ костюмѣ — въ штанахъ и курточкѣ, которыя я такъ люблю. Они идутъ дѣтямъ. Штаны оттопыривались, были они больше, чѣмъ нужно. Это дѣлало дѣвочку еще милѣй.

У хозяина былъ такой видъ: — «вотъ я дѣлаю то что мнѣ, хозяину, надо въ такихъ случаяхъ дѣлать. Я пригрѣваю ребенка». Онъ дѣлалъ это неумѣло. Просто прижималъ голову ребенка наискосокъ къ себѣ. Дѣвочка семенила.

И то черное, что было вообще во всемъ этомъ «случаѣ жизни» — было тутъ-же. Я зналъ это, ибо почувствовалъ темное рядомъ съ холодкомъ злобы въ сердцѣ — злобы на очередную, жестокую нелѣпость въ жизни — (кому это надо? къ чему? боль, ужасъ — красные штанишки спортивные просеменили — сейчасъ плакать будетъ — кто это? отецъ? мать? утонулъ? откачиваютъ? — пробѣжалъ давеча докторъ... можетъ быть еще будетъ хорошо... При этой мысли вдругъ стало легче. Всегда хочется надѣяться. Ну, понятно, откачаютъ. Искусственное дыханіе. Теперь-же не купаются далеко. Волны, плохое утро, прибой. Далеко никто и не уплываетъ. Да).

По маленькой аллеѣ, которая вела отъ моря къ нашей широкой улицѣ уже несли носилки. Тѣ, кто несли, ступали коряво. Штаны ихъ были засучены. Рядомъ, впереди и сзади шли люди. Тамъ пятно людское на берегу свѣтлѣло. Всѣ расходились.

Внизу по тротуару прошла дама, уже немолодая, тоже въ красномъ, туго обтянутомъ купальномъ костюмѣ. Четкія, округленныя, немолодые, но не уродливыя формы. На ней не былъ накинутъ халатъ, она такъ шла съ берега. Рядомъ шелъ кто-то въ сѣромъ костюмѣ. Докторъ? Странно было — на секунду — онъ совсѣмъ одѣтый, она совсѣмъ раздѣта. Сверху ясно было видно: у нея пенснэ безъ ободковъ. Пенснэ къ купальному костюму — такъ странно. И главное странно: за плечами у дамы то черное, что и у дѣвочки въ спортивныхъ широкихъ штанишкахъ. Большое, послѣднее горе.

Боль внутри знала (м о я боль, — о н а знала): — кончено.

Носилки прокачались подъ самымъ балкономъ. Глаза впились: — двигается? То что лежало на носилкахъ было прикрыто сѣрымъ. Брезентомъ? Нехорошо, что брезентомъ. Живыхъ не при-

крываютъ. Кажется онъ двигается? Конвульсіи? Это хорошо. Живъ. Нѣтъ. Надо вглядѣться. Носилки качаются и то, что на нихъ, вмѣстѣ. Качается и кажется, что двигается. Покрывало закрыло не полностью. Голыя ноги видны. Большія. Совсѣмъ бѣлыя.

Я потомъ вышелъ въ корридоръ. Никого не спрашивалъ. Только слушалъ. Тутъ и тамъ, — по-два и по-три, — стояли жильцы.

— Дѣвочка терла ему ноги. Все время растирала.

— Это его дочь. Аптекарь. Вчера пріѣхалъ.

— Та, въ красномъ, жена.

(Я вспомнилъ: у нея были подняты высоко брови. Она еще не хотѣла впустить ужасъ къ себѣ внутрь и потому шла и должно быть говорила доктору: — «я ему сказала, не надо сразу въ воду, у него вообще сердце не въ порядкѣ. Сдѣлаемъ еще разъ камфору». — Докторъ должно быть зналъ, что все кончено, — и она тоже знала, только молчала объ этомъ. Докторъ отвѣтилъ: «— да, сейчасъ посмотримъ». — У нея брови были страшно высоко подняты. Образовалась маска. И сквозь нее она не пускала ужасъ къ себѣ въ душу. Иначе душа разорвалась-бы на двое лохматыми краями. (Да, рванными краями).

— Когда увидѣла, что трутъ щетками, то и она начала тереть ноги ручками.

— Очень любила отца.

— Вчера только пріѣхали.

— Надо быть осторожнымъ. Нельзя разгоряченнымъ сразу...

— У него вся шея синяя стала... А руки бѣлыя. И ноги бѣлыя.

— Она его вытащила сама, — жена...

— Это тутъ-же у берега, было...

— Можетъ быть еще камфорой...

— Нѣтъ ужъ понесли въ гаражъ...

— Значитъ совсѣмъ уже...

— Но, вѣдь, докторъ прошелъ...

— Свидѣтельство писать будетъ...

— Хозяину непріятно, что именно у насъ...

— Я сразу увидѣлъ, что не ладно. Я былъ въ пяти шагахъ въ водѣ. Думалъ, что онъ захлебнулся.

— Но его долго растирали.

— Нѣтъ ужъ это сразу было. Спина совсѣмъ черная стала. А ноги бѣлыя.

— Дѣвочка ручками растирала. Сидѣла рядомъ. Испугалась.

— Потомъ ее хозяинъ увелъ.

Я — чужой. Я обрадовался раньше, что не мои. Понятно, слава Богу, что не мои. И вотъ та боль, что была уже съ утра (эти клочковатыя тучи, съ пѣной и вѣтромъ — эта сѣрая торопливость воздуха — все ко злу), та боль перестала быть холодною, ледяной трубочкой въ сердцѣ. Оно было затоплено жалостью къ людямъ.

— Аптекарь. Вчера только прiѣхали.

— Что?

— Унесли въ гаражъ.

Я зналъ, что мать и та, въ штанишкахъ, забились въ свою комнату, въ которую для радости и свѣта — и жизни — вчера прiѣхали.

Почему-же, почему-же такъ много боли здѣсь. Такъ скверно все устроено? Жизнь полна страха. То черное, что я видѣлъ за плечами этихъ людей, распласталось, раздавило ихъ.

Для того съ голыми пальцами — въ гаражѣ — все было прекрасно и легко — кончено. Вскрикъ. Темный конусъ ужаса, врѣзавшiйся въ сердце. Всплескъ. И гулъ в ъушахъ, какъ рокочущiй, навсегда утихающiй, сперва ворвавшiйся, а потомъ блаженно замирающiй маршъ. Музыка смерти.

Завидно. Онъ уже это продѣлалъ.

Но эта вотъ. Что наискосокъ головку приложила къ нашему хозяину. Эта въ шерстяныхъ, чуть широкихъ штанишкахъ.

Что терла ручками навсегда похолодѣвшiя дорогiя ноги.

Что у нея въ душѣ? И не родилось-ли вотъ теперь первое проклятiе ненужному всему устройству этому. Устройству, гдѣ нѣтъ чудесъ, — и гдѣ дрожащiя руки дѣтей, съ молитвою гладящiя любимое, не воскрешаютъ.

Ибо Богъ у насъ математикъ.

Чудесъ у Него нѣтъ.

Ужъ если Онъ убилъ, разорвалъ, залилъ чернымъ спину, по-

холодилъ ноги — то чудесъ Онъ сдѣлать уже не можетъ. Самъ не смѣетъ. У Него все по логариѳмамъ.

А напрасно.

Разъ та, въ штанишкахъ, прижалась и тоже терла утопленнику ноги — и въ этомъ была ея молитва («Боженька! Что-жъ это такое?!»), — то я бы на мѣстѣ Боженьки взялъ-бы и сдѣлалъ чудо. Вернулъ-бы аптекаря къ жизни. Что Ему стоило-бы сдѣлать это?

А можетъ-быть и Боженьки-то никакого нѣтъ?

Можетъ быть та, въ красныхъ штанишкахъ, оставшись въ комнатѣ, именно это (чуть-чуть) почуяла?.

АНТОНИНЪ ЛАДИНСКІИ

КАКЪ ДЫМЪ

Степанъ суетился вокругъ телѣги и, приподнимаясь на носки, разгребалъ и уминалъ узловатыми руками солому, чтобы мнѣ было удобнѣе сидѣть. Заботился онъ о моемъ удобствѣ не потому, что чувствовалъ ко мнѣ особенную симпатію, и не изъ желанія подслужиться, а потому, что такъ принято было въ деревенскомъ обиходѣ — заботиться о спутникѣ, котораго послалъ Богъ. Но глядя на хлопотливыя движенія мужика, я испытывалъ какое-то непривычное умиленіе и чувствовалъ себя одинокимъ, безпріютнымъ. Съ озабоченнымъ лицомъ Степанъ еще разъ переложилъ свои городскія покупки — бутылку съ постнымъ масломъ и пахучій свертокъ бумаги, въ которомъ, очевидно, были завернуты селедки, и торопливо подошелъ къ лошади, чтобы поправить упряжь. Пузатая крестьянская лошадь, бѣлая, но пожелтѣвшая отъ старости, одна изъ тѣхъ классическихъ лошадокъ, которыхъ любили изображать представители нашей гражданской живописи, на всякихъ «Первопуткахъ» и «Порожнякомъ» — стояла, понуривъ голову, и ея рѣсницы, рѣдкія пушистыя рѣсницы старой лошади, вздрагивали, какъ-будто кто-то невидимый махалъ рукой передъ ея глазами. У лошади былъ такой безнадежно печальный видъ, точно она понимала, что на всю жизнь обречена таскать эту неуклюжую телѣгу. Вѣроятно, она уже давно позабыла, что была когда-то веселымъ жеребенкомъ, что звалъ ее теплый и обезпокоенный материнскій голосъ, когда задравъ хвостъ, она кружилась въ полѣ или легкомысленно отставала отъ обоза.

— Почему не доѣдимъ, — бодро возразилъ на мои сомнѣнія Степанъ, — доѣдимъ, за милую душу доѣдимъ.

Я безцѣльно бродилъ по двору, смотрѣлъ на этого бородатаго мужиченку въ заплатаномъ тулупчикѣ несмотря на лѣтнюю пору, разглядывалъ лошадь, ея покорные глаза и вѣтвистыя вены на животѣ, неуклюжую телѣгу и ремешки упряжи, и мнѣ казалось, что

все это я уже видѣлъ гдѣ-то — именно такого мужика, именно такую лошадь, такія же вены на ея животѣ.

На крыльцѣ стоялъ хозяинъ, въ домѣ котораго я провелъ эту ночь. Въ сравненіи съ маленькимъ замухрышкой Степаномъ у него былъ упитанный и внушительный видъ. Онъ успѣлъ надѣть поверхъ бѣлой рубахи жилетъ съ серебрянной цѣпочкой часовъ, которые онъ тутъ же не безъ удовольствія завелъ и, приложивъ къ уху, послушалъ — хорошо ли они идутъ. По всему было видно, что у него много всякихъ заботъ и, судя по тому, какъ озабоченно пощипывалъ онъ свою густую, черную, какъ смоль бороду, одна изъ этихъ заботъ заключалась въ томъ, чтобы поскорѣе сплавить нежданнаго гостя.

Жизнь на дворѣ уже просыпалась. Изъ полуоткрытой двери сарая, за которой еще стоялъ ночной мракъ, вышла озабоченная курица и тотчасъ же принялась за поиски пищи, смѣшно разглядывая землю то однимъ, то другимъ глазомъ. Но рыжая лохматая собака лежала у воротъ, положивъ голову на лапы, и очевидно спала послѣ ночной службы. Ночью сквозь сонъ я слышалъ, какъ она лаяла, перекликаясь съ городскими псами.

Стало уже совсѣмъ свѣтло, и я могъ теперь видѣть архитектурныя подробности того дома, гдѣ я ночевалъ, — рѣзные наличники на окошкахъ и игривые сердечки въ зеленыхъ ставняхъ. Въ одномъ изъ окошекъ, среди гераней и еще какихъ-то цвѣтовъ въ глинянныхъ горшкахъ, я успѣлъ замѣтить женскую фигуру въ рубашкѣ. Поймавъ любопытными бабьими глазами мой взглядъ, женщина спряталась за простѣнкомъ. Это была жена Ивана Петровича Вчера, когда я неожиданно явился къ нимъ глухою ночью, она принесла мнѣ красную, пухлую, какъ облако, подушку и сшитое изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ одѣяло. и устраивала меня на ночлегъ. Въ разговорахъ моихъ съ Иваномъ Петровичемъ она участія не принимала, все позѣвывала и послѣ каждаго зѣвка вздыхала:

— Охъ, Господи, прости насъ грѣшныхъ!

Степанъ закончилъ, наконецъ, свои приготовленія къ отъѣзду.

— Ну вотъ, — сказалъ онъ весело, — можно теперь и ѣхать.

— Поѣзжай, поѣзжай, Степанъ, — озабоченно подтвердилъ Иванъ Петровичъ, — дай Богъ, засвѣтло добраться.

— Прощевайте, — протянулъ ему руку Степанъ, — теперь, значитъ, до Покрова мнѣ уже не бывать, а тамъ, что Богъ дастъ.

— Ну-съ, желаю счастливаго пути. Не стоитъ благодарности, помилуйте, — провожалъ меня хозяинъ. Собака нехотя отошла съ дороги.

Степанъ вывелъ лошадь на улицу, вскочилъ бокомъ на телѣгу, и мы загремѣли по варварской мостовой. Позади Иванъ Петровичъ, широко разставивъ руки, уже затворялъ ворота.

По обѣ стороны улицы стояли сонные домишки съ закрытыми ставнями. Рѣдкіе прохожіе, бабы съ заплечными корзинами, какіе-то мѣщане въ фуражкахъ, нищій въ солдатской шинели съ котомкой, равнодушно глядѣли на насъ и шли своей дорогой. Скоро мы завернули за уголъ, и телѣга перестала гремѣть, потому что здѣсь улица уже не была вымощена. Здѣсь домишки ничѣмъ не отличались отъ деревенскихъ избъ. Кое-гдѣ въ палисадникахъ краснѣли осеннія росистыя георгины, придавая унылому деревянному пейзажу лачугъ и заборовъ еще болѣе скучный и захолустный видъ. Мой возница рѣшительно ни на что не обращалъ вниманія, занятый своими мыслями. Я же съ любопытствомъ смотрѣлъ на непривычныя картины — на домики, на георгины, на деревянныя узкія дорожки вдоль улицъ, на пузатую бочку водовоза. Послѣ петербургскихъ улицъ все казалось мнѣ страннымъ, какъ сонъ, все походило на декорацію какой-то старомодной оперы, для которой мало одаренный композиторъ написалъ сѣренькую и скучную музыку. Я не понималъ, зачѣмъ живутъ здѣсь люди, какіе могутъ быть у нихъ интересы. И не было ни малѣйшаго признака, что въ двадцати верстахъ бушуетъ гражданская война. Впрочемъ, чувствовалась какая-то тревога въ воздухѣ, какъ въ домѣ, гдѣ лежитъ тяжело больной, гдѣ не спали много ночей подрядъ.

— А раньше-то вы были въ Должанахъ? — спросилъ Степанъ.

— Нѣтъ, никогда не бывалъ. Красивое мѣсто?

— Да ничего. Анбаръ каменный. Рѣчка есть, все, что надо. Верстъ двѣнадцать отъ насъ будетъ. Переночуете у насъ, а завтра утречкомъ доставимъ какъ-нибудь.

— Н-оо! — подбодрялъ онъ свою лошаденку.

— Я вамъ за все заплачу, — сказалъ я, съ трудомъ выговаривая слова, потому что телѣга тряслась по неровной дорогѣ.

— Это вы ужъ съ бабой посчитаетесь, — отвѣтилъ Степанъ.

Когда лошадь вновь пошла шагомъ, онъ рѣшилъ завести серіозный разговоръ. Мы уже проѣхали слободу, которой кончался городишка. За слободой тянулись огороды. Солнце было гдѣ-то за облаками, и его торжественный восходъ въ это утро не состоялся. Уже открылись широкія пустынныя поля — скудный и лирическій пейзажъ. Степанъ обернулся и послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ:

— Скажите вы мнѣ на милость, что же это теперь будетъ?

Я понялъ, о чемъ онъ меня спрашиваетъ. Но что я могъ ему сказать? Меня самого крутило въ этой бурѣ, подъ напоромъ которой качалась наша жизнь.

— Революція, — сказалъ я.

— Леворюція, — повторилъ онъ, и я понялъ, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ и никогда не поймемъ другъ друга.

Ахъ, этотъ черный вѣтеръ революціи! Это онъ выгналъ меня изъ моей привычной норы на Пятой Линіи, это онъ заставилъ меня штурмовать теплушки, ночевать на заплеванныхъ вокзалахъ, съ опаской оглядываться по сторонамъ, бояться за свое бренное существованіе.

Впрочемъ, Степанъ не рѣшился продолжать разговоръ на такую скользкую тему съ мало знакомымъ человѣкомъ. Времена теперь такія, что всего надо опасаться.

— А вы что же сродственникомъ имъ будете, должанскимъ-то? — опять спросилъ онъ.

— Родственникомъ, — совралъ я — двоюроднымъ братомъ.

— Двоюроднымъ братомъ, — повторилъ онъ и хотя выговорилъ всѣ буквы, но слово у него прозвучало по иному, чѣмъ у меня, и я опять подумалъ, что мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

Нѣкоторое время онъ не возобновлялъ разговора, и я могъ спокойно смотрѣть по сторонамъ, любоваться бѣдной и печальной русской землей, дышать прохладнымъ утреннимъ воздухомъ, который напоминалъ мнѣ почему-то о дѣтствѣ, о тѣхъ временахъ, когда меня возили на дачу. Тогда я впервые началъ рисовать мѣловыми красками. Я вспомнилъ свои первыя попытки передать красоту міра.

Это была жалкая мазня, но такой же дѣтской мазней мнѣ показались и мои академическія картины, за которыя меня очень хвалили критики. Двадцать лѣтъ тому назадъ отецъ впервые подарилъ мнѣ первую коробочку дешевенькихъ красокъ — два десятка разноцвѣтныхъ квадратиковъ, въ которыхъ скоро появились ямочки съ корочками по краямъ, потому что кисточка была въ неопытныхъ рукахъ. Ее часто приходилось мыть въ стаканѣ съ водой, и вода дѣлалась то дымно-красной, то нѣжно-голубой. Почему-то мнѣ было пріятно вспоминать о дѣтскихъ вещахъ. Но мои мирныя воспоминанія были прерваны глухимъ громомъ съ той стороны, гдѣ остался фронтъ.

— Стрѣляютъ, все стрѣляютъ, — покачалъ головой Степанъ, — это все народные денежки на воздухъ пущаютъ. Разорится Россія.

А-ахъ! А-ахъ! — вздыхали вдали пушки.

— Стрѣляютъ, — повторилъ Степанъ.

Между тѣмъ, мы уже подъѣзжали къ какой-то деревушкѣ. Кругомъ лежали нескончаемыя поля, унылое сырое жнивье. На горизонтѣ голубѣла полоска далекихъ лѣсовъ. Когда мы подъѣхали поближе къ деревушкѣ, я увидѣлъ, что работа тамъ въ разгарѣ. На огуменкахъ шевелились люди. Надъ овинами курились дымки. По деревенской улицѣ медленно ползъ возъ сноповъ. Рядомъ шли два мужика въ зеленыхъ солдатскихъ рубахахъ. Но мы свернули въ сторону и снова затряслись по корявой сельской дорогѣ. Попрежнему на горизонтѣ голубѣли таинственные лѣса. Гдѣ-то тамъ, за этими лѣсами, витала ледяная прекрасная душа Елены.

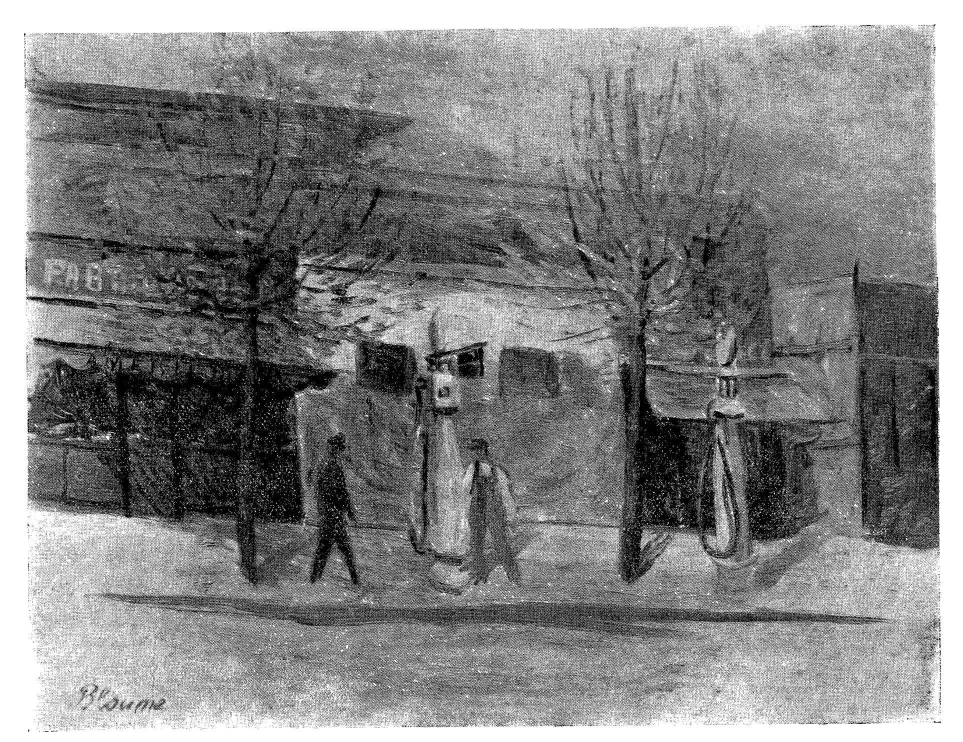
Все мое сознаніе было заполнено ею, точно она была рядомъ со мной. Мнѣ казалось, что я долженъ быть благодарнымъ Еленѣ уже за то только, что она существуетъ на свѣтѣ — такія сладкія легкія мысли вызывала она во мнѣ. А она жила за лѣсами и не знала, что я ѣду къ ней, чтобы сказать ей, что я не могу безъ нея жить. Я пріѣду и скажу: «я не могу безъ васъ жить» Сотни разъ я повторялъ эти слова, и отъ нихъ сердце наполнялось сладкой нѣжностью къ самому себѣ; о томъ, какъ отнесется Елена къ моему неожиданному появленію, я старался не думать. Мнѣ казалось, что самое главное, чтобы она узнала, что я ее люблю.

Я видѣлъ ее, какъ будто она была передъ моими глазами.

Вѣтеръ шевелилъ ея черное платье, въ которомъ она, обыкновенно приходила ко мнѣ съ сестрой на Пятую Линію, когда у меня собирались по вечерамъ студенты и художники. Она молчала во время самыхъ жаркихъ споровъ. Причинъ для споровъ было много. Жизнь кипѣла, какъ разворошенный муравейникъ. Однимъ революція казалась прекрасной, какъ греческая трагедія, другіе просто мечтали о хорошемъ правительствѣ. Я не зналъ, съ которыми изъ нихъ была Елена. Она была ничуть не глупѣе, чѣмъ ея шумливыя подруги, но какая-то женственность мѣшала ей спорить, утверждать свое мнѣніе, точно она предоставляла рѣшать положеніе вещей болѣе сильнымъ, чѣмъ она. Можетъ-быть, поэтому она всегда съ особеннымъ вниманіемъ слушала мужчинъ. Впрочемъ, я ничего о ней не зналъ Я зналъ только, что у нея молодое несильное воздушное тѣло, которое казалось мнѣ драгоцѣннымъ.

Елена очень нравилась мнѣ въ то время. Мнѣ было пріятно, что она приходила ко мнѣ, почти всегда со своей сестрой Александрой Александровной, веселой, но некрасивой барышней, у которой лицо было шире, чѣмъ лобъ, и которая въ противоположность сестрѣ была блондинкой. Съ Шурой можно было смѣяться и шалить, съ Еленой нужно было молчать. Было въ ней что-то такое, что заставляло выбирать слова въ разговорѣ съ нею.

Въ тѣ дни я чувствовалъ къ ней только грустную нѣжность, какую обыкновенно испытываютъ молодые люди къ хорошенькимъ, но суровымъ барышнямъ. Но теперь мнѣ казалось, что она необыкновенное существо, что она богиня, живущая среди варваровъ, которые не знаютъ, что ей нужно поклоняться. Она была богиня, очеловѣченная какимъ-то людскимъ недугомъ. Можетъ-быть, верхушки ея легкихъ были уже затронуты туберкулезомъ, и, можетъ-быть, поэтому у нея были такіе большіе глаза и несильное, точно прозрачное тѣло. Мнѣ казалось иногда, что только я одинъ сумѣлъ оцѣнить ея прелесть, и мнѣ было обидно, что она со мной даже болѣе сурова, чѣмъ съ другими. Только, когда Елена уѣзжала изъ Петербурга къ теткѣ, въ эти самые Должаны, куда теперь направлялся и я, она какъ-то особенно посмотрѣла на меня и просила меня не забывать ее. Къ ея словамъ я отнесся легкомысленно. На ея проводахъ я былъ даже особенно веселъ, потому что ея вниманіе поль-

М. Блюмъ. Пейзажъ

M. Bloume. Paysage.

Р. Пикельный. Солдаты. *R. Pikelny. Soldats.*

стило мнѣ, но послѣ ея отъѣзда я понялъ все. Тогда я понялъ, что люблю Елену.

Какъ меня тянуло на Церковную улицу посмотрѣть на домъ, въ которомъ она жила до отъѣзда въ Должаны, у подъѣзда котораго я говорилъ ей обычное «до свиданья». У меня не было ни ея карточки, ни единой строчки, написанной ея рукой. Даже наши общіе знакомые, съ которыми мнѣ было пріятно встрѣчаться, потому что съ ними можно было говорить вслухъ о Еленѣ, куда-то разъѣхались, разбѣжались въ разныя стороны. Я остался въ Петербургѣ одинъ, какъ перстъ. Зима была трудная и скучная, предстояли еще болѣе трудныя времена, и тогда я рѣшилъ уѣхать къ своимъ въ Ростовъ-на-Дону. Меня подкрѣпляла мысль, что по дорогѣ я могу увидѣть Елену. Я махнулъ рукой на работу въ Академіи, досталъ мифическую командировку раскапывать какіе-то скифскіе курганы, хотя самъ никакъ не могъ понять, кому нужны въ такое время скифскіе курганы, и отправился на югъ къ обильному бѣлому хлѣбу. Послѣ всякихъ приключеній я приближался къ своей цѣли. Должаны были уже недалеко.

Все время мы ѣхали проселочными дорогами — кратчайшимъ путемъ, какъ объяснилъ мнѣ Степанъ. Изрѣдка намъ попадались встрѣчныя подводы съ бабами и мужиками. Нѣкоторые изъ нихъ здоровались съ нами и провожали насъ любопытными взглядами. Однажды въ сторонѣ проѣхали всадники.

— Кто это? — спросилъ я.

— А кто ихъ знаетъ, — прищурился Степанъ, похоже, что казаки.

Всадники проѣхали и скоро скрылись за холмами. Справа все время доносились глухіе громы.

— Когда мимо насъ фронтъ проходилъ, — сказалъ Степанъ, — все поле за деревней изрыли; хорошо, что хлѣбъ во время убрали

— А страшно было? — спросилъ я.

— Не сладко, — согласился Степанъ. — Два дни сраженія продолжалась. Потомъ ушли.

Когда я собирался уѣзжать изъ Петербурга, фронтъ былъ еще далеко. Теперь онъ уже отрѣзалъ меня отъ Елены. На послѣдней

станціи — дальше шли только воинскіе поѣзда — я провелъ нѣсколько дней, не зная, что предпринять. Я ночевалъ въ теплушкѣ на запасныхъ путяхъ, бродилъ среди паутины рельсовыхъ путей, ходилъ за молокомъ въ сосѣднюю деревню, разговаривалъ съ красноармейцами. Нужно было переходить фронтъ, но я не зналъ, какъ это сдѣлать. Станція была запружена военнымъ людомъ. Въ станціонныхъ комнатахъ трещали телефонные звонки и стучали телеграфные аппараты. Все время проходили воинскіе эшелоны, теплушки съ солдатами, съ зарядными ящиками и повозками, прикрытыми брезентомъ. Вдали, около маленькаго лѣска, дымился сѣрый бронепоѣздъ, и днемъ можно было разглядѣть на немъ мотающійся на вѣтру красный флагъ. Иногда въ открытое окно теплушки неожиданно высовывалась розовая морда молодой лошади, точно поинтересовавшейся узнать, гдѣ она находится. Въ большихъ лилово-черныхъ глазахъ можно было ясно прочитать изумленіе.

По другую сторону вокзала находилась грязная, заваленная навозомъ площадь, и тянулся скучный, какъ долгая болѣзнь, поселокъ. Нѣсколько чайныхъ съ уцѣлѣвшими старорежимными вывѣсками были вѣчно набиты красноармейцами, которые пили тамъ чай, вынимая прямо изъ кармановъ грязные кусочки сахара. Иногда и я отправлялся въ поселокъ въ надеждѣ что-нибудь узнать о дорогѣ въ Должаны.

— Александръ Андреичъ! — окликнулъ кто-то меня.

Я обернулся съ нѣкоторымъ страхомъ, такъ странно было встрѣтить здѣсь знакомыхъ. За мною стоялъ Гребневъ, мой знакомый по Петербургу.

— Вы какими путями сюда попали? — спросилъ меня Гребневъ, сверкая зубами, какъ деревенская молодка.

— Да вотъ... командировка, — промямлилъ я. — А вы что же, воюете? — спросилъ я въ свою очередь.

— Да... мобилизовали, — показалъ онъ на кобуру.

Не сговариваясь, мы пошли въ сторону отъ поселка по дорогѣ, уходившей въ поля. Тамъ мы разговаривали болѣе откровенно, и все кончилось тѣмъ, что онъ далъ мнѣ адресъ своего родственника въ Н., откуда легче было перейти черезъ фронтъ, такъ какъ во-

енныя дѣйствія происходили главнымъ образомъ вдоль желѣзнодорожныхъ путей.

Наше путешествіе проходило безъ всякихъ приключеній. Степанъ дремалъ съ возжами въ рукахъ. Никто насъ не остановилъ, никто не спрашивалъ нашихъ документовъ, и было уже совсѣмъ темно, когда мы пріѣхали въ Дворницы — такъ называлась деревня, гдѣ жилъ Степанъ, и гдѣ мнѣ нужно было переночевать.

Кое-гдѣ свѣтились тусклыя окошки — мужики ужинали. Отъ этихъ окошекъ стало еще темнѣе на деревенской улицѣ. Иногда свѣтъ отражался въ широкихъ черныхъ лужахъ, по которымъ безстрашно ползла наша лошадь. Неожиданно откуда-то вынырнула кавалькада всадниковъ. Лужи весело захлюпали подъ копытами.

— Никакъ казаки? — удивился Степанъ, —а казаки и есть.

Хмурые всадники проѣхали мимо насъ. На ихъ шинеляхъ я увидѣлъ погоны. Я впервые видѣлъ добровольцевъ.

Между тѣмъ наша лошадка уже сворачивала на свой дворъ. На крыльцѣ избы, два окна которой тоже тускло свѣтились въ темнотѣ, стояла баба. Маленькій мальчикъ сбѣжалъ къ намъ навстрѣчу.

— Дождь-то тебя не захватилъ въ дорогѣ? — спросила баба вмѣсто привѣтствія.

— Не... — отвѣтилъ Степанъ, — никакого дождя и не было.

— А у насъ-то .. жаловалась баба, — цѣлый день лилъ, лилъ. Значитъ полосой прошелъ.

— А это кто же будетъ? — изумилась она, увидѣвъ, что Степанъ не одинъ.

— А вотъ гостя привезъ, отъ Ивана Петровича, — сказалъ Степанъ.

Баба низко мнѣ поклонилась.

— На прими, — передалъ Степанъ ей покупки.

— Идите въ хату, — предложилъ онъ мнѣ, — я только коня распрягу.

Въ избѣ все было готово къ ужину. На столѣ лежалъ каравай чернаго хлѣба, горка зеленыхъ огурцовъ и деревянныя ложки. На выступѣ печки стояла жестяная лампочка и наполняла комнату трепетнымъ полумракомъ. Хозяйка поставила на столъ миску дымящихся щей и хмуро сказала:

— Садитесь нашего ужина покушать!

Мнѣ очень хотѣлось ѣсть, но я стѣснялся ужинать у чужихъ людей и отказался:

— Спасибо, я не хочу.

— Чего тамъ, — точно угадавъ мои мысли, смягчила она голосъ, — у насъ вѣдь не покупное.

За ужиномъ Анна разсказала, что подъ вечеръ въ село пришли кадеты. Офицеры остановились у попа, а солдаты по избамъ, только съ другого края, за церковью. Въ тактъ ея пѣвучему разсказу, мухи кружились и гудѣли подъ потолкомъ.

— Скоро подохнутъ, — философически сказалъ Степанъ.

— Тять, а тять, — спросилъ мальчикъ, — а казаки убиваютъ мужиковъ?

— Зачѣмъ имъ мужиковъ убивать, они солдатъ убиваютъ, красныхъ.

— Неужто опять война будетъ! — ужаснулась баба.

Въ это время въ избу вошелъ рыжебородый рослый мужикъ.

— Хлѣбъ да соль, — сказалъ онъ, не снимая фуражки.

— Милости просимъ, — пригласилъ его Степанъ.

Но пришедшій и не подумалъ присѣсть къ столу, слова о хлѣбѣ-соли и приглашеніе Степана были только формулами деревенской вѣжливости.

— Что въ городѣ слышно? — спросилъ онъ и не ожидая отвѣта, точно заранѣе зналъ, что Степанъ ничего интереснаго разсказать ему не можетъ, прибавилъ:

— Говорятъ въ Кучаревѣ тоже кадеты стоятъ. Съ англицкими пушками. Должно, завтра опять пальба будетъ.

— Пропасти на нихъ нѣтъ, — вздохнула Анна.

У мальчика горѣли глаза.

— Конецъ пришелъ коммунѣ, — сказалъ рыжебородый, — Васька Мохинъ убѣгъ, боится казаковъ, говорятъ вѣшаютъ совѣтцкихъ.

— Вотъ я гостя изъ города привезъ, — перемѣнилъ разговоръ осторожный Степанъ, — отъ Ивана Петровича, въ Должаны ѣдутъ.

— Въ Должаны? — заинтересовался мужикъ. — Проѣзжалъ

я тамъ подъ Спасъ. Ѣду мимо усадьбы, гляжу, должанскія барышни картошку копаютъ. Симпатичныя барышни.

— Вы видѣли барышень? — набросился я на него.

— Картошку копали за усадьбой, — повторилъ мужикъ. Раньше-то этого не было: чужимъ горбомъ больши жили.

Мнѣ хотѣлось разспросить его подробно обо всемъ, какъ Елена и Шура выглядѣли, какъ онѣ были одѣты, но я сдержалъ себя, покоробленный рѣзкостью его разговора.

Елена копала картошку, какъ деревенская баба. Я представлялъ себѣ блеклыя грядки картофельной ботвы, слабыя руки Елены, и мое сердце наполнялось нѣжностью. Бѣдная Елена!

— Значитъ барышни здоровы? — все-таки спросилъ я.

— А чего имъ сдѣлается, равнодушно отвѣтилъ рыжебородый, — дѣвки здоровыя.

— По дѣлу какому ѣдите? — поинтересовался онъ.

— Я ихъ родственникъ, — опять совралъ я.

— Сродственникъ, — протянулъ мужикъ, и прибавилъ: — Ну, прощевайте, пойду коней посмотрю.

Мальчикъ уже спалъ на положенномъ прямо на полъ сѣнникѣ. По моей просьбѣ меня уложили спать не въ избѣ, а въ маленькой пунькѣ, гдѣ остро пахло свѣжимъ сѣномъ. Провожалъ меня туда Степанъ. Мы шли огородомъ, и какія-то таинственныя, нереальныя деревья шелестѣли въ сырой темнотѣ подъ каплями дождя.

— Не запалите мнѣ сѣно только, — сказалъ Степанъ и ушелъ.

Въ соломенную крышу мѣрно барабанилъ дождь. Подъ этотъ шорохъ у меня смыкались глаза.

Бабочка живетъ одинъ день. Нѣсколько часовъ эфемерной жизни и смерть. Поэтому у нихъ, какъ у ангеловъ, нѣтъ кишечника. Объ этомъ писалъ Яковъ Беме. Такія мысли приходили мнѣ въ голову, когда проснувшись я лежалъ на сѣнѣ и почему-то медлилъ вставать. Мнѣ было грустно, точно мой убогій ночлегъ напомнилъ мнѣ о бренности существованія, о превратностяхъ судьбы. Сіяли прекрасные глаза Елены. Дождь, очевидно, пересталъ. Въ щеляхъ между бревнами свѣтился день.

Первый, кого я встрѣтилъ, былъ маленькій Ваня.

— Сколько солдатовъ идутъ! — сказалъ онъ мнѣ, сжимая отъ волненія кулаченки.

— Какіе солдаты?

— А по деревнѣ идутъ.

За плетнемъ огорода я увидѣлъ проѣзжавшихъ всадниковъ. Деревья, показавшіяся вчера таинственными и прекрасными, оказались корявыми яблонями безъ плодовъ. На маслянистыхъ капустныхъ листахъ блестѣли, какъ брильянты, крупныя капли воды. Отсырѣвшая земля грядокъ чернѣла, какъ бархатъ. Стараясь не наступать на овощи, я пошелъ къ плетню.

По деревенской улицѣ двигался длинный рядъ крестьянскихъ подводъ. На телѣгахъ сидѣли солдаты съ черными погонами на плечахъ. Такіе-же черные погоны, но бархатные и съ бѣлыми звѣздочками, были и у офицеровъ. Солдаты были одѣты плохо, но кое-на комъ были френчи нерусскаго образца и фуражки съ чернымъ околышемъ и бѣлымъ верхомъ.

— Должно-быть, полкъ смерти, — подумалъ я. Я слышалъ, что у Деникина есть такіе полки.

Мимо тарахтѣла походная кухня. За нею двигалась артиллерія. Шестерки муловъ, хлопая въ тактъ шагу, ушами, тащили три или четыре пушки. Въ рессорной коляскѣ ѣхали два офицера. Одинъ изъ нихъ, съ длинной бѣлокурой бородой, и съ закрученными усами, напоминалъ мнѣ тѣхъ генераловъ, что сражались въ Тридцатилѣтнюю войну въ войскахъ Валленштейна на скудныхъ поляхъ протестантской Германіи. Вѣроятно, съ такимъ же любопытствомъ смотрѣли на проходившія войска какіе-нибудь вестфальскіе или бранденбургскіе мужики. Вѣроятно, такъ же бѣдно были одѣты ландскнехты императора и лигистовъ, и такія же соломенныя деревушки стояли на дорогахъ.

На Ворошилино идутъ, — объяснилъ мнѣ подошедшій Степанъ, — не знаю, какъ и доберетесь теперь.

Добровольцы сворачивали за церковью, синяя маковка которой виднѣлась на краю села за прозрачными березами. Видно было, какъ обозы поднимались въ гору и потомъ скрывались за холмами. На деревенской улицѣ снова стало тихо. Гдѣ-то поблизости пѣлъ пѣтухъ.

Я не могъ оставаться здѣсь, разъ цѣль была такъ близка. Произошло совѣщаніе со Степаномъ. Особенно цѣнные совѣты мнѣ давалъ тотъ мужикъ, что приходилъ наканунѣ за городскими новостями. Самымъ подробнымъ образомъ мнѣ разсказали о дорогѣ, объяснили, гдѣ надо переходить желѣзную дорогу, что говорить, если у меня будутъ спрашивать документы. Впервые въ своей жизни я узналъ, какіе хитрые люди наши мужики. Расчувствовавшись, я подарилъ Степану запасные брюки. Рыжебородый Федоръ тоже одобрилъ мой подарокъ:

— Матерьяльчикъ первый сортъ.

Я двинулся въ путь. Вдоль церковной ограды, за которой чернѣли сотни мокрыхъ крестовъ, я свернулъ на Каменское, какъ меня учили мужики. У какой-то избы на меня набросилась собака. Потомъ исчезли послѣднія овины и пуни, и я зашагалъ по проселочной дорогѣ, радуясь, что выглянуло солнце изъ-за молочныхъ облаковъ.

Кругомъ снова раскинулись поля, безлюдныя и сырыя. Только въ одномъ мѣстѣ унылый пейзажъ оживляло пестрое стадо коровъ, которое медленно брело по жнивью. Все это было такъ мирно, что не вѣрилось, что въ Россіи пылаетъ гражданская война. Непривычныя слова «гражданская война» напомнили мнѣ о Римѣ. Римъ тоже пылалъ гражданскими войнами, которыя мы изучали въ гимназіи какъ что-то скучное и чужое. Мнѣ стало грустно при мысли, что и всѣ наши грандіозныя событія умѣстятся на какихъ-нибудь двухъ-трехъ страницахъ растрепаннаго учебника въ сумкѣ будущаго школьника, который будетъ ненавидѣть насъ за туманныя и непонятныя событія и перепутаетъ имена и даты. И никто никогда не узнаетъ, что бѣдный художникъ въ это смутное и страшное время любилъ дѣвушку съ прекрасными глазами.

Дорога привела меня въ лѣсъ, сырой, пахнущій грибами. Въ тѣ дни начиналась осень. Прозрачныя осинки трепетали на вѣтру, точно зябкія барышни. Въ лѣсу было тихо, какъ въ церкви. Кое-гдѣ синѣли на кустахъ волчьи ягоды. Иногда попадались незнакомые розовые грибы на хрупкихъ ножкахъ. Дорога была размыта, приходилось обходить широкія лужи.

Мнѣ было очень хорошо при мысли, что сейчасъ я увижу Елену.

Пріятно было итти по незнакомой дорогѣ и дышать свѣжимъ, сырымъ воздухомъ. Можетъ-быть, такъ и нужно было жить: не писать скучныя картины, не читать книги, а бродить по деревенскимъ дорогамъ и каждый день ночевать на новомъ мѣстѣ.

Лѣсъ, очевидно, кончался. Стало свѣтлѣе, и вдругъ я услышалъ глухой, мѣрный шумъ.

— Поѣздъ, — подумалъ я, — желѣзнодорожное полотно.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ я уже могъ видѣть сѣрые телеграфные столбы, высокую насыпь пути и маленькій мостикъ съ желѣзными поручнями. Слѣва приближался поѣздъ, выпуская изъ трубы волюты бураго дыма. Помня наставленія рыжебородаго мужика, я остановился: поѣздъ могъ быть воинскимъ, а военные не любятъ, когда посторонніе люди шатаются на желѣзнодорожномъ полотнѣ. Поѣздъ — это былъ закованный въ сталь броневикъ — медленно проползъ мимо. Я могъ разсмотрѣть паровозъ, на которомъ былъ нарисованъ трехцвѣтный кругъ и какія-то слова славянской вязью, два сѣрыхъ вагона и блиндированную платформу съ огромнымъ, задравшимъ стволъ, орудіемъ. Впереди паровоза легко катилась обыкновенная платформа съ грудой шпалъ. Какой-то длинноногій человѣкъ беззаботно шагалъ по ней, и я видѣлъ, какъ онъ закурилъ папиросу.

Я подождалъ, пока поѣздъ не скрылся за поворотомъ въ рѣдкихъ деревьяхъ. Нѣкоторое время я еще слышалъ его грохотъ, потомъ все затихло, вѣроятно поѣздъ остановился. Тогда я рѣшилъ, что можно перейти линію. Тускло блестѣвшія рельсы убѣгали въ обѣ стороны двумя параллельными линіями и закруглялись вдали. Телеграфный столбъ, у котораго я задержался на минутку, музыкально гудѣлъ. Только теперь я замѣтилъ съ другой стороны пути маленькій кирпичный домикъ-сторожку. Босой человѣкъ въ синей рубахѣ стоялъ у насыпи, и, прикрывая глаза рукою, смотрѣлъ вслѣдъ ушедшему бронепоѣзду. Я направился къ домику, чтобы спросить о дорогѣ.

— Здравствуйте, — сказалъ я.

Сторожъ обернулся и не отвѣчая на мое привѣтствіе, подозрительно меня осмотрѣлъ. Его сѣрая бородка была аккуратно под-

стрижена и на большомъ носу перевивались красныя жилки, какъ у человѣка, который любитъ выпить.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ отсюда пройти на Должаны? — спросилъ я.

— Чего изволите? — переспросилъ онъ.

Я повторилъ свою просьбу.

— Да вотъ по этой дорогѣ и идите, все прямо, такъ и упретесь въ Должаны, — показалъ онъ рукой.

Я хотѣлъ уже продолжать свой путь, но сторожъ махнулъ рукой въ ту сторону, куда прошелъ поѣздъ, и сказалъ:

— Сейчасъ изъ пушки палить будутъ.

— Это бронепоѣздъ добровольцевъ? — спросилъ я.

— Ихній. Симеонъ Гордый.

— Развѣ фронтъ такъ близко? — удивился я.

— По ту сторону полустанка уже красный броневикъ ходитъ Роза Люксембургъ называется.

Въ это время за деревьями ахнулъ тяжелый выстрѣлъ, и многократное эхо покатилось по лѣсу.

— Такъ и есть, стрѣляютъ, — обрадовался сторожъ, что его предсказаніе исполнилось.

— Сейчасъ съ той стороны палить будутъ.

Точно въ подтвержденіе его словъ вдали прогремѣли два выстрѣла.

— Видите? — хитро подмигнулъ онъ глазомъ, — цѣлая баталія.

Снова загремѣло тяжелое орудіе «Симеона Гордаго». Сердце мое забилось учащенно. Мнѣ совсѣмъ не было страшно, но меня волновала романтическая простота этой дуэли. Противники, какъ двѣ стальныхъ черепахи, ползли навстрѣчу другъ другу, и я чувствовалъ зависть къ этимъ людямъ, которые умѣютъ стрѣлять изъ пушекъ. Мнѣ казалось, что очень уютно сидѣть за стальной броней и двигаться навстрѣчу врагу.

Я угостилъ сторожа папиросой и опять подумалъ, что пріятно встрѣчать простыхъ людей, курить съ ними и наблюдать жизнь. Мы прислушивались къ выстрѣламъ, и орудійные громы подчеркивали своимъ дыханіемъ красоту жизни. Думая о «Симеонѣ Гордомъ»,

я представлялъ себѣ скупого и хитраго московскаго князя, обнесенную тыномъ Москву и смутный лѣтописный разсказъ о свѣчѣ. Умирая, князь плакалъ и просилъ сыновей, чтобы эта свѣча не погасла. Роза Люксембургъ была, кажется, видной нѣмецкой коммунисткой, но когда я произносилъ ея имя, я представлялъ себѣ — слова всегда вызывали у меня посторонні ассоціаціи — цвѣтокъ въ рукахъ женщины и какое-то крошечное германское королевство, гдѣ стоятъ домики, крытые черепицей. Оно напоминало мнѣ также о легкомысленной опереткѣ, о пахнущемъ женскими духами театрѣ и о дирижерѣ, размахивающемъ руками надъ буйной пшеницей смычковъ. Его манжеты вылѣзаютъ изъ рукавовъ, развѣваются фалды фрака, а на сценѣ убогая роскошь полотняныхъ стѣнъ колышется отъ театральныхъ сквозняковъ.

— А-ахъ! А-ахъ! — вздыхали пушки.

— Шестидюймовое орудіе, — съ видомъ знатока сказалъ сторожъ.

По всему было видно, что стрѣльба его очень интересовала. Онъ очевидно научился относиться къ жизни, какъ къ очень занятному представленію.

— Когда здѣсь въ первый разъ фронтъ проходилъ,— продолжалъ онъ, точно сравнивая театральныя постановки, — вотъ это стрѣльба была! Ажъ въ ушахъ звенѣло! Одинъ снарядъ вонъ тамъ разорвался, за осинами. Можете посмотрѣть, яма аршина три глубины. Огромная сила.

— А вы не боялись, что вашу сторожку разнесутъ?

Вѣроятно, одного снаряда было бы довольно, чтобы эта кирпичная хисарка рухнула, какъ карточный домикъ.

— Казенный, — отвѣтилъ онъ. — А если и меня за одно убьютъ, то не велика бѣда, плакать по мнѣ некому — я вдовый, а сына на Карпатахъ убили въ шестнадцатомъ году. Артиллеристомъ былъ.

— Прямымъ сообщеніемъ къ нему и направлюсь, — печально улыбнулся онъ.

Выстрѣлы прекратились. Опять послышался глухой шумъ поѣзда. Очевидно, броневикъ продвигался впередъ.

— Такъ вы говорите, въ Должаны идете? — вспомнилъ ста-

рикъ о моемъ первомъ вопросѣ. Волненіе его улеглось. Теперь онъ уже могъ обратить на мою особу все свое вниманіе.

— Въ Должаны.

— Зачѣмъ же вы туда направляетесь, позвольте спросить? — недоумѣвая опять спросилъ онъ.

— Тамъ мои знакомые живутъ, — удовлетворилъ я его любопытство.

— Знакомые?

И неожиданно прибавилъ:

— Растащили мужички усадьбу-то. Ничего тамъ теперь не осталось.

— Какъ ничего не осталось? — задохнулся я, — что вы говорите.

— Да такъ ничего и не осталось. Кто кресельце, кто зеркало, такъ и разобрали все до послѣдней нитки.

— А гдѣ же... — я не зналъ, какъ назвать Олениныхъ, — гдѣ же дамы?

— Скрылись въ неизвѣстномъ направленіи, — махнулъ онъ рукой.

Это была обычная въ тѣ дни исторія. Сторожъ разсказалъ мнѣ, что у Олениныхъ во время боевыхъ дѣйствій остановился бѣлый разъѣздъ. Барышни поили офицеровъ чаемъ и объ этомъ кто-то донесъ, когда разъѣздъ удалился. Со станціи явился комиссаръ, чтобы арестовать контръ - революціонерокъ. Оленинымъ удалось скрыться, но послѣ ихъ отъѣзда сосѣдніе мужики разгромили оставленное безъ присмотра имѣніе. Были унесены даже рамы и двери. Куда скрылись помѣщицы, никто не зналъ.

— Что же мнѣ теперь дѣлать, — ухватился я за голову, — гдѣ же мнѣ ихъ искать? Вѣдь я къ нимъ изъ самаго Петрограда ѣхалъ, — взмолился я къ сторожу.

— Затрудняюсь вамъ это сказать, — отвѣтилъ старикъ.

Я сѣлъ на шпалы, груды которыхъ лежали около сторожки. На заборѣ висѣла красная рубаха, она отвлекала мои мысли отъ Елены. Я отвернулся, чтобы ничто не мѣшало мнѣ обдумать положеніе. Но думать было не о чемъ. Мы разстались съ Еленой, можетъ-быть, навсегда.

При этой мысли міръ показался мнѣ огромнымъ. Печальная музыка наполняла его — странное смѣшеніе нѣжныхъ вздоховъ, глухихъ урчаній и шума вѣтра. Въ тактъ этой смутной музыкѣ стучало мое сердце, слабѣя, теряя желаніе биться.

— Да вы не убивайтесь, — сказалъ сторожъ, — говорю вамъ, барышни скрылись, вмѣстѣ со старой барыней.

Куда же онѣ уѣхали, вы не можете мнѣ сказать? — спросилъ я.

— Я не знаю, я ихъ не спрашивалъ.

Тогда я рѣшилъ, что пойду въ Должаны. Можетъ-быть, кто-нибудь мнѣ скажетъ тамъ, куда уѣхали помѣщицы.

— Прощайте, — сказалъ я, — я пойду.

— Прощайте, — отвѣтилъ онъ равнодушно.

Но не успѣлъ я сдѣлать десяти шаговъ, какъ онъ меня окликнулъ:

— Постойте, постойте-ка на минутку!

Я остановился.

— Куда же вы идете?

— Въ Должаны.

— Да говорю вамъ, тамъ теперь ни души нѣтъ. Такъ вамъ мужики и скажутъ. Еще бока наломаютъ, очень просто.

Все-таки я направился въ Должаны. Такъ я шелъ среди полей Я никогда не думалъ, что Россія такая пустынная страна. Слѣва опять тянулся березовый рѣдкій лѣсъ. Но я уже не смотрѣлъ ни на что. Природа казалась мнѣ чужой и враждебной. Деревья казались мнѣ теперь нарисованными, какъ декорація къ какой-то печальной драмѣ, въ которой Елена играла первую роль. Поля и голубоватая линія горизонта были для меня теперь только непрочнымъ задникомъ: подуетъ вѣтеръ, и все закачается, рухнетъ, обратится въ пыль.

— Вотъ Должаны, — подумалъ я увидѣвъ за деревьями красную крышу и бревенчатыя строенія. Къ нимъ вела березовая аллея. Оттого, что березы были посажены рукой человѣка, у нихъ былъ какой-то особенно важный и умный видъ, точно онѣ знали для чего растутъ.

Небольшой деревянный домъ подъ высокой крышей зіялъ дырами черныхъ оконъ. Двери тоже были сняты съ петель. Кругомъ

стояла кладбищенская тишина. Ни одной телѣги въ сараѣ, ни одной курицы на дворѣ.

Я вошелъ въ домъ, гдѣ было холоднѣе, чѣмъ снаружи и сталъ ходить по комнатамъ. Онѣ были оклеены полосатыми обоями, кое-гдѣ споротыми съ потолка до пола. На нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ раньше висѣли картины и зеркала, остались болѣе яркіе прямоугольники. Въ одной изъ комнатъ на полу лежали черепки разбитой тарелки съ узенькимъ золотымъ ободкомъ. Въ другой — ворохъ старыхъ бумагъ въ углу. Это были длинные листы изъ счетоводныхъ книгъ съ записями расходовъ и сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Записи были сдѣланы чьей-то незнакомой рукой. Листы пожелтѣли, только вертикальныя линіи, которыми разграфляютъ конторскія книги, были розовы, какъ будто ихъ напечатали вчера. Больше ничего въ томъ домѣ, гдѣ жила Елена, не было. Ничего отъ нея не осталось.

Я кривилъ губы, надѣясь, что потекутъ слезы, и что такъ будетъ легче. Но слезы не текли. Я обнималъ воздухъ, потому что онъ напоминалъ мнѣ о тонкомъ тѣлѣ Елены. Но воздухъ ускользалъ изъ моихъ объятій. Міръ таялъ, какъ дымъ. Я цѣплялся за этотъ міръ руками, но онъ уходилъ отъ меня, какъ туманный и печальный сонъ.

Парижъ, 1930.

И. В. де МАНЦІАРЛИ

ПО АЗІИ

I

КОНГО-САНЪ — СТРАНА ФЕЙ

Когда попадаешь въ Корею, то не понимаешь заснулъ ли самъ, или на яву вошелъ въ чужой сонъ. Управляютъ страной вовсе не японцы, какъ это принято думать, а царствуютъ волшебная природа, драконы и феи Одухотворены холмы, водопады, горы, омуты, тѣни, шорохи, молчаніе, а человѣкъ — лишь блѣдный призракъ. Бродитъ онъ одѣтый въ дѣвственно-бѣлую кисею, куритъ и грезитъ, считая трудъ позорнымъ клеймомъ, несчастьемъ.

Было время, когда корейцы создавали прекрасныя произведенія искусства и были ревностно преданы своимъ вѣрованіямъ, но это было давно. — Теперь же религіозный пылъ исчезъ, несмотря на буддійское прошлое и новизну христіанства. Жива только эта странная, своеобразная, властная природа, живы «Алмазныя горы» — «Конго-Санъ».

Преданіе говоритъ, что двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ изъ Индіи пришли пятьдесятъ три буддійскихъ монаха въ Корею. Усталые, они рѣшили отдохнуть на вѣткахъ деревьевъ растущихъ по склонамъ горъ. Но этого драконы не могли допустить и возмущенные приказали немедленно покинуть ихъ владѣнія. Монахи на это отвѣтили, что Господь Будда повелѣлъ имъ придти сюда и что ослушаться его приказа они не смѣютъ. Разъяренныя змѣи хотѣли уже наброситься на нихъ, когда поднялась буря, подулъ сильный вѣтеръ, заколыхались горы, расщепились скалы, попадали деревья Когда же буря улеглась, драконы увидали, что монахи попрежнему сидѣли спокойно на вѣткахъ березы Пришлось сдаться, побѣдили буддійскіе послы. Змѣи уползли въ ущелья и оттуда стали наблюдать за событіями.

Иноки горячо принялись за постройку монастырей, появились тысячи ревностныхъ монаховъ и монахинь, застучали молотки, заскрипѣли пилы, читались молитвы, звонили колокола. Время прохо-

дило. иноки умирали, монастыри пустѣли, сады заростали, природа неустанно плела свои узоры. Выползли драконы изъ щелей, въ нихъ снова стали вѣрить и служили имъ колдуны-шаманы. И среди двадцати миллiоновъ жителей гораздо больше суевѣрныхъ примитивныхъ шаманистовъ нежели христiанъ и буддистовъ. Но всѣ они мирно ладятъ. Ритмъ страны обходится безъ религiи. Къ чему она ей? Развѣ только, чтобы утѣшить батраковъ, вынужденныхъ работать и взваливающихъ такія ноши себѣ на спину, что удивляешься, почему они не переносятъ цѣликомъ домовъ. Но ихъ утѣшаетъ ворожба шамановъ, сулящая кисейное одѣянiе и непрерывное куренье, больше же имъ ничего не надо.

Кучка утонченныхъ «диллетантовъ» увлекается конфуцiанствомъ и тонкостями китайскихъ классиковъ. Болѣе живому элементу недовольство японскимъ правительствомъ предоставляетъ возможность стать революцiонерами.

Всѣ довольны, и равнодушны къ идеямъ нирваны или братской любви. Алмазныя горы сiяютъ.

Внѣ Конго-Санъ, на побережьи — ради собственнаго удовлетворенiя — японцами и христiанскими миссiонерами создано подобiе современной жизни. Построены школы, больницы, церкви, гостинницы, общественныя зданiя, желѣзная дорога. Но утомленнаго отъ благъ западной цивилизацiи не это прельститъ. Очаруетъ его то, что есть еще на землѣ уголокъ, куда эти блага не проникли.

Подъ вечеръ тамъ мѣняются тѣни и горятъ камни, какъ въ переливчатомъ хвостѣ громаднаго павлина. Одиночество не нарушается людьми. Дорогъ нѣтъ. Прозрачность воздуха, звуки и ароматы принадлежатъ какому то иному мiру и оправдываютъ «лѣтнее» имя — данное этимъ волшебнымъ горамъ: «Страна фей».

II

АНГКОРЪ.

Когда то Грецiя была покрыта лѣсами и Апеннины зеленѣли кущами, фабричныя трубы не росли на лугахъ и водопады свободно прыгали съ камня на камень. Но несмотря на это посягатель-

ство человѣка, природа сильнѣе его. Она уступаетъ ему въ активной борьбѣ, но какъ только послѣдняя прерывается, начинается терпѣливое ея наступленіе, кончающееся побѣдой. Ей только нужно предоставить время и она залѣчитъ свои раны и снова станетъ дѣвственной.

Въ Ангкорѣ джунгли овладѣли городами, заткали крѣпости, храмы, дворцы, заплели ихъ корнями, укрыли листьями, разукрасили цвѣтами И только долгими неустанными усиліями, людямъ удалось освободить развалины изъ объятій природы.

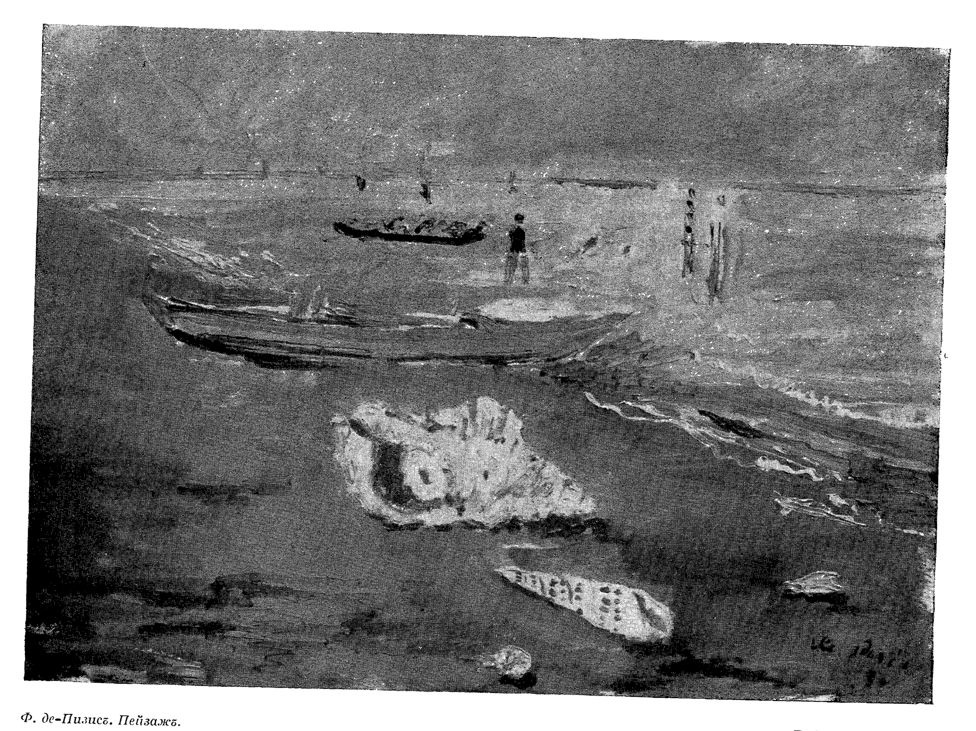
Въ началѣ нашей эры индусскіе эмигранты основали въ Индо-Китаѣ, южнѣе Пномъ-Пенха Фуанское государство, вассаломъ котораго являлась страна, теперь называемая Камбоджой. Но въ шестомъ вѣкѣ, Кхмеры — древніе жители Камбоджи, свергли и освободились отъ индусскаго ига. Съ этого времени, съ постройки кхмерскихъ городовъ, и начинается исторія несчастнаго народа, которая хотя и не лишена величія и славы, но главнымъ образомъ состоитъ изъ ряда непрерывныхъ пораженій, непрерывныхъ войнъ съ сосѣдями Чамсами, Таисами, Сіамцами и Лаосянами. Кхмеровъ постоянно грабили, на нихъ нападали и только теперь въ Камбоджѣ перестали воевать.

Развалины Ангкора передаютъ намъ эту печальную исторію. Когда то короли-строители подъ индусскимъ вліяніемъ возводили дворцы и храмы во славу небесныхъ предковъ и боговъ. Барельефы Багіона изображаютъ простоту нравовъ той первоначальной эпохи когда король жилъ со своимъ народомъ и дѣлилъ съ нимъ радость и печаль, вмѣстѣ съ нимъ трудился и развлекался, но понемногу жизнь осложнялась и приводила къ созданію роскошнаго двора, съ арміей придворныхъ танцовщицъ. Стѣны Ангкоръ-Вата покрыты изображеніями ихъ граціозныхъ позъ. Роскошь постепенно подготовляла періодъ упадка, которымъ въ тринадцатомъ столѣтіи кончается исторія кхмеровъ.

Можетъ казаться, что современная Камбоджа потеряла всякую связь съ похороненнымъ въ джунгляхъ кхмерскимъ прошлымъ. Однако, черезъ всѣ эти вѣка блестящей, крѣпкой, золотой нитью тянется выдерживающая всѣ бѣдствія, традиція хореографическаго искусства. Теперь — какъ и встарь — священные танцы исполня-

Ф. де-Пизисъ. Цвѣты. *F. de-Pisis. Fleurs.*

Ф. де-Пизисъ. Пейзажъ.

F. de-Pisis. Paysage

ются королевскимъ балетомъ и танцовщицы похожи на небесныхъ Апсаръ, какъ и въ славные дни — Ангкоръ-Вата.

Но не всякому удается увидать придворный балетъ короля Сизовата въ Пномъ-Пенхѣ. И на утѣшеніе туристовъ посѣщающихъ Ангкоръ, восемь деревенскихъ красавицъ изображаютъ королевскій балетъ.

Туристъ всегда сумѣетъ вызвать поддѣлку и теперь всѣ любопытные могутъ насладиться приманкой — спектаклемъ. Въ тихій вечеръ передъ дворцомъ въ кругу, освѣщенномъ факелами подвизаются ангкорскія танцовщицы. Все не такъ, какъ должно бы было быть: танцы перестали быть священными, оскверненныя присутствіемъ варваровъ, площадь не подобающее мѣсто, число балеринъ — не достаточное. Но туристамъ не до подлинности.

И всетаки, даже сознавая все это, поддаешься очарованію почти исчезнувшей красоты. Звѣздное небо надъ головой, очертанія величественнаго дворца, странная музыка необычныхъ инструментовъ, все это создаетъ настроеніе, которое вводитъ человѣка въ легенды, передаваемыя движеніями гибкихъ рукъ и стройныхъ тѣлъ. Передъ зрителями появляется доблестный Рама и супруга его Сита, а также и богъ грома и богиня дождя и трогаютъ отблескомъ красоты, которую когда то воплощали.

Отличительной чертой кхмеровъ навѣрно является ихъ любовь къ декоративности. О ней свидѣтельствуютъ четвероликая богиня Брахмы, змѣиный островъ, терраса прокаженнаго короля, аллея великановъ, и балетъ. Объясняется эта «декоративность» можетъ быть тѣмъ, что Камбоджа — мѣсто встрѣчъ арійцевъ съ монголами. Индусы привезли свою традицію народу другого склада. Вѣроятно кхмерамъ ихъ внѣшняя цивилизація была понятнѣе, чѣмъ мистическая и философская сторона индуизма, а также могущество земного правителя вдохновляло больше, чѣмъ небесныя силы боговъ. Монгольское мышленіе передавало конкретно арійскую абстракцію. Божественныя апсары превращались въ балеринъ.

Въ ангкорскихъ развалинахъ живетъ сумасшедшій. На головѣ у него высокая бумажная корона, украшенная цвѣтами и пестрыми лоскутами, поступь у него царская — онъ мнитъ себя королемъ

Ангкора. Во время исполненія балета онъ сидѣлъ въ первомъ ряду и внимательно слѣдилъ за представленіемъ. Присутствіе безумца придавало достоинство всему собранію и превращало дешевую приманку въ нѣчто подлинное, цѣнное. Казалось, что именно тутъ, именно деревенскими танцовщицами, именно такъ должны исполняться древніе танцы и что сумасшедшій на самомъ дѣлѣ король.

Р. ПИКЕЛЬНЫЙ

ИДИЛЛИИ И АНЕКДОТЫ

СОБРЪ

Привычку забѣгать въ рестораны, будто бы разыскивая воображаемаго пріятеля; привычку топтаться на вокзалахъ въ ожиданіи нѣкоторыхъ поѣздовъ, безо всякой надежды найти среди пріѣзжающихъ хотя-бы самаго никудышнаго знакомаго, — Собръ унаслѣдовалъ отъ матери, которая часами перебирала въ магазинахъ никому ненужныя вещи, морочила продавцовъ или продавщицъ разспросами о качествахъ и цѣнахъ, — ничего не покупала и прижимая къ груди, ею же принесенные, бутафорскіе пакеты, уходила съ обѣщаніемъ зайти — «какъ-нибудь въ другой разъ»... Продавцы и продавщицы ненавидѣли ее, — что не мѣшало старушкѣ считать себя милой и обаятельной женщиной, такъ же какъ равнодушіе посѣтителей людныхъ мѣстъ не мѣшало Собру считать себя неотразимымъ.

Сознаніе неотразимости дѣлало лицо Собра надменнымъ и пренебрежительнымъ, голосъ фальшивымъ (хотя онъ и рѣдко пользовался имъ: дома за него говорила мать, а внѣ дома ему не съ кѣмъ было разговаривать), походку важной и кокетливой, похожей на походку кинематографическихъ «джентльменовъ» и людей озабоченныхъ необходимостью имѣть какъ можно болѣе кредитоспособный видъ... Жесты Собра казались тоже не совсѣмъ осмысленными, — (когда онъ протягивалъ руку къ прибору, у него не было желанія взять вилку или ножъ, онъ протягивалъ руку просто «такъ», — «изъ любви къ искусству» и лишь потомъ замѣчалъ, что даннымъ движеніемъ руки удобнѣе всего, пожалуй, взять вилку или ножъ).

Одѣвался онъ скромно, вѣрнѣе, думалъ, что одѣвается скромно. «Истинная добродѣтель элегантнаго человѣка — стремленіе та-

ковымъ не казаться», часто повторялъ Собръ, явно не понимая, что скромность его одежды выходитъ за предѣлы скромности, за тѣ предѣлы, гдѣ соприкасаясь съ бѣдностью, уже не скромность а пародія на скромность, [illegible] становится чѣмъ-то весьма необоснованнымъ и претенціознымъ...

Мать Собра, вмѣсто платья, пальто, шубы и кое-чего изъ бѣлья носившая ту-же, приспособленную подъ «капъ» кучерскую крылатку, во всемъ, что касалось элегантности и хорошаго тона раздѣляла взгляды сына; впрочемъ она и во всемъ остальномъ соглашалась съ нимъ, обладая при крайней словоохотливости рѣдкимъ даромъ не спорить и не возражать. О чемъ бы они ни бесѣдовали, разговоръ неизмѣнно кончался прилагательными: «очаровательно», «прелестно» или «восхитительно».

Не зная ни греческаго, ни латыни, Собръ покупалъ, правда рѣдко и по случаю, только книги древнихъ авторовъ, читалъ онъ русскія или нѣмецкія предисловія къ нимъ, при чемъ, если авторъ предисловія находилъ нужнымъ перевести какую-нибудь фразу стариннаго текста, — чувствовалъ себя обиженнымъ, усматривая въ этомъ недовѣріе и неуваженіе къ читателю.

Иногда онъ сочинялъ афоризмы вродѣ слѣдующихъ: «У женщины никогда не хватаетъ такта «бросить» первой или «Искусство — домъ, въ немъ живутъ люди, которымъ негдѣ жить». Искусствомъ Собръ, конечно, не занимался, относясь свысока къ людямъ подверженнымъ этой слабости, а о женщинахъ имѣлъ весьма туманное представленіе, такъ какъ былъ невиннымъ.

Домъ «Собровъ» состоялъ изъ двѣнадцати комнатъ, но принимая во вниманіе, что комнаты были пустыми — мебель пришлось продать — самой жилой частью дома являлся балконъ...

Изъ-за отсутствія мебели, изъ-за одинаково печальнаго вида всѣхъ двѣнадцати комнатъ, располагать ими можно было произвольно. Одно время компасомъ въ опредѣленіи той или другой комнаты служили пятна на обояхъ (— авторъ имѣетъ въ виду пятна, которыя оставляютъ на стѣнахъ шкафы, этажерки, картины и прочее...), но, увы, слѣды вещей еще менѣе долговѣчны, чѣмъ сами вещи и

случаи, когда ничего не подозрѣвая, Собръ одѣвался въ гостиной, а старушка готовила обѣдъ въ библіотекѣ, были довольно частыми.

Единственное оставшееся въ домѣ безногое кресло, — кажется, «ампиръ» — лишь урывками исполняло свои природныя обязанности, превращаясь то въ умывальникъ, то въ ночной столикъ, смотря по надобности и предполагаемому назначенію комнаты, въ которой находилось. — Мыться и спать въ той же комнатѣ, владѣльцы кресла считали позоромъ и независимо отъ условностей домашней географіи, у матери Собра были свои: спальня, гостиная и кабинетъ, а у Собра свои... Уборныя у нихъ были тоже разныя, но полотенце и гребень общіе.

По вечерамъ они сидѣли въ темнотѣ, изрѣдка напоминая другъ другу, что это благотворно отражается на зрѣніи. Окна изъ застѣнчивости, даже въ жаркіе дни открывали неохотно, а каминовъ не растапливали никогда. Зимой поэтому Собръ внимательно разглядывалъ цвѣтныя открытки съ видами тропическихъ лѣсовъ, а лѣтомъ гравюры, изображавшія льдины, бѣлыхъ медвѣдей и нѣчто вродѣ сѣвернаго сіянія.

Онъ неоднократно предлагалъ матери «полюбоваться» открытками или гравюрами, но та почти всегда отвѣчала — «спасибо, мнѣ не холодно» или «спасибо, мнѣ не жарко». Отказъ по другой, не «погодной» причинѣ могъ обидѣть сына; мать не хотѣла этого, несмотря на то, что предлагаемое средство борьбы со стихіями ей казалось обиднымъ и унизительнымъ.

Вообще она несравненно мужественнѣе переносила лишенія и потомъ, когда Собръ, вынужденный отказаться отъ нѣкоторыхъ привычекъ загрустилъ и даже пересталъ бриться — старушка, въ свою очередь, вынужденная отказаться отъ прежнихъ «занятій» — сразу же замѣнила ихъ новыми. — — —

Это случилось вскорѣ послѣ пропажи ключа отъ входной двери.

Недѣлю Собръ съ матерью шарили по дому. Къ сожалѣнію, тщетно, ибо на восьмой день поисковъ обвалился потолокъ въ передней и мѣстонахожденіе ключа стало совершенно безразличнымъ.

Не желая пользоваться чернымъ ходомъ, Собръ предпочелъ

совсѣмъ не выходить изъ дому, а старушка, — она еще до пропажи ключа перестала посѣщать магазины, такъ какъ не могла вспомнить гдѣ именно выронила одинъ изъ своихъ бутафорскихъ пакетовъ, но отлично помнила, какъ пакетъ разорвался и какъ изъ него, къ явному удовольствiю приказчика, посыпались стружки и обрывки газетъ... — старушка рѣшила выходить изъ дому не раньше девяти, десяти вечера, предварительно измѣнивъ до неузнаваемости свою внѣшность. —

Прежде чѣмъ отправиться въ городъ, Анна-Амалiя-Амедея-Тереза фонъ Крауссъ (такъ звали мать Собра) — наряжалась грабителемъ: заматывала вокругъ шеи красный платокъ, прятала подъ картузомъ волосы и въ старомъ, обтрепанномъ костюмѣ покойнаго мужа, неумѣло подражая ухваткамъ театральныхъ жуликовъ, будто бы крадучись — вылѣзала черезъ окно на улицу и такимъ же образомъ проникала обратно въ домъ.

Мечта быть ограбленной всегда волновала старушку, хотя она отлично знала, что если воры и заберутся къ ней, то развѣ только изъ желанiя польстить...

Вслѣдъ за потолкомъ передней, обвалились уборныя. Немногимъ позднѣе испортился водопроводъ, а еще черезъ нѣкоторое время, когда рухнули балконъ, гостиная и столовая, когда засыпанные обломками корридоры стали непроходимыми, Анна-Амалiя-Амедея-Тереза робко постучалась къ сыну и краснѣя отъ стыда, съ дѣланной небрежностью сказала:

— У меня въ спальнѣ страшный безпорядокъ. Надѣюсь, ты позволишь мнѣ прилечь здѣсь въ кабинетѣ...

Сынъ позволилъ... — Мѣсяца черезъ два кабинетъ и ему замѣнилъ спальню. Съ этимъ трудно было мириться и (—это было въ четвергъ) — разглядывая, какъ всегда въ сумерки, альбомъ съ фотографiями родственниковъ, онъ впервые почувствовалъ тошноту отъ благообразiя и самодовольства улыбавшихся на фотографiяхъ лицъ. Мать, знавшая о прежнемъ величiи семьи лишь по наслышкѣ, дѣлала невозможное для того, чтобы говорить больше обычнаго, но Собръ обнаружилъ неожиданную пытливость и несоотвѣтствiе

ея разсказовъ съ датами и дѣйствительностью становилось слишкомъ очевиднымъ.

Отправляясь въ тотъ вечеръ на очередную «воровскую вылазку», старушка поскользнулась и упавъ на мостовую сильно повредила грудь.

Собръ, наблюдавшій за матерью изнутри дома — ахнулъ, выскочилъ черезъ окно на улицу и наклонившись къ несчастной — спросилъ:

— Доктора?!..

— Нѣтъ, полицейскаго!! — отвѣтила та, можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ обманутая своимъ одѣяніемъ, можетъ-быть надѣясь обмануть имъ сына, а можетъ-быть просто увѣренная въ томъ, что сынъ все равно не послушается ее...

Минуты, въ теченіе которыхъ Собръ растерянно сжималъ руки матери, не зная, что дѣлать и какъ помочь ей — были по-истинѣ героическими.

— Твой отецъ былъ жгучимъ брюнетомъ, въ послѣдній разъ лгала Анна-Амалія-Амедея-Тереза, кромѣ того онъ былъ добрымъ и красивымъ человѣкомъ. Ты знаешь, что благородство и пріятная наружность вызываютъ зависть у людей, лишенныхъ этихъ качествъ. — «Добродѣтели и пороки — основа мірового равновѣсія», говорилъ покойный, возвращаясь чуть-ли не ежедневно съ дуэли. Однако, будучи образцовымъ стрѣлкомъ и фехтовальщикомъ — онъ умеръ не отъ пули и не отъ шпаги противника, а отъ тифа. Ты долженъ свято чтить память отца и по мѣрѣ силъ и возможностей слѣдовать его примѣру... не въ выборѣ кончины, разумѣется, которая была очень мучительной...

Послѣ смерти матери, все свободное отъ воспоминаній время Собръ посвящалъ поискамъ новаго убѣжища. Свободнаго времени оставалось мало... и онъ вскорѣ отказался отъ заранѣе обреченныхъ на неудачу хлопотъ. Къ тому же необходимость разговаривать съ чужими людьми, ихъ манера торопливо кивать головой, въ отвѣтъ на его вѣжливые поклоны и изысканные (какъ онъ полагалъ) вопросы, поселили въ немъ любовь къ одиночеству. Столь милыя раньше людныя мѣста казались теперь периферіей ада: рестораны

пугали, вокзалы и улицы внушали отвращеніе и Собръ, конечно, не покидалъ бы родного дома, если бы родной домъ, вѣрнѣе, связанное съ «роднымъ домомъ» понятіе не превратилось въ груду развалинъ.

Уцѣлѣла только, нѣкогда предназначенная для гостей, «желтая комната». Старушка считала ее неприкосновенной и это была единственная въ домѣ комната, начинка которой (мебель и проч.) осталась нетронутой.

Собръ хотѣлъ сохранить «желтую комнату» въ прежнемъ, цѣломудренномъ видѣ. Проводя ночи подъ дождемъ, продрогшій, усталый — онъ посѣщалъ роковую комнату на правахъ хозяина — до того дня, когда изнемогая отъ желанія стать собственнымъ гостемъ, понялъ, что борется съ неизбѣжностью.

«Въ борьбѣ человѣка съ неизбѣжностью всегда побѣждаетъ неизбѣжность»... — Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и, подумавъ немного, рѣшилъ, что лучше, пожалуй, будетъ сказать не «Въ борьбѣ человѣка съ неизбѣжностью», и т. д., а — «Съ неизбѣжностью можно бороться до тѣхъ поръ пока она не побѣждаетъ». Записавъ сказанное, помѣтивъ записанное номеромъ (сто двадцать шестымъ), онъ вырвалъ изъ записной книжки листъ со своими адресомъ, именемъ и фамиліей, не безъ основанія полагая, что обитателю «желтой комнаты» таковые не нужны. —

— Ему нужно другое! — воскликнулъ Собръ и побѣжалъ къ старьевщику, которому въ обмѣнъ за колоніальную каску и подробную карту Африки отдалъ пальто, палку, перчатки и галстукъ.

Разглядывая потомъ рыжіе обои, желтые съ соломенными сидѣніями стулья, желтые-же шкафъ, диванъ и кровь, Собръ, то-есть уже не Собръ, сынъ Анны-Амаліи-Амедеи-Терезы фонъ Крауссъ и благороднаго брюнета, а Собръ — анонимъ думалъ о судьбѣ анонимовъ... На полу, тоже желтомъ (комната недаромъ получила свое названіе) лежали два ковра: одинъ — большой, песчаннаго цвѣта, а другой маленькій — голубого. Въ этой обитаемой пустынѣ послѣдній замѣнялъ небо и оазисъ!...

Возможность сравнивать свою судьбу съ судьбой другихъ обитателей пустыни, съ судьбой другихъ умирающихъ отъ жажды

анонимовъ, казалась Собру малоутѣшительной, но предполагая, подобно имъ, умереть отъ жажды, онъ добросовѣстно мечталъ о термосѣ или, хотя-бы, о бутылкѣ, наполненной водой.

ПЕРВЫЙ ПТИЧІЙ СВЯТОЙ НАРЦИСЪ — ЕЛЕНА

— Скромно прислонившись къ дереву Нарцисъ—Елена смотрѣлъ на часы и на людей, кормившихъ птицъ.

— Часы изображали полдень, а люди, кормившіе птицъ, бросали на траву крошки хлѣба, послѣ чего уходили, каждый по своимъ дѣламъ.

— Въ половинѣ перваго птицы садились на дерево, подъ которымъ стоялъ Нарцисъ-Елена, и обращаясь къ птицамъ, будущій святой говорилъ:

— «Прошу васъ не торопиться».

— Тогда птицы медленно, одна за другой, пролетали надъ головой Нарциса и роняли пометъ ему на шляпу.

— Шляпа Нарциса была сплошь покрыта птичьимъ пометомъ, однако птицы не ошибались... — у каждой было свое излюбленное, принадлежавшее ей мѣсто.

Ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, Нарцисъ приходилъ къ птицамъ; ежедневно смотрѣлъ на часы, ждалъ подъ деревомъ, просилъ «не торопиться» и т. д.. Но, однажды, когда птицы, по обыкновенію, размѣстились на (названномъ впослѣдствіи именемъ святого) деревѣ — Нарциса подъ нимъ не оказалось.

— Предчувствуя бѣду, птицы взволнованно шептались до поздняго вечера — ни одна изъ нихъ въ тотъ день не измѣнила старой, широкополой шляпѣ...

— На слѣдующее утро птицы получили письмо:

— «Я боленъ и не могу придти къ Вамъ, но шляпа лежитъ на подоконникѣ.

Вашъ Н.-Е.»

— Къ письму былъ приложенъ адресъ и какъ раньше — между половиной перваго и часомъ, на шляпу Нарциса, вмѣстѣ съ .... прежнимъ падали мелкія птичьи слезы.

— Болѣзнь оказалась смертельной и черезъ мѣсяцъ Нарцисъ умеръ.

— Птицы помогли ему взобраться на небо и съ пѣніемъ проводили въ лучшій Птичій Рай, гдѣ Нарцисъ-Елена получилъ званье Перваго Птичьяго Святого.

. . . .

Шляпа Нарциса до сихъ поръ хранится въ птичьемъ музеѣ, подъ стекляннымъ колпакомъ. Нѣкоторыя старыя птицы еще и теперь узнаютъ свои слѣды на шляпѣ святого. Многія, пользовавшіяся шляпой, птицы, умерли, но дѣти ихъ, прилетаютъ по воскресеньямъ въ музей, подолгу кружатся надъ стеклянным колпакомъ и жалѣютъ, что Первый Птичій Святой Нарцисъ-Елена не оставилъ наслѣдниковъ.

ВО СНѢ

Булонскій лѣсъ. Гуляю въ обществѣ пожилого господина, который говоритъ и вздыхаетъ съ невѣроятнымъ еврейскимъ акцентомъ. Мимо насъ почти безшумно проносится великолѣпная рыжая лошадь. Лошадь такъ хороша, я такъ восхищенъ ею, что не сразу замѣчаю спину и затылокъ наѣздника.

Наѣздника я замѣчаю потомъ, вдалекѣ, когда пожилой господинъ шопотомъ, чуть ли не «на ухо», говоритъ:

— Это Ротшильдъ...

Увы, несмотря на то, что лошадь и Ротшильдъ (если это въ самомъ дѣлѣ онъ) находятся на большомъ отъ насъ разстояніи и услышать сказаннаго все равно не могутъ, шопотъ пожилого господина вовсе не удивляетъ меня. — Болѣе того:

— Вы увѣрены?... также шопотомъ спрашиваю я, хотя лошади и наѣздника теперь уже совсѣмъ не видно.

(Такіе сны видятъ только люди, постоянно нуждающіеся въ деньгахъ. Я, конечно, не видѣлъ этого сна, mais c'est tout comme...).

ЮРІЙ ФЕЛЬЗЕНЪ

ПИСЬМА О ЛЕРМОНТОВѢ

письмо шестое

Я часто думаю, почему у меня потребность (какъ въ предыдущемъ письмѣ — хочу надѣяться, что вы внимательно его прочли, а если нѣтъ, не смѣйтесь надъ напраснымъ моимъ упорствомъ) — потребность непремѣнно что-то снижать, въ чемъ-то стараться разувѣрить, отказываться отъ чьего-то возвышающаго, обожествляемаго примѣра — при этомъ въ себѣ не ощущаю злорадства, разрушительныхъ усилій, жестокости, наоборотъ, я настроенъ грустно до безнадежности, и къ безнадежности моей примѣшивается скорѣе ужъ творческій вздымающій полетъ. Подобный отказъ отъ всякой, хоть немного сомнительной высоты, отъ пророческихъ утвержденій о неизвѣстномъ, отъ игры въ чужую или свою славу, всегда легкомысленной и самодовольной (не лично, а какъ-то за человѣчество самодовольной — что люди могутъ даже и на землѣ быть вѣчными и эту вѣчность словно бы дарить и принимать), такое тусклое, суровое «terre à terre» — свойство нашего поколѣнія, одного изъ самыхъ несчастливыхъ и пожалуй одного изъ самыхъ скромныхъ. Никогда еще не было такой неоспоримо-ненужной войны, такъ явно показавшей разницу между крикливыми восклицаніями и горькой, безжалостно - обрушивающейся дѣйствительностью и, быть-можетъ, еще показавшей, насколько просто и точно — безъ пріукрашиванія — каждому надо разбираться въ обстановкѣ и въ ней себѣ давать (иначе — смерть) ясный и вѣрный отчетъ. Война же обнаружила, до чего мы заброшены, одни на землѣ, до чего нельзя надѣяться ни на какую «потустороннюю» помощь и что единственное у насъ утѣшеніе — какъ у погибающихъ на плоту среди бури — другъ къ другу тѣсно прижаться, передавая свое тепло, благодарно принявъ чужое, и въ этой близости, въ сознаніи одинаковой у всѣхъ бѣдности, одиночества, безпомощности, вмѣстѣ ожидать неизбѣжнаго скораго конца.

Нашему поколѣнію не осталось ничего, кромѣ правдивой, без-

цѣльно-любознательной скромности, кромѣ присматриванія къ жизни и къ міру безъ надежды его понять, кромѣ честныхъ и скудныхъ словъ (отъ безотвѣтственнаго хвастливаго блеска насъ отучила не только война, но и непріятно-громкіе «отцы», за которыхъ уже передъ войной, вѣроятно, многимъ бывало стыдно), мы научились молчать, не считая неловкими паузы и не стараясь искусственно ихъ заполнить, мы умѣемъ обходиться безъ вступленій, по возможности ухватываемся за самую суть вещей, и если она проста и бѣдна, ничего отъ себя не прибавляемъ, и все это не упрощеніе, а очищеніе. Вотъ почему — безпощадные къ себѣ — мы, не раскаиваясь, уничтожаемъ то самое, что спасительно другимъ помогало, что могло бы и намъ помочь: мы вынуждены безстрашно противоположить «слѣпое счастіе» и «зрячее горе», выбрать «горе» и не бояться его навязывать — повидимому, такова именно (отъ слѣпоты къ разъѣдающей зрячести) медленно развертывающаяся человѣческая судьба, и въ этомъ ея развертываніи наше поколѣніе не такъ ужъ отличается отъ остальныхъ — и намъ «навязали» наши предшественники какую-то частицу своей зрячести, и мы, вѣроятно, еще не видимъ, сколько сами подкрашиваемъ и затемняемъ. Но свидѣтели и жертвы огромныхъ несчастій, мы — пытаясь очистить себя отъ всего въ насъ преувеличеннаго, надутаго и высокомѣрнаго — оказались безъ всякой помощи, безъ всякихъ «небесныхъ» или тщеславныхъ отвлеченій, и вотъ мнѣ кажется, мы цѣнимъ, какъ никто и никогда не цѣнилъ, простую, братскую, добрую, несомнѣнную, осязаемую любовь, у насъ потребность и утѣшаться и утѣшать ею, и каждый день, каждый вечеръ — въ усталой и словно бы равнодушной толпѣ — мы неожиданно замѣчаемъ утомленные, страдающіе, о чемъ-то просящіе глаза, вѣроятно похожіе на наши — и этого немного стыдимся, какъ всегда при чрезмѣрномъ съ собою сходствѣ — но и стыдясь, если встрѣтимся взглядомъ, мы понятливо сочувствуемъ и подбадриваемъ, благодарные чуть не до слезъ безымянному отвѣтному сочувствію. Вся эта необязательная, не божественная, никѣмъ не предписанная любовь, особенно отрадна и нужна изъза ненависти, насъ обступившей, впервые «сознательной», «классовой», «большевистской» (обратное послѣдствіе «доброй любви», ограничительно и дурно понятой), и пожалуй всего отраднѣе, что и

въ такой ненависти неоспоримо скрыто ея же — просто отъ смягчающаго нашего времени — столь естественное и напрашивающееся пораженіе: помните ранніе совѣтскіе романы о гражданской войнѣ — меня какъ-то не очень удивило, что въ самые злобные, самые грубые дни, люди, шесть лѣтъ подрядъ приносившіе смерть и пощады не ожидавшіе, болѣе другихъ заброшенные, отчужденные, предоставленные себѣ, что они для солдатскихъ своихъ разговоровъ нашли, вѣрнѣе, не совсѣмъ случайно выбрали и приняли страннонѣжное слово «братишка», болѣе умѣстное въ иной — дружеской и мирной — обстановкѣ. Такая полуслучайность не одна, и все чаще мнѣ представляется, что нашему поколѣнію суждено съ непритязательной искренностью — пускай безъ Бога и неба — любить, по скромному, не отвлекаясь, искать и что въ этихъ неразбрасывающихся своихъ поискахъ можетъ оказаться оно удачливымъ.

Предвижу страстный вашъ упрекъ, не однажды мнѣ высказанный: почему не пишу, какъ бы не думаю никогда о Россіи, оправдывая и превознося неопредѣленное «наше поколѣніе», а не «русское наше поколѣніе». Постараюсь вашъ упрекъ отвести: я о Россіи не пишу намѣренно, о ней, о «русскомъ нашемъ поколѣніи» мнѣ хочется безъ конца спорить и разсуждать, но такъ уже нелѣпо сложилось, что каждая о ней мысль, каждый разговоръ насъ озлобляетъ и душевно бѣднитъ, потому что Россія и все въ ней теперь происходящее — временное, личное, непрощаемое, а любовь, дружеская и любовная (о чемъ единственно вамъ пишу), поэзія человѣческихъ отношеній — въ этомъ какое-то біеніе вѣчности, намъ недоступной, но присутствующей и примиряющей. Въ Россіи, отъ Россіи — попытка распространить ненависть (хотя бы дурно понятую любовь), у меня же, у «моего поколѣнія» потребность жалѣть и прощать, вдохновляться жалостью и прощеніемъ.

Есть такое сочетаніе словъ, которое безспорно соотвѣтствуетъ чему-то внутри насъ и которое слѣдовало бы и во-внѣ и въ насъ уничтожить — настолько оно чудовищно, навязчиво и какъ-то кощунственно-соблазнительно: это противорѣчивыя, другъ друга исключающія слова «святая ненависть». Изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ вѣрованія въ вѣрованіе передаются жестокія эти слова, одушевляютъ слабыхъ и сильныхъ, приводятъ къ самопожертвова-

нію и къ несдерживаемой ничѣмъ безпощадности. Намъ ихъ тоже искусственно прививали по самымъ различнымъ поводамъ, и мы однажды такому озлобленію поддались — когда впервые побѣдили большевики — за то, что они посмѣли себя считать безошибочно правыми и сомнительную самонадѣянную свою правоту утверждали черезъ человѣческія жизни и человѣческое счастье. Мы лучше многихъ другихъ были бы должны «святую ненависть» понять и разоблачить, испытавъ ее сами и передъ тѣмъ, какъ испытали, сумѣвъ ей — во время войны — упорно и долго сопротивляться: мы знаемъ, какова она и какъ отрадна и осуществима съ нею борьба, и намъ бы слѣдовало продолжить эту борьбу, стараясь сладкое наважденіе въ себѣ додушить и его не увидать ни въ нашихъ друзьяхъ ни во врагахъ (оно заразительно и по дружбѣ и по враждѣ), а главное — найти замѣну появившемуся у насъ «пустому мѣсту». Можетъ быть, большевики и побѣдили, потому что ненависть боролась противъ пустоты или противъ отвѣтной — производной и меньшей — ненависти: противъ любви — не кислосладкой и не минутно-восторженной — противъ любви мужественной, сознающей всю свою безнадежность и преимущество безнадежности, противъ истинной благожелательно-любовной человѣческой природы никакая ненависть, мнѣ кажется, не устоитъ.

Вотъ я нечаянно «коснулся политики», въ которой такъ несамостоятеленъ и неувѣренъ — и не только «коснулся», но медленно и смущенно открываю, что съ самимъ собой я не допускалъ, не видѣлъ перемѣны, явно вездѣ совершающейся, перемѣны къ внѣшнему равенству, противился ей и привычно хотѣлъ давней милой устойчивости и чтобы гдѣ-то была — пускай не у меня, но быть-можетъ и мнѣ когда-нибудь доступная и какъ-то всѣмъ свѣтящая, всѣхъ пригрѣвающая — особенная, вольная, дорогая «красивая жизнь», но стремленіе оправдывать ее у другихъ, желать для себя, а главное, любоваться ея отблесками, все же во мнѣ переломилось и, кажется, замѣнено сознаніемъ непрочности, иногда сладкимъ, неясной дружественностью къ людямъ, и я смутно радуюсь (не стыдясь за опозданіе, разъ цѣли и чувства — мои, никѣмъ не внушенныя и трудно мнѣ давшіяся) и даже не радуюсь, а съ наивностью какого-то новичка начинаю торжествовать, что повсюду переки-

нется эта моя прежняя «красивая жизнь», что повсюду смогутъ оказаться деликатно-внимательные умы и женщины, какихъ ищу (и почти никогда не нахожу), не придавленныя мелочами, душевно свободныя — до избалованности — и все таки готовыя себя не жалѣть. Легкое и быстрое мое воображеніе, сейчасъ же повинующееся всякой новой восторженности, всякимъ новымъ предвидѣніямъ и надеждамъ, уже упивается возможностью умилительнаго раскаянія, «романа», одного изъ тѣхъ, что у меня бываютъ — отъ сердечной незаполненности, просто отъ одиночества — но не съ писателемъ, умершимъ или незнакомымъ, не съ людьми особенно тонкочувствующими, какъ бывало у меня прежде, а «романа», казавшагося тогда нелѣпымъ — съ освободителемъ, съ проповѣдникомъ, съ вождемъ.

Все это, пожалуй, неокончательно и шатко: послѣ молодости новое дается тяжело, да и старое уже утвердилось и какъ бы его «не пускаетъ» — въ чемъ-то полуслучайномъ можно еще перемѣниться, но основы, излюбленно- привычнаго нельзя замѣнить, и мой предполагаемый «романъ съ народнымъ вождемъ» глуше, призрачнѣе, выдуманнѣе «романа съ писателемъ», то уходящаго, то опять надолго ко мнѣ возвращающагося. Впрочемъ, подобные воображаемые романы, отражающіе какое-то минутное мое желаніе, какую-то невысказанную мысль, и относящіеся къ «великому человѣку», обычно незнакомому, но опредѣленному — такіе, въ сущности, не «романы», а короткіе вымыслы уносчивы, разрознены и неразработаны, однако, есть у меня чуть ли не съ дѣтства одинъ любимый, дѣйствительно «воображаемый романъ», гдѣ я такой, какимъ хотѣлъ бы сдѣлаться, и со мною женщина, какую ищу, причемъ съ перемѣной моихъ вкусовъ появляются все новые персонажи и каждая героиня и каждый изъ многихъ такихъ «я» словно бы навсегда продолжаютъ существовать, другъ съ другомъ сталкиваются и борются, и только мнѣ ближе, мнѣ представляются жизненнѣе, острѣе волнуютъ меня тѣ, кого послѣдними я придумалъ. Объ этомъ романѣ, продолженномъ до нашихъ дней, я однажды подробно вамъ разсказывалъ и вы сочувственно тогда смѣялись: представьте, мой «вѣчный романъ» какъ-то внезапно сталъ изсякать — еще въ ваше время — правда, вы сдѣлались уже непріязненной ко всему, что было мнѣ

близкаго, и я упорно при васъ застывалъ и не могъ сообщить о концѣ своего «романа». Повидимому дурная дѣйствительность, всѣмъ тогда завладѣвшая и все у меня вытѣснившая, вытѣснила и романъ, и никакія вялыя попытки его возобновить (чтобы себя отвлечь, заговорить, успокоить) не удались и до сегодня не удаются: я пробую — шопотомъ или вслухъ — называть имена, произносить фразы, прежде меня волновавшія, но они остаются неживыми, до самаго во мнѣ чувствительнаго не доходящими, какъ имя и образъ женщины, которую мы любили и послѣ которой успѣли полюбить другую, какъ *иногда страхъ смерти послѣ* выздоровленія. Этотъ длительный романъ обо мнѣ, кажется, исчезаетъ навсегда, зато неожиданно возобновляется мой первый дѣтскій «романъ съ писателемъ», менѣе другихъ поверхностный и случайный, но прерванный давно и наполовину забытый — повидимому неисчерпанный романъ съ Лермонтовымъ — и я стараюсь и не могу вспомнить, почему именно онъ (а не Пушкинъ, Некрасовъ или Надсонъ) меня какъ-то особенно, какъ-то любовно (что я понялъ гораздо позже) восхищалъ — отъ моихъ десяти до пятнадцати лѣтъ, до первыхъ, все во мнѣ перевернувшихъ декадентовъ. Немногое было мнѣ тогда понятно въ душевной и звуковой Лермонтовской музыкѣ, немногое я внутренне-убѣжденно зналъ — «одну молитву чудную», «и скучно и грустно», «какъ будто въ буряхъ есть покой», загадочно-обѣщающія имена «Бэла» и «Мэри», что Лермонтовъ и лихой гусаръ и такъ непостижимо несчастенъ (онъ мнѣ даже и на портретахъ казался — въ противоположность другимъ, скромнымъ, штатскимъ писателямъ — героически красивымъ и печальнымъ), но изъ всего этого незамѣтно создался «романъ», гдѣ мое существованіе было стерто и замѣнено блистательно-прекрасной «его» судьбой и самое сочетаніе трехъ этихъ слоговъ «Лермонтовъ» являлось почти столь же таинственно-очаровывающимъ, какъ и первое, меня поразившее женское имя, имя дѣвочки, въ которую долго я былъ влюбленъ, съ которой близко не познакомился и въ жизнь которой постоянно врывался — конечно, въ пылкихъ своихъ вымыслахъ и притомъ насъ обоихъ воображая взрослыми. Этому имени, какъ и Лермонтовскому, я и посейчасъ вѣренъ — разумѣется, случайность, и ничего больше. Я долго оставался вѣренъ и другому (не знаю, какъ вы-

А. Яковлев. Декоративное панно — *A. Jakovleff. Peinture murale*

разиться) обряду, связанному съ Лермонтовымъ и возникшему передъ концомъ моего дѣтскаго съ нимъ романа. Въ четвертомъ классѣ гимназіи — на «большой перемѣнѣ» — среди шумныхъ возгласовъ и споровъ моихъ товарищей, изображавшихъ «казаковъ и разбойниковъ», избѣгая тѣхъ и другихъ, однажды я повторялъ наизусть заданное намъ на Пасху, «Три пальмы», съ равнодушіемъ къ этимъ плохо выученнымъ стихамъ и страхомъ — до животной боли — что какъ разъ мой чередъ, что непремѣнно меня вызовутъ. Внезапно я увидалъ бѣлый упрямый весенній блескъ на бѣгущихъ, мелькающихъ, еще недавно тусклыхъ и скучныхъ мальчикахъ, на поясахъ, свернутыхъ въ пистолеты, я почувствовалъ мягкое, родное, приближавшее къ лѣту тепло — къ лѣту, къ отдыху и къ «ней» (только лѣтней, дачной — въ городѣ мы не встрѣчались, и я даже не зналъ, гдѣ ее найти), и вотъ по страшному ожили размѣрныя, словно бы заклинающія слова «въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли три гордыя пальмы высоко росли», и я медленно и трудно сталъ понимать то, чего опредѣлить бы тогда не могъ, что все это одно — и гимназическія заботы, и праздничная, ласковая «она», и Лермонтовская грустная яркость — что жизнь какъ-то едина или бываетъ вдохновляюще и выразимо едина. Съ той моей впервые сознательно-поэтической весны и передъ каждой новой весной — наполовину суевѣрный, наполовину играя въ суевѣріе — при первомъ солнцѣ, въ мартѣ (иногда, особенно здѣсь, въ февралѣ), я самъ съ собой полностью и старательно эти стихи повторяю, и только въ прошломъ году, въ отчаяньи изъ-за вашего ухода, я «первое солнце» нечаянно пропустилъ и затѣмъ уже нарочно, судьбѣ или вамъ какъ бы на зло, какъ бы себя приговоривъ и со сладкимъ ужасомъ любуясь самоубійствомъ, я дѣтскаго обряда не выполнилъ.

Послѣ Лермонтова, послѣ дѣтства, кажется, было у меня «междуцарствіе», время огрубляющаго приспособленія, сухой, безпредметной, безвдохновенной тоски, попытокъ «быть какъ всѣ» и «всѣмъ» не уступать — въ деньгахъ, молодечествѣ и грубости: до первой живой ревности, и до первой во-внѣ воплощенной и уже невоображаемой любви я лишился радости предпочтенія, высокаго человѣческаго свойства выбирать и выбранному оставаться вѣр-

нымъ. Незадолго до ревности и любви, незадолго до революціи, съ ними совпавшей, ихъ предсказывая и какъ-то во мнѣ связавъ, меня очаровалъ Блокъ и начался мой второй «романъ съ писателемъ» (повидимому, я ошибся, что были одни короткіе вымыслы) — настоящій, недѣтскій, но и неполный, постоянно прерывавшійся ревностью и любовью (къ вашей чуть ли не предшественницѣ), какой-то, отъ нихъ, осознанной гордой полнотой — и еще «событіями», упрощающими и сперва ненавистными, затѣмъ, словно бы со стороны, примиренно-созерцательно принятыми. Сейчасъ, когда я заполненъ другимъ, мнѣ трудно возстановить тогдашній свой «романъ съ Блокомъ» — лишній разъ убѣждаюсь, какую почти невыполнимую я себѣ назначилъ работу (и въ своихъ дневникахъ и въ этихъ честныхъ «протокольныхъ» къ вамъ письмахъ) — возстанавливать, передавать прошлое, иногда погибшее или спящее, и себя переводить въ нужное творческое состояніе: вѣдь даже послѣ газеты, послѣ мечтательныхъ и пріятныхъ душевныхъ блужданій, не врѣзывающихся въ живую нашу глубину и нами немедленно забываемыхъ, тяжело взяться за книгу, себя предыдущаго сломить, повернуть и къ этой книгѣ насильственно направить (притомъ въ случаѣ съ книгой должно быть сдѣлано лишь первое усиліе, вслѣдъ за которымъ она обычно усваивается, какъ бы втягивается сама собой), теперь же — отъ новой (и, можетъ быть, временной) безраздѣльной наполненности моей Лермонтовымъ — ради назначенной себѣ «честности» (если же честности нѣтъ, то не остается у меня никакой другой основы, и я безпомощно, по жалкому, разсыпаюсь), теперь ради честности вдругъ перейти къ Блоку и стараться воскресить его «метели», «снѣга», «Мэри» (не Лермонтовскую и для меня таинственно-дѣтскую, но предлюбовно-весенне-нѣжную) — мнѣ дается болѣзненно трудно. И все же я настойчиво повторяю волшебныя, прежде столь убѣдительныя слова, и Блокъ смутно изъ нихъ возникаетъ, зато тускнѣетъ, готово исчезнуть все только-что живое и меня наполнявшее: мы черезчуръ душевно-бѣдны, и почти не бываетъ у насъ того совмѣщенія, того «единства всей жизни», какое было однажды у меня въ гимназіи — отъ «песчаныхъ степей Аравійской земли».

Вдали отъ «метелей и снѣговъ», отъ тяжелаго, однодумнаго,

въ деревянной тоскѣ застывшаго, ушедшаго, умершаго русскаго поэта (столь страшно о себѣ сказавшаго, что «мертвому дано рождать бунтующее жизнью слово») постепенно меня подчинило неожиданное новое чувство, непохожее ни на прежнiе полувоображаемые «писательскiе» мои романы, ни на дѣйствительную влюбленность и любовь, чувство, возникшее изъ безконечнаго преклоненiя, изъ той необходимости восхищаться, собою жертвовать и непрерывно благодарить, которая у насъ появляется при видѣ подвига, кѣмъ-нибудь совершаемаго и другимъ людямъ непонятнаго и будто бы ненужнаго, которую мнѣ внушила мученическая побѣда Пруста. Когда я съ вами здѣсь познакомился — черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ моего прiѣзда и послѣ первыхъ прочтенныхъ Прустовскихъ книгъ — восхищенiе мое стало уже привычнымъ, привычно-скрываемымъ, для собесѣдниковъ незамѣтнымъ (какъ всякое длительное и вѣрное чувство), кромѣ того съ вами я всегда былъ занятъ собой и вамъ боялся показаться преувеличивающимъ и восторженно-смѣшнымъ — именно вамъ, твердо зная въ отношенiи себя, что о Прустѣ нисколько не преувеличиваю — и оттого я о немъ говорилъ какъ бы снисходительно и равнодушно (по вашимъ словамъ, еще черезчуръ восхищенно), но сейчасъ буду искреннимъ и не побоюсь — разъ вы далеко — показаться преувеличивающимъ и смѣшнымъ: я въ самыя трезвыя свои минуты считаю, что если было какое-нибудь чудо, намъ извѣстное, это, конечно, Прустъ, чѣмъ-то уже затмившiй Толстого и Достоевскаго, непревзойденная удача (если такая судьба-удача) медленнаго и тяжелаго человѣческаго восхожденiя (столь для васъ спорнаго, мнѣ именно Прустомъ доказаннаго), можетъ-быть, единственная гордость нашего времени, съ его безсмысленно-вялой, беззлобной, однако же, какъ никогда, всеистребительной войной и обездаривающимъ дыханiемъ большевизма. На Пруста по разному нападаютъ и по разному его пытаются защитить, причемъ нападающiе высмѣиваютъ у него то самое — композицiонную слабость, безжизненность персонажей, отсутствiе основы, «костяка» — о чемъ защитники утверждаютъ какъ разъ обратное: по ихъ словамъ, у Пруста композицiонная тщательность до мельчайшихъ, непрослѣдимыхъ — черезъ тысячи страницъ — подробностей, жизненность если не

«дѣйствующихъ лицъ», то какой-то ихъ сердцевины, какой-то — au ralenti или въ разобранномъ видѣ — наглядно показанной, черезчуръ обнаженной ихъ сущности, и даже основа дана — впервые романъ о времени. Все это обычныя похвалы новому за то, что въ немъ имѣется также понятное и старое, сужденія обывателей о героѣ, плоскихъ и малыхъ людей о великомъ, и немногіе, молчаливо подчиняющіеся или произносящіе цѣломудренную частичную о немъ правду — по собственной откровенной бѣдности — лишь эти немногіе достойно себя ведутъ. Нужно просто подумать о количествѣ найденнаго, названнаго, прежде казавшагося неуловимымъ (при невнимательномъ чтеніи кажущагося неуловленнымъ и теперь), о скудной человѣческой душѣ, разросшейся до предѣловъ постигаемаго и страшной въ своей оголенности, какъ страшна лишь вплотную придвинувшаяся смерть, о такомъ напряженномъ къ себѣ прислушиваніи, о такомъ, только и возможномъ послѣ затворничества, святости, самоубійства, нечеловѣчески-честномъ умѣніи себя выразить, какого еще никогда не было — и тогда особенно жалкими представятся тѣ, кто хотятъ все это подвижничество человѣка, къ себѣ безпощаднаго, себя щедро раздарившаго, обѣднить «одной идеей», «временемъ» или «способомъ». Я не знаю, что такое талантъ, какъ въ немъ убѣдиться и какъ его измѣрить, я не знаю, что именно Прусту было «дано», но съ тѣмъ, что было ему дано, довелъ онъ писательскіе свои поиски до какой-то единственно-высокой, подражающей безсмертію и вѣчности, напрасной и грустной цѣли — возстанавливать и повторять прошлое — которое у него-то ужъ не становится случайнымъ, поверхностнымъ чувствованіемъ, предположительной выдумкой или подмѣной и которое могло быть вторично какъ бы оживлено лишь непрерывно удерживаемымъ вдохновеніемъ проясненности и осознанности, тѣхъ, что бываютъ послѣ длительной любовной боли. Отъ этого долгаго «романа съ Прустомъ» я незамѣтно вовлекся во французскую литературу и, съ нею сжившись, сбросивши съ себя (конечно, въ одномъ, не слишкомъ распространенномъ смыслѣ) стѣснительную «кожу однонародности», я хотѣлъ бы прибавить ко многимъ обязанностямъ заграничныхъ русскихъ также и обязанность въ Россіи «привить» французовъ и Пруста (какъ раньше эмигранты француз-

скіе «открыли» для Франціи нѣмцевъ и англичанъ — Байрона, Гете, Шекспира), и мое преклоненіе, столь мало похожее на любовь — отъ новой возвышающей цѣли — сохраняется и должно сохраниться еще болѣе прочно и несомнѣнно. Для пытающихся быть честными Прустъ становится и «школой скромности»: подобно другимъ замѣчательнымъ людямъ, онъ словно бы нарочно, словно бы рѣшивъ, что «послѣ меня потопъ», безжалостно «обобралъ» свое и слѣдующія поколѣнія, все, намъ доступное, предусмотрѣлъ и закрѣпилъ, наиболѣе самонадѣяннымъ и прилежнымъ изъ насъ некуда ступить и нечего дѣлать, и вотъ почему (а не отъ стыда или вздорнаго самолюбія) я — тоже самонадѣянный и прилежный — не дѣлаю ничего и съ горечью отвожу ваши упреки и совѣты «экстеріоризироваться», какъ вы насмѣшливо выразились въ письмѣ. Да, мое отношеніе къ Прусту не влюбленность и не дружба, а попытка слушаться и вникать, и сознаніе, что кто-то за насъ, жертвуя всѣмъ, въ одиночествѣ думалъ, искалъ, мучился, и странное, неопредѣлимое, но не ставшее безотвѣтственнымъ и намѣренно затуманивающимъ и преувеличивающимъ, это чувство — признакъ и проявленіе той интеллектуальной страстности, которая постепенно въ меня въѣдалась и сдѣлалась кровно моей.

Но въ этой покорной моей растворенности отсутствуеть, вѣрнѣе, недостаточно проявляется какое-то необходимое, капризно-нѣжное личное отношеніе, то, безъ чего «романа» (даже писательскаго, какъ и односторонняго любовнаго романа) не бываетъ. Можетъ-быть, восторженная моя поглощенность Прустомъ въ чемъ-то соотвѣтствуетъ обычному предлюбовному, преддружескому восхищенію, и «романъ» еще возникнетъ: я уже не разъ вамъ говорилъ, что мнѣ нужны годы, «исторія» для возникновенія уязвимости и волнующаго, настоящаго крѣпкаго чувства, и вотъ получается противорѣчіе — Прустъ ближе, проницательнѣе, современнѣе, онъ чаще говоритъ за меня (что особенно съ писателемъ связываетъ), но повидимому еще нѣтъ у меня тѣхъ ожиданій, того немедленнаго и ужъ не отъ него зависящаго отклика, того участія въ родномъ моемъ прошломъ, благодаря которому мы такъ несправедливо предпочитаемъ умнымъ и для насъ любопытнымъ людямъ какую-нибудь вздорную пріятельницу нашей возлюбленной, — вотъ эта связь со

всѣмъ моимъ прошлымъ, со всѣмъ, что меня задѣвало и задѣваетъ, это постоянное возвращеніе въ трудныя и нужныя минуты, эта вѣрность «добраго стараго друга», все это для меня въ Лермонтовѣ, въ его презрительной гордости, въ его отстраняющей каждаго, неподатливости, неожиданно переходящей (по умному выбору, внѣшне похожему на капризъ) въ признательную нѣжность, въ откровенность, столь возвышающую собесѣдника или друга и для него головокружительно лестную. Но я предвижу время, когда этотъ мой «романъ» потускнѣетъ, когда еще кусокъ далекаго прошлаго словно бы вывѣтрится, когда недавнее стачетъ далекимъ и теперешнее новое мое преклоненіе «обзаведется исторіей» и будетъ куда болѣе соотвѣтствовать одинаковости пониманія, поисковъ и сложной душевной жизни (при всемъ различіи степени и силы); признаки этой ломки уже появились, и я по инымъ своимъ перемѣнамъ знаю, какъ невозможно сохранить жизненное единство людямъ нашего поколѣнія — «исторически-столичнаго» (а не провинціальнаго, безъ событій, какъ столько поколѣній, намъ предшествовавшихъ) — и, можетъ быть, напослѣдокъ я переношу на давній мой романъ съ Лермонтовымъ все это, опять блѣднѣющее, продолжающее ускользать и однако еще родное мое прошлое и кое-что — искусственно — изъ настоящаго. И вотъ мы странно и противорѣчиво устроены: мы можемъ что-то терять, предвидѣть и не сомнѣваться въ потерѣ, о ней мучиться и все же съ тѣмъ, что теряемъ, себѣ казаться нераздѣлимо связанными, пока отрывъ наконецъ не произойдетъ. Такъ бываетъ въ любви, въ дружбѣ, въ деньгахъ, вѣроятно, въ семейной жизни, вѣроятно и въ жизни вообще, въ земной человѣческой жизни: бросающая насъ возлюбленная случайно еще не ушла, умирающій другъ случайно еще съ вами, растрачиваются послѣднія деньги, за часъ до собственной нашей смерти уходятъ послѣднія силы, а мы все это видимъ неизмѣненными, прежними, не вѣрящими ничему, что не наступило, какъ будто бы слѣпыми глазами, съ той неспособностью воспринять чудо и особенно чудо конца, съ тѣмъ отсутствіемъ воображенія, изъ-за которыхъ мы и прикованы къ тусклой и бѣдной своей судьбѣ. Вотъ и сейчасъ я знаю о несомнѣнномъ концѣ ненадолго возстановленнаго «романа съ Лермонтовымъ», но онъ еще существуетъ, и въ эту минуту, вернувшись къ нему, къ возможности

сладостно-искреннихъ о немъ признаній, я облегченно радуюсь, какъ пылкій мечтатель, возвращающійся послѣ скучнаго рабочаго дня къ отложеннымъ до вечера своимъ вымысламъ.

Внезапно я усталъ — опять повторяется (въ который разъ) обычная и печальная у меня послѣдовательность: были преграды къ какому-то «счастью» (свободно и не отвлекаясь писать о Лермонтовѣ), преграды, мною же самимъ поставленныя, я ихъ трудолюбиво и медленно обошелъ, но на нихъ растратилъ весь свой душевный пылъ (по крайней мѣрѣ, на сегодня отпущенный) и поневолѣ остался въ пустотѣ. Нисколько не боюсь ея продолжительности — помню изъ опыта, что творческія мои возвышенія кажутся иногда неяркими и невосторженными, но они неизмѣнно возобновляются, не расхолаживаясь отъ времени и, быть-можетъ, становятся какъ-то обостреннѣе и естественно мнѣ ближе. Предчувствую тонъ слѣдующаго моего письма и даже нетерпѣливость за него взяться (вѣдь пройдутъ Вамъ непосвященные три дня), но пока — вялый и равнодушный — писать перестану, чтобы васъ нечаянно не раздражить, какъ это бываетъ отъ мертвеннаго ко всему безразличія и о чемъ жалѣешь, когда «приходишь въ себя».

продолженіе слѣдуетъ

Л. ЧАСИНГЪ

ОПЕРАЦІЯ

Операція, какъ я уже говорилъ вамъ — неизбѣжна. Поэтому не откладывайте ее, дорогой мой. Пожалуйте завтра утречкомъ въ клинику, часамъ къ десяти, часамъ къ пяти мы вамъ дадимъ легонькій наркозъ, а когда вы послѣ него проснетесь, то уже будете спокойно лежать въ своей палатѣ. И не забудьте, что эта процедура будетъ длиться меньше часа. А что значитъ часъ въ человѣческой жизни? Пустякъ, — незамѣтный пустякъ.

— Почему именно завтра, профессоръ? — быстро спросилъ Морозовъ поправляя большіе, грибоѣдовскіе очки. — Развѣ операція такъ срочно необходима? Не забудьте, что я служу, мнѣ надо предупредить моего патрона, сговориться съ квартирной хозяйкой, да и вообще я плохо понимаю, зачѣмъ такая спѣшка. Вы вѣдь сами только сейчасъ говорили, что болѣзнь не угрожаетъ моей жизни.

— Говорилъ, совершенно вѣрно, спокойно согласился профессоръ и уклончиво посмотрѣлъ въ сторону на потускнѣвшую, любительскую фотографію Мечникова, стоявшую на письменномъ столѣ. — Но откладывать операцію я вамъ не совѣтую. Причинъ на это много. Самая главная изъ нихъ — то, что она неизбѣжна. А каждый лишній день отниметъ у васъ какую то частицу здоровья, ослабитъ на какую то сотую дѣятельность сердца, обостритъ общее положеніе и безъ всякаго смысла усложнитъ операцію. Понятно. Вы согласны со мной?

— Да, вполнѣ согласенъ, медленно отвѣтилъ Морозовъ, пристально со скрытой подозрительностью вглядываясь въ немолодое, умное лицо профессора и мучительно ощущая гнетъ тягостнаго ожиданія какой-то еще невѣдомой, но уже неотвратимой бѣды. Эту подозрительность предчувствія профессоръ привыкъ видѣть въ глазахъ всѣхъ тяжело больныхъ людей. Онъ зналъ, что въ такихъ случаяхъ надо говорить легкимъ, небрежно-фамильярнымъ тономъ, ко-

торый всегда какъ-то отгоняетъ подозрѣнія и словно магнетически, успокаиваетъ даже физическую боль.

Но Морозовъ уже ничего не слышалъ и не слушалъ. Онъ думалъ о настойчивомъ желаніи профессора не откладывать операціи дальше завтрашняго дня, и въ этой настойчивости ему почудилась скрытая угроза. Онъ вспомнилъ съ какимъ углубленнымъ вниманіемъ, крѣпко сжавъ свои уже старчески-синеватыя губы, профессоръ осматривалъ его, какъ сосредоточенно, почти угрюмо похмыкивалъ въ отвѣтъ на вопросы, какъ пристально глядѣлъ на стекло тусклаго рентгеновскаго снимка. И вдругъ, съ внезапной, осѣняющей ясностью Морозовъ понялъ, что профессоръ лжетъ, съ привычнымъ милосердіемъ скрывая отъ больного приближающуюся опасность. Этотъ знаменитый хирургъ, продѣлавшій всю войну, считавшій ампутацію слишкомъ частымъ и неинтереснымъ случаемъ, видѣвшій страшныя язвы, трепанаціи, безнадежные перетониты, не могъ такъ долго задумываться надъ несложной операціей, какія онъ дѣлалъ сотнями. Морозовъ взглянулъ въ давно знакомые, обычно непроницаемо-спокойные глаза профессора. Теперь эти глаза искрились и блестѣли, освѣщенные горячимъ огнемъ азарта, предчувствіемъ борьбы со смертью, рукопашной схватки съ нею одинъ на одинъ. Профессоръ понималъ неравенство этой схватки и это сознаніе особенно горячило и подзадаривало его. Онъ зналъ, что идетъ бороться за чужую жизнь, вооруженный только несовершенной наукой людей, своимъ настойчивымъ мужествомъ, противъ врага еще никѣмъ до конца не побѣжденнаго съ его таинственной, вѣчной и непререкаемой силой. Противный, скользкій холодокъ побѣжалъ по спинѣ Морозова, точно онъ увидалъ бездонный темный обрывъ, куда можно легко соскользнуть и разбиться. Ему стало тоскливо и жутко до физическаго ощущенія тошноты. Операція показалась желанной, какъ средство спасенія отъ еще нереальной, но уже четко осознанной опасности.

— Хорошо, профессоръ, тихо сказалъ Морозовъ вставая, — я пріѣду завтра. Если ужъ нужно дѣлать операцію, если ужъ все равно ея не миновать, то вы правы: лучше ее сдѣлать поскорѣе, развязаться и забыть о ней.

— Умныя рѣчи пріятно слушать, улыбаясь отвѣтилъ профес-

соръ. Я очень радъ, что вы согласны. Значитъ завтра вы прiѣдете въ клинику, а недѣльки черезъ двѣ зашагаете обратно домой. Если сегодня, ненарокомъ, будете плохо спать, то выпейте сонный порошокъ — напримѣръ, седоброль или гарденаль: этотъ послабѣе. Итакъ, до завтра, сказалъ онъ, протягивая руку Морозову и съ привычной докторской учтивостью провожая его до дверей.

Морозовъ вышелъ изъ кабинета въ просторную свѣтлую прихожую. Широколицая горничная бережно подала его не новое, слегка лоснящееся пальто. Одѣваясь, онъ не сразу могъ попасть въ рукавъ, стѣсняясь своей неловкости и, чтобы скрыть ее, сталъ нарочито медленно застегивать пуговицы и расправлять сѣрый вязанный шарфъ. Въ открытую дверь Морозовъ видѣлъ свѣтло-зеленый шелкъ кокетливой гостиной. Яркiя подушки, пуфы, обилiе бездѣлушекъ, гора бархатныхъ альбомовъ на кругломъ столѣ, казались ему мишурно-мелочными и не совмѣстимыми съ той суровой работой, полной предѣльной отвѣтственности, которая шла тутъ же рядомъ за стѣной строгаго кабинета профессора.

— Какъ профессоръ могъ не почувствовать всей грубости такого контраста, съ непрiязнью подумалъ Морозовъ и снова посмотрѣлъ на гостиную, на свѣтлое дерево ея мебели, которое называли въ Россiи «птичiй глазъ», на большiя картины «подъ старину» въ золотыхъ широкихъ багетахъ съ выпуклыми орнаментами, на рѣзкiя сочетанiя яркаго шелка диванныхъ подушекъ, разложенныхъ съ умышленной небрежностью, на высокiе трельяжи плюща, скрывающiе углы комнаты и сразу рѣшилъ, что занятый, всегда перегруженный работой профессоръ, едва ли даже замѣчалъ обстановку своей гостиной.

Вѣроятно это его жена старалась, подумалъ Морозовъ и вдругъ ясно представилъ вульгарно-кокетливую, молодящуюся женщину, въ утрированно-модныхъ платьяхъ, съ выкрашенными хной ярко-рыжими волосами, несокрушимо здоровую и оттого особенно самодовольно тупую. Острое раздраженiе охватило Морозова, ему захотѣлось не видѣть гостиной, поскорѣе уйти отъ всѣхъ этихъ праздничныхъ и вызывающихъ вещей. Схвативъ шляпу онъ торопливо захлопнулъ входную дверь, забылъ, что собирался дать горничной на чай, и какъ могъ быстро, не обращая вниманiя на упорную, ною-

щую боль въ боку, спустился по широкой лѣстницѣ и вышелъ на улицу. Привычно торопились люди, звонили трамваи, надрываясь гудѣли автомобили, быстро падали по осеннему частыя капли дождя и только фонари горѣли спокойнымъ безстрастнымъ, желтовато-мертвеннымъ свѣтомъ. Морозовъ оглянулся, хотѣлъ нанять такси, но вспомнилъ свою комнату съ пятнистымъ зеркаломъ, вылѣзающія пружины стараго, просиженнаго кресла, жесткій матрасъ неудобной по французски-огромной кровати и рѣшительно свернулъ къ застекленной терассѣ большого углового кафэ. Народу было много, игралъ скрипучій оркестръ, покрывая скрипки гудѣло разстроенное отсырѣвшее піанино, метались лакеи. Морозовъ сѣлъ въ углу терассы за круглый столъ съ неудобной чугунной ножкой и, заказавъ кофе, внимательно осмотрѣлъ публику. Кругомъ сидѣли пары, то задорно, то застѣнчиво цѣлующіяся, пары грустныя, задумчивыя, молчаливыя супружескія пары, пары еще робкія съ вопросительной нѣжностью въ глазахъ. Морозовъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ кафэ, у котораго не было пары въ этотъ легкомысленный часъ парижскихъ апперитивовъ. И это случайно подчеркнутое одиночество болѣзненно раздражало Морозова. Невольно вспомнилась Ольга и длительный, нерадостный флиртъ съ нею.

— А, вѣдь, она, кажется, любитъ меня, — подумалъ Морозовъ: — не зайти ли къ ней. Нѣтъ, не стоитъ, тотчасъ же рѣшилъ онъ: лѣнь идти, скучно. Станетъ приставать съ вопросами о здоровьи, охать, безтолково жалѣть. Нѣтъ, не стоитъ, повторилъ онъ и, подозвавъ лакея, заказалъ еще кофе.

Домой Морозовъ вернулся къ девяти часамъ. Написалъ письмо на службу, выпилъ, по совѣту профессора, сонный порошокъ и, выключивъ свѣтъ, легъ спать.

— Не опоздать бы завтра въ клинику, хотѣлъ съ тревогой подумать Морозовъ и самъ удивился равнодушію своихъ мыслей. — Плохо, братъ вслухъ сказалъ онъ: — здорово тебя болѣзнь подкосила, если ужъ и ножа не боишься.

Болѣзнь мѣшала Морозову жить. Все радостное и свѣтлое: небо, звѣзды, первую четверть луны, прелестныя женскія лица, любимыя книги — все она надѣляла какой-то ненужностью, отнимала всю прелесть и всѣмъ ощущеніямъ, всѣмъ мыслямъ придавала тя-

желое мрачное равнодушіе. И все же Морозова испугало его странное безразличіе къ болѣзни и къ завтрашней операціи.

— Плохо, повторилъ онъ, натягивая жесткую шерсть коричневаго одѣяла. Голова уже кружилась, но сонъ все еще не шелъ. Давила сѣрая тьма комнаты, привычная боль въ боку слышалась сильнѣе. Морозовъ гналъ отъ себя мысли, ворочался, пробовалъ считать, но забытья все не было.

— Никуда не годный порошокъ, подумалъ Морозовъ съ ужасомъ передъ безсонной ночью. И, вдругъ, кровать качнулась, какъ люлька, потомъ плавно и глубоко опустилась, тишина зашумѣла въ ушахъ, отдаляясь, боль сузилась къ одной, уже почти неощутимой, точкѣ и Морозовъ заснулъ глубокимъ, словно хмѣльнымъ, сномъ.

Проснулся поздно съ тяжелой головой, во рту была непріятная горькая сухость. Мучительно нылъ бокъ, боль разбухала, нащупывала все тѣло, мѣшала двигаться, будила глухое и безсмысленное раздраженіе. Противно было остывшее кофе, поданное по звонку, пестрые обои, съ пузырями высохшей сырости, крикливые голоса здоровыхъ людей, доносившіеся изъ корридора. Медленно, съ трудомъ двигаясь по комнатѣ, Морозовъ собралъ вещи въ маленькій желтый чемоданъ, позвонилъ горничной и едва сдерживая все нароставшее безпричинное раздраженіе, забывая самыя простыя французскія слова, кратко объяснилъ ей причины своего временнаго отъѣзда. Потомъ, держась за перила, медленно спустился по безконечной лѣстницѣ съ потертымъ плюшемъ стараго скользкаго ковра, вышелъ на улицу и, подозвавъ проѣзжавшее красное такси, поѣхалъ въ клинику.

Пока Морозова не принесли въ операціонную, онъ попрежнему былъ равнодушно-спокоенъ. Но неживая бѣлизна стѣнъ, умышленно подчеркнутая, выработанная годами безстрастность сестеръ, какая-то механическая безшумная четкость ихъ движеній заставили Морозова насторожиться, внутренне сжаться, какъ передъ опаснымъ прыжкомъ въ темнотѣ. Рѣзала глазъ стеклянная витрина, гдѣ холодно поблескивали хирургическіе инструменты. Надъ ними наклонилась высокая фигура профессора и весь онъ казался тоже необычайнымъ въ бѣломъ халатѣ и бѣлой круглой шапочкѣ, измѣнившей его лицо.

— Вамъ никогда не давали эфира? — спросилъ густымъ баритономъ бородатый незнакомый докторъ.

Морозовъ отвѣтилъ отрицательно, съ досадою чувствуя, какъ неувѣренно и робко звучитъ его голосъ.

— Старайтесь глубоко и спокойно дышать, сказалъ тотъ же докторъ и лица Морозова коснулось что-то отвратительно холодное, захватило ледянымъ дыханіемъ горло, проникло въ грудь и потонуло въ ощущеніи гулко забившагося сердца.

— Онъ не спитъ еще, донеслось къ Морозову съ недосягаемой высоты, и онъ полетѣлъ въ черную бездонную пропасть, остро ощущая невозможную, немыслимую стремительность своего полета.

И вдругъ все измѣнилось. Со странною четкостью Морозовъ услыхалъ, какъ гулко и сильно заработала какая-то машина. — «Машина времени» ,— пронеслись гдѣ-то слышанныя слова. Гулъ увеличивался, росъ, крѣпъ и когда онъ сталъ нестерпимымъ и оглушительнымъ, Морозовъ головокружительно-быстро, легко и счастливо понесся вверхъ, не чувствуя страха, а только легкость, успокоеніе и счастье небытія... Сколько времени это продолжалось, Морозовъ не могъ понять. Онъ сталъ медленно, тяжело сползать внизъ подъ затихающій гулъ невѣдомой машины, чувствуя близость чего-то ужаснаго, того, что онъ не могъ ни предвидѣть, ни предотвратить. Онъ падалъ все быстрѣе, быстрѣе, дыханіе ускорилось, стало тяжкимъ и болѣзненнымъ. Вдругъ чей-то крикъ, безпомощный, животный пронзилъ его сознаніе. Этотъ страшный — безъ эхо — крикъ то усиливался, то уменьшался и безконечно повторялъ, жалуясь и плача, чье-то знакомое съ ранней юности, дорогое и почти забытое имя.

Морозовъ открылъ глаза, удивленно ощущая свое бытіе, вѣсомость своего тѣла, охватилъ взглядомъ знакомую палату, наклонившееся къ нему лицо сестры и, забывъ о своемъ немыслимомъ вихревомъ полетѣ, скорчился въ припадкѣ тошноты и жгучей ясной боли.

Сознаніе окончательно очистилось отъ эфира только на слѣдующее утро. За стекломъ высокаго окна было видно нависшее сѣрое небо и темныя голыя вѣтви деревьевъ. Морозовъ внимательно

вглядывался въ нихъ и вдругъ улыбнулся широкой улыбкой облегченія.

Деревья, небо, окно были реальны, осязательны, просты; въ нихъ было что-то успокаивающее, привычно-земное. Въ прошломъ осталась жуткая бѣлая операціонная, полетъ, неживой удушливый холодъ. И это сознаніе ушедшаго кошмара давало удивительную и легкую радость... На столикѣ мѣрно тикалъ будильникъ. Морозову захотѣлось узнать, который часъ. Онъ внимательно посмотрѣлъ на свѣтлый дискъ съ черными стрѣлками, но не могъ разглядѣть цифръ безъ привычныхъ очковъ. Черныя стрѣлки стояли подъ прямымъ угломъ. — Значитъ ровно девять часовъ, подумалъ Морозовъ, радуясь своей догадливости и, чтобы провѣрить себя, съ усиліемъ потянулся къ будильнику. Вдругъ острая, рѣжущая боль пронзила тѣло, забила въ сердце тысячью раскаленныхъ ударовъ, залила глаза слезами, притемнила остроту зрѣнія. Но и эта боль, сейчасъ же пошедшая на уменьшеніе, не разрушила спокойной радости Морозова. Онъ закрылъ глаза, чувствуя, какъ тѣло покрывается испариной озноба и старался лежать совершенно неподвижно, тихо дыша и наслаждаясь своимъ новымъ и удивительнымъ ощущеніемъ жизни

Слѣдующіе два дня прошли въ рѣзкихъ скачкахъ температуры и мучительно острыхъ приступахъ боли. Но когда спадалъ жаръ, яснѣли мысли и успокоенная сестра уходила отдохнуть въ «дежурку», Морозовъ оставался одинъ и по новому наслаждался своимъ одиночествомъ. Эти часы были наполнены свѣтлымъ, примиряющимъ спокойствіемъ. Онъ лежалъ, отдыхая отъ перенесенной пытки, прислушивался, какъ неторопливо и тепло идетъ по жиламъ кровь и, медленно, какъ страницы старой и любимой книги, перебиралъ воспоминанія. Только теперь Морозовъ видѣлъ свою жизнь въ новомъ и неожиданно ласковомъ свѣтѣ. Люди, событія, сцѣпленія обстоятельствъ стали странно уменьшенными, ничего не потерявъ въ своей логичности и послѣдовательности, какъ все, что бываетъ въ причудливомъ, часто необъяснимомъ плетеніи человѣческой жизни. Онъ вспоминалъ годы гражданской войны и забывалъ о лишеніяхъ, голодѣ, усталости, объ озлобленіи неравныхъ боевъ. Все это, прежде такое непосильно тяжелое, теперь казалось неизбѣжнымъ и незначительнымъ. Онъ помнилъ только дружную полковую

семью, игру въ карты при оплывшихъ свѣчахъ, въ душныхъ крестьянскихъ избахъ съ ихъ иконами, рушниками, деревянными скамьями, неровностью шершавыхъ глинянныхъ половъ. Онъ вспоминалъ суевѣрія, порожденныя предчувствіемъ приблизившейся смерти, азартъ риска, сдержанность подвига, бодрую походную пѣсню и съ жалостливой нѣжностью вспоминалъ лица погибшихъ. Годы эмиграціи сначала любопытно-новые и невязавшіеся съ привычной русской жизнью, потомъ жгуче-тоскливые, раздражавшіе до слезъ, теперь утратили свою гнетущую силу. Болѣзнь стерла острые углы, затушевала злое и подчеркнула немудренную радость самаго простого, обыденнаго, незамысловатаго бытія.

Вечеромъ, часамъ къ шести, когда температура снова и неуклонно поднималась, приходилъ профессоръ. Онъ долго и внимательно осматривалъ Морозова, сосредоточенно считалъ его слабый, прерывистый пульсъ. Сѣрые глаза профессора глядѣли тускло и хмуро. Въ нихъ уже не было ни горячихъ огней азарта, ни радости возможной побѣды.

— Какъ вы себя чувствуете? — однажды спросилъ онъ Морозова.

— Спасибо, хорошо, отвѣтилъ больной.

— Хорошо? — невольно удивился профессоръ.

— Да, хорошо, благодарно улыбаясь подтвердилъ Морозовъ. Ему показалось страннымъ, что умный, серіозный профессоръ не видѣлъ того, что было совершенно ясно его паціенту. Морозовъ зналъ, что чѣмъ сильнѣе приступъ боли, тѣмъ ярче и радостнѣе наступающее потомъ спокойствіе. И этого профессоръ, дѣйствительно, не зналъ, не могъ понять и съ удивленіемъ и тревогой посмотрѣлъ на больного.

На четвертый день послѣ операціи пришла Ольга. Съ маленькимъ букетикомъ, завернутымъ въ восковую бумагу, она неуклюже протиснулась въ полуоткрытую дверь.

— Разскажите о себѣ, Оля, попросилъ Морозовъ, — Я васъ давно не видѣлъ и соскучился. Что подѣлываете, что новаго, были ли въ кино, много ли работы на службѣ, хорошо ли пѣли у всенощной?

— Морозовъ задавалъ эти вопросы, зная, что они исчерпы-

ваютъ почти весь узкій, немудренный мірокъ Ольги и поэтому ей будетъ легко и пріятно отвѣчать на нихъ. Ольга стала разсказывать о знакомыхъ, о какой то вечеринкѣ, о новомъ американскомъ говорящемъ фильмѣ и изрѣдка испуганно взглядывала на темныя зигзаги таблицъ температуры, висѣвшей на бѣломъ желѣзѣ кровати и напоминавшей какія то сложныя геометрическія построенія. По мѣрѣ того, какъ она понимала значеніе этихъ острыхъ, безстрастныхъ угловъ, ея лицо становилось все напряженнѣе и, казалось, что вотъ-вотъ она не сможетъ разсказывать и по дѣтски всхлипнувъ, замолчитъ. Морозовъ не слушалъ разсказовъ Ольги, но видѣлъ ея волненіе, крайнее усиліе побороть его и съ горечью думалъ о своей прежней несправедливости къ этой милой, чуткой и застѣнчивой дѣвушкѣ. Онъ упрекалъ себя за нежеланіе замѣтить раньше ея заботливую, нерѣшительную, немного смѣшную сантиментальную привязанность.

— Почему я вообразилъ, что она неумна, почему отнесся къ ней со снисходительнымъ презрѣніемъ, думалъ Морозовъ и, внимательно, словно видя первый разъ, посмотрѣлъ на Ольгу. Ея голубые, чуть выпуклые глаза, смотрѣли на Морозова съ жалостливой, почти материнской лаской, еще по дѣтски припухлыя губы улыбались, и на нихъ лежалъ неровный, яркій слой модной краски, положенной торопливой и неумѣлой рукой. И эта краска, которая прежде столько разъ раздражала Морозова, теперь показалась милымъ доказательствомъ безхитростной, еще неопытной и несозрѣвшей женственности. Ласковое и покровительственное чувство къ Ольгѣ охватило Морозова.

— Какъ хорошо, Оля, что вы пришли, сказалъ онъ беря крупную красивую руку Ольги. — Посидите у меня подольше, если вамъ не скучно.

— Да я съ радостью осталась бы и дежурить у васъ, быстро, съ готовностью, отвѣтила Ольга и вдругъ покраснѣла.

— Какимъ вѣрнымъ другомъ она можетъ быть въ жизни, подумалъ Морозовъ.

— Ну, вотъ, и отлично, сказалъ онъ. — Значитъ я не одинъ. Вы знаете, только здѣсь, на этомъ одрѣ, мнѣ стало понятно, какъ я былъ одинокъ и заброшенъ. А вотъ вы, Оля, подумали обо мнѣ,

А. Яковлевъ. Купальщица. *A. Iakovleff. Baigneuse*

А. Яковлевъ. Спящая женщина.

A. Iakovleff. Femme endormie.

вспомнили и пришли. Спасибо вамъ за это. Мнѣ хочется скорѣе поправиться и потолковать съ вами. И если бы вы захотѣли, то я думаю намъ вообще не слѣдовало бы больше разставаться. Трудно осилить жизнь одному. Я многое продумалъ и понялъ во время болѣзни и по моему, человѣку иногда бываетъ полезно попасть въ госпиталь. Какъ вы думаете, Оля?

— Ольга удивленно посмотрѣла на Морозова и только почувствовавъ всю ласковую убѣжденность его словъ, нерѣшительно улыбнулась и вдругъ тихо заплакала пригнувъ голову къ колѣнямъ.

Зашуршавъ крахмальнымъ передникомъ вошла сестра и ея оффиціальный видъ, безъ словъ напомнилъ, что визитъ оконченъ. Ольга украдкой сконфуженно вытерла лицо маленькимъ, уже мокрымъ платкомъ и быстро попрощалась, обѣщая обязательно прійти на слѣдующій день, и торопливо ушла, тихо притворивъ за собою двери.

— Сестра зажгла свѣтъ, поправила подушки, привычно привѣтливо улыбнулась и ушла. Въ корридорѣ слышались шаги, торопливые приглушенные голоса; особенно тяжело и размѣренно ступая, кого то пронесли изъ операціонной, и въ палату донесся легкій запахъ эфира и безсмысленное отъ наркоза бормотанье больного, кто-то встревоженно требовалъ льда, кто-то хрипло и мѣрно стоналъ. Морозовъ разсѣянно прислушивался къ знакомой предвечерней суетѣ госпиталя, ловилъ привычные, уже понятные шорохи и думая объ Ольгѣ, смотрѣлъ на темнѣющій квадратъ окна. Такъ же, какъ и въ первый день, качались унылыя осеннія верхушки деревьевъ, только теперь онѣ были мокрыя, совсѣмъ черныя, а по стеклу сползали медленныя капли дождя, догоняли другъ друга, сливались въ ручейки, отражали зажженное въ палатѣ электричество и снова ползли внизъ, отсвѣчивая тусклымъ ртутнымъ серебромъ.

И снова послѣ діэтически-скуднаго ужина, пришла длинная, безконечная ночь. Опять загорѣлось внутреннимъ огнемъ тѣло, опять пришла старая еще больше ожесточившаяся боль, тысячи острыхъ молоточковъ застучали въ голову мучительно и непрерывно. Сидѣлка мѣняла мѣшокъ съ быстро таявшимъ льдомъ, давала какое-то горькое, вяжущее ротъ лѣкарство и въ промежутки садилась въ скрипучее, плетеное кресло, подавленно зѣвая. Къ утру, когда тем-

пература рѣзкими скачками стала спадать, сидѣлка заснула, по дѣтски распустивъ толстыя, блѣдныя губы. Морозовъ смотрѣлъ на ея немолодое и уродливое въ глубокомъ снѣ лицо, на ея красныя, чисто вымытыя грубыя руки, съ въѣвшимся въ кожу пальца узкимъ обручальнымъ кольцомъ и ощущалъ не отвращеніе, а жалость и благодарную нѣжность къ переутомленной женщинѣ.

— Я сталъ инымъ, думалъ Морозовъ. — Почему, по какимъ причинамъ прошла моя раздражительность, нелюбовь къ людямъ, что измѣнилось во мнѣ?

Мысль, разгоряченная ночнымъ огненнымъ жаромъ, напряженно работала съ какой-то особенной обостренной быстротой.

— Почему у меня не было спокойствія, умиротворенности, спрашивалъ себя Морозовъ и вдругъ ясно и отчетливо понялъ, что виной всему было его тѣло, требовательное, жадное и низменное, а не та человѣческая сущность, которую люди называютъ страннымъ и воздушно-легкимъ словомъ: душа. Теперь Морозову стало ясно, что нѣтъ связи между страданіями тѣла и страданіями души. Ему казалось, что теперь онъ понялъ страданія мучениковъ, первыхъ христіанъ, смерть Гуса, Христа, Галилея. Почти всѣ ухищренія ума, всѣ способности человѣка, все его время идетъ на то, чтобы добыть для тѣла нужный ему комфортъ: ѣду, легкое, удобное платье, спокойный, безопасный ночлегъ. Все это надо добыть, заработать, и человѣкъ обязанъ браться за скучный, часто механически-безсмысленный трудъ, который, какъ и у Морозова поглощаетъ весь его день, притупляетъ умъ, воспріимчивость, беретъ всю его энергію и силы. И усталая, утомленная, заброшенная душа молчитъ, и человѣкъ проходитъ въ жизни мимо прекрасныхъ мгновеній только потому, что тѣло настойчивѣе души и изо дня въ день упорно, тупо и жестоко оно предъявляетъ свои ненасытныя требованія. — Да, именно такъ, думалъ Морозовъ. — Сколько разъ, вмѣсто того, чтобы пойти къ хорошимъ, близкимъ людямъ, я оставался въ своемъ отелѣ, потому что тѣло требовало отдыха. Сколько разъ голодный, утомленный я не замѣчалъ хорошаго отношенія людей, ихъ ласки, ихъ стремленія сблизиться и подойти ко мнѣ. Сколько разъ я засыпалъ надъ прекрасной книгой, сколько разъ я отказывался отъ музыки, лекцій, театра потому что надо было сберегать силы на

завтрашнюю работу, экономить деньги на сытный обѣдъ. Теперь тѣло страдаетъ, болѣзнь ослабила его. Тѣло борется, зализываетъ раны, ничего не требуетъ, поглощенное этой борьбой и только потому я могу спокойно думать, остро переживать и разбираться въ своихъ прошлыхъ ошибкахъ.

— Значитъ до сихъ поръ моимъ властелиномъ было тѣло? — спросилъ себя Морозовъ разглядывая свои худыя, налившіяся желтизной руки. — Вотъ эти мускулы, кожа, кости. Все это обреченное рано или поздно на уничтоженіе, на гниль. Какая гадость! — вслухъ, съ брезгливостью сказалъ Морозовъ и вдругъ лукаво, почти весело улыбнулся.

— Теперь все будетъ по иному, подумалъ онъ. — Теперь я все знаю, все понялъ и прежней хитростью тѣло меня не заберетъ. Я больше не поддамся ему. Довольно быть рабомъ. Теперь я зрячій, я прозрѣлъ. Теперь я сумѣю жить. Снова выплыло лицо Ольги, улыбнулось и исчезло.

— И она будетъ счастлива, удовлетворенно подумалъ Морозовъ, закрывая глаза, чтобы яснѣе представить себѣ ея обликъ.

И, вдругъ, совершенно неожиданно, комната, какъ карусель головокружительно быстро завертѣлась, кровь зашумѣла въ ушахъ, смутно донеслась къ сознанію острая, рвущая боль, стало трудно, тяжко дышать, тревожно заколотилось, ставшее огромнымъ и тяжелымъ сердце, въ глазахъ запрыгали огненно-желтые круги и Морозовъ быстро и безвольно, безъ страха, безъ сопротивленія полетѣлъ головой внизъ въ темную, глубокую и сырую пропасть.

Когда проснулась сидѣлка, Морозовъ былъ мертвъ. Засуетились сестры, зазвонилъ телефонъ, пришелъ профессоръ. Онъ пытливо и напряженно смотрѣлъ въ спокойное, просвѣтленное, и облегченно-радостное лицо мертвеца. Казалось, что человѣкъ спитъ и видитъ счастливые сны. Профессоръ долго стоялъ, устало горбясь. Онъ остро чувствовалъ свое безсиліе, торжество еще разъ побѣдившаго врага, понималъ, что и самъ онъ уже старъ и жить ему осталось недолго. Въ сѣрыхъ глазахъ блеснули и скрылись искринки влаги. Медленно собравъ пальцы въ привычную съ дѣтства щепоть, онъ перекрестился и вышелъ.

СЕРГѢЙ ШАРШУНЪ
ПУТЬ ПРАВЫИ
отрывки изъ романа *

9. СЕРІЯ ОТБИТЫХЪ АТТАКЪ.

По вечерамъ, въ кофейнѣ, Наденька стала сидѣть — часъ съ небольшимъ, или и того меньше.

Переходя, можетъ быть, въ другое мѣсто, а вѣрнѣе — домой... очевидно — больше работаетъ, пораньше встаетъ.

Очень невесела — къ двумъ годамъ «пребыванія» съ теперешнимъ «спутникомъ» (и, когда нѣтъ физической связи) — имъ говорить, давно — не о чемъ.

Измаявшись и недождавшись Долголикова, она — снова исчезла-бы съ Монпарнасса... но, у него случилась очень интимная, и немаловажная радость (Наденька знала о существованіи нелѣпой трагедіи. Она знала — всѣ откровеннѣйшія тайны Долголикова... вѣдь нечего скрывать отъ себя — а, она для него: или онъ самъ-же, или: и еще того больше!).

И вотъ теперь (какъ не одинъ разъ бывало, и даже со злѣйшими врагами... къ которымъ Долголиковъ, какъ снѣгъ падалъ на голову — вдругъ подходя сообщить — какой нибудь, извѣстный лишь ему — фактъ или порученіе) — у него и не хватило силы: не подойти, не сказать ей, объ этой новости, о происшедшей перемѣнѣ.

Съ сердцемъ, разбивающимъ грудь тараномъ, чувствуя всю нелѣпость, невозможность, алогичность положенія: снова говорить съ Наденькой, здороваться съ ней и ея Церберомъ, послѣ многомѣсячнаго перерыва.

Лунатически продѣлалъ это.

---

*) Этотъ романъ составляетъ продолженіе **романа «Долголиковъ», отрывки** изъ котораго печатались въ 1-ой книгѣ **«Чиселъ»**.

Наденька, выслушала его — какъ будто они разстались вчера и — «между ними — ничего не измѣнилось».

Онъ попросилъ позволенія присѣсть, и — дѣланно просто и безразлично — получилъ его.

Главный Евнухъ, прибѣгъ къ саботажу — не вступая въ разговоръ.

Наденька, тоже — нисколько не заботится о разговорѣ, а, какъ птица — самозабвенно, тихонько напѣваетъ: «...my boy», проглатывая слова первой половины фразы.

Завсегдатай, такъ блистательно поддержанный въ своихъ правахъ — негромко вторитъ: «my boy».

Долголиковъ, чувствуя себя на иголкахъ, пытался вставить, хоть какую-нибудь фразу.

Вдругъ Наденька, порывисто обратилась: «въ самомъ дѣлѣ, Долголиковъ — вы говорите по англійски?» «Въ чемъ дѣло?» спросилъ онъ, помня, что она отлично знаетъ, что онъ не говоритъ, и въ то-же время, параллельно — предположивъ, что она, вѣроятно — имѣя въ виду его вѣчныя финансовыя затрудненія — нашла ему какой-нибудь заработокъ.

«Ни въ чемъ!» — сухо отрѣзала Наденька.

Слѣдующій вечеръ, Долголиковъ, уже прямо направился къ ея столику — но, она ушла, въ скоромъ времени (въ кино, на первые сеансы, Чаплинскаго «Цирка», на Большихъ Бульварахъ)... и, Долголиковъ, передъ лицомъ сплетниковъ, превратившихся въ: глаза и уши — плюхнулся за столикъ благополучныхъ иностранцевъ-супруговъ, не сразу признавъ: сидѣвшую поблизости, блиставшую глазами (съ выраженіемъ: дѣвически-благовоспитаннаго достоинства и страстнаго вопроса) — художницу датчанку, съ которой, послѣ нѣсколькольтняго перерыва, встрѣтился на-дняхъ, у пріятеля.

Третій вечеръ, Долголиковъ увидѣлъ Наденьку (съ непремѣннымъ «лоцманомъ») — за круглымъ столикомъ, съ большимъ вниманіемъ и углубленно-занятую писаніемъ писемъ; и — былъ встрѣченъ, почти беззвучно. Очень смущенный этимъ (и, ожидая еще худшаго) — конечно, не сдѣлалъ ничего, чтобы — нарушить молчаніе.

Но, черезъ нѣсколько минутъ, Наденька, съ мистической со-

средоточенностью и большой, торопливой надеждой — повѣдала, что: получила анонимное письмо, въ которомъ ей рекомендуется: точно переписать его 4 раза и разослать немедленно, лучшимъ друзьямъ — въ награду за что — исполнится, самое сокровенное и страстное желаніе.

Въ голосѣ ея — звучала, чувствовалась: истерическая поспѣшность, интимность и нѣжность, надежда и довѣріе — привлеченіе къ дѣлу — заинтересованнаго, сообщника.

Показала письмо.

Долголиковъ, одно или два такихъ, написанныхъ витіевато-таинственнымъ стилемъ — получилъ еще до войны.

Иронически сказалъ объ этомъ Наденькѣ.

(Это, во внутреннемъ ея морѣ: создало мгновенный ураганъ, не выплывшій на поверхность, превратившій воду въ пепелъ... Долголиковъ, невѣріемъ — свелъ на нѣтъ — магнитный пламень).

Уже зная суть писемъ, и — желая принять участіе онъ: сталъ слѣдить, какъ она писала, на что, Наденька сказала, съ ноткой раздраженія: «Долголиковъ, я не люблю, когда смотрятъ какъ я пишу!»

По окончаніи переписки — письма были опущены, «собственноручно», Главнымъ Евнухомъ, въ ящикъ.

Въ этотъ вечеръ, Наденька была къ Долголикову — милостивѣй и говорила по-русски (значитъ завсегдатаю, отодвинувшемуся и сидѣвшему какъ проглотивъ аршинъ — неблистательная роль маннекена).

«Что, фильмъ хорошій?» — спросилъ Долголиковъ. «Очень!», ничего не пояснивъ, отвѣтила она — но, Долголиковъ почувствовалъ, какую-то связь между ея настроеніемъ и содержаніемъ «Цирка».

Сидѣли напротивъ (такъ она требуетъ), говорили негромко.

Одинъ моментъ — Наденька облокотилась.

«Боже мой, какъ близко ваша ручка — когда-то, я цѣловалъ ее!... Что случилось съ нами?!».

Наденька, порывисто снявъ руку со стола — замерла въ движеніи — напрягшись, упавъ въ себя — и, низко опустивъ голову: плакала, не роняя слезъ.

Долголиковъ — почти не удивился, но ему стало жалко ее (въ глубинѣ-же, мелькнуло желаніе, чтобы она разрыдалась «во сви-

дѣтельство») — и, умолкнувъ — уставился на нее, пережидая — когда она овладѣетъ собой.

Черезъ минутку, Наденька — подняла глаза, и — первая заговорила о безразличномъ — и, какъ каждый разъ — скоро ушла.

Долголикова, какъ оторванный листъ — швырнуло вѣтромъ, къ столику, сидѣвшихъ наискосокъ соотечественниковъ, и — Викторина, не безъ горячности, воскликнула: — «ну, когда-же въ Россію? — вы столько говорили объ этомъ, что, теперь — отказаться уже невозможно!».

Четвертый вечеръ «онъ» — держался агрессивнѣй. Они сидѣли у стѣны, на плетенномъ диванѣ.

Положивъ руку за Наденькину спину, «онъ» гладилъ мѣхъ ея манто (но, такъ, что — она могла и не чувствовать) иногда, будто сбрасывая пушинку.

Цѣдилъ слова: высокомѣрно — ровнымъ голосомъ, говоря въ первомъ лицѣ множественнаго числа: мы.

Наденька-же пѣла: «...my boy».

Подошелъ: назойливый торговецъ венгръ, съ подносомъ сластей: — «cacahuettes, et des cacahuettes, et des cacahuettes!» — подставляя ихъ для разглядыванья.

Наденька, отъ угощенья — отказалась.

— «Мы», не хотимъ ничего, кромѣ ананасовъ, а, у васъ ихъ нѣтъ!» — барственно сказалъ, продавцу «онъ».

Долголикову стало невтерпежъ — онъ попрощался и — не безъ внутренней язвительности — пересталъ ходить въ кофейню.

14. ПУТЬ ПРАВЫЙ.

Въ воскресенье, Долголиковъ, зайдя передъ концертомъ на Монпарнассъ и ободренный тѣмъ что: Лучшая Подруга, сидѣвшая съ Наденькой, и ждавшая его поклона — охотно на него отвѣтила, — обойдя кофейню, и въ нерѣшительности потоптавшись въ дверяхъ, вытирая, мокрые отъ дождя, очки — набрался храбрости, и — такъ, съ очками въ рукахъ — и, подошелъ.

Не раскланиваясь и не снявъ шляпы — сказалъ, болѣе или менѣе — членораздѣльно: «Надежда Павловна, я считаю нужнымъ, сообщить вамъ о небольшомъ дѣлѣ. Желаете выслушать?» — «нащетъ чево?» — спросила она доброжелательнымъ и мягкимъ голосомъ, какъ-то: смачно по-русски, по-московски (Наденька:еврейка — хотя это опредѣленіе нисколько ее не характеризуетъ), почвенно, «съ поволокою», въ развалочку (Лучшая Подруга — вернулась года полтора изъ Москвы).

«Нѣсколько лѣтъ назадъ, мы съ вами — были у одного кинографическаго дѣльца, — такъ вотъ, онъ, на-дняхъ, подошелъ ко мнѣ на Монпарнассѣ, и спросилъ о васъ. Онъ, не только вашей фамиліи — но, и лица даже — не помнитъ, но спросилъ меня, что: у васъ лицо одухотворенное? — я отвѣтилъ утвердительно. Онъ сообщилъ, что — его, иногда — просятъ найти подходящихъ артистовъ».

«Меня это не интересуетъ!» — сказала Наденька.

«Я, такъ ему тотчасъ и отвѣтилъ: что, васъ это, едва-ли интересуетъ, развѣ-лишь, очень большая, первая роль. Я старался, на всякій случай — сообщить ему вашъ адресъ, а онъ — взялъ только мой».

Протрещавъ все безъ запинки, Долголиковъ — раскланялся и ушелъ — торопясь на концертъ — выполняя программу нынѣшняго дня (что и помѣшало, до нѣкоторой степени эластичности его тактики).

Не попавъ на концертъ — онъ вернулся на Монпарнассъ — но Наденьки уже не было.

На слѣдующій день, войдя въ кофейню, Долголиковъ увидѣлъ ее — поглощенной чтеніемъ газеты (конечно: «Le Journal»... потому-что, какъ выяснилось однажды изъ разговора — тамъ сотрудничалъ, художественный критикъ — много сдѣлавшій для Долголикова... уже давно перешедшій въ другую газету).

Выйдя-же, и — не зная что дѣлать — вернулся снова; но, встрѣтившись съ ней глазами — ни подойти, ни поклониться: мужества не нашелъ.

Отъ отчаянія, а такъ-же потому — что на него свалилась бо-

лѣзнь желудка, Долголиковъ — нѣсколько дней, на Монпарнассъ не приходилъ.

Но, хотя болѣзнь все возрастала — рѣшимость «возобновить знакомство» — окрѣпла совершенно («я теперь такъ слабъ, что едва-ли сумѣю сдѣлать ее женщиной!»).

По его возвращенiи на Монпарнассъ, по сосѣдству съ Наденькой, каждый разъ — сидѣли соотечественники, общiе знакомые — и, Долголиковъ, не подходилъ — опасаясь быть оскандаленнымъ, у нихъ на глазахъ.

Тогда, онъ рѣшилъ: придти въ кофейню, пока ее нѣтъ — и, убѣдившись въ этомъ — ждать на бульварѣ.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней — это и случилось и, волнуясь, Долголиковъ — отправился къ ней.

Зашагалъ довольно бодро — стряхнувъ раза два дрожь.

Вотъ онъ — во дворѣ дома... но: одна, другая, третья мастерская, а — карточки на дверяхъ, все нѣтъ! («неужели сняла изъ опаски?»), наконецъ: на облупленной двери щелушинка, съ ея фамилiей.

Долголиковъ — настолько чувствовалъ себя вправѣ — переступить порогъ этой двери, что: тотчасъ, тихонько стукнулъ... и, въ то-же мгновенiе, услышалъ оттуда — женскiе голоса... отступленiе отрѣзано! — но, кромѣ того, онъ: непривычно, легкомысленно и храбро: рѣшилъ, что это, почти навѣрное: сестра, или Лучшая Подруга; «при моемъ появленiи онѣ, вѣроятно, не очень задерживаясь — уйдутъ».

«Entrez!», тотчасъ-же, спокойно и негромко, изъ глубины мастерской, произнесла Наденька.

Какъ ни неожиданно, ни невѣроятно было его появленiе: она не выразила ни малѣйшаго изумленiя.

Незнакомая, но видѣнная на Монпарнассѣ женщина, какими-то внѣтѣлесными движенiями — удивленiя своего, спрятать не сумѣла, (не захотѣла). Наденькина-же сестра: стала къ Долголикову бокомъ, непрiязненно насторожившись.

«Вы, сегодня въ «Домъ» — развѣ не собираетесь?» — обратился онъ къ Наденькѣ, подходя здороваться.

«Нѣтъ» — отвѣтила она ровно, пожимая руку.

Сестра, здороваясь — не скрывала: ни своей недоброжелательности, ни физическаго отвращенія.

«Вы нездоровы?» — съ тревогой спросилъ Долголиковъ, замѣтивъ что Наденька въ манто.

«Нѣтъ».

Она сдѣлала жестъ — знакомя Долголикова со Швайхичъ. (Честь и симптомъ, на которые онъ — мало и надѣялся!

«Дѣло-то, выходитъ: выиграно!» — пронеслось, радостно, въ его сознаніи.)

«Что это, я, хотѣлъ сказать, вамъ?!», воскликнулъ Долголиковъ, приложивъ руку ко лбу, и какъ-бы кружась, отъ напряженія припомнить.

Онъ, весь: кипящій, гудящій мѣдный котелъ, и вотъ — изъ чада, изъ пара — вырвалось: «ахъ, да: Новое общество художниковъ, устраиваетъ вторую выставку... вы слышали объ этой организаціи? Двѣ выставки въ годъ — это неплохо!

Они даютъ, каждому — почти четыре метра въ ширину, и — картины можно повѣсить въ два ряда — а, надъ вами — никого!» лепеталъ Долголиковъ, почти несоображая.

«Нѣтъ мнѣ не хочется выставлять».

Женщины возобновили, прерванный его приходомъ, разговоръ (Швайхичъ, очевидно — только-что вошла).

Темой служила — неисправная печка, о которой говорили, очевидно, еще вчера и Швайхичъ — обѣщала помочь.

(Долголиковъ, какъ-то даже удивился, увидѣвъ, что печь не типа саламандры, а: «godin»).

Она стояла у лѣвой стѣны и, прямая труба, безъ единаго колѣна — шла почти, до потолка.

Былъ у нея какой-то порокъ — передъ ней лежали: длинные спаявшіеся, несгорѣвшіе угли; и, Наденька, взявъ совокъ — потыкала имъ, внутрь печки, говоря, что — тамъ: угли слились въ сплошную, каменную пробку.

— А, вы перемѣните уголь — посовѣтовала Швайхичъ.

«Испробовала уже всѣ, какіе есть» — отвѣтила Наденька.

— Перемѣните угольщика!...

Онъ сейчасъ придетъ и устроитъ — добавила Швайхичъ, по-

молчавъ; надо только, чтобы вверху былъ гвоздь, иначе, труба — держаться не будетъ — высказала она свои соображенія.

«Нужно лѣстницу, — Катя, сходи къ консьержкѣ, спроси — у нея должна быть» — попросила Наденька сестру.

Катя, предупреждая движеніе Долголикова — сорвалась съ мѣста.

Постоявъ и походивъ около печки — Наденька и подруга — сѣли въ сторонѣ, не обращаясь къ Долголикову. Швайхичъ сидѣла — лицомъ къ нему, съ немного оборонительнымъ и непріязненно-недоумѣннымъ видомъ.

Наденька — на невысокомъ столѣ, повернувшись къ ней.

Долголиковъ смотрѣлъ на ея профиль; такой онъ, не видѣлъ ее, вѣроятно съ Вѣны.

Всѣ эти года, съ тѣхъ поръ какъ «имѣлъ право видѣть ее, только издали, въ кофейняхъ», она выглядѣла — много здоровѣе, полнѣе, свѣжѣе, жизнеспособнѣй, чѣмъ въ годъ знакомства. А, — сейчасъ, опять: копія съ рѣпинской картины «Іоаннъ Грозный, убившій своего сына».

Лицо — умирающаго человѣка, уже не принадлежащаго землѣ. Матово-лимонноватая, зеленоватая, плѣсневѣлая — прозрачная кожа. Стеклянные глаза.

По лѣвой сторонѣ, кубическаго, но прекраснаго лба (она сидѣла въ характерной позѣ — наклонившись впередъ) разметались пряди волосъ («вамъ нужно, волосики носить — плотно прилегающими къ головѣ», вспомнилъ Долголиковъ, сказанную нѣсколько лѣтъ назадъ фразу).

Сестра — вернулась черезъ нѣсколько минутъ.

Долголиковъ, поджидавшій ея появленіе бросился открывать дверь.

Замѣтивъ, что онъ дѣлаетъ жестъ, принять лѣстницу, Катя — рванула ее, злобно выбирая мѣсто — гдѣ поставить. Потомъ, подойдя къ Наденькѣ, почти вплотную, закрыла ее отъ Долголикова — состроивъ на его счетъ гримасу, на что Наденька — отвѣтила ей взглядомъ — совсѣмъ не поощряющимъ.

Швайхичъ разсказала о своей печкѣ, за которую выплачива-

етъ по пятидесяти франковъ ежемѣсячно, которую она зажгла, всего одинъ разъ (съ тѣхъ поръ — горитъ непрывно).

«Неужели одинъ разъ?!» — удивилась Наденька.

(«Вотъ Наденькѣ-то, надо-бы, именно такую!» — подумалъ Долголиковъ).

— Купите и вы себѣ — посовѣтовала Швайхичъ, Наденькѣ.

«А эту куда-же?»

(У Долголикова — не хватило духу, попросить продать ее, ему).

Разсказывая, какъ ее печка хорошо устроена, Швайхичъ заявила, что: она, внутри — обложена кирпичемъ... тогда Долголиковъ, набрался смѣлости сказать, что и эта, несомнѣнно — тоже, подошелъ къ ней и раскрылъ, для демонстраціи.

«Но, конечно, когда она раскалится — здѣсь становится, вѣроятно, похожимъ на адъ», неудачно — закончилъ онъ.

Его беззвучно выслушали, не остановивъ, не перебивъ — но, и не вставивъ, ни слова — тотчасъ возобновивъ разговоръ между собой.

Долголиковъ окинулъ взглядомъ мастерскую, въ которой находился въ первый разъ — (если не считать, нѣсколько-минутнаго стоянія, однажды, у самой двери).

Она: почти кубическая — метровъ пять. Стѣны и потолокъ — бѣлыя, на полу — линолеумъ. Во всю ширину задней стѣны: «Suspende» — полокъ, (который, онъ зналъ это — Наденька сдѣлала на свои деньги) со ступенями съ правой стороны, — перегороженный надвоѣ, не-то — ширмочкой, не-то — низенькимъ гардеробомъ, не закрывая отъ «зрителя», снизу — маленькой, бѣлой кроватки.

На стѣнахъ — ни одной картины (въ прошлый разъ были) а, лишь: на лѣвой и правой, по двѣ или по три — маленькія, азіатскія, очевидно — статуэтки, на кубикообразныхъ подставочкахъ — а, почти надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидитъ Наденька — древній образъ св. Николая Чудотворца — привезенный изъ Вѣны... а, можетъ-быть, и изъ Россіи, — на окнѣ газовая кухня; есть-ли электричество — Долголиковъ не замѣтилъ.

Подруга спросила Наденьку: слышала-ли она, о скандалѣ, ра-

зыгравшемся въ эту ночь, въ квартирѣ Котелка, гдѣ передрались — прiѣзжiя московскiя знаменитости и ихъ здѣшнiе друзья.

«Я — видѣла ихъ вчера въ кофейнѣ, но — не пошла», — отвѣтила Наденька.

«Сейчасъ Бергъ — сидитъ въ «Домѣ» — безъ синяковъ и повязокъ», вставилъ Долголиковъ.

— Онъ не участвовалъ — сказала Швайхичъ.

— «Вотъ мнѣ: не къ чему печку топить — стѣны теплыя: всѣ трубы за моей стѣной идутъ — днемъ тепло — ночью, съ открытымъ окномъ сплю» — сказала Катя.

(«Живетъ въ бывшей наденькиной комнатѣ» подумалъ Долголиковъ).

«Неужели вамъ не холодно?» спросила Наденька, зябко коробясь.

— Нѣтъ, такъ, одѣтой — не холодно — отвѣтила Швайхичъ.

«У меня — нетоплено въ первый разъ — я такъ не привыкла» сказала Наденька.

«Главное — въ два часа урокъ, а уже къ тому времени — должно быть тепло», добавила она.

(«Наденькины дѣла плохи — ей ищутъ уроковъ!» сокрушался про себя Долголиковъ).

— Да, прiѣдетъ изъ Пасси — подтвердила Швайхичъ.

«Ну, такъ у васъ нѣтъ времени, уже безъ четверти часъ! Нужно, лучше: постараться разбить комъ угля въ печкѣ — и затопить ее, а передѣлать уже послѣ»... — «сейчасъ придетъ одинъ господинъ и все сдѣлаетъ!» запальчиво срѣзала Долголикова, Катя.

Самообладанiе, надежды Долголикова — начали убывать. Онъ стоялъ одинъ, почти на серединѣ мастерской и, Катя, спиной — загораживая ему сестру — психологически дѣйствовала, какъ: гидравлическiй, вытѣсняющiй его — прессъ, — но, все-же, онъ думалъ, про себя: «хотя ты и сестра — но, я пришелъ не къ тебѣ, и — въ наденькиныхъ дѣлахъ — ты смыслишь немного».

— Вы-бы сходили, закусили — предложила подруга.

«Теперь — уже не стоитъ, послѣ» отвѣтила Наденька.

(Долголиковъ — принялъ это, какъ указанiе мѣста, гдѣ она будетъ).

— А, Катенька? —

«Она уже поѣла здѣсь».

«Времени, еще почти часъ — позвольте мнѣ, попробовать затопить печку» навязался, еще разъ Долголиковъ.

— Онъ сейчасъ придетъ и — все устроитъ — отозвалась Швайхичъ.

«Развѣ, что — спеціалистъ!».

— «Да!!» бросила Катя.

«Ну, милая моя — ты кажется страдаешь фобіей; когда мы съ Наденькой будемъ въ близкихъ отношеніяхъ — она дастъ тебѣ, наконецъ — понять, и можетъ-быть и у меня самого — не хватитъ выдержки!» вскипѣлъ про себя Долголиковъ, и — не имѣя больше силы — противустоять ей: вмѣсто того, чтобы остаться, и по приходѣ спеціалиста — чѣмъ нибудь помочь ему: простоявъ еще нѣсколько минутъ — подошелъ къ Наденькѣ: «честь имѣю кланяться, Надежда Павловна».

«До свиданья».

Катя, едва коснулась его руки. Въ Швайхичъ — чувствовалась торжествующе-саркастическая гримаска.

Долголиковъ вмѣсто кофейни, какъ-бы сдѣлалъ всякій другой — пошелъ домой: съѣсть нѣсколько ложекъ супу, почитать, повопить — «Наденька моя, — Наденька-то вѣдь — моя!»

«Урокъ въ два — прозанимается: часа полтора, два, — въ четвертомъ часу — пойду въ «Домъ» рѣшилъ онъ.

Вѣроломный желудокъ — задержалъ, Долголикова, но, онъ подошелъ къ кофейнѣ — минутъ безъ двадцати — четыре.

Наденька — съ женщиной, сидящей спиной ко входу... но Долголиковъ, немедленно сообразилъ, что — это: молодая американка, наденькина ученица и въ прошлые пріѣзды въ Парижъ.

Еще разъ подойти, при постороннихъ, онъ — уже не рѣшился... даже — едва хватило воли, попробовать поклониться — сдѣлавъ это: неувѣренно и какъ можно менѣе замѣтно.

Наденька — охотно отвѣтила — но, Долголиковъ уже миновалъ ихъ; оглянувшись-же, вступая въ слѣдующій залъ — увидѣлъ что американка смотритъ на него, узнающими глазами... конечно — не поклонился.

Уныло обошелъ, почти пустую кофейню — и, остановившись въ дверяхъ — простоялъ нѣсколько минутъ (на виду у Наденьки) — убиваясь, что не подошелъ и — не рѣшаясь сдѣлать это теперь (оба, давно знали, что — если Долголиковъ не подойдетъ немедленно — то, на сегодня — «пиши пропало»).

И остатокъ вечера, и ложась спать, особенно-же, утромъ: Долголиковъ, все больше и больше — «розовѣлъ»: изъ мглы одиночества, одичанія — отчалилъ, двинулся куда-то; таяли: льды, стеклянные колпаки тюрьмы; забрезжило, повѣяло утромъ; дрогнули въ запрозрачневѣвшемъ воздухѣ, засеребрились — звуки: арфы, лютни, лиры.

Мертвецъ воскресалъ.

«Наденька-то: моя!... моя, моя — Наденька-то!» («Миръ, Наденька! Миръ, нѣжный дружокъ! Не будемъ больше, по такимъ пустякамъ — прерывать отношеній!» — провоплю я ей — клянусь быть болѣе сдержаннымъ!») твердилъ Долголиковъ, ластясь — засыпая и нѣжась, прижимаясь къ постели — утромъ.

«Сегодня-то ужъ — мы съ Наденькой будемъ вмѣстѣ! И, если она и не будетъ, нынче-же — принадлежать мнѣ — то: прольемъ ручьи слезъ — сквозь упреки и изліянія, объятья и поцѣлуи!

Если въ «Домѣ», ее — еще не будетъ: пойду къ ней... нѣтъ, лучше буду ждать на бульварѣ... не знаю! но — пойдемъ мы къ ней... у меня: холодно, грязно, неуютно!»

Замѣтивъ, еще со вчера: что болѣзнь желудка пріостановилась — сегодня утромъ чувствовалъ себя, уже — на пути къ выздоровленію: поднялась энергія, жизневоспріятіе, — и онъ, легко, приподнято, ясно, весело даже, и не слишкомъ волнуясь: пошелъ на Монпарнассъ, все прибавляя шагу — и, подойдя къ кофейнѣ — не тратя времени на осмотръ сидящихъ снаружи — направился къ двери... и — увидѣлъ Наденьку, у самаго барабана — силой своего взгляда, какъ встрѣчнымъ вѣтромъ — заслонившей ему входъ.

Долголиковъ — былъ настолько залитъ розовымъ свѣтомъ, настроилъ себя на опредѣленный ладъ, ушелъ по этой дорогѣ, что: такъ, по ястребинному, и радостно улыбаясь — и, бросился къ ней.

И она: нисколько не враждебная, не сварливая, не оскорбленная, не отворачивающаяся, ни незамѣчающая — нѣтъ! — смотритъ

на него, и вся свѣтится: лаской, добротой и, м.-б. счастьемъ — но протягивая руку, она: какъ-бы спохватывается, рука ее, какъ-бы падаетъ въ обморокъ; какъ дрессированное животное, знающее, что — за такимъ-то жестомъ или звукомъ хозяина — всегда слѣдуетъ — такой-то актъ, по отношенiю къ нему (допустимъ — ударъ), потому-что, одновременно, она, произноситъ: мягкимъ, почти радостнымъ, теплымъ, задушевнымъ, изъ глубины идущимъ — голосомъ: «вѣдь я говорила, Долголиковъ, что — ко мнѣ подходить нельзя!»

Едва-ли, животное, на «христiанской» бойнѣ, раньше чѣмъ быть убiеннымъ, и — получая ударъ обухомъ по головѣ: болѣе ожидало этого, чѣмъ Долголиковъ!

«Хорошо!» прошепталъ онъ (въ первый разъ, въ десяткѣ подобныхъ случаевъ, у него — «явился даръ слова») и какъ: рыба, птица или насѣкомое—ударившись, съ размаху, о преграду, и не лишившись сознанiя — взмываетъ: крутымъ, дугообразнымъ движенiемъ — такъ и онъ: не остановивъ лета — стрѣльнулъ влѣво, къ двери — (подъ изумленный взглядъ, пожилой сосѣдки) — и, вошелъ внутрь кофейни, — мутно, механически, почти ничего не видя и не соображая.

Сидѣвшiй прiятель художникъ — настойчиво уставился на Долголикова. У него, послѣзавтра: открытiе выставки, и — онъ раздаетъ приглашенiя.

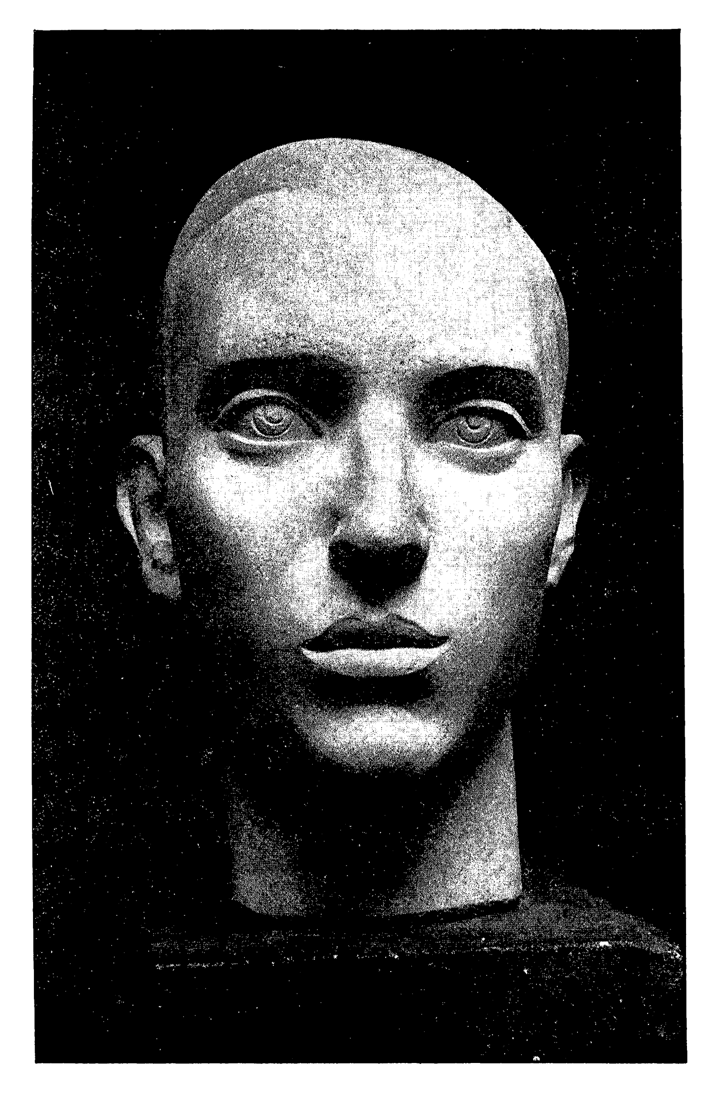
У Долголикова, хватило самообладанiя — сдѣлать ему жестъ, рукой.

Вышелъ — той-же дверью, въ двухъ-трехъ шагахъ отъ Наденьки, отгороженной стекломъ — не взглянувъ въ ея сторону.

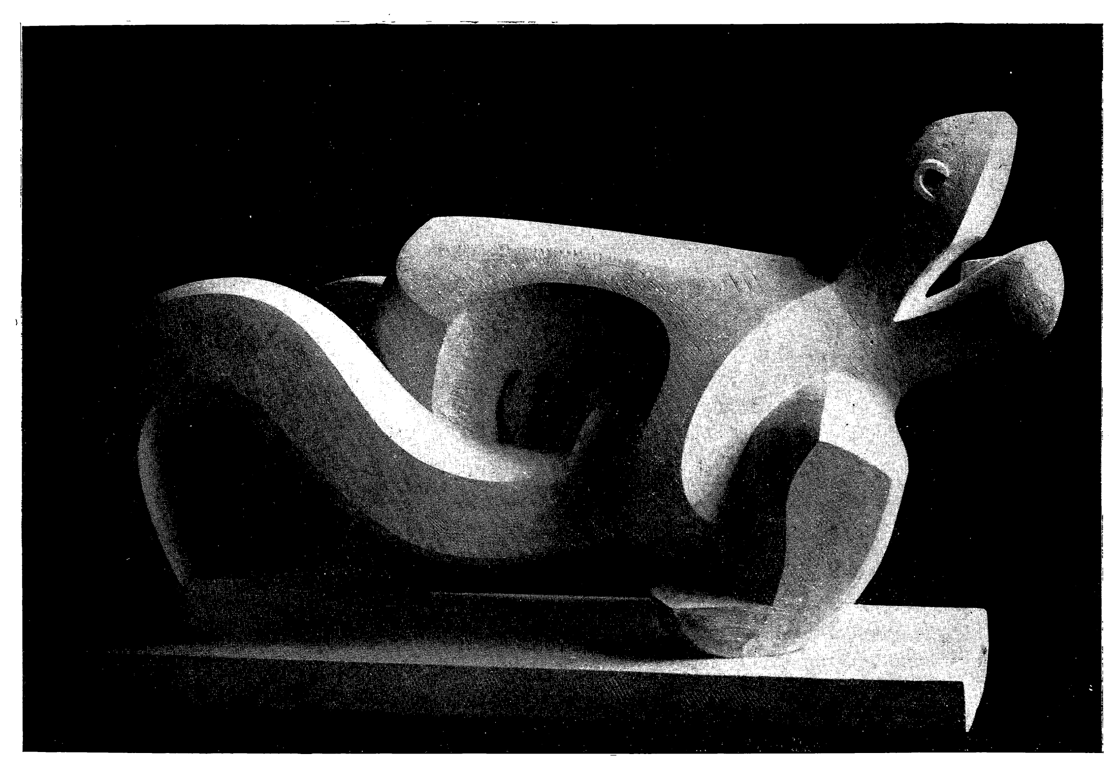
Но: убiеннымъ или даже смертельно раненнымъ, какъ въ предыдущiе разы—онъ себя не чувствовалъ. (Вопль: «конецъ! смерть! кинуться въ публичный домъ, или — изойти въ онанизмѣ!» — стоялъ въ немъ, всего нѣсколько минутъ).

Сквозь ошарашенность — Долголиковъ, все-же чувствовалъ: совершенную несогласованность окраски наденькиной настроенности, съ произнесенной фразой.

Первыя минуты и часы, онъ — такъ формулировалъ, свое положенiе: «и теперь «въ нашихъ отношенiяхъ ничего не измѣнилось» — вѣдь она, несмотря на доброту и умъ: все-же женщина; натура,

Я. Липшицъ. Портретъ Р. Радигэ *J. Lipchitz. Portrait de R. Radiguet*

Я. Липшицъ. Композиція. *J. Lipchitz. Composition.*

природа, инстинктъ — взяли перевѣсъ: она, просто — наказываетъ меня (ну, да: мститъ!) за то, что я ее заставляю такъ долго страдать, мѣсяцами — не бывая съ ней, («я такъ больше не хочу!»)».

Нужно: замаливать грѣхи, выпросить прощенье!

Черезъ нѣсколько дней, еще углубляясь въ отношенія, Долгoликовъ додумался: «нѣжнѣйшимъ, умоляющимъ голосомъ, звучавшимъ какъ музыка, мнѣ было сказано, всего, что — нельзя подходить... и это не пустой звукъ, не кокетство, не способъ отдѣлаться — эта фраза, всегда одна и та-же: формула, синтезъ — единственный, настойчиво предлагаемый ею пять лѣтъ! Время понять, что — только базируясь на немъ — можно наладить отношенія!»

На слѣдующій день — находясь внѣ дома, шагая по Парижу — ужасъ происшествія быстро стирался — и, Долголиковъ, даже сталъ: веселъ и радостенъ — додумавшись: «Наденька не позволяетъ подходить къ ней... но, нѣсколько лѣтъ назадъ — вѣдь сидѣлъ-же я, каждый вечеръ, въ Ротондѣ, мѣсяцевъ восемь, не раскланиваясь — противъ нее (а послѣ этого—чего только не было!),—такому любованію — она нисколько не противится, напротивъ: терпитъ и ищетъ его. Она возводитъ нашу любовь, до — идеальной, дантовской, петрарковской — вѣдь она (и не одинъ разъ!) говорила въ этомъ смыслѣ!

Итакъ: взаимное любованье — черезъ: плечи, головы (садящихся нарочно, чтобы заслонить), чувствующихъ себя привиллегированными — ее приближенныхъ!

М.-б. до смерти; м.-б. до благопріятныхъ обстоятельствъ, черезъ нѣсколько лѣтъ — когда создастся возможность — встрѣтиться гдѣ нибудь, на нейтральной почвѣ, и тогда — само собой, непредвидѣнно, случайно... — произойдетъ все, что обычно бываетъ.

А, м.-б.:... помѣхой служитъ и то, что: подходя къ ней — я, каждый разъ, неизмѣнно (какъ sine qua non), несу съ собой: притязанія на обладаніе ея тѣломъ, на поцѣлуи, на ласки, на нѣжность... и — этой-то неизбѣжности она и противится, всѣмъ своимъ интеллектомъ!

Нужно: стать ея непритязательнымъ другомъ, тѣлохранителемъ, сопровождающимъ, м.-б., даже — фиктивнымъ женихомъ!

Теперь ей — особенно тяжело, потому-что: послѣдній, испол-

нявшій эту роль два года, Главный Евнухъ — отстраненъ и около нея — нѣтъ мужчины-слуги.

Вступить, пойти — сознательно, благородно на этотъ тягчайшій путь, заслонить ее собой, разсѣять: кошмаръ и сплетни, опутавшія ее: грязной, клейкой ватой.

Боже мой — не отвернусь отъ креста — это, единый путь правый!

М.-б., за великія страсти и—награда будетъ великая (на землѣ) — если-же этого не произойдетъ: воздвигнусь на путь жизни вѣчной!!...).

26. НЕСИЛЬНОЕ ЖАЛО

Съ ослабленіемъ взаимной телепатической связи, безъ наденькинаго водительства, воля Долголикова — начала ослабѣвать.

Спертое, сдерживаемое, много лѣтъ, дыханіе — почувствовало притокъ воздуха.

Стало: холоднѣе, вольнѣе.

Долголиковъ — сорвалъ температуру (раскаленнаго кирпича, изжоги, запора) — которой, когда она была, привыкнувъ — не осознавалъ.

«Шесть лѣтъ, она только и дѣлала, что: обливала меня холодной водой, оскорбляла, осаживала.

Безнадежно! Все — тысячу разъ упущено, и запутано окончательно! Сколько разъ, она говорила, съ самыхъ первыхъ дней знакомства: «все равно, Долголиковъ — ничего не выйдетъ!» — сколько разъ, недвусмысленно намекала, что — не хочетъ (не можетъ?) — физической связи!».

Туманно, съ боку, извнѣ его жизни — начала выплывать, оживать: Викторина, — съ которой — благодаря старому знакомству съ мужемъ, Зендельштейномъ — случилось, нѣсколько разъ сидѣть въ кофейняхъ — и, которая была — изъ категоріи женщинъ, отвѣчающихъ его идеаламъ.

Кромѣ этого: великоросска, христіанка, съ живымъ, природнымъ русскимъ языкомъ, — хорошей семьи и воспитанія; и, при

первомъ же случаѣ (пришлось долго ждать) — показавшая свое «расположеніе».

Только бѣженство, заставило ее — сойтись съ хорошо зарабатывающимъ Зендельштейномъ.

Долголиковъ, ей, нравился — хотя, она и знала, что, онъ «не свободенъ» — и, знала «въ кого», интересуясь ходомъ дѣла и, при случаѣ (съ разстановкой въ нѣсколько лѣтъ) — «напоминая о себѣ». Знала и то, что — Долголиковъ не умѣетъ зарабатывать деньги

Уже, съ годъ назадъ — дичая отъ безлюдья, и — полнаго отсутствія женщины въ своей жизни, — не только въ смыслѣ физіологической связи, но просто: отъ невозможности — пожать женскую руку, быть въ присутствіи женщины, слышать: нѣжный, ласковый женскій голосъ (... хотя, зная, что —хочетъ большаго... но, въ самой глубинѣ себя — не сомнѣваясь, что: отстранился-бы, съ ледяной холодностью — и отъ самыхъ пламенныхъ объятій): онъ и подошелъ къ Викторинѣ—раза два-три, и не смотря на ея авансы—послѣ немудраго выпада мужа: «у васъ жилетъ — какъ у gigolo» — со всегдашней прямотой, сказавъ себѣ, что: Зендельштейнъ имѣетъ право ревновать — ретировался.

Но вотъ, хотя и не позабылъ урока, Долголикова — снова потянуло къ Викторинѣ.

Безвольный, неэнергичный и холодно-чувственный, онъ — дня два: показывалъ ей, что — открываетъ охоту: предварительно «поклонившись съ удареніемъ», потомъ походивъ передъ кофейней — поболталъ не присаживаясь, и — наконецъ, уже на второй-третій день, вечеромъ — попросилъ разрѣшенія сѣсть.

Викторина держалась: напряженно-сдержанно, не отнимая ноги, которой Долголиковъ касался колѣномъ.

Говорила — о литературѣ, о Гоголѣ и Достоевскомъ — употребивъ выраженія: «скульптурно» — «онъ лѣпитъ».

«Ну, гдѣ ей до Наденьки!... Наденька, прекраснѣйшій духъ мой безтѣлесный! Умнѣйшая, глубочайшая, оригинальнѣйшая изъ людей!» твердилъ про себя, Долголиковъ — слушая Викторину.

«Нѣтъ, жениться на ней — не стоитъ!»

Скоро ушелъ.

На слѣдующій вечеръ — Долголиковъ подступилъ къ Викто-

ринѣ уже съ новой программой: кисло приглашая пойти погулять, (...а, затѣмъ — и, завести къ себѣ).

Клалъ руку на ея ногу, — она, не протестуя, на приглашеніе — не отвѣтила.

За столикъ набралось много народу.

Одинъ художникъ — отпустилъ плоскую остроту.

Долголиковъ, пропустивъ ее мимо ушей — вдругъ, понявъ скабрезный смыслъ — закатился спазматическимъ, истерическимъ смѣхомъ, перешедшимъ, почти, въ рыданье — увлекши за собой остальныхъ.

(Сколько мѣсяцевъ, даже лѣтъ — не смѣялся Долголиковъ?!)

Слѣдующіе дни — онъ уже больше не подходилъ.

«Не стоитъ оставлять, — игры всей жизни... помимо того, что — просто не сумѣю взять ее... или, если-бы даже и удалось — несумѣлъ-бы скрыть отъ мужа!!... а, что, тогда — дѣлать съ ней... «всерьезъ»?!

Викторина, встрѣчала Долголикова, глазами — разочарованно.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

СЕМИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ

Осень, зиму и весну — Наденька показывалась, въ привычныхъ кофейняхъ — много рѣже.

(Долголиковъ — предположилъ, поэтому, что — она обосновалась въ другомъ мѣстѣ, находящемся, такъ-же на Монпарнассѣ, но — «не освященномъ традиціей», — внѣ его «надзора»).

Однако, отправляясь, нѣсколько разъ въ недѣлю, на русскія и французскія — антропософическія лекціи, или возвращаясь, и обходя — «подвѣдомственныя учрежденія», онъ, нѣсколько разъ — видѣлъ ее, и — даже и по этимъ рѣдкимъ встрѣчамъ: былъ «въ курсѣ дѣла».

Въ ея жизни — «ничего не измѣнилось» — жизни у нея небыло: была лишь — «несмерть».

Автоматически, безучастно она: стояла на ногахъ или спала, дышала, ѣла.

Большихъ и, даже веселыхъ компаній, какъ бывало раньше, вокругъ нея — не было.

Всегда вдвоемъ, съ очереднымъ «любовникомъ», или — еще и съ его ближайшимъ другомъ, пришедшимъ — «порадоваться на его счастье, удачу».

Такой претендентъ, могъ быть: и, инженеромъ, служащимъ у большевиковъ, — американскимъ или сѣверо-европейскимъ художникомъ, писателемъ, — графомъ, княземъ, м.-б. — чекистомъ; но, это, всегда люди: дошедшіе уже до половины жизненнаго пути, сдержанные, скромные, неглупые — уже рѣшившіе было — остаться холостяками; но, вотъ: въ ихъ, доведенную до равновѣсія, жизнь — вдругъ, смертельнымъ блескомъ — врывалась, Наденька.

Въ авантюру они пускались: осмотрительно, терпѣливо, — но, быстро: молчавшіе годами, а м.-б., иногда, и, первый разъ овладѣвшее ими чувство — въ ихъ жизнь: вносило невообразимый хаосъ.

(Прощаясь, накануне, ночью, у ея дверей, и — выудивъ, за вечеръ, изъ разговора, какое-нибудь, нужное ей — пустячное дѣло: тратили утро — на его выполненіе, къ полудню — подносили результатъ, потомъ: умоляли — позволить вмѣстѣ, обѣдать, — оттуда — выпить чашку кофе; послѣ этого, если Наденька расположена работать — захочетъ разстаться; но — вечеръ, она привыкла коротать вмѣстѣ... (однако, если «сопровождающій» — еще совсѣмъ «свѣжій» и, хотя немного, настойчивъ — Наденька, преодолѣвъ истерическую спазму, безразлично — согласится: перейти въ другую кофейню, поѣхать въ большой магазинъ, въ Луврскій музей, по выставкамъ, м.-б., даже — въ Багатель, а послѣ ужина — въ театръ, въ кино)... и, до знакомства съ ней — считавшійся исполнительнѣйшимъ: инженеръ, журналистъ, дѣлецъ, художникъ и т. д. — вынужденъ: изворачиваться, извиняться, пропускать сдѣлки, начать занимать деньги, м.-б. — лишиться мѣста).

И вотъ, такъ: пропламенѣвъ, промучившись, безплодно прождавъ «смягченія ея нрава», въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или мѣсяцевъ, но придумавъ, наконецъ, какое-нибудь «неопровержимое»

доказательство, ея тайнаго къ нему — расположенія, — съ другой стороны — отдавая себѣ отчетъ, что: свою дѣловую жизнь, онъ — неисправимо компрометтируетъ, и, что — только, немедленная женитьба на Наденькѣ — можетъ его возстановить:... бросается, внизъ головой, въ пучину... выбираясь на берегъ... совсѣмъ въ новой, неожиданной странѣ... изъ которой, въ жизнь — возвратъ находятъ, немногіе.

Съ осени, такой «любовникъ» — не старше ея возрастомъ (и, уже только поэтому) — продержался на поверхности — очень недолго; слѣдующій — нѣсколько мѣсяцевъ.

Отъ одной встрѣчи до другой, раздѣленныхъ нѣсколькими недѣлями, Долголиковъ — отдавалъ себѣ отчетъ, что — уходитъ отъ Наденьки все дальше.

Надежда — увидѣть ее, на литературныхъ вечерахъ, гдѣ, при благопріятствующихъ обстоятельствахъ — можно было-бы — «возобновить знакомство», разсказать о своемъ увлеченіи антропософіей и, повести ее по пути вѣры: не осуществилась, — потому-что — уже нѣсколько лѣтъ назадъ, убѣдившись, что: ея присутствіе — не является, для Долголикова, достаточнымъ поводомъ — подойти къ ней: она, не показывалась больше — нигдѣ.

Съ концомъ весны — Наденька исчезла, на нѣсколько мѣсяцевъ — и, Долголиковъ понялъ, что она, послѣдніе года — втайнѣ, надѣявшаяся согласовать, свои каникулы, съ его — ждать этого перестала.

Финансовыя дѣла Долголикова, въ этомъ году — обстояли, изъ рукъ вонъ — плохо, и онъ, уже въ послѣднихъ числахъ іюля, не находя иного способа существованія — рѣшилъ переселиться въ деревню, почти обязавшись — пробыть тамъ, къ своему ужасу — долгое время.

Идя, на Монпарнассъ, съ прощальнымъ визитомъ («въ часъ урочный, роковой») онъ подходя — почти вплотную, столкнулся съ Наденькой, уже вышедшей изъ кофейни и пріостановившейся на углу, чтобы перейти дорогу, но — незамѣтившей его.

(За этой, мимолетной, сценой прохожденія двухъ кометъ, въ такой непосредственной близости: наблюдало, нѣсколько человѣкъ, изъ сидѣвшихъ на террасѣ).

Черезъ день, Долголиковъ — рѣшилъ пойти «на свиданье».

Наденька сидѣла въ «Куполѣ» (сильно загорѣвшая), съ находившимся при ней и позавчера, господиномъ: вѣроятнѣй всего — представителемъ американской «аристократіи»: меньше сорока лѣтъ, курчавымъ, откормленнымъ, спокойно-барственнымъ — почти навѣрное — человѣкомъ искусства, никогда не знавшимъ матеріальныхъ затрудненій, благодаря постороннимъ рессурсамъ, или — зарабатывающимъ «отъ рукъ своихъ», но — по американски баснословно.

Когда Долголиковъ миновалъ ихъ, Наденька — очевидно, сдѣлала то, что — позволяла себѣ, почти каждый разъ, находясь съ новымъ «послѣдователемъ»: представила ему Долголикова, сказавъ, что-нибудь вродѣ: «посмотрите скорѣе, на этого господина! не правда-ли интересный? Онъ — талантливый художникъ. Раньше, я: встрѣчалась съ нимъ — каждый день» — потому-что: поколебавшись — не сѣсть-ли наискосокъ «для любованья», но, изъ-за безполезности, изъ опаски возможнаго появленія общихъ знакомыхъ, изъ жалости къ новой жертвѣ («Боже мой — еще одинъ мученикъ!») — больше-же всего: уйдя слишкомъ далеко (антропософія, манихеизмъ), по пути аскетизма — смотря на бракъ, на сексуальную жизнь — уже какъ на прошлое, пройденное, преодоленное), — выходя изъ кофейни, и смотря въ сторону Наденьки — видѣлъ: удивленное, пораженное неожиданнымъ открытіемъ, а такъ-же, одновременно — заинтересованное и обезкураженное, впившееся въ него — лицо, новаго поклонника.

Пробывъ въ деревнѣ нѣсколько недѣль и вернувшись — очень поправившимся, Долголиковъ — больше стремившійся уже на антропософическія лекціи, чѣмъ увидѣть Наденьку, — съ другой стороны, снова — оказавшись въ почти безвыходномъ, матеріальномъ положеніи — подежуривъ, недолго въ кофейняхъ — пересталъ въ нихъ ходить.

Больше чѣмъ черезъ мѣсяцъ, Долголиковъ — и не думавшій о Монпарнассѣ: «невѣдомой силой» почти сомнамбулически — былъ повлеченъ въ кофейни, и — привычно, перебирая сидящихъ, взглядомъ, онъ — вдругъ, за собой: услышалъ наденькинъ голосъ, который она повысила, продолжая говорить, по-русски, замѣтивъ Долголикова.

Повернувъ голову, онъ — увидѣлъ ее, въ обществѣ двухъ женщинъ. Она немного пополнѣла, цвѣтъ лица поздоровѣлъ. Это, показалось Долголикову — новымъ, непривычнымъ — приближавшимъ ее, къ зрѣлому возрасту.

...Но, больше всего, онъ: поразился малому эхо — чувствительной глухотѣ, внутреннему спокойствію, съ которымъ онъ отнесся къ открытію ея присутствія!

Въ глубинѣ зала, Долголикова поймали — привязчивые знакомые, каждый разъ — вынуждавшіе его сѣсть; теперь, онъ — подчинился, безъ возраженій.

Великій Лѣкарь — время: принесло свои плоды!

Долголиковъ, справляя семилѣтній юбилей, своихъ отношеній къ Наденькѣ — находился въ слѣдующемъ положеніи: чья-нибудь посторонняя воля — могла-бы все ввести въ русло: вернуть Наденьку и Долголикова, другъ-другу; предоставленный-же самъ себѣ: смотря на свою картину, на которой: оконная рама, была одновременно — чернымъ, восьмиконечнымъ крестомъ, на фонѣ — сѣраго, трагическаго пейзажа, обрамленнаго бѣлыми завѣсами: «Jesus patibilis!», твердилъ онъ: и засыпая и пробуждаясь, и — много разъ въ день; «мнѣ сорокъ первый годъ, скоро умирать... и, при теперешней разнузданности и разборѣ, принявшемъ міровой масштабъ — нужно, кому-нибудь — и, сдерживаться и скорбѣть!», а, пріятелямъ, спрашивавшимъ о женитьбѣ, отвѣчалъ: «...когда у меня нѣтъ денегъ, даже — на хлѣбъ!».

...Онъ, не могъ — представить себѣ Наденьку — «благополучной буржуйкой», своей, или чьей нибудь: женой, домоправительницей — обсаженной кучей дѣтей. Она — идолъ, комета сборищъ, богемы: такой длинный хвостъ, шлейфъ — страданій — и своихъ (вѣроятно въ ранней молодости), и — чуть-ли не на протяженіи четверти вѣка: моря, океаны, горы — чужихъ (больше чѣмъ любой: исповѣдникъ, судья, докторъ или палачъ), что — давно живетъ лишь: духомъ: въ холодномъ, ледяномъ, никогда не знавшемъ человѣческаго, женскаго счастья, ласки, тѣлѣ, служащемъ, лишь: скорлупой, броней раку - могильщику, до такой степени: безполезной, монотонной жизнью, въ которой — простому, добропорядоч-

ному человѣку — не просуществовать и дня; «сидя» въ которой, всю свою взрослую жизнь, Наденька: уже монахиня, святая — даже и помимо собственнаго сознанія, и — вопреки религіозному безразличію и послѣднему отчаянію — почти неминуемо приводящему къ: просвѣтленію Христову, наложенію на себя — Его креста.

Б. Н. ЩЕРБИНСКІЙ

ДРАМА НА СѢНОВАЛѢ

изъ неоконченнаго романа

Лѣтомъ мы жили на дачѣ подъ Лугой. Отецъ не могъ, послѣ своего Ветлужскаго уѣзда, привыкнуть къ пригороднымъ мѣстамъ и выбиралъ намъ на лѣто дачу подальше, чтобы больше напоминало деревню. Подъ Лугой мы занимали цѣлую усадьбу съ огромнымъ помѣщичьимъ домомъ, съ мезониномъ, фруктовымъ садомъ и дойной коровой. Все это за сходную цѣну — въ виду дальности разстоянія отъ желѣзной дороги — сдавалъ разорившійся помѣщикъ изъ бывшихъ гусаръ по фамиліи Теребеневъ. Туда мы переселялись изъ года въ годъ на четыре мѣсяца, нѣсколько лѣтъ подрядъ, такъ что въ концѣ концовъ въ моемъ представленіи Теребеневка стала вродѣ какъ нашей собственной усадьбой. Отецъ-же, можетъ быть по привычкѣ, никогда не говорилъ, что ѣдетъ въ отпускъ на дачу, а — ѣдетъ въ деревню...

...Такъ вотъ, вспоминаю я себя, когда мнѣ семь лѣтъ. Въ іюлѣ должно исполниться восемь. Прошлымъ лѣтомъ я былъ безъ зубовъ, теперь всѣ новые на лицо. Ровно годъ тому назадъ я былъ несносный, ко мнѣ часто вызывали Оскаръ Карловича и меня безъ конца пичкали рыбьимъ жиромъ и разными порошками, которые всѣ записаны въ клеенчатой тетрадкѣ. За это время я сильно вытянулся, возмужалъ и сталъ разсудительнѣе... Сейчасъ я думаю, что наши конфликты съ Женни Карловной не должны были-бы дойти до того катастрофическаго обостренія, до котораго ихъ довела фрейлейнъ Цанъ, если-бы это было не тогда, когда я терялъ свои молочные зубы...

Это лѣто — первое, что я безъ нянюшки Агафьи Петровны: я уже большой, а нянюшка — слишкомъ старая и съ начала зимы живетъ на покоѣ въ богадѣльнѣ. Пріѣдетъ къ намъ въ концѣ лѣта ко дню ангела братьевъ и останется гостить до осени...

Мы въ тотъ годъ переѣхали въ деревню значительно ранѣе обыкновеннаго. Мальчиковъ и младшую сестру перевели въ слѣдую-

щіе классы безъ экзаменовъ; старшіе сводные братъ и сестра оставались въ городѣ съ отцомъ до окончанія занятій. Отецъ выѣзжалъ въ отпускъ всегда въ одно время — въ концѣ іюня, до тѣхъ-же поръ проводилъ съ нами въ Теребеневкѣ каждую субботу и воскресенье.

На сей разъ кухарку у насъ смѣнилъ поваръ Адамъ. У этого Адама были три страсти: рыболовство, цыплята и, какъ у всякаго порядочнаго повара, — водка. Суббота и воскресенье Адаму доставались навѣрное чрезвычайно дорого, потому что онъ самъ говорилъ, что чувствуетъ къ отцу решпектъ. Въ будни-же онъ часто недоваривалъ къ завтраку, а однажды просто опоздалъ съ нимъ на цѣлыхъ полтора часа. Причиной тому было то обстоятельство, что онъ не успѣвалъ каждый разъ во время управиться когда съ удочкой, когда съ червями, а то съ плотвой, или окунями, которыхъ было жаль оставить, потому что они клевали какъ никогда.

Своею страстью къ удочкѣ Адамъ сразу заразилъ меня. Только, что я къ нему на рѣчку приходилъ позже: вставалъ я въ восемь, а онъ удилъ уже съ пяти. Сначала я только копалъ ему червяковъ, но позже самъ высиживалъ со своей удочкой часами — пока мнѣ это не надоѣло. Кой-какія теоретическія свѣдѣнія о прелестяхъ рыболовства я къ тому времени уже успѣлъ почерпнуть черезъ Василія Николаевича изъ Аксакова и это занятіе издали казалось мнѣ весьма привлекательнымъ. Въ городѣ я не разъ бесѣдовалъ на эту тему съ Адамомъ и рвался скорѣе начать удить. Но прошелъ мѣсяцъ на дачѣ, и я увидѣлъ что это дѣло, какъ всякое дѣло, требуетъ прежде всего большой выдержки и терпѣнія. Оказалось, что ни того, ни другого у меня, однако, не было. Я самъ этого хорошенько не сознавалъ, но чувствовалъ, что тутъ что-то не то, будто въ этомъ занятіи чего-то не хватаетъ. Особенно, когда сидишь и никто не клюетъ. Адамъ говорилъ что рыба хорошо идетъ подъ дождичекъ. Меня-же въ сырую погоду не выпускали — мать боялась чтобы я не простудился надъ рѣчкой. Тогда я рѣшилъ такъ: когда буду самостоятельнымъ и взрослымъ, тогда уже обязательно сдѣлаюсь страстнымъ рыболовомъ, — вродѣ Аксакова или Адама, а пока покорюсь обстоятельствамъ, которыя какъ-никакъ сильнѣе меня: рыба клюетъ подъ дождь, — самъ Адамъ говоритъ, немудрено что мнѣ надоѣдаетъ сидѣть за удочкой, когда я имѣю право удить толь-

ко при солнцѣ. Понемногу я сталъ манкировать встрѣчами съ Адамомъ на рѣчкѣ у мельницы, но зато перешелъ къ цыплятамъ.

Какъ только въ началѣ мая мы устроились въ деревнѣ, Адамъ занялся разведеніемъ цыплятъ. Мать ему выдала сколько нужно денегъ и мы вмѣстѣ съ Адамомъ въ ближайшее воскресенье, рано утромъ, отправились съ телѣжкой въ село на базаръ. Какъ-то случилось, что мнѣ никогда до того не приходилось бывать на базарѣ. Всегда почему-то некому было въ прежніе годы меня съ собой туда взять. Съ кухаркой мать меня не пускала. Я слыхалъ разговоры про базаръ, но не представлялъ себѣ даже сотой доли того удовольствія, которое можно отъ него получить. Село наше было богатое, многодворное, кромѣ того въ церкви была икона вродѣ чудотворной. На весенній престольный праздникъ, до крестнаго хода, на базарную площадь со всей округи вынесено было мужиками этой самой живности столько, что глаза разбѣгались. Тутъ и гуси, и утки, и индюшки, про куръ и пѣтуховъ и говорить нечего. Индѣйскіе пѣтухи сердились, выпустивъ свои надутые сизо-синіе мѣшки, которые показались мнѣ на сей разъ чѣмъ-то стыднымъ, — слишкомъ голымъ (я вспомнилъ голаго волосатаго діакона, который меня поразилъ, когда мы съ нимъ познакомились на купаніи въ водѣ); гуси неистово гоготали, утки крякали, пѣтухи въ перекличку драли горло со всѣхъ концовъ на всѣ лады... Впервые я увидѣлъ двухъ живыхъ цесарокъ, которыя мнѣ тутъ-же напомнили своимъ опереніемъ парадную шелковую блузочку Миссъ; да онѣ и сами по моему были похожи на нее... Стоялъ веселый птичій гомонъ — въ отдѣлѣ живности... Поотдаль, ближе къ погосту, расположился цыганскій таборъ, тамъ-же стояли брички, шарабаны, всяческіе тарантасы, одноколки, карафажки, — то съѣхались окрестные помѣщики и мызные приказчики... Я и туда пошелъ посмотрѣть. Лошадей выпрягли, морды почти у всѣхъ были запущены въ хребтуги, а тамъ, кругомъ нихъ на овсѣ и на свѣжемъ навозѣ хлопотали, взвиваясь и перелетая съ мѣста на мѣсто, стаи голубей и воробьевъ...

Солнце ярко свѣтило и у меня на душѣ было радостно какъ никогда... Долго останавливаться передъ гусями и индѣйскими пѣтухами Адамъ мнѣ не позволилъ, потому что нужно было торопиться домой: отецъ пріѣхалъ и Адамъ «соблюдалъ решпектъ». Мнѣ

только одинъ разъ удалось пройти по базару — отъ начала до конца, — такъ какъ Адаму нужны были куры. Куриное племя было представлено въ менѣе аристократически - важномъ видѣ, нежели отборные гуси, утки и индюшки. Тѣ были доставлены изъ помѣщичьихъ экономій и усадебъ; куры были больше крестьянскія, но и онѣ мнѣ казались необычными.

Адамъ перещупалъ животы всѣмъ курамъ — по тому, какъ онъ это дѣлалъ, я понялъ что онъ все знаетъ, — отобралъ нѣсколько десятковъ особенно большихъ яицъ. Ихъ мы погрузили на телѣжку, красавца пѣтуха и одну куру взялъ на руки онъ, вторую, поменьше, я, и мы двинулись домой.

Наша усадьба стояла на отшибѣ села противоположномъ отъ церкви. Сперва курица у меня въ рукахъ все трепыхалась, нужно было къ ней приспособиться, но я ее обнялъ покрѣпче прижавъ къ груди, и она замерла. Было жарко и я усталъ. Когда мы съ Адамомъ вернулись домой, я сложилъ курицу на кухнѣ. Нельзя сказать: выпустилъ, потому что курица въ моихъ объятіяхъ вся вспотѣла и до того размякла, что такъ и продолжала лежать на боку безъ движенія посреди кухни. Казалось даже будто она лишилась разсудка. Какъ меня самого ни разморило, тѣмъ не менѣе я собирался ее лѣчить: сталъ поливать голову водой, но она первое время и на это не реагировала. — Ничего, отойдетъ! — успокоилъ меня Адамъ, слова котораго по куриной части служили для меня безспорнымъ аргументомъ, и я только тогда прошелъ на балконъ пить чай, вполнѣ увѣренный, что курицѣ ничего не грозитъ.

— Что съ тобою, Павочка? — были первыя слова, которыми меня встрѣтила взволнованная мать. — На тебѣ лица нѣтъ! Что ты такое дѣлалъ на базарѣ?

— Я курицу несъ, мамочка, — отвѣтилъ я правду.

— Но откуда такіе синяки подъ глазами, словно ты заболѣлъ? Подойди-ка сюда... — рубашку выжать можно, голова потная, весь пунцовый! Сейчасъ-же нужно перемѣнить бѣлье, а не то такъ и простудиться одинъ моментъ! Никогда-то за тебя нельзя быть покойной!

Мать меня провела за руку садомъ, — чтобы не просквози-

ло въ холодной гостиной, гдѣ двери настежь, — наверхъ, въ мою комнату, тамъ меня всего обтерли спиртомъ, выдали свѣжее бѣлье, и только когда я остылъ, мнѣ было позволено спуститься.

— Посмотри-ка, миленькій, на свою новую косоворотку, — говорила мать смѣясь и указывая на обильные слѣды куринаго невоздержанія. — Я-то ее вышивала и берегла къ празднику!...

Послѣ чая родители, сестра, мальчики и Миссъ затропились въ церковь къ крестному ходу, я-же былъ, кажется, въ первый разъ въ жизни безучастенъ, такъ какъ уже за чаемъ, на балконѣ, клевалъ носомъ, чувствуя себя, какъ говорится, безъ заднихъ ногъ. Вмѣсто того чтобы спорить или заставлять себя уговаривать, я самостоятельно поднялся сразу-же послѣ чая къ себѣ наверхъ и такъ, какъ есть, не раздѣваясь, свалился на постель, съ сапогами, на бѣлое пикейное покрывало.

Меня душилъ кошмаръ. Тѣ-же пѣтухи, гуси, индюки, куры, всѣ особенно огромныхъ размѣровъ, обступили меня толпами, не давая проходу; тяжелые лошадиные крупы готовы были сейчасъ задавить. Тутъ-же стояла моя мать, почему-то вся раздѣтая, съ грудью въ видѣ двухъ горячихъ пуховыхъ подушекъ, огромныхъ какъ у кормилицы Марьи, въ остальномъ до мелочей похожая на діакона, только что безъ волосъ...

Меня еле разбудили часа черезъ два, когда уже всѣ вернулись обратно къ завтраку. Ѣлъ я безъ всякаго аппетита, пилъ безъ конца воду и днемъ остался дома, такъ какъ еле передвигался и чувствовалъ себя расколотымъ. Мать не на шутку испугалась за мое здоровье и тутъ-же сказала, что больше безъ Миссъ меня никуда отпускать не будетъ. Но на слѣдующій день я совершенно выправился. Остались еще только синяки подъ глазами...

Черезъ недѣлю отецъ пріѣхалъ изъ города, какъ всегда съ конфетами и Филипповскими сушками, и первый его вопросъ по обыкновенію былъ: — Ну, что у васъ новаго?

Такъ какъ я присутствовалъ при встрѣчѣ родителей, мать отвѣтила:

— Теперь новое увлеченіе — будущіе цыплята. Каждую минуту бѣгаемъ къ насѣдкамъ, остальное время все на кухнѣ съ Ада-

момъ. Общество и разговоры, конечно, неподходящіе, но ничего не могу подѣлать...

Когда я отошелъ всторону, я услышалъ отвѣтъ отца:

— Когда-же и увлекаться, какъ не въ его возрастѣ, такими безобидными вещами?.

— Но Миссъ...

— Что Миссъ? Я-бы и самъ въ его годы предпочиталъ Адама.

— Но вѣдь ты знаешь, что Адамъ пьетъ?

— Я увѣренъ, что онъ даже если навеселѣ, никогда ничего лишняго не позволитъ себѣ сказать ребенку...

продолженіе слѣдуетъ

С. ФРАНКЪ

ПО ТУ СТОРОНУ „ПРАВАГО" И „ЛѢВАГО"

Что такое «правое» и «лѣвое»? И къ какому изъ этихъ двухъ направленій надо себя причислить, какому изъ нихъ надо сочувствовать?

Еще совсѣмъ недавно отвѣтъ на первый вопросъ былъ ясенъ для всякаго политически грамотнаго человѣка. Отвѣтъ на второй вопросъ для насъ, русскихъ, тоже не возбуждалъ сомнѣнія до 1917, и тѣмъ болѣе до 1905 года. «Правое» — это реакція, угнетеніе народа, Аракчеевщина, подавленіе свободы мысли и слова, произволъ власти; «лѣвое» — это освободительное движеніе, освященное именами декабристовъ, Бѣлинскаго, Герцена, требованіе законности и уничтоженія произвола, отмѣны цензуры и гоненій на иновѣрцевъ, забота о нуждѣ низшихъ классовъ, сочувствіе земству и суду присяжныхъ, мечта о конституціи. «Правое» есть жестокость, формализмъ, человѣконенавистничество, высокомѣріе власти; «лѣвое» — человѣколюбіе, сочувствіе всѣмъ «униженнымъ и оскорбленнымъ», чувство достоинства человѣческой личности, своей и чужой. Колебаній быть не могло; «у всякаго порядочнаго человѣка сердце бьется на лѣвой сторонѣ», какъ сказалъ Гейне. Ибо коротко говоря — «правое» было зло, «лѣвое» — добро.

Все это исчезло, провалилось въ какую то бездну небытія, испарилось, какъ дымъ. Нынѣшнему молодому поколѣнію, даже «лѣваго» направленія, э т а цѣльность чувствъ уже недоступна. Отчасти теперь въ русской эмиграціи (и, отчасти, и въ самой Россіи) «правое» и «лѣвое» просто перемѣнились мѣстами· «лѣвое» стало синонимомъ произвола, деспотизма, униженія человѣка, «правое» — символомъ стремленія къ достойному человѣческому существованію; словомъ, правое стало добромъ, лѣвое — зломъ. Но это — только отчасти. За этимъ поворотомъ скрывается другой, гораздо болѣе значительный, хотя менѣе явственный: нарастаетъ чувство непонятности, неадэкватности, смутности самихъ опредѣленій «праваго» и «лѣваго».

Позволю себѣ личное признаніе, быть можетъ, неинтересное читателю, но необходимое мнѣ, какъ отправная точка для дальнѣйшихъ размышленій. Въ ранней молодости я былъ, какъ всѣ русскіе молодые интеллигенты того времени, «крайнимъ лѣвымъ» — марксистомъ, соці-

алъ-демократомъ. Потомъ въ теченіе всей жизни постепенно «правѣлъ», не дойдя, впрочемъ, до настоящей «правизны», а тяготѣя скорѣе къ «центру» между «правымъ» и «лѣвымъ»; но всегда сознавалъ себя на какомъ то мѣстѣ линіи, идущей справа налѣво. Революція 1917 года была для меня, какъ для всѣхъ русскихъ людей, не утерявшихъ совѣсти и здраваго смысла, непосредственно толчкомъ къ рѣшительному «поправѣнію». Но по мѣрѣ того, какъ впечатлѣнія отлагались въ душѣ, начался и новый процессъ: сами понятія «праваго» и «лѣваго» начали становиться все болѣе случайными, шаткими, теряли свой былой однозначный смыслъ, становились призрачными и неактуальными. Въ нихъ ощущалось даже что-то оскорбительно-неумѣстное: человѣку тонущему въ водоворотѣ и пытающемуся спасти свою жизнь, не время думать, «правый» ли онъ, или «лѣвый»; человѣку, попавшему въ плѣнъ къ разбойникамъ или сумасшедшимъ, не до партійной политики; человѣкъ, потерявшій родину, потерялъ в с е — въ томъ числѣ и ту почву, на которой онъ могъ идти направо и налѣво. И когда меня — человѣка, хотя и не принимавшаго активнаго участія въ политикѣ, но всю жизнь интересовавшагося политическими вопросами и достаточно образованнаго въ нихъ — спрашиваютъ теперь, «правый» ли я, или «лѣвый», то я испытываю странное чувство неловкости, недоумѣнія и неспособности дать прямой отвѣтъ на вопросъ. Поразмысливши надъ этимъ чувствомъ, я пришелъ къ убѣжденію, что повинно въ немъ не неопредѣленность моего политическаго міровоззрѣнія, а неумѣстность самого вопроса. Теперь я предпочитаю, вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, со своей стороны спрашивать вопрошающаго: а вы сами причисляете себя къ какой партіи — къ «гвельфамъ» или къ «гибеллинамъ»? Тогда я испытываю удовольствіе привести вопрошающаго въ такое же замѣшательство, какое онъ причинилъ мнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы привыкли употреблять слова «правый» и «лѣвый», какъ понятія, которыя во-первыхъ, имѣютъ всѣмъ извѣстный точно опредѣленный смыслъ, и во-вторыхъ, въ своей совокупности исчерпываютъ всю полноту возможныхъ политическихъ направленій и потому имѣютъ всеобъемлющее значеніе какихъ-то вѣчныхъ «категорій» политической мысли. Мы забываемъ, что эти понятія имѣютъ лишь исторически-обусловленный смыслъ, опредѣленный своеобразіемъ эпохи, въ которой они возникли и дѣйствовали (или дѣйствуютъ), и что имъ рано или поздно суждено, какъ всѣмъ историческимъ теченіямъ, исчезнуть, поте-

рять актуальный смыслъ, смѣниться новыми группировками. И мы, отдаваясь рутинѣ мысли, не замѣчаемъ, что въ современной политической дѣйствительности есть очень существенныя тенденціи, которыя уже не укладываются въ эти старыя, привычныя рубрики.

Что разумѣется, въ концѣ концовъ, подъ этими понятіями «праваго» и «лѣваго»? Конечно, можно брать ихъ въ совершенно формальномъ и общемъ смыслѣ, въ которомъ они дѣйствительно становятся нѣкоторыми вѣчными, имманентными категоріями общественно-исторической жизни. А именно, можно разумѣть подъ ними «консерватизмъ» и «реформаторство» въ обще-соціологическомъ смыслѣ — съ одной стороны, склонность охранять, беречь уже существующее, старое, привычное, и, съ другой стороны, противоположное стремленіе къ новизнѣ, къ общественнымъ преобразованіямъ, къ преодолѣнію стараго новымъ. Но, прежде всего, при этомъ пониманіи логично было бы не двучленное, а трехчленное дѣленіе. Наряду съ «старовѣрами» и «реформаторами» должны найти себѣ мѣсто и тѣ, кто сочетаютъ обѣ тенденціи, кто стремится къ обновленію именно черезъ его реформу, черезъ приспособленіе его къ новымъ условіямъ и потребностямъ жизни. Такое не «правое» и не «лѣвое», а какъ бы «центральное» направленіе совсѣмъ не есть, какъ часто у насъ склонны думать, какое-то эклектическое сочетаніе обоихъ первыхъ направленій; оно качественно отличается отъ нихъ тѣмъ, что, въ противоположность имъ, его паѳосъ есть идея полноты, примиренія. Практически крайне важно, что различіе въ этомъ смыслѣ между «правымъ» и «лѣвымъ» менѣе существенно, чѣмъ различіе между умѣренностью и радикализмомъ (все равно — «правымъ» или «лѣвымъ»). Сохраненіе, наперекоръ жизни, во что бы то ни стало, стараго, и стремленіе во что бы то ни стало передѣлать все заново сходны въ томъ, что оба не считаются съ органической непрерывностью развитія, присущей всякой жизни, и потому вынуждены и хотятъ дѣйствовать принужденіемъ, насильственно — все равно, насильственной ли ломкой, или насильственнымъ «замораживаніемъ». И всяческому такому, «правому» или «лѣвому» радикализму противостоитъ политическое умонастроеніе, которое знаетъ, что насиліе и принужденіе можетъ быть въ политикѣ только подсобнымъ средствомъ, но не можетъ замѣнить собою естественнаго, органическаго, почвеннаго бытія.

Но главное въ нашей связи — то, что понятія «праваго» и «лѣва-

го», употребляемыя въ этомъ чисто формально - общемъ, универсально - соціологическомъ смыслѣ, очевидно, не имѣютъ ничего общаго съ политическимъ содержаніемъ, которое обычно вкладывается въ эти понятія, и лишь въ силу случайной исторической обстановки могли психологически ассоціироваться съ нимъ. Мы привыкли, въ силу еще недавно господствовавшихъ политическихъ порядковъ, что «правые» находятся у власти и охраняютъ существующій порядокъ, а «лѣвые» стремятся къ перевороту, къ установленію новаго, еще не существующаго порядка. Но когда этотъ переворотъ уже совершился, когда господство принадлежитъ «лѣвымъ», то роли, очевидно, мѣняются: «лѣвые» становятся охранителями существующаго — а, при длительности установившагося порядка — даже приверженцами «стараго» и «традиціоннаго», тогда какъ «правые» при этихъ условіяхъ вынуждены взять на себя роль реформаторовъ и даже революціонеровъ. Если мы будемъ спутывать общесоціологическія понятія «охранителей» и «реформаторовъ» (или, еще общѣе: «довольныхъ» и «недовольныхъ») съ политическими понятіями «правыхъ» и «лѣвыхъ», то мы должны будемъ въ республиканско - демократическомъ строѣ назвать республиканцевъ и демократовъ «правыми», а монархистовъ — «лѣвыми», или всѣхъ противниковъ совѣтскаго строя называть «лѣвыми», а самихъ коммунистовъ — «правыми», т. е. дойти до совершенной нелѣпицы и полной путаницы понятій.

Итакъ, каково же, собственно, конкретно-политическое содержаніе понятій «праваго» и «лѣваго»? Но прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, еще одно замѣчаніе обще-логическаго порядка. Если мы отвлечемся на мгновеніе отъ этихъ понятій или этикетокъ и попытаемся непредвзятымъ взоромъ обозрѣть все возможное многообразіе политическихъ міровоззрѣній, то чисто логически заранѣе очевидно, что оно не можетъ быть исчерпано дѣленіемъ его на два противоположныхъ типа. Политическое міровоззрѣніе есть комплексъ или система, слагающаяся изъ совокупности отвѣтовъ на рядъ существенныхъ вопросовъ общественной жизни. Каждый вопросъ допускаетъ разныя рѣшенія; ясно, какъ неисчерпаемо велико возможное многообразіе политическихъ міровоззрѣній. Конечно, всякое многообразіе допускаетъ классификацію по основнымъ высшимъ родамъ, въ томъ числѣ иногда и дихотомическое дѣленіе. Но для этого дѣленіе должно быть произведено по единому и притомъ существенному признаку, т. е. такому, видоизмѣненіе котораго опредѣ-

литъ различіе хотя бы основныхъ и важнѣйшихъ изъ остальныхъ признаковъ. Удовлетворяетъ ли дѣленіе на «правое» и «лѣвое» указанному требованію единства и существенности признака дѣленія? Безспорно, что долгое время оно практически ему удовлетворяло — иначе оно не могло бы достигнуть такого широкаго распространенія и всеобщаго признанія.

Однако, для судьбы этихъ понятій въ наше время существенно, что интуитивно-психологическое единство обоихъ міровоззрѣній не опредѣлялось логически-необходимой связью идей въ нихъ. Дѣло въ томъ, что оба этихъ соотносительныхъ понятій лишены внутренняго единства и не могутъ быть опредѣлены на основѣ какой либо одной, центральной для каждаго изъ нихъ и объединяющей его идеи. Наоборотъ, вдумываясь въ нихъ, мы заключаемъ, что въ нихъ по историческимъ, съ точки зрѣнія существа дѣла случайнымъ условіямъ скрестились три ряда духовныхъ и политическихъ мотивовъ, по существу совершенно разнородныхъ. Прежде всего, чисто философское различіе между традиціонализмомъ и раціонализмомъ, между стремленіемъ жить по историческимъ и религіознымъ преданіямъ, по логически не провѣряемой традиціонной вѣрѣ (по вѣрѣ и обычаямъ отцовъ), и стремленіемъ построить общественный порядокъ чисто раціонально, умышленно-планомѣрно; во-вторыхъ, чисто политическое различіе между требованіемъ государственной опеки надъ общественной жизнью и утвержденіемъ начала личной свободы и общественнаго самоопредѣленія (въ этомъ смыслѣ «правый» значитъ государственникъ, этатистъ, сторонникъ сильной власти, въ противоположность «лѣвому» — либералу); и, наконецъ, чисто соціальный признакъ — позиція, занимемая въ борьбѣ между высшими, привеллегированными, богатыми классами, стремящимися сохранить или утвердить свое господство въ государствѣ и обществѣ, и низшими классами, стремящимися освободиться отъ подчиненности и занять равное или даже господствующее положеніе въ обществѣ и государствѣ. Въ этомъ смыслѣ «правый» значитъ сторонникъ аристократіи или буржуазіи, «лѣвый» — демократъ или соціалистъ.

Нѣкоторая связь по существу между этими тремя парами тенденцій, соединяющая правые члены ихъ въ понятіе «праваго», а по-

слѣдніе — въ понятіе «лѣваго», безспорно есть. Такъ, раціонализмъ, выступая противъ традиціонной вѣры, требуетъ свободы «критической» мысли, и въ этомъ смыслѣ первый признакъ связанъ со вторымъ, и точно такъ же свобода, въ качествѣ общественнаго самоопредѣленія, требуетъ всеобщности и въ этомъ смыслѣ равенства въ свободѣ (формальнаго равноправія всѣхъ людей въ томъ числѣ и членовъ низшихъ классовъ), и этимъ соединяется съ третьимъ признакомъ. Этими двумя связями опредѣлено единство либерально-демократическаго или радикально-демократическаго міросозерцанія — а, тѣмъ самымъ, отрицательно, и единство его антипода — консервативно-аристократическаго умонастроенія. Однако, связи эти очень относительныя и столь же легко — чисто логически и потому и практически — могутъ уступать мѣсто отталкиваніямъ и взаимной борьбѣ. Такъ, чистый раціонализмъ, требуя свободы отвлеченной, «критической» мысли и основаннаго на ней общественнаго дѣйствія, — съ другой стороны, въ своей враждебности къ вѣрѣ и традиціи, можетъ и даже долженъ стремиться къ стѣсненію свободы религіозной вѣры и къ подавленію свободнаго пользованія традиціоннымъ порядкомъ, обычаями, нравами (якобинство, «комбизмъ», коммунистическое преслѣдованіе вѣры и традицій). Болѣе того — и это здѣсь самое существенное: раціонализмъ, требуя свободы для себя, въ своей идеѣ устройства жизни на основаніи раціональнаго порядка, имѣетъ сильнѣйшую имманентную тенденцію къ началу государственнаго регулированія, къ подавленію той ирраціональности и сверхраціональности, которая образуетъ самое существо свободы личности (просвѣщенный абсолютизмъ, якобинство, коммунизмъ въ его теоріи и практикѣ; ср. программу Шигалева въ «Бѣсахъ»: «начавъ съ провозглашенія свободы, утвердимъ всеобщее рабство»). Еще болѣе очевидна слабость связи между вторымъ и третьимъ признакомъ. Лишь въ процессѣ борьбы низшіе классы требуютъ для себя свободы, и идея свободы легко связывается съ идеей равенства. По существу притязанія низшихъ классовъ на улучшеніе ихъ правового и, въ особенности, матеріальнаго положенія не имѣютъ, очевидно, ничего общаго съ требованіемъ свободы. По существу начала свободы и равенства, какъ извѣстно, скорѣе антагонистичны, что не разъ и обнаруживалось въ историческомъ опытѣ; начало свободы личности предполагаетъ, правда, всеобщность самодѣятельности и въ этомъ смыслѣ формальное равноправіе всѣхъ, но, съ другой стороны, стоитъ въ рѣзкомъ антагонизмѣ къ началу реальнаго равен-

ства: въ силу фактическаго неравенства способностей, условій жизни, удачи между людьми, свобода должна вести къ неравенству соціальныхъ положеній, и, наоборотъ, реальное равенство осуществимо только черезъ принужденіе, черезъ государственное регулированіе и ограниченіе свободной самодѣятельности личностей, свободнаго выбора жизненныхъ возможностей. Къ этому присоединяется и то, что народныя массы, представляя собой низшій духовный уровень человѣка, вообще болѣе склонны къ деспотизму, легче мирятся съ нимъ и охотнѣе имъ пользуются, чѣмъ высшіе слои общества. Наконецъ, уже совершенно очевидно, что первая пара признаковъ (традиціонализмъ и раціонализмъ) только случайно исторически въ нашу эпоху сплелась съ третьей парой (государство высшихъ классовъ и возстаніе низшихъ)и не имѣетъ съ послѣдней никакой связи по существу. Раціонализмъ и просвѣтительство, стремленіе передѣлать жизнь по отвлеченно-намѣченнымъ планамъ, по требованіямъ «разума», естественно составляетъ особенность слоевъ образованныхъ, привыкшихъ къ работѣ мысли, тогда какъ народныя массы, по общему правилу, болѣе склонны къ традиціонализму, къ вѣрѣ и жизни по примѣру отцовъ. До совсѣмъ недавняго времени консервативная власть всегда опиралась на народныя массы противъ образованныхъ классовъ, и, напротивъ, власть, вступая на путь радикальнаго и планомѣрнаго переустройства общества, наталкивалась на оппозицію народныхъ массъ (реформы Петра Великаго и стрѣлецкіе бунты). Въ настоящее время, начиная съ середины 19-го вѣка и вплоть до современности, это соотношеніе, правда, радикально измѣнилось: раціонализмъ, потерявъ въ значительной мѣрѣ свой кредитъ у образованныхъ, сталъ достояніемъ народныхъ массъ. И все же и теперь примитивность инстинктовъ низшихъ классовъ, несмотря на весь ихъ раціонализмъ, часто приводитъ къ утвержденію или даже воскрешенію старыхъ формъ быта, по крайней мѣрѣ поскольку для нихъ существенна грубость и упрощенность нравовъ. Этимъ въ значительной мѣрѣ опредѣлены реакціонные результаты господства коммунистически-настроенныхъ массъ въ Совѣтской Россіи.

Такъ, эти столь разнородныя, по существу между собой не связанныя или лишь весьма слабо связанныя три пары соотносительно противоположныхъ тенденцій въ силу своеобразныхъ историческихъ условій съ конца 18-го вѣка и въ теченіе 19-го вѣка почленно связались между собой и совмѣстно образовали ту характерную для этой эпохи противо-

положность, которую мы называемъ борьбой между «правыми» и «лѣвыми». Однако, въ настоящее время историческая ситуація уже настолько измѣнилась, что цѣльность этихъ понятій въ значительной мѣрѣ расшатана, и сами они поэтому по существу устарѣли, непригодны для оріентировки въ содержаніи наиболѣе острыхъ и существенныхъ проблемъ современности и продолжаютъ господствовать лишь по исторической инерціи мысли, проще говоря — по недомыслію.

Начать съ того, что въ большинствѣ европейскихъ странъ цѣль «лѣвыхъ» стремленій уже осуществлена. «Лѣвыя партіи» — демократы и соціалисты — либо являются, по общему правилу, господствующими, какъ во Франціи, Германіи и Англіи, либо уже успѣли сдать свое господство политическимъ новообразованіямъ, которыя никакъ нельзя подвести подъ традиціонное понятіе «правыхъ» (фашизмъ, коммунизмъ). Можно было бы подумать, что господство «лѣвыхъ» приводитъ только къ перемѣнѣ мѣстъ между этими двумя направленіями, не мѣняя ихъ содержанія и смысла — т.-е. что «правыя» партіи изъ господствующихъ превращаются въ оппозиціонныя (что мы фактически и видимъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ). Однако, эта простая видимость политической эмпиріи скрываетъ подъ собой гораздо болѣе существенное измѣненіе духовной реальности, незамѣчаемое обычнымъ недомысліемъ. Извѣстно, что «лѣвые», достигнувъ власти, обычно по крайней мѣрѣ отчасти перестаютъ быть «лѣвыми» — «правѣютъ». Этотъ общеизвѣстный фактъ имѣетъ не только житейски-практическое, но и принципіальное значеніе; политическій фронтъ мѣняетъ свое направленіе: «лѣвые», стоя у власти, получаютъ на опытѣ государственное воспитаніе, научаются понимать и цѣнить то, что раньше яростно отвергали; «правые», оттѣсненные въ оппозицію, напротивъ, часто по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени пріобщаются къ прежней психологіи лѣвыхъ и пользуются ихъ лозунгами. Такъ, одинъ изъ признаковъ, образующихъ понятія «праваго» и «лѣваго», мѣняетъ свое мѣсто: принципъ свободы обычно мало прельщаетъ властвующихъ и есть естественное достояніе оппозиціи. Поэтому въ новой обстановкѣ требованіе свободы въ значительной мѣрѣ характеризуетъ политическія устремленія, въ иныхъ отношеніяхъ именуемыя «правыми». Господствующій раціонализмъ склоненъ отнынѣ вступить въ сочетаніе съ принципомъ государственной опеки, традиціонализмъ, напротивъ, требуетъ свободы. И, если опытъ «лѣваго» деспотизма или увлеченія государ-

ственнымъ централизмомъ научаетъ правыхъ цѣнить свободу, такъ что консерваторы становятся либералами, не переставая быть консерваторами, то, съ другой стороны, опытъ анархіи и смутъ, опредѣленныхъ нежеланіемъ «крайнихъ лѣвыхъ» подчиняться даже «лѣвой» государственной власти, научаетъ «лѣвыхъ», что единственная прочная основа свободы есть государственный порядокъ, поддерживаемый сильной властью; на этомъ пути либералы и демократы, не переставая быть таковыми, становятся консерваторами; оба обстоятельства уже совершенно спутываютъ обычныя понятія.

Если эта перемѣна касается перераспредѣленія первой и второй пары изложенныхъ выше признаковъ «праваго» и «лѣваго» (а отчасти и измѣненія самаго смысла первой пары признаковъ) — то столь же существенное измѣненіе совершается и съ мѣстомъ третьяго изъ вышеупомянутыхъ признаковъ. Съ исчезновеніемъ прежнихъ высшихъ классовъ или съ потерей ими политическаго и общественнаго вліянія, «правые» не только тактически-демагогически должны искать себѣ опоры въ низшихъ классахъ, но часто и принципіально становятся выразителями вожделѣній и интересовъ той части низшихъ классовъ, которая еще живетъ въ идеяхъ традиціонализма. «Правые» (или, по крайней мѣрѣ, извѣстная ихъ группа) становятся отнынѣ вождями части народныхъ массъ, мечтаютъ о народномъ возстаніи и въ этомъ смыслѣ занимаютъ позицію «крайнихъ лѣвыхъ». Несмотря на свою острую ненависть къ «лѣвымъ» въ другихъ отношеніяхъ, они иногда солидаризируются съ тѣми «крайними лѣвыми», которые сами находятся въ оппозиціи и неудовлетворены господствующей въ государствѣ лѣвой властью, и эту связь выражаютъ даже въ своемъ имени («націоналъ-соціалисты» въ Германіи). Отсюда возникаетъ многозначительный, весьма знаменательный для будущаго, расколъ въ прежде единой «правой» партіи — расколъ настолько существенный, что передъ его лицомъ старое общее обозначеніе обѣихъ группъ, какъ «правыхъ», почти теряетъ реальный политическій смыслъ. А именно, прежніе «правые» — раскалываются на консерваторовъ-либераловъ, отстаивающихъ интересы свободы и культуры, права образованнаго слоя на руководящую роль въ государствѣ и на реакціонеровъ, опирающихся на вожделѣнія черни и во всякомъ развитіи свободы и культуры усматривающихъ зло либеральной демократіи. Если обѣ эти группы борятся съ господствующей демократіей, и въ этомъ смыслѣ являются союзниками,

то нельзя, за этимъ тактическимъ и полемическимъ единствомъ, упускать изъ виду ихъ радикальную противоположность: они нападаютъ на демократію, находящуюся въ промежуткѣ между ними, съ двухъ противоположныхъ сторонъ — хотѣлось бы сказать: слѣва и справа, если бы эти термины не имѣли уже своего особаго, не подходящаго сюда, исторически опредѣленнаго смысла.

Весьма достопримѣчательно, что русская политическая терминологія за послѣднее десятилѣтіе (со времени возникновенія «бѣлаго» движенія), уже фиксировала это различіе и эту противоположность въ терминахъ «б ѣ л а г о движенія» и «ч е р н о сотенства». Что вѣрнѣе, мудрость ли языка, которая инстинктивно фиксировала максимальную противоположность двухъ направленій въ предѣлахъ того, что зовется обычно «правымъ» (что можетъ быть большей противоположностью, чѣмъ различіе между «бѣлымъ» и «чернымъ»?), или наши традиціонныя понятія, не усматривающія здѣсь никакого существеннаго различія? Конечно, личный составъ обоихъ направленій часто тѣсно переплетается (именно въ виду невыявленности и неосознанности ихъ идейной противоположности); вполнѣ естественно также, что оба направленія въ борьбѣ съ общимъ врагомъ — большевизмомъ — объединяются между собой (союзъ въ борьбѣ противъ общаго врага такъ же мало означаетъ во внутренней политикѣ сущностную солидарность союзниковъ, какъ въ политикѣ внѣшней). Мы думаемъ, что языкъ тутъ вполнѣ правъ, и что послѣ ликвидаціи большевизма именно борьба между этими двумя направленіями (условимся ихъ называть «бѣлымъ» и «чернымъ», пользуясь счастливымъ обстоятельствомъ, что языкъ даетъ здѣсь мѣткія новыя имена взамѣнъ истрепанныхъ «праваго» и «лѣваго») составитъ центральную тему политической жизни будущаго въ Россіи. Здѣсь, на общей почвѣ традиціонализма (понимаемаго, впрочемъ, тоже весьма различно), должно произойти рѣшающее столкновеніе между поборниками свободы и культуры (и, слѣдовательно, основаннаго на началѣ культуры, іерархическаго строенія общества) съ приверженцами принципа принужденія («палки» и «кнута») и демагогической нивеллировки.

Тотъ же, въ сущности, расколъ совершается и въ «лѣвыхъ» партіяхъ. Мы ограничиваемся здѣсь русской политической мыслью (въ западно-европейской все это еще гораздо менѣе выявлено). Не замѣчателенъ ли фактъ, что, напримѣръ, такъ называемые «лѣвые эсэры» со-

трудничали съ большевиками и доселѣ имъ идейно близки, тогда какъ «правые эсэры», прежде въ этомъ отношеніи во многомъ грѣшные, теперь являются ихъ яростными и непримиримыми врагами? То же самое мы имѣемъ и въ лагерѣ русскихъ соціалъ-демократовъ: не лежитъ ли цѣлая бездна между міровоззрѣніемъ г. Дана и г. Потресова? Не имѣемъ ли мы право обобщить эти явленія, сказавши, что въ «лѣвомъ» лагерѣ тоже намѣчается (здѣсь на общей почвѣ привычнаго раціонализма, которая однако для одной группы тоже начинаетъ сильно шататься) та же самая (въ принятомъ нами смыслѣ) коренная противоположность между «бѣлымъ» и «чернымъ»?

Замѣчательно также, что «черносотенство »(въ обычномъ смыслѣ), будучи доселѣ въ какомъ-то отношеніи политическимъ антиподомъ «краснаго», практически весьма часто обнаруживаетъ свое духовное сродство съ послѣднимъ и близость къ нему (какъ и обратно). Административный составъ большевицкой власти, преимущественно арміи и полиціи, былъ созданъ при существенномъ участіи «черносотенства». Лица «чернаго» образа мыслей, при всей непривычности для нихъ нѣкоторыхъ «красныхъ» идей, чувствуютъ часто нѣкоторое эстетическое и духовное сродство съ «краснымъ» стилемъ и относительно легко съ нимъ сживаются и его усваиваютъ (связующимъ звеномъ здѣсь является господство грубаго насилія въ управленіи и моментъ демагогіи). Прежнему типичному частному приставу и исправнику или некультурному армейскому офицеру демократическаго происхожденія неизмѣримо легче приспособиться къ совѣтскимъ порядкамъ и найти примѣненіе своимъ старымъ навыкамъ, чѣмъ профессору-либералу и даже чѣмъ культурному революціонеру. Въ подлинной черни различіе между «чернымъ» и «краснымъ» вообще становится почти неуловимымъ. Толпа, участвовавшая въ бѣлыя времена въ еврейскихъ погромахъ и еще въ 1915 г. устроившая въ Москвѣ по мнимо- національнымъ мотивамъ нѣмецкій погромъ, есть та самая толпа, которая совершила большевицкій переворотъ, громила помѣщиковъ и «буржуевъ». Съ другой стороны, антисемитизмъ, эта традиціонная черта «праваго» умонастроенія, стала, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, общимъ достояніемъ коммунистической среды, и въ особенности ея «лѣваго» крыла. Типично «черный» національзмъ есть вообще характерная черта русскаго коммунизма, выражающаяся въ его ненависти къ «буржуазной» Европѣ.

Чтобы понять и оцѣнить всѣ эти явленія, надо, однако, учесть одно общее обстоятельство, которое въ еще неизмѣримо большей мѣрѣ, чѣмъ политическое торжество демократіи, существенно содѣйствуетъ разложенію традиціонныхъ понятій «праваго» и «лѣваго»: это есть торжество и практическое осуществленіе *соціализма*.

Дѣло въ томъ, что *соціализмъ* съ самаго своего зарожденія и по своему существу *выходитъ за предѣлы противоположности между «правымъ» и «лѣвымъ» и образуетъ какое-то третье, самостоятельное, неучтенное этими наименованіями, направленіе*. Соціализмъ возникъ, какъ извѣстно, изъ сочетанія двухъ противоположныхъ духовныхъ тенденцій: просвѣтительства и раціонализма 18-го вѣка (соціальнаго радикализма Руссо и Мабли и матеріализма Гельвеція и Гольбаха) съ романтической реакціей начала 19-го вѣка противъ идей 18-го вѣка (первые соціалисты — сенъ-симонисты — ученики Сенъ-Симона, который въ своемъ ученіи объ «органической» эпохѣ въ противоположность «критической», является послѣдователемъ Жозефа де Местра). Уже съ самаго начала онъ, такимъ образомъ, не былъ ни «лѣвымъ», ни «правымъ», будучи одновременно какъ бы «лѣво-правымъ». Въ дальнѣйшемъ развитіи соціализма второй его генетическій корень сказался въ характерномъ для соціализма отрицаніи начала *свободы*. Такимъ образомъ, соціализмъ, сочетая въ себѣ первый и третій изъ вышеуказанныхъ признаковъ «лѣваго» направленія (раціонализмъ и борьбу низшихъ классовъ противъ высшихъ) и въ этомъ отношеніи, продолжая традиціи французской революціи, рѣзко враждебный «правому» направленію въ его традиціонномъ смыслѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ принципіально отвергаетъ самый, быть можетъ, существенный признакъ «лѣваго» умонастроенія — начало личной свободы и правъ личности, которое онъ замѣняетъ началомъ безграничнаго государственнаго принужденія. То обстоятельство, что соціализмъ вообще не лежитъ на линіи между «правымъ» и «лѣвымъ», а въ какомъ то совсѣмъ иномъ измѣреніи, могло оставаться незамѣченнымъ лишь въ эпоху, когда соціализмъ лишь боролся за свое осуществленіе, т.-е. находился въ оппозиціи къ существующему порядку (опредѣленному «правыми» началами) и потому въ естественномъ союзѣ съ «лѣвымъ» направленіемъ. «Революціонность» соціализма заслоняла тогда его собственное содержаніе, какъ *соціа-*

лизма. Соціализмъ въ процессѣ борьбы требовалъ для себя свободы и равноправія, вступалъ въ союзъ съ либерализмомъ и демократіей и потому естественно причислялся и причислялъ самъ себя къ «лѣвому» направленію. Съ момента захвата власти соціалистами, передъ ними — въ силу коренной противоположности между либеральной демократіей и соціализмомъ — оставались только два пути: либо отречься (фактически и на практикѣ, если не въ идеяхъ) отъ соціализма въ пользу либерально-демократической программы, либо отказаться отъ всякой связи съ либерально-демократическимъ, «лѣвымъ» направленіемъ въ интересахъ подлиннаго осуществленія соціализма. Первый путь избрали, европейскіе соціалисты, ставшіе по-истинѣ «соціалъ-предателями» и обрекшіе себя на лицемѣріе совершеннаго несоотвѣтствія между ихъ теоретической программой и практической государственной дѣятельностью; по второму пути пошелъ, какъ извѣстно, русскій коммунизмъ. Оба пути — второй, впрочемъ, гораздо нагляднѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ первый — на опытѣ показали противоположность между соціализмомъ и традиціоннымъ «лѣвымъ» міросозерцаніемъ.

Надо сказать правду: сами коммунисты поняли и практически учли этотъ выводъ гораздо болѣе основательно и послѣдовательно, чѣмъ многіе «лѣвые» (русскіе, а тѣмъ болѣе — западно-европейскіе): коммунисты не стѣсняются вести ожесточенную, ничѣмъ не ограничиваемую борьбу съ «лѣвыми» и открыто попирать всѣ начала «лѣваго» міровоззрѣнія (равноправіе, свободу и правовую защищенность личности, свободу вѣры и слова, демократическій принципъ всеобщности участіе въ государственно-общественной жизни, выборное начало и пр.), тогда какъ многіе лѣвые продолжаютъ еще по старой привычкѣ, т.-е. по недомыслію, вѣровать въ свою духовную близость къ соціализму.

Но какъ бы велико ни было недомысліе и сила исторической инерціи, — отнынѣ, съ торжествомъ соціализма въ Россіи, имѣющимъ по крайней мѣрѣ симптоматическое значеніе для всего міра, силою вещей, роковымъ и неотмѣнимымъ образомъ фронтъ политической борьбы измѣнилъ направленіе. Отнынѣ рѣшающей и основополагающей является совсѣмъ иная группировка политическихъ тенденцій, чѣмъ та, которая выразилась въ традиціонной вѣковой противоположности между «правымъ» и «лѣвымъ». Это инстинктивно ощущается — хо-

тя, за отсутствіемъ свободы слова, и не можетъ быть отчетливо опознано — въ самой Россіи. Напряженнѣйшій антагонизмъ между властью и населеніемъ, изнемогающимъ отъ деспотизма этой власти, не имѣетъ ничего общаго съ традиціонной противоположностью между «правымъ» и «лѣвымъ»; поскольку «правые» и «лѣвые» еще вообще существуютъ (за предѣлами самой коммунистической партіи, въ которой эти обозначенія имѣютъ тоже совершенно своеобразный смыслъ), ихъ былой антагонизмъ совершенно поблекъ, отступилъ на задній планъ передъ противоположностью между всѣмъ населеніемъ и совѣтскимъ деспотизмомъ; общее мученичество и подлинно историческое значеніе имѣетъ та «трубка мира», которую бывшій министръ Макаровъ выкурилъ передъ своей казнью со своимъ сожителемъ по камерѣ Чеки, соціалистомъ-революціонеромъ). Конечно, это не значитъ, что всѣ старыя проблемы, раздѣлявшія общество на правыхъ и лѣвыхъ, совсѣмъ исчезли. Но отчасти они перестали быть существенными, сняты съ очереди дня, отчасти же проблемы, какъ таковыя, сохранили значеніе, но типическія традиціонныя формы о т в ѣ т о в ъ на нихъ, полагавшія борьбу партій, устарѣли и измѣнили свой смыслъ.

Въ чемъ же заключается та основная новая группировка, та борьба противоположныхъ началъ, которая призвана смѣнить собой старую и устарѣвшую противоположность между «правымъ» и «лѣвымъ»? Пока насильническій соціализмъ въ Россіи не свергнутъ, онъ есть общій врагъ для всѣхъ, кто отъ него страдаетъ, и, обратно, для него все остальное, внѣ его стоящее, есть общій врагъ. Если, слѣдуя за нашимъ намѣченнымъ выше анализомъ, разложить на составные элементы эти двѣ враждебныя силы, то мы получимъ слѣдующую противоположность: на одной сторонѣ — раціонализмъ, безграничный государственный деспотизмъ, господство низшихъ классовъ надъ классами культурными; на другой — права традиціонализма и религіозной вѣры, принципъ права и свободы личности, защита интересовъ культуры и образованія (и, слѣдовательно, іерархической структуры общества по признаку образованія и культуры). Коротко говоря — борьба между нигилистически-демагогическимъ деспотизмомъ и идеей опирающагося на духовныя цѣнности правового порядка; еще короче — борьба между «краснымъ» и «бѣлымъ» (въ условленномъ выше смыслѣ) — причемъ предполагается, что другія группы, причислявшія себя къ «лѣвымъ», поскольку они дѣйствительно враждеб-

ны насильническому соціализму, уже не могутъ въ этомъ смыслѣ именоваться «красными».

Но «красное», въ указанномъ выше смыслѣ, какъ мы видѣли, весьма сродни «черному» и весьма легко можетъ въ него оборотиться. Это значитъ, точнѣе говоря: «раціонализмъ» можетъ легко замѣниться вульгарно-грубымъ (и потому имѣющимъ сильно-раціоналистическій оттѣнокъ) «традиціонализмомъ», при сохраненіи двухъ остальныхъ, связанныхъ съ нимъ, моментовъ: демагогіи и деспотизма (царство черни съ помощью палки во имя извращеннаго націонализма и извращенной религіи). Тогда «бѣлый» фронтъ противъ «краснаго» станетъ бѣлымъ фронтомъ противъ чернаго. На одной сторонѣ будетъ истинный, духовно обоснованный традиціонализмъ, неразрывно связанный со свободой и защитой интересовъ культуры, на другой — упрощенно-грубый и извращенный традиціонализмъ, сочетающійся съ демагогіей и культомъ насилія.

Принятая нами терминологія — замѣна противоположности между «правымъ» и «лѣвымъ» — противоположностью между «черно-краснымъ» и «бѣлымъ», конечно, встрѣтитъ возраженія, психологически вполнѣ естественныя и отчасти правомѣрныя: вѣдь и эти термины отягощены историческимъ прошлымъ и въ силу власти прочныхъ ассоціацій надъ умами лишь съ трудомъ поддаются употребленію въ новомъ смыслѣ. Но суть дѣла не въ терминологіи, конечно, а въ самомъ существѣ новаго, намѣчаемаго самимъ ходомъ вещей, соотношенія тенденцій. Фактически для этой новой группировки еще не найдены, и тѣмъ болѣе еще не освящены общимъ употребленіемъ, сотвѣтствуюшія названія; а извѣстно, что реальность, не запечатлѣнная въ словѣ, въ имени, воспринимается лишь съ трудомъ и только немногими, болѣе проницательными и независимыми умами. Поэтому еще долго, вѣроятно, будетъ идти на словахъ и въ смутныхъ мысляхъ борьба между отжившими, превратившимися въ призрачныя тѣни, понятіями «праваго» и «лѣваго»; еще долго будутъ существовать «правые» и «лѣвые» л ю д и безъ соотвѣтствующаго имъ реальнаго «праваго и «лѣваго» д ѣ л а ; еще долго эти призраки будутъ вносить безплодную путаницу и смуту въ общественную жизнь и заслонять собой суровыя требованія реальности. Въ концѣ концовъ, реальность, какъ всегда, одолѣетъ отжившія идеи, и «правое» и «лѣвое» изъ жизни уйдетъ въ учебники исторіи, гдѣ оно упокоится, найдя себѣ мѣсто рядомъ съ «гвельфами» и «гибеллинами».

ГЕОРГІЙ ФЕДОТОВЪ

О СМЕРТИ, КУЛЬТУРѢ И «ЧИСЛАХЪ»

Когда вышла первая книжка «Чиселъ» въ широкихъ кругахъ читателей смотрѣли на новый журналъ, какъ на воскресшій «Аполлонъ». Въ этомъ убѣждали и имена многихъ авторовъ, связанныхъ съ петербургскимъ акмеизмомъ и вниманіе, удѣляемое вопросамъ искусства, прекрасныя иллюстраціи и совершенство типографской техники. Казалось, что новое предпріятіе рождается подъ знакомъ Кузьмина и Гумилева. Вторая-третья книга «Чиселъ» дѣлаетъ окончательно невозможнымъ такое представленіе о новомъ журналѣ. Передъ нами не акмеисты, не Аполлонъ, не Парнассъ, а нѣчто совершенно иное, можетъ быть, прямо противоположное.

Если хотите, генеалогическая линія неосомнѣнна. Но дитя акмеизма не можетъ повторять своего отца. Болѣе того, какъ всѣ русскіе дѣти оно отъ него отрекается. Двадцать лѣтъ, — и какихъ лѣтъ! — только для мертваго проходятъ безслѣдно. А въ «Числахъ» люди, слава Богу, еще живые, хотя и много говорятъ о смерти. Но вотъ въ этомъ то все дѣло: свою жизненность «числовцы» доказываютъ волей къ смерти, свое рожденіе на Парнассѣ — отрицаніемъ культуры.

Признаюсь, послѣднее мнѣ кажется всего болѣе удивительнымъ. Мы привыкли къ тому что люди, живущіе искусствомъ, пресыщенные имъ, кокетничаютъ со смертью.

Въ старое время это приблизительно называлось декаденствомъ, или, по крайней мѣрѣ, входило въ него прямымъ ингредіентомъ.: Но культура? Стоитъ ли столько трудиться надъ «красой ногтей», надъ обложкой, шрифтомъ и клише, когда знаешь, что наступаетъ моментъ «капитуляціи» — искусства, что «оно становится недостаточнымъ и н е н у ж н ы м ъ ?» или еще лучше: когда «всякая красота зловѣще отвратительна въ своемъ совершенствѣ» и отвратительна даже «дивная музыка Баха»? Я, можетъ быть, не въ правѣ выдавать парадоксы Б. Поплавскаго за голосъ отвѣтственной группы; но слова о «ненужномъ искусствѣ» принадлежатъ редактору. Столь непохожіе, идущіе изъ разныхъ угловъ, голоса Г. Адамовича, .Н Оцупа — всѣ объ одномъ. Г. Адамовичъ роетъ, сверлитъ, закладываетъ мины, Б. Поплавскій неистово кричитъ, Н. Оцупъ разсудительно, по-хозяйски разставляетъ вещи по мѣстамъ, и всѣ эти столь чуждые темпе-

раменты сходятся въ одной волѣ. Волѣ, которая пока проявляетъ себя отрицательно: взрывая смыслъ культуры, а за культурой — чего еще? не всей-ли жизни?

Чтобы понять что-нибудь въ этомъ странномъ предпріятіи, гдѣ корректнѣйшіе западники, утонченные поэты превращаются въ динамитчиковъ, поднимаютъ руку на Пушкина, клянутся Толстымъ, необходимо одно: отказаться отъ дешевой гипотезы декаденства или снобизма, повѣрить имъ. Даже тотъ, кто не можетъ, долженъ сдѣлать видъ, что повѣрилъ. Безъ этого ничего не понять. Не понять того огромнаго впечатлѣнія, которое «Числа» произвели на литературную молодежь, сдѣлавшись первымъ за время эмиграціи русскимъ литературнымъ событіемъ.

Декадентство преодолѣвается съ трудомъ, кто разъ вкусилъ его, до смерти ощущаетъ во рту горькій вкусъ. Но нужно же имѣть уваженіе къ человѣку. Подъ визиткой сноба, какъ и подъ бюрократическимъ мундиромъ — человѣческое сердце. Литература съ ея полемикой, стратегіей, поножевщиной, убійствами изъ-за угла — все это есть, было и будетъ. Но здѣсь слышнѣе пульсъ міра, здѣсь смертельная рана, нанесенная человѣчеству источаетъ свои самыя густыя и чистыя капли.

Она подстрѣлена давно, наша культура, давно уже бѣжитъ по инерціи, пустотой и мракомъ. Печаль обреченности нависла надъ творчествомъ, тупо заглушаемая страной небоскребовъ и пятьюстами варіантами коктэйлей. Мы, потерявшіе родину, униженные и обнищавшіе въ конецъ (правъ Б. Поплавскій), оказываемся въ лучшихъ условіяхъ, чтобы ловить радіоволны съ тонущаго Титаника.

Есть люди, которые давно предвидѣли, предупреждали о гибели. Многіе изъ нихъ теперь злорадствуютъ. Эта нотка злорадства часто и непріятно слышится въ устахъ христіанъ, когда они указываютъ на гибель культуры. Нельзя громоздить тяжести надъ пустотой. Убивъ Бога, человѣчество совершило самоубійство. И въ смертномъ приговорѣ культурѣ гора Аѳонъ страннымъ образомъ перекликается съ горой Парнассомъ.

Эта перекличка въ «Числахъ» налицо. Адамовичъ говоритъ о Толстомъ и стоящемъ за нимъ Учителѣ. Поплавскій о мистической школѣ, о жалости и «православіи». Сказаны слова, очень обязывающія. Корабли сжигаются. Искатели покидаютъ берегъ, удаляясь въ пустыню. Быть можетъ ихъ ждетъ тамъ Синай. Можно-ли удерживать ихъ на краю цвѣтущей, обитаемой земли?

Нѣтъ, конечно, если они вооружились мужествомъ и не оглядываются назадъ. Если они идутъ, а не отдыхаютъ въ пустынѣ отъ опостылѣвшихъ человѣческихъ селъ. Что творится въ пустынѣ намъ невѣдомо и оцѣнить по справедливости голоса, доносящіеся оттуда, мы не въ силахъ. У насъ нѣтъ для этого самого главнаго: мѣры движенія. Мы воспринимаемъ ихъ лишь въ недвижныхъ отрывкахъ идей и словъ. Видимъ, что не есть истина, но не знаемъ, куда оно: къ истинѣ или отъ истины? Съ этими оговорками прошу принять мои замѣчанія и сомнѣнія.

Смерть есть, безспорно, тотъ основной фактъ изъ осмысленія котораго выростаетъ религія да, вѣроятно, и вся культура: ибо только смерть даетъ возможность отдѣлить въ мірѣ явленій непреходящее и вѣчное. Но отношеніе къ смерти, даже религіозное, не тождественно. Я даже готовъ сказать, что граница между правымъ и неправымъ воспріятіемъ смерти проходитъ внутри религіознаго круга, что законное, естественное переживаніе смерти возможно и въ атеистическомъ сознаніи, и что въ немъ тогда заложено скрытое религіозное зерно. Но сложность смертеощущенія неизбѣжно лежитъ въ основѣ ложной религіи.

Право, истинно, человѣчно — отчаяніе передъ лицомъ смерти. Видѣть, или хотя-бы предчувствовать гибель любимаго человѣческаго лица, гнусное разложеніе его плоти, съ этимъ не можетъ, не должно примириться достоинство человѣка. Это предчувствіе можетъ отравить всѣ источники наслажденій, вызвать отвращеніе къ жизни, но прежде всего, непремѣнно — ненависть къ смерти, непримиримую, не знающую компромисса или прощенія. Здѣсь вѣрующій Толстой сходится съ богоборцемъ Л. Андреевымъ и — съ творцомъ православной панихиды І. Дамаскинымъ. Изъ этого праваго отчаянія при достаточной силѣ жизни, родится вѣра въ воскресеніе.

Права, истинна, хотя и исключительна — мистическая жажда смерти, какъ сліянія съ Богомъ, утоленія нигдѣ на землѣ неутолимой любви. Но для мистика смерти нѣтъ, смерть лишь максимализація жизни, «вѣчная жизнь», и счастье свиданія не могутъ омрачить истлѣвшія одежды плоти. Эротическое отношеніе къ смерти разрушаетъ ее черезъ безсмертіе.

Христіанство отрицаетъ смерть и черезъ отчаяніе и черезъ эросъ — въ воскресеніи и безсмертіи. Въ преодолѣніи смерти весь смыслъ христіанства, религіи «вѣчной жизни». Христіанское отчаяніе родится изъ любви къ погибающему міру и человѣку. Христіанское отчаяніе — смерть

изъ любви къ Богу. И здѣсь и тамъ любовь вступаетъ въ войну со смертью и побѣждаетъ ее. Смерть — главный врагъ и никогда, никогда христіанство не можетъ быть истолковано, какъ религія смерти. Смерть лишь путь —жертва, крестъ — къ воскресенію. По истинѣ, нужно имѣть огромную любовь къ жизни, чтобы, не довольствуясь одной нашей мучительной жизнью, требовать «вѣчной жизни».

Эта жизненность христіанства становится особенно наглядной рядомъ со скромностью языческихъ представленій о смерти, языческой резиньяціей Христіанству чуждо отношеніе къ смерти, какъ ко сну и покою. («Покой» панихиды — лишь неполная, отрицательная сторона смерти). Всего ужаснѣе для христіанства рождающаяся отъ усталости и безсилія тоска по «евѳанасіи», легкой и блаженной смерти. Смерть, какъ усыпляющая любовница, la belle dame sans merci, Петроній, открывающій жилы въ благовонной ваннѣ — вотъ что максимально противостоитъ Кресту — гораздо болѣе, нежели наивное и радостное упоеніе жизнью. Не бойтесь: если любить жизнь крѣпко, любить такую, какъ она есть, плѣнительную и тлѣнную, то эта любовь будетъ непремѣнно распята, и чѣмъ сильнѣе она, тѣмъ мучительнѣе ея крестъ. Но изъ ванны до креста Петронію не дотянуться. Отсюда выходъ къ угашенію жизни въ аскетизмѣ Будды, и иныхъ религій Индіи, но не христіанства. Борьба, которая ведется сейчасъ въ мірѣ за человѣческій духъ, это и есть борьба между Буддой и Христомъ, между нирваной и вѣчной жизнью. Безрелигіозныя, даже атеистическія силы лишь резервуары для религіозныхъ энергій, которыя раздѣляютъ человѣчество.

И я боюсь — хоть и хотѣлъ бы ошибиться — что тема смерти оборачивается въ «Числахъ» темой нирваны. Это доказываетъ, что старое декаденство еще не преодолѣно — съ его ставкой на усталость, на блеклость, на угашеніе жизни.

Георгій Адамовичъ (или его корреспондентъ А.) усваиваетъ себѣ гностическій миѳъ о томъ, что «міръ вырвался къ бытію противъ воли Бога». Отсюда «въ душу закрадывается соблазнъ: — не надо ли «погасить» міръ, т. е. на это работать». Изъ этого соблазнительнаго миѳа можетъ вытекать и отреченіе отъ культуры.

Отрицаніе культуры въ «Числахъ» не похоже на буйство варваровъ которые хотѣли-бы все разрушить до основанія, чтобы все вновь построить. Не разрушеніе здѣсь, а лишь дрожаніе надъ треснутой вазой, — чут-

кость къ омертвенію, охватывающему все большіе слои культурныхъ тканей. Вполнѣ законна неудовлетворенность классицизмомъ (въ этой связи «развѣнчаніе» Пушкина). Но хотѣлось бы знать: во имя чего этотъ походъ? Не есть ли это процессъ саморазложенія, распадъ европейской, — и, прежде всего, русской культуры, которая не видитъ своей смѣны?

Она уже поняла, что не можетъ притязать на значеніе высшаго содержанія жизни, она знаетъ даже, что въ своемъ самодовлѣніи можетъ отравлять самые источники жизни (Н. Оцупъ о поэзіи Некрасова). Но она безсильна включить себя въ іерархическій строй бытія, утвердить себя на «тверди», когда земная почва проваливается подъ ногами.

Адамовичу кажется, что литературу убиваетъ снисхожденіе къ центру жизни, въ которомъ начинается ощущеніе ея никчемности. Поплавскій проклинаетъ искусство во имя единственной реальности: жалости къ человѣку, даже къ отдавленной заячьей лапкѣ. Съ разныхъ концовъ здѣсь Богъ и человѣкъ (живая тварь) убиваютъ искусство, какъ мнимое и ложное...

Правда въ томъ, что между Богомъ и человѣкомъ свѣтоносная сфера Божьей славы: Космосъ, произрастающій изъ царства идей, окруженный сокрытой ризой Божества. Вотъ почему культура, какъ познаніе скрытой или «логической» основы міра есть богопознаніе. Искусство лишь особая форма творческаго познанія. Глубоко человѣческая область культуры укоренена другимъ концомъ въ мірѣ ангельскомъ. Нельзя забывать объ ангелахъ ради заячьей лапки, хотя грѣхъ забывать и о лапкѣ ради ангельской славы. Искусство есть слава, «осанна» сквозь распятіе падшаго міра, и жалость безсильна убить его. Состраданіе, обнищаніе, «Кенозисъ» не исчерпываютъ христіанства. Отъ славы преображенія Кенозисъ ведетъ къ небытію, состраданію — къ общей и послѣдней гибели. Здѣсь наше русское (а не православное) искушеніе. Въ этомъ корень и русскаго народническаго нигилизма и разложеніе Блока, благоговѣйная память о которомъ не требуетъ слѣдованія его путемъ.

Хочется сказать: пусть падшій, пусть отравленный — міръ прекрасенъ, почти какъ въ первый день творенія. Но Божія слава его пронизала вспышками демоническихъ молній. Культура призвана къ созерцанію славы, хотя для нея почти неизбѣжно быть опаленной молніями. Въ культурѣ, какъ и въ пещерѣ пустынника человѣкъ соучаствуетъ въ космической брани. Его призваніе трагично и нѣтъ ничего противнѣе трагическому жизне-

ощущенію, какъ сомнѣніе, раздумье, элегическая резиньяція. Сквозь хаосъ, обступающій насъ и встающій внутри насъ, пронесемъ нерасплесканнымъ героическое — да: Богу, міру и людямъ.

АНТОНЪ КРАЙНІЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

О РОЗАХЪ И О ДРУГОМЪ

Все труднѣе становится размышлять — даже просто думать — о «литературѣ».

И не то, чтобы я раздѣлялъ мнѣнія нѣкоторыхъ о «концѣ литературы», или другихъ — о ея «упадкѣ» или третьихъ, ничего не понимающихъ, о ея маловажности вообще. Нѣтъ, конца литературы, по моему, еще не видно, а насчетъ упадка — во всѣ времена кто-то находилъ ее въ упадкѣ, кто-то въ расцвѣтѣ. Вопросъ вѣчно-спорный и довольно праздный.

Но безспорно — есть времена, когда лучъ мірового рефлектора останавливается не на области какого нибудь искусства, даже не вблизи, а на чемъ-то совсѣмъ другомъ. Вниманіе и глаза большинства естественно обращены тогда на болѣе освѣщенное мѣсто. Даже недавняя война, не вполнѣ и «міровая», развѣ не была она такимъ мѣстомъ?

Для искусства, какъ для многаго еще другого, эти временныя затемнѣнія, конечно, не страшны: вѣдь лучъ рефлектора скользитъ, не переставая. Увидимъ еще довольно всякой литературы, и хорошей, и дурной. Однако, съ преходящими затемнѣніями какъ-то считаешься, переживаешь ихъ, волей-неволей, и на себѣ.

Сейчасъ пятна свѣта и тѣни расположены разнообразно и неровно; широкихъ опредѣленій нельзя сдѣлать; но, пожалуй, мы не ошибемся, сказавъ, что нигдѣ въ мірѣ искусство слова (или другое искусство) не находится сейчасъ въ главномъ фокусѣ, въ центрѣ вниманія...

Ну, а если мы немножко съузимся, обратимся къ частностямъ, — къ намъ, напримѣръ, какъ къ намъ и къ «литературѣ» нашей, — понятнымъ станетъ, почему мнѣ (одному-ли мнѣ?) мало «думается» объ этой самой литературѣ. Серьезно приневоливъ себя, я могу, конечно, написать казенную рецензію о любомъ эмигрантскомъ романѣ, о молодомъ или старомъ беллетристѣ, даже о совѣтскомъ «росткѣ», «подающемъ надежды», — но думать, но размышлять надъ этими произведеніями пера — не могу: тотчасъ мысль ускользаетъ куда-то въ сторону.

Существуетъ, однако, въ литературѣ (вѣрнѣе, въ искусствѣ «слова», а не въ «литературѣ») область, которой смѣна временъ, если и касается, то по своему, по особому. Тамъ свѣтъ горитъ ровно всегда; и у кого есть для такого свѣта глаза, тотъ всегда можетъ его увидѣть.

Область эта — поэзія.

РОЗЫ

Она — поэзія — не только стихи, конечно. Но я буду говорить о стихахъ.

Особенность стиховъ — это что ихъ нельзя вполнѣ слить съ «литературой», вмѣстить въ нее безъ остатка. Во времена, когда вниманіе отвлечено отъ литературы, стихи остаются. Неизвѣстно почему вдругъ вспоминается о нихъ, думается; и никакимъ стороннимъ, самымъ серьезнымъ мыслямъ дума о стихахъ не мѣшаетъ, — иногда помогаетъ.

Впрочемъ, надо раньше сказать, какіе стихи я разумѣю.

Извѣстно, что стиховъ, и людей пишущихъ стихи, чрезвычайно много. Больше, чѣмъ пишущихъ не стихи. Мы раздѣляемъ стихи на хорошіе, средніе, плохіе, и, разсматривая ихъ съ литературной точки зрѣнія, можемъ, подчасъ, доказать, что хорошіе — хороши, и почему плохи плохіе.

Но дѣйствительное наше отношеніе къ стихамъ лежитъ глубже, и раздѣляются они не такъ, — не на «хорошіе» и «дурные». Раньше какихъ бы то ни было оцѣнокъ, самъ собою является вопросъ: «есть» эти стихи, или ихъ «нѣтъ?»

Вотъ на «есть» и на «нѣтъ» всѣ стихи и дѣлятся, безъ большого, притомъ, труда.

Надо сказать правду: послѣ такого отбора, когда возвращены будутъ «во тьму небытія» стихи, которыхъ «нѣтъ» (иногда очень хорошіе), вмѣстѣ со своими «творцами», — не много увидимъ мы другихъ, оставшихся... Но тѣмъ лучше, не они-ли одни намъ нужны?

Чрезвычайно есть стихи, о которыхъ сейчасъ я думаю, чрез-

вычайно е с т ь за ними поэтъ — Георгій Ивановъ. Поэтическое бытіе это такъ важно, что почти не хочется тянуть его стихи въ чисто-литературную плоскость, отмѣчать своеобразіе (м. б. и однообразіе) ритмовъ, говорить о «мастерствѣ», и т. д. Не трудно выискать, специально этимъ занявшись, и «недостатки» въ стихахъ Георгія Иванова. Но, кажется, и они, — большинство изъ нихъ, — такого рода, что въ гармоніи цѣлаго нужны, а потому и перестаютъ быть «недостатками».

Внутренняя гармонія — свойство стиховъ всякаго подлиннаго поэта, какими-бы чертами ни отличался онъ отъ другого. Поэзія Георгія Иванова въ высшей степени лирична, это главная ея черта. Лиричность, сама по себѣ, не есть еще такое непремѣнное условіе поэзіи, что чѣмъ она лиричнѣе, тѣмъ «поэтичнѣй». Но преобладаніе лирики требуетъ гармоніи своего оттѣнка. И ни однимъ звукомъ поэзія Георгія Иванова противъ этой гармоніи не погрѣшаетъ. Поэтъ и не могъ бы, вѣроятно погрѣшить, потому что онъ дѣйствительно поэтъ-лирикъ; потому что

«Въ глубинѣ, на самомъ днѣ сознанья,
Какъ на днѣ колодца — самомъ днѣ —
Отблескъ нестерпимаго сіянья
Пролетаетъ иногда во мнѣ.
Боже! И глаза я закрываю
Отъ невыносимаго огня.
Падаю въ него........»

Лирика подлинной поэзіи всегда свободна, подчиняясь только закону внутренней гармоніи. Для стиховъ, которые « е с т ь », не существуетъ ни «новыхъ», ни «старыхъ» словъ: таинственная сила гармоніи даетъ каждому его вѣчный смыслъ. Книга Георгія Иванова называется « Р о з ы ». Въ теченіе всѣхъ послѣднихъ десятилѣтій (о самомъ послѣднемъ не говорю) наши стихотворные «новаторы», даже не совсѣмъ плохіе, панически боялись «соловьевъ», «розъ» (особенно розъ) «голубого» (просто голубого) моря и всего такого. А между тѣмъ море осталось голубымъ, соловьи изъ поэзіи (настоящей) не думали, оказывается, улетать, и розы въ стихахъ Георгія Иванова цвѣтутъ такъ же естественно, какъ на розовыхъ кустахъ и такъ-же прекрасны, какъ... вотъ эти, громадныя ноябрьскія розовыя розы, что стоятъ сейчасъ передо мной...

Два главныхъ свойства отличаютъ подлинную поэзію, подлиннаго поэта отъ всѣхъ другихъ.

О первомъ свойствѣ я ужъ говорилъ: эта поэзія не умѣщается въ «литературѣ», не сливается съ ней вполнѣ; что-то еще несетъ въ себѣ, не «отъ литературы»; живетъ и за ея гранями. Поэзія — не иногда, а всегда говоритъ намъ о «послѣднихъ вещахъ»; и языкъ ея, кажется, единственный, на который ближе всего переводится человѣческое ощущеніе этихъ «послѣднихъ вещей»: жизни и смерти, любви и отчаянія, гибели и спасенія...

Второе-же непремѣнное свойство настоящей поэзіи, создаваемой настоящимъ поэтомъ, — современность.

Поэтъ не «отдаетъ дань своему времени» (что за нелѣпая фраза!) — онъ просто въ немъ, въ своемъ, живетъ. Вѣчное преломляется для него именно въ этомъ времени; и такимъ, не инымъ, онъ вѣчное видитъ.

Оттого и «новъ» каждый подлинный поэтъ, и новымъ остается навсегда: вѣдь онъ далъ новый образъ вѣчнаго (въ преломленіи новаго, никогда еще не бывалаго, времени), а всѣ образы, всѣхъ временъ нужны одинаково.

Кто назоветъ Лермонтова или Данте — ненужными больше, старыми? Однако, если бы Лермонтовъ воскресъ, онъ писалъ бы сегодня не то, или не такъ, по другому... оставаясь Лермонтовымъ.

Это относится ко всѣмъ поэтамъ, какъ бы разны по существу они ни были. (А они всѣ разны, всѣ подлинные, — потому и говорю я всегда о нихъ отдѣльно, не допуская сравненій: бѣлая роза не лучше розовой, и розовая не лучше бѣлой, есть-ли смыслъ ихъ сравнивать?). На поэтахъ, по преимуществу лиричныхъ, всего виднѣе, до какой степени не важны слова сами по себѣ, и какъ важна таинственная гармонія, всегда по времени, всегда новая, дѣлающая стихи магичными.

Одинъ изъ наиболѣе лиричныхъ поэтовъ — Фетъ. (И его беру не для сравненій, — для примѣра.). Фетъ воспѣлъ всѣ весны, всѣ поцѣлуи, и трели соловьиныя, и вѣчную любовь, и всякую измѣну, — ничего не оставилъ и, казалось, «лишь повторенья грядущее сулитъ». А вотъ посмотрите, что дѣлается изъ этихъ-же, приблизительно, словъ у другого поэта, тоже лирика въ высшей степени, но не фетовскаго, а нашего времени, — Георгія Иванова:

«Не было измѣны. Только тишина.
Вѣчная любовь. Вѣчная весна.
Только колыханье синеватыхъ бусъ
Только поцѣлуя солоноватый вкусъ.
И шумѣло только о любви моей
Голубое море, словно соловей.
Голубое море у этихъ дѣтскихъ ногъ
И не было измѣны — видитъ Богъ!
Только грусть и нѣжность, нѣжность вся до дна.
Вѣчная любовь. Вѣчная весна.»

— «Веселыя лодки въ дали голубой», писалъ Фетъ, «свобода и воля горятъ впереди!» Но сегодняшній лирикъ отвѣчаетъ: «легкія лодки отчалили въ синюю даль навсегда»...

И къ некрасовской лирикѣ, такой совсѣмъ особенной (неужели «старой»?) можно не мало найти параллелей у лирика нашихъ дней. Хотя бы стихотвореніе «Россія, Россія... и какъ не отчаяться...»

Не буду продолжать, слишкомъ много этихъ параллелей (разнствующихъ соотвѣтствій.) И жалко дѣлать выписки изъ «Розъ»; каждое стихотвореніе слишкомъ цѣльное, каждое точно «одинъ звукъ», раздроблять его нельзя.

Вотъ что еще надо сказать, однако, о поэзіи очень лиричной: при всей ея подлинности, она часто насквозь п а с с и в н а . Воздухомъ пассивности пропитана, вѣтромъ ея овѣяна. Съ безвольно-отдающейся грустью клонятъ долу свои головки «Розы» Георгія Иванова. Поэтъ ни надъ чѣмъ не властенъ: «Власть? но если нѣтъ и власти — даже надъ самимъ собой?...» Да онъ, кажется, и захотѣть не могъ бы чего нибудь, на власть похожаго. Онъ ничего самъ не «дѣлаетъ»: все, — хорошее и дурное, прекрасное и ужасное, — съ нимъ «дѣлается». Онъ только слышитъ, «какъ летитъ земля съ безконечнымъ легкимъ звономъ», или «трава растетъ», — и «голова опускается все ниже»:

«Такъ и надо. Голову на грудь
Подъ блаженный шорохъ моря или сада.
Такъ и надо — навсегда уснуть —
Больше ничего не надо.»

Трудно сказать: можетъ быть чистый лирикъ по существу связанъ съ пассивностью, съ безволіемъ, и есть въ немъ «ущербъ, изнеможенье»... А можетъ быть поэтъ-лирикъ нашихъ дней, видящій вѣчное сквозь призму нашего времени, и долженъ быть такимъ: бездумно-пассивнымъ, испуганно-нѣжнымъ и слабымъ, легкимъ-легкимъ, какъ цвѣточная пыль, исчезающая въ голубомъ солнцѣ?

Такъ или иначе, въ упрекъ Иванову поставить этого нельзя. Я, впрочемъ, и не собирался упрекать въ чемъ-либо поэта — ни бранить, ни хвалить: я, вѣдь, его поэзію не критикую, я просто немного задумался надъ этой рѣдкой книжкой.

Всякому, кто не очень «лѣнивъ и не любопытенъ», я предлагаю прочитать ее самому: не для того, чтобъ мои «размышленія» провѣрить, нѣтъ, — а чтобъ себя провѣрить и испытать. Кто магіи этихъ стиховъ не почувствуетъ, тому, значитъ, дверь поэзіи закрыта навсегда.

Чтожъ? не мало и другихъ дверей на свѣтѣ...

II.

PRO DOMO NON SUA

Поэзія не отвлекла меня отъ нѣкоторыхъ мыслей о другомъ. Тоже, по моему, о «литературѣ», а если и не о «чистой» — бѣда невелика.

Давно ужъ я замѣтилъ, что не всегда бываетъ пріятно оказаться правымъ, угадать вѣрно. Вѣдь и говоришь, иной разъ, и знаешь, что будетъ такъ, а гдѣ-то все-же шевелится надежда: вдругъ не такъ, иначе?

Вотъ я говорилъ, на этихъ-же страницахъ, что не надѣюсь получить отвѣта отъ «Чиселъ» на мой вопросъ насчетъ «политики»; втайнѣ-же надѣялся: а можетъ быть? Но вышло не по тайному, а по явному.

Мой вопросъ былъ поставленъ очень ясно. Даже газета, въ общемъ дружественная, но почему-то за этотъ вопросъ искавшая меня упрекнуть, — признала ясность; обвиненіе свелось къ тому, что статья моя была «написана мягко». На это сказать нечего. Съ пристрастіемъ допраши-

вать я не умѣю; да признаться, и умѣлъ-бы — такъ не сталъ. Пусть ужъ другіе, кто вѣритъ въ полезность этого способа.

Какъ бы то ни было, отвѣта я не получилъ. Съ большимъ тщаніемъ прочелъ «Дневникъ» Н. Оцупа, гдѣ долженъ былъ находиться отвѣтъ, но его тамъ не оказалось. Къ моей статьѣ Н. Оцупъ отнесся съ видимымъ вниманіемъ, за что я его очень благодарю, но по существу дѣла я ничего не узналъ. Узналъ только, ввидѣ отвѣта, что редакція Чиселъ «противъ тираніи политики». Говорю «ввидѣ отвѣта», потому что какой-же это отвѣтъ, разъ я о тираніи не спрашивалъ, не заикался даже, будучи заранѣе увѣренъ, что ни къ какимъ тиранствамъ «Числа» симпатіи не питаютъ.

Я спрашивалъ прямо о политикѣ; о содержаніи и смыслѣ, — для «Чиселъ» — этого слова, о томъ, что подъ нимъ разумѣетъ редакція новаго журнала, объявляя, что она — противъ «политики»...

Искать отвѣта въ дальнѣйшихъ главахъ «Дневника» Н. Оцупа — было бы совсѣмъ безполезно: тамъ ужъ пошла рѣчь о постороннихъ вещахъ. Тогда я попробовалъ, не найду-ли косвеннаго отвѣта въ журналѣ, какъ таковомъ: противъ чего тамъ возстаютъ, или-же чего въ журналѣ совсѣмъ не будетъ, — то и есть для него «политика».

Не увѣнчалась успѣхомъ и эта попытка. Если находились статьи «противъ», то при всемъ желаніи невозможно ихъ было принять, какъ направленныя противъ чего нибудь вродѣ «политики». Способъ исключенія (т.-е. чего въ журналѣ нѣтъ вовсе?) — тоже не помогъ: слишкомъ многихъ вещей тамъ нѣтъ, которая-же «политика»?

Но дѣйствительно: ничего, даже издалека приближающагося къ какой нибудь явной «политикѣ» въ «Числахъ» не имѣется (даже дипломатіи нѣтъ!) По досадному недоразумѣнію нѣкоторые приняли за «политику» фразу Г. Адамовича о большевикахъ, которые, на его взглядъ, дѣйствуютъ «въ вѣрномъ направленіи». Но не только мнѣ, всякому мало-мальски внимательному читателю ясно, что и тѣнь политики здѣсь не ночевала. Стоитъ сопоставить слова Адамовича со статьей Поплавскаго, чтобы понять: рѣчь идетъ не о политикѣ, но... о мірѣ: не дѣйствовать-ли такъ, чтобы «погасить» міръ? Не это ли — дѣйствіе «въ вѣрномъ направленіи?» Адамовичъ лишь спрашиваетъ, но Поплавскій увѣренъ; вѣдь «агонія — самое приличное для міра состояніе».

Вопросъ огромный, даже слишкомъ огромный. Что передъ нимъ мои скромныя вопрошанія насчетъ политики? Но все-же, пока всеобъем-

лющій вопросъ этотъ не рѣшенъ (и скораго рѣшенія не предвидится) почему-бы намъ не заняться вопросами съ виду маленькими, обыденными, находящимися, какъ мы сами, во времени? Вопросами просто — жизни? Подвернется непремѣнно тутъ и «политика». Кромѣ окончательныхъ высотъ и широтъ, — нигдѣ сегодня отъ нея не спастись: ни въ Парижѣ, ни въ Россіи... ни въ журналѣ.

Журналъ «Числа», пока что, спасается. До такой степени, что даже завѣдомые «политики», направляясь подъ сѣнь его, облекаютъ себя въ одежды критиковъ... если не литературы, то литераторовъ.

Это недурно, это имѣетъ свой стиль. Но какъ долго можно его выдерживать?

И все-таки я продолжаю думать, что «неинтересный» мой вопросъ, — о политикѣ (и какой?) о связи или несвязи ея съ искусствомъ, о ея «мѣстѣ» въ жизни въ разные моменты исторіи, — не такой ужъ неинтересный вопросъ. Кто знаетъ, можетъ и къ «міру», и къ «вѣчности» имѣетъ онъ большее отношеніе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда?

Если группа русскихъ людей, близкая журналу «Числа», не дала еще, со своей стороны, никакого отвѣта на вопросъ — то врядъ-ли потому, что не можетъ имъ заинтересоваться. Я думаю (или хочу вѣрить) что она просто еще не успѣла выработать въ себѣ ясное къ нему отношеніе. Когда это будетъ — будутъ и отвѣты.

P. S. Эти строки были уже написаны, когда состоялся въ Парижѣ вечеръ «Чиселъ», посвященный какъ разъ вопросу, меня занимающему: объ искусствѣ и политикѣ.

Не касаясь въ частности ни одного изъ ораторовъ (я не пишу отчета о вечерѣ) я долженъ, однако, сказать, что какимъ то образомъ, совокупность всѣхъ рѣчей, атмосфера залы или, можетъ быть, нѣсколько кѣмъ-то брошенныхъ словъ, — все это вмѣстѣ очень разъяснило для меня и вопросъ, и позицію «Чиселъ». Скажу кратко и упрощенно: мнѣ кажется, что литературный журналъ имѣлъ намѣреніе, въ программномъ заявленіи своемъ, подчеркнуть, прежде всего, свою литературную п р е и м у щ е с т в е н н о с т ь (на которую онъ, естественно, имѣетъ право). Онъ воспользовался ходячимъ словомъ «политика», просто-на-просто желая огово-

риться, что статей по чисто-политическимъ вопросамъ въ немъ не будетъ, уже потому, что сотрудники его — литераторы по преимуществу и профессіонально-политическихъ статей писать не умѣютъ. Это опять только естественно, и врядъ ли кто нибудь пожелалъ бы (и я менѣе всего), чтобъ было иначе, чтобъ «пирожникъ» принялся «тачать сапоги». Но при этомъ — насколько я убѣдился — руководители «Чиселъ», вкупѣ со своими ближайшими сотрудниками, нисколько не отрицаютъ, что «политика» — понятіе растяжимое, въ нѣкоторыя-же времена — особенно растяжимое; и тогда вопросъ, переходя границы специализма и оставаясь какъ бы «политическимъ», можетъ разсматриваться, какъ вопросъ жизни.

Могли-ли «Числа, да и какой нибудь дѣйствительно литературный журналъ, сказать, что къ такимъ «политическимъ» вопросамъ они не имѣютъ отношенія? Нѣтъ, конечно; это было бы просто абсурдомъ, какъ заявленіе, что «литература не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ жизни».

Пирожникъ можетъ не тачать сапогъ, сапожникъ не печь пироговъ (бываетъ и это, но, слава Богу, рѣдко) — однако ни съ того, ни съ другого не снимается обязанность быть «человѣкомъ» (сказалъ одинъ изъ близкихъ сотрудниковъ «Чиселъ», — Адамовичъ). Не снимается она и съ литератора; и литература, искусство, изъ котораго исключена малѣйшая черта «человѣчества», — будь то человѣческая мораль или что другое, — уже не искусство. Въ искусствѣ — особенно видно, на какихъ трехъ китахъ все построено; эти киты, банальные, подобно всему вѣчному, — правда-добро-красота. Отнимите любого — посмотримъ, что у насъ будетъ за «искусство». Выньте какого нибудь изъ широко-понимаемой политики, общей жизни человѣческой — поглядимъ, что у насъ отъ нея останется...

Изъ-за словъ, все таки не всегда точно употребляемыхъ, многимъ, вѣроятно, и послѣ вечера «Чиселъ» осталось кое что неяснымъ. Есть слова (звуки) которыя, отъ привычки, дѣйствуютъ гипнотически. Я старался преодолѣть гипнозъ, и, если не все, то позиція «Чиселъ» по отношенію къ «искусству» и «политикѣ», стала мнѣ понятной. Она, по моему, въ существѣ, правильна... Быть можетъ, нѣкоторые изъ руководителей журнала еще будутъ спорить, найдутъ, что я ошибаюсь?...

Но кажется мнѣ, что нѣтъ, не ошибаюсь.

НИКОЛАЙ ОЦУПЪ
ВМѢСТО ОТВѢТА

Эта книга уже печаталась, когда состоялся вечеръ «Чиселъ» объ искусствѣ и политикѣ. На вечерѣ были произнесены какія-то слова (неважно, кѣмъ и какія именно) заканчивающія одинъ циклъ не вполнѣ рѣшенныхъ для журнала вопросовъ и какъ бы приглашающія насъ заняться другими темами.

Послѣсловіе Антона Крайняго какъ будто кладетъ конецъ спору этого писателя съ «Числами». На вечерѣ о политикѣ и искусствѣ Крайній услышалъ то, чего не хотѣлъ прочесть между строкъ на этихъ страницахъ.

Искусство — не безобидная игра. Все, что затаено въ насъ, искусство тревожитъ и будитъ. Оно воспитываетъ насъ только въ смыслѣ расширенія выбора. Подъ дѣйствіемъ искусства человѣкъ, по природѣ преступный, становится еще болѣе разнообразнымъ въ темныхъ своихъ страстяхъ. Онъ дѣлается богаче, разностороннѣй, но не лучше.

Навязывать искусству воспитательныя задачи — значитъ ошибаться въ его прородѣ. Именно въ свободѣ искусства, и только въ ней, есть что-то высоко моральное.

По методу Фрейда цѣлый рядъ паталогическихъ случаевъ можно вылѣчить, очищая подсознательную, «подпольную» сферу нашей духовной жизни. Достаточно только оттуда, изъ подвала, вынести наружу то, что затаено и разсмотрѣть его при дневномъ свѣтѣ.

Лучшая литература какъ разъ этимъ всегда и занята. Особенно въ послѣднія десятилѣтія. Писатели заговорили особенно охотно, тонко и подробно о вещахъ, доселѣ тщательно скрывавшихся. «Сексуальныя темы» ставятся въ самыхъ выдающихся произведеніяхъ нашей эпохи (у Пруста, Жида, Джойса и др.) съ неслыханной доселѣ откровенностью. Вовсе не надо лично быть причастнымъ къ тому, что сейчасъ такъ тщательно писателями изслѣдуется, вовсе не надо питать тѣ именно склонности, которыя есть у того или другого героя повѣсти или романа, а можетъ быть и у самого автора. Въ личной жизни можно испытывать ко всему этому даже отталкиваніе. Но нельзя не чувствовать, что безъ этой огромной сферы, безъ вниманія къ ней искусство было бы слѣпо и глухо.

Тѣ, кто видятъ аморальность у авторовъ, пытающихся все тайное

сдѣлать явнымъ, можетъ быть не понимаютъ современнаго человѣка во всей его сложности. Въ этомъ человѣкѣ ужъ навѣрно не только низшія страсти. Наоборотъ, ихъ обнаруженіе, вынесеніе ихъ на свѣтъ помогаетъ ему въ себѣ и въ окружающихъ разобраться и, если заложенныя въ немъ лучшія начала — сильнѣе, борьба ихъ съ низшей его природой можетъ только укрѣпить человѣка, возвысить его.

Во всякомъ случаѣ природная добродѣтель, остающаяся безупречной лишь потому, что не встрѣтилось ей достаточно сильныхъ искушеній, не такъ уже драгоцѣнна. Увеличивая безъ конца опасности на пути такой добродѣтели, искусство испытываетъ ея сопротивленіе. Вотъ ужъ въ самомъ дѣлѣ: «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое». Въ борьбѣ — съ самимъ собой. Въ совершенно ясномъ изученіи себя, своихъ склонностей, въ отборѣ и укрѣпленіи того, что лучше и глубже.

Но для такого отбора нужно вглядываться въ себя и въ окружающее широко раскрытыми глазами. Только такъ можно понять, что такое мораль.

Только все видящее, ничего не замалчивающее и что-то, поверхъ условностей, утверждающее искусство достойно называться моральнымъ.

Нѣсколько словъ о «похоронныхъ настроеніяхъ». Какъ можно запретить кому бы то ни было говорить и думать о смерти? Кто можетъ установить дозы, въ которыхъ о ней позволительно писать? Кому дано знаніе всего, что есть — смерть?

Хочется, наконецъ, за «Числа» предложить нашимъ критикамъ разобраться, какъ и почему на этихъ страницахъ часто говорится о смерти, быть можетъ тогда упрекающіе насъ въ «похоронности» увидятъ свою ошибку.

— Почему не писать о смерти? — спросилъ на вечерѣ «Чиселъ» одинъ изъ ораторовъ.

— Писать надо о жизни, — отвѣтилъ съ мѣста П. Н. Милюковъ.

Если писатели, составляющіе руководящую группу «Чиселъ», находили весь смыслъ міра въ смерти и «любовались» бы зрѣлищемъ разрушающейся жизни, — мало было бы тѣхъ упрековъ, которыя теперь (безъ основанія) кое-кто обращаетъ къ журналу.

П. Н. Милюковъ, быть можетъ, удивится, если я, отъ имени «Чиселъ», цѣликомъ соглашусь съ его словами. Да, писать надо о жизни.

Но жизнь, безъ своего загадочнаго и темнаго фона, лишилась бы своей глубины. Смерть вплетена въ живое.

Во всемъ, что не имѣетъ дна,
Всегда присутствуетъ она,
А гдѣ помельче глубина,
Намъ тѣнь ея видна.

Тема о смерти можетъ привлекать и «упадочниковъ», людей, «усталыхъ отъ жизни». Г. П. Федотовъ высказываетъ опасенія, не это ли причина похоронныхъ темъ у писателей «Чиселъ». Вслѣдъ за Паскалемъ Федотовъ хочетъ доказать, какъ удобна и спасительна для души человѣческой вѣра въ физическое воскресеніе. Но и Паскалю не удалось скрыть за своими «Мыслями» жуткое, страшное и по-человѣчеству драгоцѣннѣйшее сомнѣніе: «да такъ ли все это?» Въ тревожныхъ утвержденіяхъ Федотова, нѣтъ ли, въ другой формѣ, все тѣхъ же давно знакомыхъ сомнѣній?

Но зачѣмъ же чужое сомнѣніе, только болѣе явное и откровенное, называть упадочничествомъ. Вѣдь и высказываютъ то его до конца лишь при желаніи до чего то безспорнаго договориться, что то положительное утвердить. И только при безусловной честности съ собой утвержденіе это чего то стоитъ.

Пытливо всматриваясь въ смерть, пишущіе о ней славятъ жизнь. О смерти мы хотимъ писать во имя жизни. Сологубовской «дебелой бабищей» безъ тайны и безъ трагедіи становится жизнь безъ своей «темной сестры».

Въ предисловіи къ первой книгѣ «Чиселъ» руководящая группа журнала пыталась намѣтить главныя свои темы, ничуть не новыя, конечно, для міровой литературы, но отодвинутыя за послѣдніе годы темами злободневными. Это — вопросы человѣческаго существованія. Какъ можно касаться ихъ, не говоря съ послѣдней откровенностью о томъ, что углубляетъ и возвышаетъ жизнь? Мысли о смерти — не признакъ упадочничества. Этого упрека «Числа» принять не могутъ.

БОРИСЪ ПОПЛАВСКІЙ
ПО ПОВОДУ...

1.

...АТЛАНТИДЫ — ЕВРОПЫ [1])

Какъ ужасно отъ сновъ пробуждаться, возвращаться на землю, переоцѣнивать все по будничному. Какъ отвратительно иллюминанту, очнувшемуся отъ «припадка реальности», открывать глаза на нереальное, видѣть комнату, чувствовать усталость и холодъ, опять погружаться въ страхъ.

Но какъ сдѣлать экстазъ непрерывнымъ, какъ жить въ экстазѣ, а не только болѣть экстазомъ? И не потому что экстазъ радость (ибо, если искать радостей, то не лучше ли самыхъ грубыхъ). Нѣтъ, экстазъ есть правдивая жизнь, экстазъ есть долгъ, и все остальное ложь. То-есть тѣ же вещи и событія, но внѣ религіознаго ихъ ощущенія — пустота и нереальность. Но какъ сдѣлать экстазъ постояннымъ? Аскеза говоритъ: постоянно поддерживать его волей, постоянно форсировать его, пусть до грубости, постоянно кричать о святомъ, постоянно плакать, нарушать всѣ законы приличія. Воззритесь на спортсменовъ они, пробѣгая огромныя разстоянія, или состязаясь на велосипедахъ, не находятся ли въ непрерывномъ физическомъ экстазѣ, какомъ мучительномъ и безполезномъ, но какомъ героическомъ. Можетъ быть Бодлеръ находился въ мистическо - сексуальномъ экстазѣ, Прустъ въ экстазѣ фобическомъ, Ибсенъ въ экстазѣ справедливости, а Чеховъ въ самомъ глубокомъ, — въ экстазѣ слезъ. «Ибо тотъ, кто плачетъ часто — христіанинъ, тотъ кто плачетъ постоянно — тотъ святой».

Но не одержимость, нѣтъ; экстазъ есть нѣчто мужественное до крайности, стоическое до предѣла, совершенно произвольное, максимально волевое. И что достигается экстазомъ? — Имъ превозмогается страхъ. «Симъ побѣдиши». Ибо послѣ извѣстной точки становится возможнымъ осуществить все страшное, все завѣтное, писать такъ, какъ совѣсть требуетъ, а у мистиковъ — побѣдить логику — самосохраненіе ума.

---

[1]) Д. С. Мережковскій. Изд. Русскіе Писатели. Бѣлградъ, 1930.

Новая книга Димитрія Мережковскаго Атлантида - Европа есть, какъ бы, такой именно опытъ непрерывнаго интеллектуальнаго экстаза. Книга эта вся написана въ библейскомъ ощущеніи эсхатологическаго страха, угрожающей интонаціи близкаго конца, такъ что прямо мучительна по временамъ, до того напряженна и тревожна, что вообще такъ цѣнно въ Мережковскомъ, этомъ непрерывномъ человѣкѣ всегда бодрствующемъ, всегда дѣйствующемъ. Кажется, что для него все важно, второстепеннаго нѣтъ, за всѣмъ раскрывается пропасть и постоянное горѣніе есть долгъ. И если правильно мое ощущеніе, что отъ восхищенія своимъ предметомъ, онъ въ настоящее время переходитъ къ боли предмета, отъ красоты тайны къ ужасу ея, то эта книга — лучшая, самая пронзительная изъ его книгъ.

Недаромъ въ Атлантидѣ - Европѣ, столько говорится о мучительномъ изступленіи, о погонѣ Титановъ за ребенкомъ Діонисомъ, о повальномъ пифическомъ и плясовомъ безуміи, нѣкогда охватившемъ античность и долго не проходившемъ. Прекрасное описаніе античныхъ мистерій (въ этомъ отношеніи книга представляетъ исключительный систематизующій интересъ) съ неустающимъ пафосомъ книга доводится до предразсвѣтной тревоги христіанства, — и все-же не къ явленному Христу обращенъ Мережковскій, нѣтъ, а къ кому-то, стоящему еще у дверей, долженствующему еще явиться — Іисусу неизвѣстному, Іисусу-Матери-Духу, подобно осѣняющему вдругъ безумствующаго корибанта, неописуемо тихому состоянію прорыва и разрѣшенія въ иномъ, что самъ онъ сравниваетъ съ неизреченно голубымъ небомъ, вдругъ открывающемся посрединѣ воднаго смерча въ центрѣ бури.

Можетъ въ творческомъ становленіи Мережковскаго уже близко нѣчто подобное. Атлантида - Европа есть сплошной экстатическій монологъ, точка, можетъ быть, наибольшаго волненія, какое вообще возможно, наибольшаго мученія, результатъ огромнаго многодесятилѣтняго раската тревоги, долженствующаго разрѣшиться въ какой-то блистательно тихой книгѣ, можетъ быть въ обѣщанномъ Іисусѣ Неизвѣстномъ. Можетъ быть въ нѣкоторой благословляющей интонаціи послѣ столькихъ обличеній.

Атлантида была первымъ человѣчествомъ, погубленнымъ потопомъ за язвы пола и убійства Эроса и Ареса — содомію и человѣческія жертвы, но возжегшимъ очаги мистерій на Критѣ и отсель, во всей догреческой древ-

ности. Та-же участь грозитъ и второму человѣчеству — Европѣ, если не убоится и не покается.

Но, думаю я, Богу карателю не противостоитъ ли экстазъ храбрости человѣка: «Ахъ Ты вотъ какъ съ нами обращаешься, такъ мы Тебѣ покажемъ угрозы»; и здѣсь начинается экстазъ грѣха, героизмъ кощунства, доблесть паденія. Ибо какъ вообще можно «бояться» Бога? Лишь тому, во-первыхъ, кто вообще чего-бы то ни было боится, а главное боится умереть. И развѣ можно современное человѣчество пронизанное героической метафизикой саморасточенія запугать? Не достаточно-ли подумать объ автомобильныхъ гонкахъ, почти ни одна изъ коихъ не обходится безъ смертнаго случая, но и зрители и гонщики улыбаясь ее начинаютъ. И кому вообще изъ доблестныхъ дорого воскресеніе плоти и даже безсмертіе души? Не достаточно ли поблудили, недостаточно ли налгали, не пора ли поджариваться, не пора ли расточиться, развѣяться, ибо жизнь уже закончена въ мгновеніе экстаза и къ чему повтореніе? «Абсолютное счастье длящееся одну секунду не больше и не меньше абсолютнаго счастья длящегося вѣчно», говоритъ Плотинъ, ибо нѣтъ двухъ абсолютовъ. И какъ можетъ вообще новая «германская Европа» героизованная войной бояться смерти. Состязающагося въ Мараѳонскомъ бѣгѣ нѣсколько разъ, за тѣ два часа во время которыхъ онъ пробѣгаетъ 42 километра, охватываетъ совершенно реальное ощущеніе приближенія смерти, страшная боль въ груди и въ желудкѣ, остановка сердца, головокруженіе, изнеможеніе, еще шагъ и — смерть, кажется бѣгущему, но пусть разорвется все, а рекордъ будетъ побитъ. Но часто эта défaillance nerveuse кончается дѣйствительнымъ переутомленіемъ сердца, смертью.

Религіозный экстазъ совершенно освобождаетъ отъ страха — слѣдственно и отъ страха Божьяго. И не страхъ Божій необходимъ, а новое восхищеніе «ибо міръ движется восхищеніемъ», новая любовь нужна, и скорѣе не могущество Божіе приближаетъ къ нему сердца, а униженіе Божіе, распятіе Его, жалобное прощеніе его, Cristus patibilus, Христосъ гностиковъ терпящій и переносящій все. Ибо не Богъ ли еще передъ человѣкомъ виноватъ, не ему ли оправдываться. Не Богъ ли погибнетъ въ концѣ отъ раскаянья, если міръ погибнетъ. И какъ вообще кто нибудь сможетъ въ раю райское блаженство вкушать если въ безднѣ ада останется хоть одинъ грѣшникъ, и конечно ясно для меня, что Христосъ оставитъ

свой рай и поселится навѣки въ аду, чтобы мочь вѣчно утѣшать этого грѣшника. Не человѣку должно быть страшно, а Богу страшно на небесахъ, за то куда идетъ міръ. Но гдѣ новое восхищеніе, Іисусъ Неизвѣстный? Не въ грозномъ Богѣ онъ. Богъ этотъ далекъ слишкомъ, и не способенъ возбудить любовь, ибо «вполнѣ благополученъ», а на землѣ въ сораспятіи Христу, въ нищетѣ Господней, въ грязи Господней, и въ отвратительности Господней, въ венерологической лечебницѣ, въ Арміи спасенія, и дѣйствительно для многихъ вѣроятно въ полѣ. Мистической реабилитаціей пола полна символистическая литература послѣднихъ лѣтъ отъ Розанова до Реми де Гурмона (столь антистоична она въ этой точкѣ). Она права совершенно, ибо гдѣ христіанство воплощено какъ не между любовниками, говорилъ Мережковскій, не отдаютъ ли они съ легкостью другъ другу все на свѣтѣ, не жалѣютъ ли они другъ друга безконечно. (Хотя въ душѣ героической Европы наоборотъ, «никакого пола». Боксъ, спортъ, метафизика, все что угодно — только не полъ, всякій боксеръ передъ матчемъ воздерживается два мѣсяца, иначе вѣрное пораженіе). Но Мережковскій противъ жалости. Онъ проповѣдуетъ нѣкую страшную огненную любовь. Онъ весь пронизанъ ожиданіемъ, приближеніемъ, ощущеніемъ чего-то при дверяхъ. Неизмѣримо пробужденнѣе онъ, и озареннѣе всѣхъ почти богослововъ эмиграціи (слѣдовательно и Россіи). Онъ пишетъ объ огромныхъ вещахъ, и если бы ему удалось написать будущаго Іисуса Неизвѣстнаго, такъ чтобы можно было Его полюбить (а не ужаснуться Ему). Черезъ него, а не черезъ кого нибудь изъ молодыхъ писателей, вернулась бы въ Россію религіозная мысль. Ибо кто теперь изъ молодыхъ, ну, просто, знаетъ столько сколько онъ, да и изъ «православныхъ»? Въ книгѣ, которая есть дѣйствительно европейски-культурное явленіе, описана тысяча новыхъ открытій современной исторіи религій, (не говоря ужъ о Россіи, гдѣ апокалипсическіе неучи продолжаютъ читать Древса и прочія новинки) и къ счастью (вспомнимъ Розанова о книгопечатаньи) книга огромна и стоитъ дорого, то-есть никто «небрежно рукою не отброситъ ее перелиставъ». Псы нерадеи ее не прочтутъ, но тотъ кто въ комнатѣ тихой уединится съ ней, сколько свѣдѣній о мистеріяхъ, сколько острѣйшихъ аналогій и блестящихъ догадокъ прочтетъ онъ, а такъ-же высокихъ мистическихъ отступленій, написанныхъ не писарскимъ кабинетнымъ слогомъ, а тончайшей прелестью и ядомъ поэта декадента. Зѣлинскій, В. Ивановъ и Мережковскій для насъ сейчасъ три свѣтила по изученію древности (почти три свя-

тителя), но первые двое скорѣе успокоены и озарены прошлымъ, Мережковскій же черезъ античность рвется къ третьему Завѣту, къ грядущей Матери-Духу. Онъ мучительнѣе всѣхъ сейчасъ.

2.

...«НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»[1])

Помогаетъ ли человѣкъ кому-нибудь печалью? Да, вѣроятно. Боль міра слѣдуетъ увеличить, чтобы сдѣлать ее сносной, боль міра должна быть непереносимой, чтобы ее можно было полюбить. А безсильная помочь жалость — къ чему она? Но вѣдь только почувствовавъ безнадежность и обливШись слезами, только такъ, подъ церковное пѣніе, подъ дальніе выстрѣлы на улицѣ, гдѣ трещатъ костры и ходятъ солдаты, а въ домѣ музыка играетъ, сіяютъ тяжелыя люстры и Донъ Жуанъ въ военной формѣ мечтаетъ о ледяной водѣ окоповъ. Затѣмъ еще нѣсколько разъ все мѣняется, прошлое желтое солнце встаетъ надъ развалинами Петербурга. Мусорщикъ въ Неаполѣ подбираетъ бумагу въ жестяную корзину, а на балтійскомъ побережьи волны послѣднимъ предутреннимъ усиліемъ уносятъ въ море шезлонги и разбитыя купальныя кабинки. Высоко по насыпи проходитъ санитарный поѣздъ и въ утреннемъ сіяніи розъ, смѣшанномъ со слабымъ запахомъ корболки и іода, слышится тихій шопотъ умирающаго:

Обыкновенный иностранецъ
Я дѣльно время провожу
Я изучаю модный танецъ,
Въ кинематографъ я хожу.

и еще:

Когда необходимой суетой
Придавленъ ты, и ноша тяжела
Не жалуйся и пѣсенъ ты не пой
Устраивай свои дѣла.

---

[1]) **N. Otzoup. Die neuste russische Dichtung. Osteuropa-Institut in Breslau. 1930.**

Тише и тише. Надъ Неаполемъ снѣжная метель; быстро налетаетъ снѣгъ на полосатые тенты увеселительныхъ заведеній. Трамвайные вагоны заворачиваютъ къ центру города. Въ Берлинѣ такъ рано темнѣетъ осенью. И много еще превращеній. Вотъ Николай Оцупъ, нѣмецкій философъ на автомобилѣ, пишетъ книгу о новыхъ русскихъ поэтахъ, и опять все по прежнему: революція, розы, попытка всѣхъ примирить, попытка всѣхъ осудить. Мережковскій и Бунинъ не видятъ Христа въ революціи. Блокъ и Бѣлый видятъ, они улыбаясь разъѣзжаются въ разныя стороны. Мережковскій немедленно подымается въ эмпиреи, Блокъ спускается въ адъ, Бѣлый скитается въ промежуточныхъ сферахъ тумана, Гиппіусъ борется съ туманомъ.

Надъ Парижемъ и надъ Москвой идетъ снѣгъ. Въ снѣгу плачутъ народники, тяжело кощунствуютъ совѣтскіе писатели, и медленно переживая глубокія снѣжныя озаренія замерзаютъ послѣдніе символисты. Ремизовъ, Адамовичъ, Ивановъ, Бунинъ и Ходасевичъ медленно ѣдутъ подъ землю въ одномъ и томъ же вагонѣ подземной дороги, но, кажется, имъ въ разныя стороны. Куда? Къ утру.

Книга справедлива, духъ міротворчества осѣняетъ ее, отдаленное воркованіе голубей, о которыхъ есть у Оцупа тишайшіе, голубѣйшіе стихи, и опять слышится церковное пѣніе. Что тамъ ссориться, когда уже и крестъ положили на грудь и тихо несутъ къ утру.

Вообще, все сдѣлано въ человѣкѣ изъ одного матеріала: и стихи и статьи, и голосъ, а также письма, фотографіи, внѣшность. У любимыхъ поэтовъ нѣтъ разницы между стихами,, то есть она не видна, и даже не важно, стихотвореніе ли пишешь или частное письмо. Хорошій поэтъ не можетъ написать ничего плохого никогда, и плохое стихотвореніе хорошаго поэта во много разъ предпочтительнѣй хорошаго стихотворенія плохого поэта. Даже и вообще стихи не важны, гораздо важнѣе быть знакомымъ съ поэтомъ, пить съ нимъ чай, ходить съ нимъ въ кинематографъ, стихи же въ общемъ это суррогатъ, это для тѣхъ, кто не могутъ поговорить съ глазу на глазъ. Для тѣхъ, у кого нѣтъ глазъ для дальняго, глухого, являющагося въ еле уловимыхъ знакахъ. Есть такой разсказъ, что передъ тѣмъ, какъ творить міръ, Слово, витая еще надъ первозданными водами, обдумывало прототипы всѣхъ грядущихъ вещей, такъ каждый человѣкъ двойственъ: человѣкъ — отраженіе, живущій и гибнущій, и

человѣкъ — идея въ Божественномъ разумѣ, которая никогда вполнѣ не рождается, но которую ржа не поѣдаетъ.

Такъ кажется мнѣ, Оцупъ былъ задуманъ міротворцемъ, жалостивцемъ, голубемъ нѣкіимъ, отвергающимъ все змѣиное. Но другіе, сосѣдніе роды христіанской аскезы, часто вступаютъ съ нимъ въ столкновеніе, какъ, напримѣръ, воинствующее христіанство, борющееся съ грѣхомъ, Адамовича и Гиппіусъ, которымъ оно иногда кажется предательствующимъ («эстетствуете») и иное экстатическое, подобно св. Терезѣ ненавидящее землю, христіанство Георгія Иванова; Люциферическій отдаленный Ходасевичъ тоже войну, а не миръ, несетъ на землю.

Какое намъ дѣло, вздыхай гитара
Почитаемъ стихи, зайдемъ ко мнѣ...

Прощай, прощай. Отъ фонарей
Во всю длину рѣки
Отплытіе отъ дальнихъ дней
Провозгласятъ гудки.

Міръ скорѣе лишенъ зла, ибо ирреаленъ, онъ снѣженъ и все растаетъ скоро. Все зрительно, все проносится мимо, все сладко падаетъ и разбивается, все съ облегченіемъ исчезаетъ.

«Какъ хорошо что въ мірѣ мы какъ дома
Не у себя, а у Него въ гостяхъ.
Что жизнь неуловима, невѣсома,
Таинственна, какъ музыка впотьмахъ».

Сонъ Діониса становится все легче, все прозрачнѣе. Близится утро. Сонъ становится сладкимъ ибо уже готовъ отлетѣть и уже близко то, что

«Выше упоенія и мукъ.»

Можетъ быть, дико кощунственно страдаютъ только тѣ, кто очень тяжко спятъ, для которыхъ все ужасно, которые очень далеки отъ пробужденія. Ибо коготокъ увязъ, птичкѣ скоро летѣть и что птичкѣ коготокъ! Пропади этотъ коготокъ.

Но отчасти жалость къ другимъ, сама способность жалѣть отравлена у Николая Оцупа этимъ ощущеніемъ призрачности причины страданія. Онъ, какъ посвященный въ Самофракійскія мистеріи, безъ боязни созерцаетъ, какъ мистическій левъ (огонь) пожираетъ мистическаго тельца, ибо все на сѣромъ разсвѣтѣ на половину уже игра. Такъ любитъ онъ тему убійства, кровь на снѣгу, лазареты, месть и скорѣе въ заревѣ розъ происходятъ всѣ эти смерти. Между прочимъ, это глубоко православное ощущеніе, ибо, въ отличіе отъ католичества, для православія, смерть бѣлая, смерть молодая, смерть — избавленье, смерть — весна. Смерть, — «дѣвушка, поющая въ церковномъ хорѣ», что, конечно, на тысячу верстъ мистичнѣе черной, страшной католической смерти.

Оцупъ, можетъ быть, принадлежитъ къ нѣкоей православной ереси, которая чувствуетъ, что Христу и страдать и умирать было легко, что все — сонъ, и смерть — счастье. Здѣсь Николай Оцупъ встрѣчается съ русскимъ свѣтлымъ классицизмомъ, съ Баратынскимъ и Державинымъ:

«Смерть дщерью тьмы не назову я».

Такъ въ рѣдкое исключеніе изъ множества поэтовъ, у Николая Оцупа почти нѣтъ темы страха, что оставляетъ такой темный осадокъ въ нѣкоторыхъ стихахъ Блока, что такъ давитъ въ Тютчевѣ. Николай Оцупъ — поэтъ, стоически настроенный, это одна изъ большихъ прелестей его

Я выучилъ у ржавыхъ буферовъ
Когда они Уралъ пересѣкали,
Такую музыку безъ словъ,
Которая сильнѣй печали.

Все погружается въ музыку, какъ бы въ метель. Міръ оправдывается музыкой. Хорошо умирать подъ музыку, сладко въ музыкѣ плакать, оставлять отчизну, опускаться на дно. Развѣ нужно плакать надъ тѣми, кому сладко умирать, забывать, гибнуть, и опускаться, — вѣдь надъ всѣмъ этимъ уже отдаленный крикъ пѣтуха, свистокъ поѣзда на откосѣ и сумрачная тревога зари. Тогда, когда уже очень больно, уже не больно вовсе, также, когда уже очень страшно, тогда уже больше не страшно, ибо и боль и страхъ становятся трагическими. А трагическое начало не величайшее ли упоеніе, освобожденіе и катарсисъ?

«Развѣйся въ пространствѣ, развѣйся» говоритъ самому себѣ преображающійся герой. И все становится ему легко. Освобожденіе отъ страха, этотъ трудный религіозный моментъ, пронизываетъ многіе стихи Николая Оцупа, кажущіеся, можетъ быть, поверхностному читателю развратно спокойными.

То же освобожденіе отъ страха слышится и въ книгѣ «о новыхъ поэтахъ»: кризисъ длится, боль ширится, значитъ, все живетъ, всѣ разрыдаются когда нибудь. Разрыдавшись, просвѣтлѣютъ... А пока, можетъ быть

Не надо спящаго будить,
Сегодня міръ оцѣпенѣетъ...

Но пусть ему больно, пусть вообще будетъ больно — не надо ли больше мучить словомъ? Можетъ быть, нужно даже рваться къ боли, хотя только къ утру и можно вырваться такимъ образомъ. А главное жалѣть, жалѣть безъ конца, обливаясь слезами, говорить восторженныя вещи. Даже сражаться и проливать кровь, потому что все равно уже утро за окномъ, и все только короткая буря. Но страшно вѣдь жалко тѣхъ, кому страшно. Но какъ освободить отъ страха? — Прыгнуть и сгорѣть самому съ улыбкой на устахъ. Какъ та римская женщина, которая, подавая примѣръ своему мужу, сказала вонзая себѣ ножъ въ шею:

«Смотри, это не больно».

Оцуповскій ангелъ напоминаетъ мнѣ эту женщину.

Поэтъ жалости и храбрости, отплытія въ музыку, поэтъ примиренія, ирреализаціи земной жизни. «Все — конечно, важно, но не будемъ забывать о самомъ важномъ» — приблизительно такъ говорится въ одной статьѣ Николая Оцупа. Этимъ счастьемъ близкаго исчезновенія пронизаны также многіе прекрасные любовные стихи поэта, между прочимъ, счастьемъ разставанья, счастьемъ освобожденія отъ любви и забвенія любимыхъ. Здѣсь впервые проникаетъ въ стихи тотъ таинственный антихристіанскій ядъ, котрымъ полна музыка Баха. Ядъ этотъ ирреализація и чужого страданія, вопль котораго стремительно заглушается звучаніемъ хрустальныхъ сферъ. Это демонизмъ Оцуповскаго ангела, губящій обертонъ его голоса, воркующаго о жалости на низшихъ нотахъ. Но это во-

обще нѣкое специфическое головокруженіе мистически одаренныхъ натуръ, ибо недаромъ сказано было, что блаженны также и нищіе духомъ.

И, конечно, рожденіе всякаго настоящаго искусства въ жалости. Тамъ родилась поэзія Николая Оцупа. Жалостью же смывается все, и все открывается.

3.

...ДЖОЙСА

Существуютъ замѣчательные писатели, наполненные красотами, даже геніальные, о которыхъ хочется сказать: ну и пусть себѣ! О которыхъ съ нѣкоторой даже гордостью (какъ будто не поддался чему-то) можно сказать, что ихъ не читалъ вовсе. И чѣмъ больше такой писатель, тѣмъ острѣе это христіанское удовольствіе доходящее у нѣкоторыхъ отцовъ церкви даже до восторга. Вообще говоря, писатель виденъ на разстояніи, его творчество и дѣятельность окружены какъ бы нѣкой «аурой» явственно видимой даже сквозь глупѣйшія статьи о немъ, по отдаленнымъ и даже перевраннымъ свѣдѣніямъ о жизни и странностяхъ, и по выраженію лица и тону произносящихъ его имя. Есть счастливый даръ угадывать такъ на разстояніи и по малымъ признакамъ мистическій вѣсъ человѣка, и скорѣе не много читать, а умѣть многаго не читать. Ибо книгъ безконечное море, и кто не переживалъ интеллектуальнаго отчаянья передъ каталогами библіотекъ. И вотъ не существуетъ, можетъ быть писателя, «идея» котораго съ такой скоростью и такъ остро заинтересовала бы литературную критику, и дѣйствительную умственную аристократію міра, какъ Джемсъ Джойсъ, оставаясь къ счастію, пока почти неизвѣстнымъ «широкой» публикѣ, столь глубоко опозорившей «идею» Пруста своими безоговорочными восторгами. На разстояніи и даже не имѣя возможности до 1930 года прочитать все что онъ написалъ, всѣ «лучшіе европейцы» буквально больны Джойсомъ и его имя передается изъ устъ въ уста какъ пароль, какъ нѣкій таинственный знакъ посвященія во внутреннія мистеріи европейской мысли.

Чтеніе дурной книги есть всегда нѣкое оскверненіе, соучастіе. Нуж-

но долго отказываться прочесть, долго бороться съ желаніемъ прочесть. Но есть авторы которыхъ стыдно не читать, даже часто литературно слабыхъ и второстепенныхъ, ибо имъ было дано одно, то, безъ чего всякій талантъ только позоритъ его обладателя, то, съ чѣмъ можно обойтись и безъ таланта и даже явно вопреки отсутствію таланта потрясти міръ — они писали о самомъ главномъ, они чувствовали самое главное

Нѣкогда при возникновеніи художественной литературы самымъ главнымъ считались интересная жизнь и множество приключеній. Грязнымъ и пошлымъ потокомъ разлилось, наконецъ, разрушивъ готическія плотины смертное возрожденіе и замутнило всѣ источники.

Стремленіемъ къ интересной жизни, къ описанію всякихъ увязокъ и злоключеній полонъ еще Бальзакъ, триста лѣтъ послѣ Аріоста, а также Стендаль и Пушкинъ, хотя начинался уже девятнадцатый вѣкъ, вѣкъ очищенія, вѣкъ раскаянія, вѣкъ трагической честности. Какой болтовней кажутся Чайльдъ-Гарольды, Chartreuse de Parme, Разбойники Шиллера и всякія повѣсти Бѣлкина — сразу тысячу верстъ разстоянія, спаденіе тысячи покрывалъ, исчезновеніе тысячи садовъ Аладина, земля, жалость, наконецъ обрѣтенная тема, наконецъ найденное существенное. Жалость. Разговоръ Печорина съ Вѣрой. Лермонтовъ первый русскій христіанскій писатель. Пушкинъ послѣдній изъ великолѣпныхъ мажорныхъ и грязныхъ людей возрожденія. Но даже самый большой изъ червей не есть ли самый большой червь? Лермонтовъ огроменъ и омытъ слезами, онъ безконечно готиченъ. «Ибо христіанинъ это тотъ, кто часто плачетъ, тотъ же, кто плачетъ постоянно, тотъ святой». Литература есть аспектъ жалости, ибо только жалость даетъ постиганіе трагическаго. Исчезновеніе человѣка. Таянье человѣка на солнцѣ, долгое и мутное теченіе человѣка, впаденіе человѣка въ море. Чистое становленіе. Время, собственно, единственный герой всечасно умирающій Отсюда огромная жалость и стремленіе все остановить, сохранить все, прижать все къ сердцу Къ чему здѣсь всякія выдумки. Дѣйствительно «если дама въ котиковомъ манто по Невскому не шла» то и нельзя объ этомъ писать. Съ какою рожею можно соваться съ выдумкой въ искусство? Только документъ. И развѣ святые и мистики выдумывали? Ихъ ангелы и ихъ путешествія въ астральныхъ мірахъ были для нихъ абсолютной реальностью, какъ тѣ черти, хотя бы, за которыми гонялись съ кочергами наши національные алкоголики.

Но слѣдуетъ ли описывать замѣчательные случаи жизни и всякія

важныя событія во время которыхъ интенсивность ощущеній феерически возрастаетъ, но которыя потомъ быстро смываются ею и выпадаютъ изъ нея какъ шумные и непрозрачные дни, когда сознаніе было слишкомъ поглощено дѣйствіемъ, когда человѣкъ не помня себя любилъ или дѣйствовалъ. Кажется тогда, что событія, только скрываютъ, а не обнажаютъ жизнь. Что существованіе безъ приключеній — повседневность, неизмѣримо духовно прозрачнѣе и открываетъ возможность духовнаго видѣнія. Ибо когда человѣкъ вспоминаетъ о себѣ? Когда онъ приходитъ въ себя? Когда въ душѣ его срастаются въ одно цѣлое безпокойные отрывки мгновеній и дней, когда? Обычно въ сумерки, въ постели на порогѣ сна. Тогда ему часто кажется, что въ свои интенсивно занятые дни онъ и не жилъ, не помнилъ и не жалѣлъ себя.

Какъ прожилъ я свою жизнь, въ сумеркахъ своей жизни спрашивалъ Прустъ.

«Ma vie qui semblait devoir être brève comme un jour d'hiver».

Джемсъ Джойсъ въ своемъ послѣднемъ романѣ (всего за 30 лѣтъ литературной дѣятельности издалъ три романа и маленькій томикъ стиховъ) описываетъ только одинъ день, но этотъ день разсказанъ вовсе не въ безконечномъ отдаленьи, какъ у Пруста, у котораго даже дѣти размышляютъ какъ маленькіе Эклезіасты, а вплотную, какъ бы въ безумномъ переполохѣ, адской спѣшкѣ и мучительномъ хаосѣ жизни. Къ счастью въ книгѣ почти отсутствуетъ тотъ надменный эстетическій «катарсисъ», то отрѣшенное очищеніе, которымъ такъ злоупотреблялъ Прустъ, окрасившій всю свою жизнь въ сѣро-голубой цвѣтъ своей предсмертной болѣзни. Хотя эту роль играетъ въ концѣ книги долгій предутренній разговоръ героя и его гостя на кухнѣ за варкой какао, описаніе разсвѣта, звона часовъ, мочеиспусканія въ саду, блѣднѣющихъ звѣздъ и отдаляющихся шаговъ, составляющій изумительный контрастъ съ чудовищно порнографическими размышленіями его жены, которую онъ будитъ ложась спать.

Это не отдаленныя стилизованныя воспоминанія. Это мучительный, иногда прямо невыносимый, сжимающій сердце водоворотъ отраженій, въ которомъ какъ перышко вращается сознаніе. Безжалостное обнаженіе, тысячи демоновъ владѣющихъ имъ. Терзаніе, разрываніе ими цѣльности. Каждое слѣдующее лучшее произведеніе тотчасъ же превращаетъ всѣ пре-

дыдущія іерархически предшествующія ему, именно и специфически въ искусство, становясь, на время конечно, какъ бы самой жизнью. Хотя, конечно найдется, наконецъ, и на него управа и появится еще болѣе совершенное произведеніе, которое надстраивая и углубляя предшествующее, используя всѣ его открытія еще гораздо ближе прикоснется къ реальности бытія, создастъ намъ, вообще, еще гораздо болѣе интенсивное чувство реальности, такъ что все остальное іерархически предшествующее можно будетъ, въ крайнемъ случаѣ, и не читать.

Способъ написанія Улисса Джойсомъ, этой огромной книги въ почти девятьсотъ огромныхъ страницъ мелкой печати, описывающихъ всего одинъ день жизни нѣкоего Леопольда Блюма, сборщика объявленій въ Дублинѣ и его знакомыхъ, есть такъ называемое «автоматическое письмо» впервые примѣненное Изидоромъ Дюкасомъ — Графомъ Лотреамономъ (а много ранѣе, вѣроятно, составителями всевозможныхъ апокалипсисовъ) который въ семидесятыхъ годахъ написалъ имъ, совершенно независимо отъ Рембо, геніальную книгу Les chants de Mardoror (пѣсни передразсвѣтной боли?) и затѣмъ безслѣдно исчезъ въ возрастѣ 26 лѣтъ. Этимъ способомъ искони пользовались медіумы и визіонеры (въ томъ числѣ столь замѣчательный Уильямъ Блекъ) а въ настоящее время широко пользуется школа Фрейда, для своихъ изысканій и французскіе сюрреалисты. Онъ состоитъ какъ бы въ возможно точной записи внутренняго монолога, или вѣрнѣе всѣхъ чувствъ, всѣхъ ощущеній и всѣхъ сопутствующихъ имъ мыслей съ возможно полнымъ отказомъ отъ выбора и регулированія ихъ въ чистой ихъ алогичной сложности въ которой они проносятся. Такъ, подробное описаніе множества мелкихъ событій долгаго іюльскаго дня 1904 сплошь перемежается стенографической записью просящихся въ сознаніе героевъ безпорядочныхъ ассоціацій, что создаетъ сугубую оригинальность письма и абсолютно нарушаетъ фальшивую литературную стройность обычныхъ разговоровъ въ романахъ, ибо даже у Пруста такъ часто внутренняя нераздѣльно слитная ткань мысли замѣнена фальшивыми дедукціями и разсужденіями такъ что... иногда кажется, что между Джойсомъ и Прустомъ такая же разница какъ между болью отъ ожога и разсказомъ о ней.

Все вмѣстѣ создаетъ совершенно ошеломляющій документъ, нѣчто столь реальное, столь живое, столь разнообразное и столь правдивое, что кажется намъ если бы была необходимость послать на Марсъ или вообще куда нибудь къ черту на кулички единственный образчикъ земной жизни,

или по разрушеніи европейской цивилизаціи единственную книгу сохранить на память, чтобъ черезъ вѣка или пространства дать представленіе о ней погибшей, слѣдовало бы можетъ быть оставить именно Улисса Джойса. Книга чрезвычайно трудно читаема. Во многихъ ее мѣстахъ нѣтъ ни знаковъ препинанія ни большихъ буквъ. Многія ея страницы почти сплошь покрыты существительными или прилагательными, множество фразъ лишено подлежащаго или сказуемаго, кромѣ того она содержитъ огромное число собственныхъ именъ, названія улицъ и магазиновъ, и номеровъ трамваевъ, и описанія трамвайныхъ маршрутовъ, а также древнихъ ирландскихъ легендъ, филологическихъ отступленій, звукоподражаній и порнографическихъ куплетовъ. Одну изъ центральныхъ частей ее занимаетъ сонъ, въ которомъ вспоминаются и фантастически варьируются событія дня, во время чего и несомнѣнно съ единственной цѣлью художественной правды побиваются всѣ рекорды, переходятся всѣ до сихъ поръ достигнутые предѣлы сексуальнаго реализма какъ напримѣръ въ томъ мѣстѣ гдѣ Леопольдъ Блюмъ видитъ себя во снѣ женщиной а также длительно описываются мочеиспусканія и испражненія и почти всѣ физіологическія функціи, играющія столь большую роль въ ткани человѣческаго воображенія.

Джойсъ долго пробылъ на медицинскомъ факультетѣ. Вѣроятно нѣкоторыя мѣста дѣйствительно трудно читать даже не предубѣжденному уму воспитанному на болѣзненно стыдливой русской литературѣ. Никогда еше не описанный сексуальный кошмаръ смѣшивается тамъ съ сложнѣйшими лирическими и мистическими отступленіями достойными Рембо и Сведенборга.

«Дедалусъ или портретъ автора въ юности» — автобіографію Джойса. Первая книга его «Люди Дублина» была тотчасъ же по своему изданію куплена и сожжена однимъ изъ тѣхъ, кто были выведены въ ней подъ собственными фамиліями. «Улиссъ» же Джойса запрещенъ въ Англіи и въ Америкѣ и впервые напечатанъ во Франціи полностью.

Но можно ли сказать что нѣкій день Джойса и всѣ событія и размышленія за него, описаны въ Улиссѣ полностью безъ контроля и выбора? — Конечно нѣтъ. Всякое описаніе есть уже выборъ и всѣхъ книгъ Британской библіотеки недостаточно было бы человѣку который хотѣлъ бы съ абсолютной точностью описать совершенно все что происходило, чувствовалось и думалось въ продолженіе хотя бы одного часа его жизни. Конечно «Улиссъ» не есть только документъ, а продуктъ огромнаго отбора

и сложнѣйшей конструкціи, почти невидимаго соединенія множества дней. Ибо одинъ іюльскій день этотъ описывался шесть лѣтъ. Отбора. Но отнюдь не отбора и выдумыванія мыслей, а отбора безчисленныхъ текстовъ документовъ написанныхъ безконтрольно.

Il y a des choses bonnes et mauvaises, mais il y a très peu de choses situées — пишетъ Максъ Жакобъ въ «Corneta dès». Много дѣйствительно вещей хорошихъ и плохихъ, но мало вещей имѣющихъ собственную атмосферу, въ которыя входишь какъ въ особый міръ. Совершенно правильно въ «Улиссѣ» все пожертвовано созданію атмосферы, того чѣмъ живы романы и чѣмъ они заполняются.

Можетъ быть вмѣстѣ съ Джойсомъ какъ нѣкогда съ Прустомъ Европа дѣлаетъ еще одинъ шагъ изъ заповѣднаго круга одиночества и молчанія разбить которое отъ вѣка пытается литература.

Вѣроятно этотъ кругъ снова закроется за Джойсомъ, но что то останется. Черезъ Джойса многочисленнымъ теперь поклонникамъ его открылась столь огромная жалость, столь огромное состраданіе, столь огромное вниманіе и любовь къ жалкому и величественному хаосу человѣческой души, что Джойсъ какъ всякое великое христіанское, соціальное явленіе, конечно, по своему перевернетъ міръ и послѣ Джойса многое, даже въ соціальной области сдѣлается невозможнымъ.

Что касается литературы, то, кажется намъ, Джойсъ прожигаетъ рѣшительно все, даже Прустъ передъ нимъ кажется схематическимъ и искусственнымъ, хотя конечно Записокъ изъ подполья, Бѣсовъ, Смерти Ивана Ильича и нѣсколькихъ другихъ книгъ не касается это опустошеніе. Но опустошеніе это несомнѣнно огромно, ибо легко приложимы къ Леопольду Блюму, крещенному еврею, сборщику объявленій слова Франциска Ассизскаго на смертномъ одрѣ: Я знаю Іисуса Христа бѣднаго и распятаго, что нужды мнѣ до книгъ.

Н. БАХТИНЪ
РАЗЛОЖЕНІЕ ЛИЧНОСТИ И ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

1.

Мы далеко еще не освободились отъ власти отошедшей эпохи — той, что завершилась Войною — и во многомъ мы все еще только покорные продолжатели основныхъ тенденцій ненавистнаго 19-го вѣка. Въ частности, чувство личности, какъ оно опредѣлилось въ ту эпоху, въ значительной мѣрѣ остается господствующимъ и теперь. Его основная особенность это рѣшительное перенесеніе центра тяжести извнѣ — во внутрь. Отсюда, расцвѣтъ такъ называемой «внутренней жизни» и, какъ его послѣдствіе, нѣкій основной разладъ: сознательно-принятая и оправдываемая несогласованность между нашимъ Я и его проявленіями въ мірѣ.

Правда разладъ этотъ намѣчался уже давно, но лишь въ 19-мъ вѣкѣ онъ становится господствующимъ явленіемъ и даже провозглашается нормою всякой подлинной жизни. Въ довоенныя десятилѣтія онъ достигаетъ своихъ предѣльныхъ формъ, а въ наши дни — очень медленно — идетъ на убыль.

2.

Разсмотримъ сначала это явленіе на крайне упрощенномъ и схематизированномъ примѣрѣ.

Нѣкто X («средній» человѣкъ 19-го столѣтія) спитъ, ѣстъ, ходитъ на службу туда-то и т. д.... Допустимъ, что подобнымъ образомъ намъ даны всѣ внѣшнія проявленія его личности. Знаемъ ли мы Икса? Оказывается, нѣтъ. Ибо X рѣшительно откажется отождествить себя со своими собственными обнаруженіями. Настоящій X. нѣчто иное и большее: онъ собственно и начинается только тамъ гдѣ эти обнаруженія кончаются. Мѣсто, которое онъ занимаетъ во вселенной — въ значительной мѣрѣ случайное: оно не опредѣлено всецѣло его внутренней сущностью. Дѣйствія, которыя заполняютъ каждый день его жизни, всю его жизнь, — отнюдь не являются адэкватнымъ выраженіемъ его дѣйствительныхъ желаній, вкусовъ, мыслей — словомъ его подлиннаго Я. Это Я живетъ

скрытно, какъ-то въ сторонѣ отъ своихъ же собственныхъ актовъ, почти въ нихъ не участвуя.

Итакъ, X. вѣритъ, что онъ есть нѣчто совершенно иное нежели то чѣмъ онъ является во внѣ. Онъ мыслитъ, чувствуетъ, страдаетъ, радуется, — и все это почти ни въ чемъ не измѣняетъ хода его жизни, которая предоставлена своей инерціи и движется по какимъ-то своимъ, чуждымъ ему, законамъ. Онъ живетъ одновременно какъ-бы въ двухъ несоизмѣримыхъ планахъ. У него нѣтъ силы согласовать свои поступки со своимъ душевнымъ состояніемъ, но онъ ни за что не откажется и отъ душевныхъ состояній, поскольку тѣ явно опровергаются его же собственными поступками. Онъ принимаетъ раздѣленіе и, въ концѣ концовъ, начинаетъ находить въ немъ особую, болѣзненную сладость. Притомъ же, у него всегда есть подъ рукой разнообразные и дешевые суррогаты жизни, избавляющіе отъ надобности дѣйствительно жить: романъ, газеты, алкоголь... Ими онъ и питаетъ свою «внутреннюю жизнь». И «внутренняя жизнь» усложняется, крѣпнетъ за счетъ внѣшней и, въ концѣ концовъ, уклоняетъ всѣ активныя энергіи его существа отъ дѣйствія (которое требуетъ рѣшимости и выбора) къ мечтательному самоуглубленію (которое требуетъ только косности). Несогласованность между внѣшнимъ и внутреннимъ растетъ и чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе возстановить единство.

Накопляя свои внутреннія сокровища, X. лишь идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. И при этомъ его притягательное безсиліе оправдываетъ себя услужливой софистикой: онъ гордо вѣритъ, что эти мнимыя богатства законно избавляютъ его отъ необходимости бороться съ дѣйствительной скудостью его жизни.

3.

Что X. совсѣмъ не исключеніе, — тому свидѣтельствомъ чуть не вся художественная литература 19-го вѣка. Болѣе того — X. герой этой литературы. То, что онъ живетъ въ разладѣ съ самимъ собой и своей жизнью опровергаетъ самого себя, — вызываетъ умиленіе. Наоборотъ, какой нибудь Y, который смѣетъ быть тѣмъ, что онъ есть и адэкватно выражаетъ свою (обычно ничтожную но зато реальную) сущность, — Y вызываетъ негодованіе и презрѣніе. Кончается тѣмъ, что Y самъ начина-

етъ стѣсняться своей цѣльности и хочетъ увѣрить себя и другихъ, что и онъ не безъ разлада: занимаюсь де коммерческимъ представительствомъ, но ежели бъ вы заглянули въ мою душу... и т. д. Въ концѣ концовъ, Y и на самомъ дѣлѣ заболѣваетъ внутренней жизнью, и эпидемія растетъ.

Для того чтобы обозначить этого рода явленія, Жюль де Готье даже придумалъ особое слово: «Боваризмъ» (въ честь флоберовской героини, которую онъ считаетъ классическимъ выраженіемъ этого разлада). Слово привилось, — лишнее доказательство того, что оно выражаетъ существенный фактъ. Впрочемъ, самъ Готье видитъ здѣсь не временную аномалію, но нѣкій основной и извѣчный законъ; его опредѣленіе «боваризма» таково: всякое бытіе сознаетъ себя инымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Если нѣсколько видоизмѣнить эту формулу, звучащую чуть не по-гегелевски, и должнымъ образомъ ограничить сферу ея примѣненія, то получается простое и несомнѣнное утвержденіе: человѣкъ 19-го вѣка обыкновенно не смѣетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ себя сознаетъ, и не хочетъ сознавать себя тѣмъ, что онъ есть.

4.

Разсмотрѣнный нами случай — простѣйшій и банальный. Но на верхахъ культуры и жизни разладъ еще глубже. Здѣсь онъ принимаетъ разнообразныя и крайне сложныя формы, тѣмъ болѣе опасныя и заразительныя, что у поэтовъ и философовъ онѣ облекаются всѣми соблазнами таланта и изощренной діалектики. Искусство и философія превращаются въ могучіе наркотики. Техника забвенія достигаетъ высокаго совершенства. Не жить, не дѣйствовать, не хотѣть; создать въ себѣ самомъ плѣнительный и призрачный міръ, всецѣло покорный твоему капризному произволу, — затвориться въ немъ!.

Впрочемъ, внѣшняя жизнь такого человѣка можетъ быть иногда крайне сложной и богатой событіями. Но это ничего не мѣняетъ. Всѣ эти событія для него лишь острые возбудители, которыми онъ неустанно раздражаетъ, тревожитъ и усложняетъ свою внутреннюю жизнь. Онъ можетъ мѣнять страны, города, любовницъ. Но гдѣ бы онъ ни былъ, съ кѣмъ бы ни былъ, — всюду, всегда онъ ищетъ только себя: свою грусть, свою гордость, свою радость, свое отчаяніе. Только они ему и нуж-

ны. Онъ безысходно заточилъ себя въ своей внутренней тюрьмѣ. Все многообразіе міра для того, чтобы вновь и вновь, во все новыхъ условіяхъ, по все новому поводу, разнообразить, изощрять и дегустировать свои реакціи на міръ. То-есть, о н ъ у ж е н е ж и в е т ъ в ъ м і р ѣ , у ж е н е с у д и т ъ м і р а , н о л и ш ь з а б а в л я е т с я е г о к а п р и з н ы м и о т о б р а ж е н і я м и в ъ с е б ѣ с а м о м ъ .

Возможенъ и обратный случай. Вмѣсто того чтобы укрыться отъ внѣшней жизни, можно, наоборотъ, стать «человѣкомъ дѣйствія», но только затѣмъ, чтобы забыть себя, уйти отъ мучительнаго ритма своего раскрѣпощеннаго сознанія, потерять себя въ событіяхъ и дѣлахъ. .

Во всѣхъ этихъ случаяхъ обнаруживается одно: ф о р м а л и ч н о с т и (то,какъ она проявляетъ себя во внѣ) и е я с о д е р ж а н і е (то, какъ она сама сознаетъ себя изнутри), — иначе говоря д ѣ й с т в і е и с о з н а н і е — перестали быть двумя н е р а з д ѣ л ь н ы м и аспектами единаго Я. Потерявъ свое единство, личность теряетъ и свою живую связь съ міромъ. И причина всего этого — такъ называемое «богатство внутренней жизни», которымъ такъ гордился человѣкъ 19-го вѣка.

Но что такое «внутренняя жизнь»? Это сознаніе утерявшее прямое соприкосновеніе съ реальностью, сдѣлавшееся самоцѣлью и переставшее поэтому быть силой, оформляющей жизнь.

6.

Дерево, которое растетъ и, покорное ритму временъ, медленно развертываетъ свою сущность въ зримый образъ; стервятникъ, плавно кружащій и круто падающій на добычу; жаворонокъ взмывающій въ лазурь и хищникъ собравшійся для стремительнаго прыжка, — всѣ они цѣльно и безъ остатка присутствуютъ въ каждомъ своемъ актѣ, ихъ существо всецѣло осуществляетъ себя въ любой данный моментъ своего бытія. Отсюда то впечатлѣніе недостижимаго, какъ-бы божественнаго совершенства, которое поражаетъ насъ въ формахъ и явленіяхъ космической жизни.

Здѣсь обликъ и сущность, органъ и его функція, желаніе и актъ, чувство и выраженіе, бытіе и явленіе — словомъ, внѣшнее и внутреннее — н е р а з д ѣ л и м о о д н о . То-есть ф о р м а здѣсь вовсе не

чуждая оболочка, облекающая и скрывающая содержаніе, а наоборотъ — его чистѣйшее выраженіе. Скрытая сущность восходитъ къ зримому облику, бытіе расцвѣтаетъ явленіемъ и радостно обличаетъ себя въ немъ до послѣднихъ глубинъ.

Природа и есть это неустанное творческое прорастаніе незримаго въ зримое, живое тождество внѣшняго и внутренняго. Это внушило Гете знаменательную формулу, которая послужитъ какъ бы лейтъ-мотивомъ дальнѣйшаго изложенія:

Ничто не внутри, ничто не во внѣ,
Ибо все что внутри — во внѣ!

7.

Но изъ этого существеннаго единства, изъ этой живой цѣльности космоса человѣкъ чувствуетъ себя какъ-бы исключеннымъ:

Невозмутимый строй во всемъ,
Согласье полное въ природѣ;
Лишь въ нашей призрачной свободѣ
Разладъ мы съ нею сознаемъ.
Откуда, какъ разладъ возникъ?...

Да, откуда возникъ разладъ? Какой новый факторъ выросъ и словно клиномъ вошелъ между нами и нашими актами, между нашимъ внутреннимъ Я и его зримымъ обнаруженіемъ въ мірѣ, — и разорвалъ наше древнее единство? Имя этому новому фактору — сознаніе.

Но что такое сознаніе? Возможность колебанія и выбора т. е. свобода.

Выражаясь точнѣе, сознаніе — какъ отчасти и опредѣляетъ его Бергсонъ — есть ничто иное какъ возможность выбирать между нѣсколькими, равно осуществимыми, актами. Тамъ, гдѣ внѣшнее воздѣйствіе, желаніе или представленіе автоматически, съ необходимостью вызываютъ актъ, — тамъ сознанію, въ собственномъ смыслѣ, нѣтъ мѣста.

Между желаніемъ (или внѣшнимъ поводомъ) и сопутствующимъ ему актомъ не происходитъ никакой задержки, никакого колебанія. Отсюда то впечатлѣніе цѣльности и совершенства въ природныхъ явленіяхъ, о которомъ я говорилъ. И отсюда же — возможность разлада въ человѣкѣ. Возможность, но еще не фактъ.

Ибо сознаніе есть свобода, а всякая свобода двойственна. Съ одной стороны, оно положительная свобода выбирать между возможностями т. е. сознательно и твердо перейти отъ переживанія къ акту, иначе говоря: вольнымъ усиліемъ утвердить свое единство.

Но, съ другой стороны, сознаніе есть и отрицательная свобода: свобода уклониться отъ активнаго выбора, остановиться на переходномъ моментѣ, т. е. предаться безплодному созерцанію неосуществляемыхъ или неосуществимыхъ возможностей. Это значитъ — отдаться самосознаванію безъ самоосуществленія т. е. «внутренней жизни».

Итакъ, то единство, которое дано всему сущему самымъ фактомъ его бытія, — человѣкъ долженъ его силою завоевать и волею осуществить. Ему одному предоставлена высокая и опасная свобода: онъ воленъ быть или не быть цѣльнымъ.

Вотъ почему приведенныя только-что слова Гете, которыя лишь устанавливаютъ фактъ наличествующій въ космической жизни, по отношенію къ человѣку звучатъ какъ призывъ и долженствованіе.

8.

Опредѣливъ функцію сознанія, какъ выборъ между нѣсколькими возможными актами, мы тѣмъ самымъ установили и его нормальную функцію. Оно лишь обратная сторона акта, лишь переходное состояніе, какъ бы предварительная стадія готовящагося и назрѣвающаго дѣйствія. И только по отношенію къ этому — имъ предваряемому — дѣйствію сознаніе получаетъ свой смыслъ и свое мѣсто. Если же оторвать его отъ акта, къ которому оно тяготѣетъ, какъ къ своему нормальному завершенію, и превратить въ самоцѣль, — тогда и возникаетъ «внутренняя жизнь» и, какъ ея неизбѣжное слѣдствіе, разрывъ между формою и содержаніемъ личности.

Подчеркиваю, что именно это я разумѣю подъ «внутренней жизнью» (т. е. сознаніе ставшее самоцѣлью, самосознаваніе помимо самоосущест-

вленія). Если же этого нѣтъ, если оно властно тяготѣетъ къ акту и съ нимъ нераздѣльно, то неумѣстно говорить о «внутренней жизни», это уже просто жизнь т. е., въ согласіи съ предыдущимъ: творческое тождество внѣшняго и внутренняго, неустанное прорастаніе незримаго въ зримое.

9.

Но какъ слагается эта «внутренняя жизнь» и гдѣ ея истокъ? Отвѣтъ покажется, на первый взглядъ, нѣсколько страннымъ.

Внутренняя жизнь зарождается изъ трусливаго сластолюбія и безсильной жадности. Этими же чувствами она питается и живетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь проростаніе сознанія въ актъ, внутренняго во внѣшнее, какъ мы только-что видѣли, осуществляется въ выборѣ. А «выбрать», по прямому смыслу слова, это значитъ: утвердить однѣ возможности, мужественно отвергнувъ другія, неисчислимыя. Ибо, чтобы только одна изъ нихъ стала дѣйствительностью, приходится отказаться отъ множества другихъ. Итакъ, дѣйствительный выборъ предполагаетъ прежде всего готовность къ отреченію.

Если этой готовности нѣтъ, если духъ сластолюбиво и жадно цѣпляется за всѣ раскрывающіяся передъ нимъ противорѣчивыя возможности и не хочетъ ничѣмъ поступиться изъ этого, еще призрачнаго, богатства, — тогда ему остается только одно: уклониться отъ осуществленія (ибо таковое вѣдь предполагаетъ отказъ отъ многаго и желаннаго). И вотъ онъ останавливается на переходномъ моментѣ сознаванія и предается любованію возможностями ради нихъ самихъ.

Вѣдь поступившись осуществленіемъ, дальше ужъ ничѣмъ поступаться не приходится: во «внутренней жизни» все смѣшивается, все сочетается, все возсоединяется, самые противорѣчивые элементы уживаются рядомъ и сладостно восполняютъ другъ друга — только бы не пытаться ихъ осуществить!

Такъ сластолюбецъ населяетъ свой душевный міръ этими мертворожденными актами — призраками актовъ, которымъ не суждено стать дѣйствительностью — и услаждается ими втихомолку. Сферу сознанія —

гдѣ черезъ отреченіе долженъ осуществляться выборъ — оно превращаетъ въ мѣсто болѣзненныхъ услажденій, а мысль — въ пустую игру духа съ самимъ собой.

Итакъ, «внутренняя жизнь» не имѣетъ собственно никакого положительнаго содержанія. Она слагается — каждый можетъ провѣрить это на себѣ самомъ — изъ образовъ того, что неосуществимо или не осуществилось, чего мы не умѣемъ или не смѣемъ или не хотимъ осуществить, — но отъ чего мы все-таки не рѣшаемся до конца отказаться, властно оттолкнуть въ забвеніе. Наоборотъ, мы тщательно культивируемъ эти образы; отвращаясь отъ міра, мы жадно всматриваемся въ ихъ смутное протеканіе и ищемъ въ немъ — свое Я. Погружаясь въ эту мелькающую муть, мы вѣримъ, что «погружаемся въ себя» — въ свою сокровенную и существенную глубину...

10.

Знаменательно, что какъ разъ въ тѣ моменты высшаго напряженія, когда человѣкъ бываетъ въ наибольшей степени собою, онъ менѣе всего думаетъ о себѣ: его взоръ обращенъ не внутрь, на свое Я, но во внѣ, въ міръ, на объектъ дѣйствія. Онъ весь въ своемъ актѣ. И такъ бываетъ во всѣхъ сферахъ жизни: все равно, будь то теологъ размышляющій о природѣ первороднаго грѣха или начальникъ ведущій въ атаку свой эскадронъ, хирургъ оперирующій больного или любовникъ въ пестели своей возлюбленной. Внутреннее конкретно отождествляется съ внѣшнимъ; чувство себя, своей цѣльности и полноты пронизываетъ самый актъ, нераздѣльно сопутствуетъ его ритму и, какъ острый привкусъ, сопровождаетъ его осуществленіе.

Всякій, въ той или иной формѣ, извѣдалъ это и можетъ вспомнить, что это, настоящее, чувство личности менѣе всего похоже на самоуглубленіе и самосозерцаніе. Нѣтъ, для самоуглубленія и самосозерцанія надо предварительно распуститься, размякнуть т. е. уже перестать быть собою. Поэтому немудрено, что всѣ самосозерцатели, пускавшіеся на поиски собственнаго Я черезъ самоанализъ и интроспекцію, никакого Я въ концѣ концовъ не находили: подъ ихъ ищущимъ взоромъ оно неизмѣнно распадалось на душевные атомы, на какіе-то психическіе клочки и обрывки, не связанные ни въ какое единство. Вся художественная литература психологически-аналитическаго склада, завершенная Прустомъ, иллюстрируетъ

это явленіе, смыслъ котораго можно резюмировать словами одного изъ ея характерныхъ представителей — Аміэля:

«Черезъ самоанализъ я упразднилъ самого себя».

Подъ вліяніемъ этой литературы, многіе рѣшительно провозгласили, что личность лишь фикція, миѳъ, понятіе юридическаго происхожденія или пустое собирательное имя для ничѣмъ между собою не связанныхъ психологическихъ состояній.

11.

Что «внутренняго Я» не нашли, это понятно, ибо таковаго дѣйствительно нѣтъ. Я — субъектъ дѣйствія и, постольку, наличествуетъ только въ дѣйствіи, раскрываетъ себя только въ немъ. Оно не есть нѣчто чисто-внутреннее, столь же мало, впрочемъ, какъ и нѣчто чисто-внѣшнее. Какъ каждый актъ подлинной жизни, какъ сама жизнь, личность есть тоже живое тождество внѣшняго и внутренняго.

Поскольку это тождество нарушено, личности уже нѣтъ. Остается. только матеріалъ изъ котораго она можетъ быть создана: разрозненныя психологическія состоянія и случайные, несвязанные съ ними, акты. Поэтому безсмысленно было искать въ себѣ единство личности, которое самъ же разрушилъ, и удивляться потомъ, что его не находишь.

Это единство нельзя просто найти въ себѣ въ готовомъ видѣ, его можно только осуществить: неустаннымъ усиліемъ возводить свою скрытую сущность въ свое зримое обнаруженіе, всей волей, всѣмъ сознаніемъ проростать въ актъ, въ дѣйствіе, въ міръ, —

Чтобы все, что внутри, было во внѣ.

Р. ПИКЕЛЬНЫЙ
ЗАСИЛІЕ РЕМЕСЛА

Въ Салонахъ, гдѣ даже отличные холсты теряются въ однообразномъ множествѣ картинъ средняго качества, найти что-нибудь интересное чрезвычайно трудно. Салоны, можетъ-быть, нужны, какъ показатели общихъ свойствъ современной живописи — личныя свойства художниковъ въ нихъ пропадаютъ. Картины надо смотрѣть въ галлереяхъ на рю де Сенъ и рю де ла Боеси. И тамъ, разумѣется, плохихъ картинъ больше чѣмъ хорошихъ, но въ данномъ случаѣ это никому не мѣшаетъ. Плохихъ, дѣйствительно плохихъ, картинъ можно не замѣчать; печальнѣе другое — заполняющихъ большинство выставокъ «среднихъ» картинъ не замѣчать нельзя. Каждая изъ нихъ по-своему «недурна», каждая въ той или иной степени выражаетъ тѣ или иныя живописныя тенденціи и, наконецъ, техническій уровень каждой несомнѣнно высокъ.

Эти среднія картины — продуктъ большой художественной культуры и большого умѣнія. Сдѣланы эти картины хорошо, но «сдѣланность» ихъ слишкомъ очевидна.

Очевидной сдѣланностью непріятны порой работы и большихъ мастеровъ. Вмѣсто «чуда» — слѣдствіе особой персональной удачи, намъ подносятъ плоды ежедневныхъ упражненій. Послѣднія, съ точки зрѣнія ремесла, бываютъ безупречнѣе «чудесъ», но цѣнность произведенія искусства не въ безупречности такого рода.

Ремесленное совершенство можетъ восхищать профановъ и къ нему могутъ стремиться авторы «среднихъ» картинъ. Щеголять виртуозностью и знаніемъ живописной кухни въ наше время довольно легко. Часто это щеголяніе безсознательно, и молодымъ художникамъ не слѣдовало бы слишкомъ пристально слѣдить за тѣмъ, что дѣлается кругомъ. Простите за наивность и педагогическія замашки, но благоразумнѣе смотрѣть «въ себя» нежели «вокругъ себя» и на большихъ мастеровъ. Ремесленникъ отъ искусства въ состояніи овладѣть пріемами настоящаго художника, но пріемы, даже не чужіе, а собственные, «содержанія» замѣнить не смогутъ.

Подмѣнъ «содержанія» компиляціей болѣе или менѣе изысканныхъ трюковъ — явленіе слишкомъ распространенное среди многихъ и не мо-

лодыхъ художниковъ для того, чтобы его можно было назвать ошибкой или заблужденіемъ...

Кумиромъ этихъ художниковъ сейчасъ является Боннаръ. Боннаръ изумительный и, я бы сказалъ, геніальный живописецъ. Бури кубизма и сомнительный музейный «реализмъ» послѣднихъ лѣтъ прошли мимо него. Онъ не искалъ новыхъ принциповъ и не рѣшалъ никакихъ проблемъ — одного мужества для этого недостаточно. Боннаромъ руководила и руководитъ его артистическая «чувствительность», которой одухотворены самыя незначительныя, самыя «слабыя» работы мастера. Въ этомъ смыслѣ, — въ смыслѣ вѣрности художника себѣ, вѣрности своему «содержанію» и своей личной «чувствительности», (sensibilité), примѣръ Боннара достоинъ подражанія. Какъ ни прекрасно остальное, какъ ни прекрасны цвѣтъ, мазокъ и рисунокъ Боннара — они все-же останутся частнымъ случаемъ и подражать имъ не стоитъ.

Картины послѣдователей и подражателей Боннара часто милы и красивы, но нельзя же превращать въ самоцѣль тѣ специфическія «вкусности» письма, тѣ фактурныя и цвѣтовыя прелести, которыя лишь сопровождаютъ работы «мэтра»... Трудно, при всемъ желаніи трудно, восхищаться искусствомъ художниковъ, способныхъ любой методъ, точнѣе — любой пріемъ довести до полной его узнаваемости. Художники эти, не рѣдко талантливые, — оказываютъ плохую услугу авторамъ пріемовъ, даже когда сами являются авторами таковыхъ, ибо срывая покровъ «случайности», которымъ окутаны пріемы большихъ мастеровъ, заставляютъ насъ любоваться исключительно тѣмъ, чѣмъ хотѣлось бы любоваться только между прочимъ. —

Иначе говоря, тамъ гдѣ авторъ «хорошей» картины ставитъ запятую — авторъ «средней» ставитъ восклицательный знакъ. Очевидно не всѣмъ ясно, что восклицательные знаки играютъ вспомогательную роль, — ими можно подчеркнуть выразительность слова, но замѣнить слово, замѣнить «содержаніе» ими нельзя. Представьте человѣка, который — «здравствуйте» и «какъ поживаете» — говоритъ съ такими же интонаціями, какъ Гамлетъ «быть или не быть». Конечно, умѣлое распредѣленіе восклицательныхъ знаковъ вполнѣ пригодно для украшенія гостинныхъ; ставить ихъ (восклицательные знаки) трудъ не всегда благодарный и легкій, и... гуманнѣе, пожалуй, на приведенныхъ сравненіяхъ не настаивать...

Замѣчу, кстати, что художники, которые бравируютъ отсутствіемъ

«восклицательныхъ знаковъ», отсутствіемъ интонацій и «акцента» — находятся тоже не въ блестящемъ положеніи. Боннару они предпочитаютъ Маркэ. О вкусахъ не спорятъ, хотя изобразительное содержаніе Маркэ явно бѣднѣе и обыденнѣе изобразительнаго содержанія Боннара. Многихъ, эта «обыденность» плѣняетъ, но говорить только «здравствуйте» и «какъ поживаете», по-моему, довольно скучно.

Однихъ честныхъ намѣреній еще мало для того, чтобы писать хорошія картины. Какъ реакція на засиліе трюкажа и сложной живописной кухни — простота и сдержанность заслуживаютъ всяческаго сочувствія, но, къ сожалѣнію, демонстративная невыразительность работъ почти всѣхъ послѣдователей Маркэ врядъ-ли умышленна...

Противопоставить имъ можно было бы шалости сюрреалистовъ, хотя особыми добродѣтелями послѣдніе не отличаются. Разсматривать сюрреализмъ въ живописи, какъ новую школу — пока еще рано. У сюрреалистовь нѣтъ даже своего техническаго метода. Найти новую мораль, новое отношеніе къ картинѣ еще не значитъ найти новое оформленіе ея. Оголять методы Пикассо или просто имитировать де Кирико — времяпрепровожденіе не слишкомъ почтенное... Можетъ-быть среди сюрреалистовъ есть и способные люди, но вещи ихъ безнадежно декоративны. Сомнительное остроуміе и обиліе трюковъ только заслоняетъ то непосредственное лирическое чувство, къ выраженію котораго (судя по примѣру писателей-сюрреалистовъ) стремятся и художники этой группы.

Однако, несмотря на безпомощность и грубоватость, холсты сюрреалистовъ все-таки лучше тѣхъ тысячъ пейзажей и «ню», которые ежегодно наводняютъ большія выставки. Изрядное количество этихъ пейзажей и «ню» подписаны художниками съ именами. Послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, не очень способные, но ловкіе ремесленники, которымъ удалось воплотить чаянія толпы еще менѣе способныхъ и менѣе ловкихъ живописцевъ. И тѣ, и другіе увѣрены, что являются носителями «подлинныхъ традицій» французской живописи. При крайне багосклонномъ отношеніи ихъ можно считать послѣдователями Курбе, хотя правильнѣе, кажется, замѣнить имя Курбе именами Вламинка и Сегонзака.

Вламинкъ и Сегонзакъ въ своемъ родѣ блестящіе мастера и возможно, они не виноваты въ томъ, что созданный ими типъ картины пришелся «по росту» художникамъ, идущимъ въ сторону наименьшаго сопротивленія. Объ этихъ «низкорослыхъ» художникахъ не стоило бы упо-

минать, если бы работы ихъ не служили фономъ, на которомъ выдѣляются болѣе героическія фигуры. Кромѣ Боннара, я имѣю ввиду такихъ мастеровъ, какъ Матиссъ, Утрилло, Руо, Сутинъ и нѣкоторые другіе. О каждомъ изъ нихъ нужно говорить особо и не въ тонѣ настоящей замѣтки... Поэтому минуя работы столповъ современной живописи, минуя работы т. н. «воскресныхъ» художниковъ, (которые, между прочимъ, въ своеобразномъ умѣніи немногимъ уступаютъ профессіоналамъ), отмѣчу еще разъ высокій техническій уровень массы, засиліе ремесла и откажусь отъ обязательныхъ во всякой статьѣ — обобщеній.

Дѣлать обобщенія, когда каждый въ отдѣльности хочетъ обособиться и какъ можно меньше походить на другого — занятіе неблагодарное. Кромѣ того, — подводить итоги и выдѣлять то, что въ предѣлахъ итоговъ не умѣщается — опасно... Чужія ошибки вызываютъ возмущеніе, а собственныя учатъ скромности.

МАКСИМИЛІАНЪ ГОТЬЕ
М. Л. БЛЮМЪ

М Блюмъ *Портретъ*
M Bloume *Portrait*

Впервые работы Блюма я увидѣлъ въ галлереѣ Анри (рю де Сенъ) на выставкѣ рисунковъ, организованной моимъ другомъ Сергѣемъ Ромовымъ, которому проживающіе въ Парижѣ молодые русскіе художники обязаны столь многимъ. Потомъ Блюмъ выставлялъ въ галлереѣ Манто, въ Салонѣ Независимыхъ, въ Салонѣ Тюльери, гдѣ я съ каждымъ разомъ все больше и больше поражался глубинѣ и исключительности Блюмовскаго дарованія.

Лично съ художникомъ я познакомился года два-три тому назадъ. Онъ не разочаровалъ меня. Я роочію убѣдился въ томъ, что живопись Блюма неразрывно связана съ нимъ самимъ. Способностью придавать жалкимъ и ничтожнымъ на видъ вещамъ особую «меланхолическую радость», художникъ обязанъ лирическимъ свойствамъ своей живописи. Основа этого въ д о б р о т ѣ, той добротѣ души и мысли, руководясь которой Блюмъ скрываетъ грубость и жестокость окружающаго волшебнымъ покрываломъ искусства.

Передо мной сейчасъ двѣ картины Блюма Различныя по сюжету, онѣ

проникнуты единой творческой волей. Первая — пейзажъ. Въ немъ нѣтъ ничего декоративнаго и «эффектнаго» — я хочу сказать, что онъ не отличается внѣшнимъ показнымъ блескомъ. Это — видъ парижскаго предмѣстья: деревянныя строенія, черепичныя крыши, амбары, мастерскія съ черными извилинами водосточныхъ трубъ, какъ-то особенно «звучатъ» рядомъ съ зеленью деревьевъ и свѣжестью голубого неба. Эти розовые, синіе, бѣлые и сѣрые тона одухотворены прозрачной желтизной солнечнаго свѣта... Фигуры прохожихъ играютъ для художника только роль цвѣтовыхъ пятенъ... — Все вмѣстѣ могло бы казаться обыденнымъ, но оригинальность Блюма въ предѣльной изысканности красочныхъ отношеній, въ томъ непостижимомъ колдовствѣ, которое подчиняетъ обыденность законамъ всегда убѣдительной игры художника.

Вторая — натюръ-мортъ. На немъ изображены два крохотныхъ (очевидно въ игрушечномъ хозяйствѣ найденныхъ) предмета: бѣлый фаянсовый кувшинъ и красная эмалированная кастрюля. Это все и этого достаточно. Эти два предмета излучаютъ сіяніе. Они трогательны и, не претендуя на желаніе вмѣстить всю «красоту міра» плѣняютъ скромностью и смиреніемъ... У себя на столѣ вы навѣрное не замѣтите ихъ, а если замѣтите — брезгливо толкнете куда-нибудь въ сторону. Но здѣсь, на холстѣ художникъ озарилъ ихъ своимъ свѣтомъ, и вотъ, — они какъ будто бесѣдуютъ съ вами и ежедневнымъ ласковымъ привѣтствіемъ напоминаютъ о томъ, что большія постоянныя радости обязаны своимъ существованіемъ вещамъ, которыя вначалѣ всегда кажутся почти неосязаемыми.

Странно ли послѣ этого, что первыми покупателями Блюма стали его друзья художники. Такое отношеніе коллегъ, по моему, равносильно самому блестящему признанію... Въ общемъ творчество Блюма (пейзажи, натюръ-морты и фигуры) можно раздѣлить на періоды, когда Блюмъ пишетъ кухонныя принадлежности или скрипки — вокзалы, шлагбаумы или трамваи — окраины (Монружъ, Портъ де Версай, Портъ д'Орлеанъ), лошадей, гаражи или портреты (чаще всего свои собственные).

Я былъ бы радъ закончить эту статью какой-нибудь волнующей воображеніе толпы «исторіей», но Блюмъ никогда не дѣлился со мной разсказами о своихъ, даже вполнѣ вѣроятныхъ, приключеніяхъ. Думаю также, что скромность, присущая искусству Блюма и ему самому, чинила художнику множество матеріальныхъ препятствій, бороться съ которыми или не замѣчать которыя — что въ сущности одно и то же, — можно

лишь при наличіи извѣстнаго героизма. Я знаю только, что Блюмъ близорукъ подобно Лапраду и Боннару, знаю, что Блюмъ — мечтатель, настолько углубленый въ созерцаніе своего міра, что не нужно сердиться когда встрѣчаясь съ вами на улицѣ онъ не узнаетъ васъ.

НИКОЛАЙ МИЛЛІОТИ
НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ ВЫСТАВКИ А. Е. ЯКОВЛЕВА

Я съ тѣмъ большей охотой принялъ предложеніе «Чиселъ» высказаться по поводу только что закрывшейся выставки Яковлева, что большинство изъ слышанныхъ о ней мнѣній и прочитанныхъ критическихъ статей кажутся мнѣ не вполнѣ вѣрными и часто несправедливыми.

Цѣльность этой выставки менѣе помпезной, но гораздо болѣе цѣнной чѣмъ прежнія, очень облегчаетъ мою задачу: одна общая высокаго совершенства фактура самаго удачнаго изъ употребляемыхъ художникомъ способовъ живописи — темперы — даетъ возможность хорошо разобраться въ отдѣльныхъ вещахъ, не теряя изъ виду общаго характера выставки.

Въ томъ разнообразіи порывистаго исканія, почти метанія, которое такъ характеризовало прошлую выставку въ той же галлереѣ (въ отличіе отъ его Африканской выставки въ галлереѣ Шарпантье, гдѣ мы встрѣтили лишь прежняго безупречнаго рисовальщика) при всемъ ея видимомъ блескѣ было начало затемнявшее сущность его творчества, не дававшее почувствовать, ни опредѣленнаго пути, ни единства какого-либо достиженія, которое тогда, по признанію самого художника, и не было осуществлено. Э т а выставка при всей ея видимой скромности является настоящимъ д о с т и ж е н і е м ъ.

Для тѣхъ кто знали и любили Яковлева какъ художника еще за много лѣтъ до его послѣдняго и вѣрно еще не окончательнаго лика — тотъ путь преображенія чудеснаго рисовальщика съ поистинѣ необычайнымъ глазомъ и рукой, въ художника чисто живописныхъ исканій, которыя онъ продѣлалъ въ послѣднія 4-5 лѣтъ, — составляетъ быть можетъ высшій интересъ его художественной работы.

Вопросъ, какой родъ изобразительнаго искусства есть высшее его выраженіе — вопросъ прежде всего вкуса и темперамента — всегда останется неразрѣшеннымъ. Для пишущаго эти строки — станковая живопись является родомъ искусства наиболѣе совершеннымъ въ смыслѣ своихъ возможностей, наиболѣе выкристализованной и выразительной (начавъ говорить о станковой живописи, условимся въ пониманіи столь многозначительнаго въ русской рѣчи слова). Чудесное какъ радостная игра искусство однимъ сопоставленіемъ цвѣтовъ давать иллюзію жизни, искусство, въ ко-

торомъ всѣ достиженія лишь въ правильности цвѣтовыхъ «валеровъ», внѣ правилъ свѣтотѣни и линій уже входящихъ въ цвѣтъ, уже выраженныхъ цвѣтомъ — вотъ то опредѣленіе станковой живописи, которое кажется мнѣ наиболѣе точнымъ*). И чѣмъ больше это отхожденіе отъ правилъ графическаго изображенія, тѣмъ сильнѣе изображаемое. Въ этомъ объясненіе почему душу зрителя такъ поражаютъ кукольныя фигуры Симонъ Мартини или Учелло и оставляетъ равнодушнымъ идеальный рисунокъ Джуліо Романо; почему прекраснѣе правильно нарисованныхъ лошадей Фромантэнъ смѣшныя лошади Делакруа; въ чемъ тайна прелести столь несовершенныхъ и наивныхъ художниковъ какъ Руссо или Бюншанъ.

Несмотря на кажущуюся неизбѣжность гибели живописи въ современныхъ условіяхъ машиннаго прогресса — станковая живопись все-же осталась единственнымъ изъ изобразительныхъ искусствъ не только продолжающимъ существовать, но не остановившемся въ своихъ исканіяхъ и достиженіяхъ. Послѣ великихъ венеціанцевъ и испанцевъ, черезъ великихъ мастеровъ французскаго 17 вѣка, геніальнаго Гойю, и лучшихъ французскихъ романтиковъ и импрессіонистовъ она осталась достояніемъ тѣхъ кто не забылъ, въ поискахъ временнаго обновленія и машинности ея вѣчныхъ завѣтовъ.

Совершенство рисунка можетъ быть достигнуто упорнымъ и сознательнымъ трудомъ; глазной и ручной безупречности можно достичь въ предѣлахъ способностей ищущаго; но живописцемъ можно только родиться. Можно имъ быть отъ младыхъ ногтей, не мочь никогда видѣть иначе или въ какой то моментъ своей творческой жизни увидѣть по новому и найти себя еще не найденнаго. Вотъ это второе, мнѣ думается, и случилось съ Яковлевымъ.

Я не хочу, даже предположительно, говорить о томъ мѣстѣ, которое Яковлевъ занимаетъ среди живописцевъ современнаго Парижа — это вопросъ, не входящій въ наше обсужденіе. Больше того, я оставляю открытымъ вопросъ — должно-ли Яковлеву неоспоримое первенство своего высокаго мастерства въ рисункѣ отдавать на служеніе новому роду своего дарованія. Я хочу только сказать, что жертва эта для живописца неизбѣжна,

*) Въ этой самостоятельности цвѣта секретъ невозможности обыкновеннымъ способомъ фотографировать подлинную живопись и залогъ, что никогда и никакъ машинность не сможетъ покуситься на чудо живописи.

что тѣ, кто на этой выставкѣ не нашли съ огорченіемъ прежняго рисунка Яковлева, быть можетъ, не подумали что живопись есть прежде всего — ворожба цвѣтомъ, требующая участія и исключающая присутствіе рисунка; и, что если мы послѣ этой выставки можемъ привѣтствовать Яковлева, то за то, что художникъ этотъ имѣя за собой такой огромный арсеналъ графической техники, ставъ живописцемъ сумѣлъ принести свое знаніе на служеніе цвѣту. Повторяю, эта скромная выставка гораздо большее достиженіе чѣмъ все великолѣпіе его прошлыхъ выставокъ. Очень интересно, въ связи съ тѣмъ вліяніемъ, которое имѣетъ Парижъ на все входящее въ кругъ его художественныхъ исканій, прослѣдить судьбу отдѣльныхъ, наиболѣе выраженныхъ явленій русской дореволюціонной художественной жизни.

Неоспоримо то renouveau въ русскомъ изобразительномъ искусствѣ которое совпадаетъ съ концомъ прошлаго и началомъ новаго вѣка

Самымъ совершеннымъ выраженіемъ его была петербургская группа графиковъ «Міра Искусства»; *графиковъ не только въ смыслѣ рисунка*, но и въ смыслѣ подхода къ живописи.

Судьба его была наиболѣе нормальна, цѣльна и отчетлива. Представители лучшихъ завѣтовъ прекраснаго русскаго культурнаго прошлаго они имѣли время вполнѣ и цѣликомъ созрѣть, проявиться, пронести свое тончайшее, всегда сюжетное искусство черезъ всѣ страшные искусы жизни и остались тѣми, какими были десять и двадцать лѣтъ назадъ. Живописныя устремленія Парижа не могли имѣть вліянія на это законченное и до конца выраженное мастерство. Тѣ нѣсколько чистыхъ живописцевъ, типичными представителями которыхъ были покойные Сапуновъ и Якуловъ, фактическіе участники «Міра Искусства», но гораздо менѣе характерные для этой группы, — были разбросаны бурей революціи въ періодъ наиболѣе острыхъ своихъ исканій и нашли въ вѣроятно болѣе благопріятной атмосферѣ свою назначенную каждому степень достиженій.

Гораздо показательнѣй судьба болѣе молодой группы часто не связанныхъ между собой никакой органической связью русскихъ рисовальщиковъ, не въ смыслѣ возможностей живописной композиціи какъ понимали рисунокъ и Роденъ и Пювисъ и Манэ и всѣ большіе художники всѣхъ вѣковъ, даже не въ смыслѣ безупречнѣйшаго совершенства Энгра, гдѣ рисунокъ оставаясь центромъ всего служилъ содержанію, но мастеровъ рисовальной техники par exellence, виртуозовъ линіи и формы. Въ этомъ

были оживленные какимъ-то гальваническимъ токомъ казавшіеся уже мертвыми завѣты Старой Академіи въ рукахъ блестяще одаренныхъ и щеголявшихъ своимъ искусствомъ мастеровъ.

Иногда это былъ почти физическій геній служившій достиженію абсолютнаго графическаго совершенства. Всѣ эти художники испытали вліяніе атмосферы Парижа, вся работа ихъ до сихъ поръ остается борьбой живописи и рисунка. Часто одаренные колористы, мастера живописной техники, они неизбѣжно вплетаютъ въ живопись все богатство своего рисовальнаго мастерства не сдаваясь передъ неумолимыми требованіями цвѣта и живописной поверхности. Часто это какія то великолѣпныя «пробы пера» гдѣ удачная линія должна быть оставлена, не можетъ быть принесена въ жертву и вся картина заключается вотъ въ этой калиграфической спирали или сѣти прямыхъ, проведенныхъ на фонѣ, часто по настоящему красивой живописной поверхности.

Это живописное чистописаніе (да не покажется это точное опредѣленіе злымъ) мы видимъ не только у нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ, но часто и у лучшихъ и очень прославленныхъ французовъ — какъ у Вламенка или Дюфи, въ противоположность художникамъ оставшимся вѣрными завѣтамъ живописи, какъ Утрилло или Дерэнъ.

Яковлевъ вырвался изъ рабства этой виртуозности и пожертвовалъ многимъ, чтобы остаться въ этой борьбѣ побѣдителемъ. Ни въ одной изъ его живописныхъ работъ на этой выставкѣ, вы не нашли бы нарочито оставленной великолѣпной линіи, умышленно обнаженнаго скелета изображаемаго, а только зрительное цвѣтовое впечатлѣніе, то что отличаетъ живописца. Если такой изысканный контуръ вы и найдете неприкрытымъ краской, то лишь тамъ, гдѣ (какъ въ изображеніи обнаженнаго женскаго тѣла) линія эта нужна и составляетъ суть картины. Да и можно-ли было бы ставить ему въ вину то органическое бріо его техники которое выливается у него такъ естественно, такъ непредумышленно и гдѣ однимъ мазкомъ въ совершенствѣ передана рея мачты или нѣсколькими, легкими ударами кисти — рыбацкая сѣть. Важно то что это сдѣлано потому что онъ видѣлъ, а не для того что онъ дѣлалъ.

Доминирующее впечатлѣніе отъ этой выставки было въ легкости, ясности, здоровости, «бездумности» (не въ смыслѣ недостатка мысли, а

въ смыслѣ подхода къ видимому) впечатлѣній, въ простотѣ и невольномъ блескѣ примѣненныхъ средствъ.

Будущее покажетъ какъ сложится это обновленіе Яковлева. Первая ли это ясная ступень къ овладѣнію настоящей непреходящей живописи или простая диверсія на пути его исканій, но долгъ каждаго привѣтствовать достиженіе этого художника, сумѣвшаго столь многимъ и въ ущербъ успѣху у большой публики пожертвовать изъ своихъ богатствъ прекрасному и ревнивому искусству — живописи.

НИКОЛАЙ ОСТЕРМАНЪ

ЖАКЪ ЛИПШИЦЪ

Гдѣ кубизмъ прошедшихъ дней? Кто избавитъ насъ, очиститъ наше поле зрѣнія отъ всей этой нелѣпой угловатой мебели, отъ комнатъ похожихъ на лабораторіи, отъ домовъ похожихъ на заводы. Не ужасаются ли сами кубисты отъ такой своей побѣды, и не предпочитаетъ ли кубизмъ вульгаризованный и опошленный до невозможности, до плаката и рисунка на матеріи, тѣ годы, когда онъ существовалъ исключительно на холстѣ, а главное, въ идеѣ? Какъ зловѣще правильны иногда слова, «что если зерно не умретъ не дастъ плоду». — Кубизмъ какъ будто бы далъ плодъ, кубизмъ умеръ. Больше не можетъ быть кубистовъ. Ибо кубизмъ лишился пафоса. Кто избавитъ насъ отъ трупа кубизма? Кто вернетъ намъ кубизмъ? Жакъ Липшицъ относится къ его идиллическимъ временамъ, а отчасти и къ его первому трагическому періоду. Декоративный элементъ въ немъ слабъ еще до крайности, это — ядъ кубизма, отравившій окончательно позднѣйшаго Лауренса.

Въ скульптурѣ Липшица кубизмъ еще нѣчто неизвѣстное, нѣчто таинственное, еще искомое, непонятное своему создателю, не сведенное еще къ ясно сознанному принципу, — еще нѣчто невѣдомое Липшицу, во времена когда творческій его характеръ слагался, (и къ счастью, ибо человѣкъ пріобрѣтаетъ свой складъ, увы, нерасторжимый, въ очень короткій срокъ, и потомъ только развиваетъ его). Ржа, поѣдающая кубизмъ еще почти не проявилась въ 1910 — 1915 году, кубизмъ былъ еще мистикой, онъ былъ какъ бы еще «оккультенъ», онъ былъ еще живъ. Дальше ворота быстро закрываются, занавѣсъ поднимается, секретъ кубизма кажется найденнымъ (время пуризма — Озанфанъ и т. д.) кубизмъ умираетъ. Жакъ Липшицъ это живущая и здравствующая романтика кубизма. Вещи его по прежнему фовистичны въ своемъ родѣ, по прежнему неизвѣстны и непредсказуемы дальнѣйшіе его періоды, — знакъ жизни, отсутствующей, напр., у Вламэнка. Жакъ Липшицъ, по прежнему не ищетъ украшать, а создавать какіе то своею обособленной жизнью живущія системы объемовъ, замкнутыя въ себѣ, и какъ бы самодвижущіяся, но не проливающія свое движеніе внѣ себя, (что создаетъ антихудожественность Леже, напримѣръ),

Ж. Липшицъ *Радость жизни*
J. Lipchitz *Joie de vivre*

какъ-бы на подобіе вѣчнаго движенія, вписаннаго въ себя, но вѣчно рождающаго динамическое становленіе внутри своей сферы. Не качающееся и падающее наружу. Успокаивающее душу, и создающее нѣкое эстетическое «receuillement» какъ передъ зрѣлищемъ высшей и лучше организованной жизни, не нуждающейся ни въ чемъ, но вѣчно пульсирующей въ своей уединенности. Нѣчто таинственное, восхищенное отъ рабства условій, оторванное отъ земного притяженія, какъ жизнь небесныхъ духовъ. Такъ дикарей поражаетъ часовой механизмъ, онъ кажется имъ блаженнымъ, ибо живымъ, но независимымъ вовсе отъ міра. Такъ, кажется намъ, скульпту-

ра Жака Липшица проигрываетъ много среди какой нибудь нелѣпой «модерной» комнаты, которая пытается тоже какъ то развить и продолжить тайну кубизма.

Очень хороша, вѣроятно, въ саду бронзовая группа «Радость жизни», находящаяся въ имѣніи маркиза де Ноай. Знаменитый сѣрый періодъ Пикассо (1915 — 1917), позднѣе цвѣтеніе Брака, конецъ Делафренай, оттолкновеніе отъ Леже и Северини, породившихъ впослѣдствіи псевдокубизмъ, орнаментальную прямоугольную пошлость. Вотъ счастливое время когда Липшицъ находитъ себя, но онъ существо еще до позднѣйшей кубистической Дягилевщины, перваго примѣненія кубизма къ стилю времени, первой его гнили. Дягилевъ, приспособившій и погубившій многихъ и многихъ, можетъ быть пошатнувшій даже Пикассо, къ счастью не коснулся Липшица, Липшицъ остался какъ бы «протестантомъ» кубизма и даже «кальвинистомъ» этого дѣла. Сладенькаго, красивенькаго въ немъ искать нельзя — никакихъ красотъ для «балетиковъ съ публичкой». Липшицъ строгъ. Также какъ Майоль Липшицъ простъ по своему. Внѣшняя бѣдность его работъ возвышаетъ его надъ Архипенко и другими. Онъ инспирируется до-античностью, Эгеей, Микенами, Ассиріей, Египтомъ (голова Раймонда Радигэ). Не будемъ говорить о недостаткахъ работъ Липшица, — ихъ много, и самый главный изъ нихъ есть можетъ быть недостаточная монументальность, хотя скульптору, можетъ быть просто не хочется. Но какъ молодой русской живописи слѣдовало бы научиться благородной строгости у русской культуры во Франціи, и въ общемъ какъ серіозенъ духъ Липшица, Цадкина, Лучанскаго и т. д. Но гдѣ оно, время кубизма? Развѣ объяснишь тому, кто своими очами этого не видѣлъ, то горѣніе, тѣ мученія, и высокій пластическій идеализмъ тѣхъ дней? Кто возвратитъ намъ атмосферу Аполинера?

А оскудѣніе трагическаго начала есть страшный признакъ.

Н. НАБОКОВЪ
МУЗЫКА ВЪ ГЕРМАНІИ
впечатлѣнія путешественника

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Что ни городъ то опера, прекрасный симфоническій оркестръ, одно или нѣсколько хоровыхъ объединеній, обслуживаемыхъ хорошими, часто знаменитыми, профессорами и оборудованная по послѣднему слову техники и механики консерваторія или же Hochschule (нѣчто вродѣ музыкальнаго университета) и въ каждомъ изъ этихъ городовъ большой оперный репертуаръ: новый и старый, классическій, романтическій и современный. На новыя постановки въ какомъ нибудь Веймарѣ тратится больше денегъ чѣмъ за годъ въ парижской оперѣ.

И въ каждомъ такомъ городѣ сидитъ по дирижеру, иногда замѣчательному — всемірно знаменитому, иногда просто хорошему капельмейстеру, но всегда опытному технику оркестра, знающему свое дѣло, ремесленнику. У дирижера серія симфоническихъ концертовъ. Правда, программы пестрятъ именами Брукнера, Регера, Малера, Пфицнера и многихъ современныхъ посредственныхъ композиторовъ, но зато обязательно исполненіе Моцартовскихъ и Бетховенскихъ симфоній, мессъ и пассіоновъ Баха, симфоній Гайдна, Шуберта, Шумана, произведеній Вебера, Листа, Вагнера, а также иностранной музыки современной и старой уже не говоря о современной нѣмецкой.

Кромѣ того: — дѣти въ школахъ поютъ, поютъ въ два голоса, чинно и скучновато дѣвушки по субботамъ на улицахъ, поютъ на Bierfest'ахъ студенты, административныя власти маленькаго городка, пожарные, полиція, рабочіе и крестьяне. Поютъ по школьному, въ два голоса, фальшивя и часто съ такими нюансами отъ которыхъ страшно становится, но всегда съ увлеченіемъ, серьезно относясь къ дѣлу, слѣдя по нотамъ за пѣсней и стараясь пѣть чисто.

И если вы остановите гдѣ нибудь въ маленькомъ городкѣ, въ какомъ нибудь тихомъ и мирномъ Базенвеймерѣ на югѣ Германіи или въ такомъ же чистенькомъ и тихомъ Ангермюндѣ на сѣверѣ, проходящаго туземнаго мѣщанина, крестьянина или рабочаго, то окажется, что онъ и

въ Chorverein'ѣ участвуетъ, и Баха слышалъ, и Бетховена знаетъ и любитъ такую-то да такую-то пѣснь.

Вотъ это и есть настоящая большая музыкальная культура.

Музыка для нѣмцевъ — это пища и даже не всегда духовная, а такъ какъ то: — «Kuchen, Schlagsahne und... Musik». Безъ музыки не проходитъ недѣли у средняго нѣмца. Посмотрите въ кафэ, въ пивной: — вотъ играетъ оркестръ, публика затихаетъ (что-бы онъ ни игралъ — разборчивости вѣдь мало въ нѣмцѣ) и въ концѣ пьесы разражается апплодисментами, закусывая ихъ громоздкимъ пирогомъ со сбитыми сливками или же пышными и сочными сосисками. Вообще связь музыки и ѣды выступаетъ постоянно. Вотъ наступилъ антрактъ въ оперѣ и, не успѣлъ сорвать послѣдній аккордъ дирижеръ, какъ уже по залу слышится шуршаніе бутербродныхъ бумажекъ.

Музыка для нѣмца есть насущная потребность, безъ которой онъ не можетъ жить. Не то что она его возвышаетъ, что онъ ее переживаетъ, что онъ ее критически судитъ или же подходитъ къ ней съ той или иной эстетической мѣрой (это лестнѣе всего), — нѣтъ онъ ею питаемъ, она для него необходимое условіе жизни, какъ необходимы ему ѣда, сонъ, пиво, модернизація домовъ и квартиръ, сигара, семья, книги, работа, мечты — т. е. все то, чѣмъ заполняется существованіе средняго нѣмца. Звучитъ все это очень некрасиво, но какъ это хорошо! Только поэтому въ Германіи около 150 оперныхъ театровъ, столько же или больше симфоническихъ оркестровъ, 200-300 большихъ и прекрасныхъ хоровъ, ежегодныя музыкальныя празднества въ различныхъ центрахъ, масса объединеній камерной музыки, сотни квартетовъ, тріо, дуэтовъ, тысячи піанистовъ, скрипачей, инструментистовъ, съ десять тысячъ, а можетъ быть и больше, профессоровъ музыки и т. д., и т. д. Говоря экономически: на все это производство есть массовый потребитель. Постоянный обмѣнъ между потребителемъ и производствомъ и рождаетъ ту высокую, первокачественную нѣмецкую музыкальную культуру, равной которой не существуетъ ни въ какой другой странѣ.

ПѢСНЯ

«La mélodie est la donnée immédiate de la conscience musicale».

То же самое можно сказать про пѣсню. Она есть непосредственная данность музыкальнаго сознанія, но только не отдѣльной личности, а коллектива — народа, націи. Пѣсня рождается изъ дѣланія народнаго, изъ о б щ а г о усилія, изъ обычая, быта. Она в ы р а ж а е т ъ въ звукахъ нѣкое состояніе народной души.

Такъ мы понимаемъ пѣсню. Такова русская, итальянская, восточныя пѣсни. Народъ идетъ отъ естественной привычной музыки къ музыкальной культурѣ. Онъ исходитъ изъ пѣсни. Поѣзжайте верстъ за сто изъ германской въ бывшую русскую Польшу и вы услышите какъ рождается пѣсня. Вяжетъ снопы баба и поетъ, сѣно сгребаетъ — поетъ, ведра съ водой несетъ — поетъ. Что она поетъ? Можетъ быть старое, вѣдомое, а можетъ быть и новое, нѣчто рождающееся въ данный мигъ въ ея душѣ — какъ разобрать?

Но есть иной родъ пѣсни. Я думаю, что у нѣмцевъ пѣснь не есть непосредственная данность музыкальнаго сознанія народа. Къ пѣснѣ нѣмецъ приходитъ черезъ школу, онъ ей учится. Она у него въ книгѣ записана, въ ключахъ, въ ритмѣ, въ темпѣ. Онъ приходитъ (исторически пришелъ) къ ней черезъ протестантскій или католическій церковный хоралъ. Во всякомъ случаѣ онъ къ ней п р и х о д и т ъ, а не и с х о д и т ъ изъ нея. Она для него элементъ музыкальной культуры, въ которую онъ долженъ вникнуть, вѣрнѣе проникнуть черезъ нѣкую школу. Пѣсня не рождается въ его душѣ непосредственно, какъ она рождается у русскаго мужика или неаполитанскаго крестьянина, но его душа, его сознаніе ищутъ пѣсни, стремятся къ ней, какъ стремится ребенокъ къ сосцамъ матери. И онъ находитъ эту пѣсню въ книгахъ, она ему дана, заготовлена прежними поколѣніями или же сдѣлана какой нибудь творческой личностью, однимъ изъ тысячъ нѣмецкихъ композиторовъ, для его потребленія.

Я знаю, напримѣръ, что какой-то саксонскій «Maennerchorverein» въ 3.000 (sic!) человѣкъ заказалъ недавно пѣсни (— Volkslieder) Гандемиту; попробовали бы, напримѣръ, обратиться русскіе мужики къ Мусоргскому съ подобнымъ заказомъ. Я думаю, что Муссоргскій просто не понялъ бы чего они отъ него хотятъ.

Въ этомъ глубокая разница между германской націей и русской, а также между нѣмцемъ и итальянцемъ. Невольно встаетъ вопросъ — музыкаленъ-ли вообще нѣмецъ? — Я думаю, что по сравненію съ русскимъ или итальянцемъ онъ менѣе музыкаленъ, вѣрнѣе онъ иначе музыкаленъ. Онъ музыкаленъ въ силу своей естественной любви и тяготѣнію къ музыкѣ, а не потому что въ него Богомъ вложена музыкальная, поющая пѣсню, душа. Въ этомъ отражается вообще весь смыслъ, весь укладъ нѣмецкой культуры. Изъ любви, изъ тяготѣнія къ чему-то (не къ идеалу ли?) нѣмецъ выходитъ изъ коллектива на подвигъ личности, на вѣчное исканіе и на работу.

Онъ трудомъ и наукой ищетъ и обрѣтаетъ пѣсню, по которой томится его душа.

продолженіе слѣдуетъ

ДІАНА КАРЭНЪ
ЗАМѢТКИ

ШАРЛО И ПЮБЛИ-СИНЕ

Мнѣ хочется отмѣтить одну особенность Чаплина. Онъ, какъ никто, угадалъ значеніе искусственнаго и условнаго въ кинематографѣ. Такой фигуры, какъ показалъ этотъ артистъ, — въ жизни, вѣроятно, не найти. Шарло — почти кукла, почти маріонетка, о которой мечталъ Гордонъ Крэгъ. Благодаря этой своей исключительности фигура Шарло рѣзко бросается въ глаза, прекрасно запоминается и представляетъ большія выгоды при съемкѣ. Само собой разумѣется, кукольнымъ, точнѣе — цирковымъ, является только нарядъ Шарло и нѣкоторыя ужимки. Игра этого артиста — сложное психологическое явленіе, она человѣчна и совсѣмъ не кукольна. Но внѣшній обликъ Шарло — торжество условности, искусственности, артистичности. Артисты, играющіе свою роль, ихъ гримъ условные жесты, костюмы и т. д. нерѣдко проигрываютъ отъ сравненія съ природой, животными и обыкновенными людьми — не артистами. Но сила и обаяніе кинематографа далеко не исчерпываются фотографіей живой природы. Мнѣ хочется нарочно прибѣгнуть къ примѣру, самому незамѣтному и все-таки стоющему серьезнаго вниманія. Я говорю о кинорекламѣ. Бумажныя драмы, гдѣ рекламируютъ шоколадъ такой-то фабрики или запонки такого-то магазина, нерѣдко художественнѣе, чѣмъ иная длинная пьеса съ живыми людьми и живой природой. Характерныя фигурки часто веселятъ и забавляютъ публику; многіе во время антракта не покидаютъ мѣстъ только для того, чтобы не пропустить «Пюбли-Сине». Какой нибудь невѣроятный бумажный негръ, совершающій героическіе подвиги, чтобы раздобыть зубную пасту, или страшный, раскрашенный левъ, становящійся тихимъ и кроткимъ при видѣ плитки шоколада, имѣютъ иногда самое прямое отношеніе къ настоящему искусству.

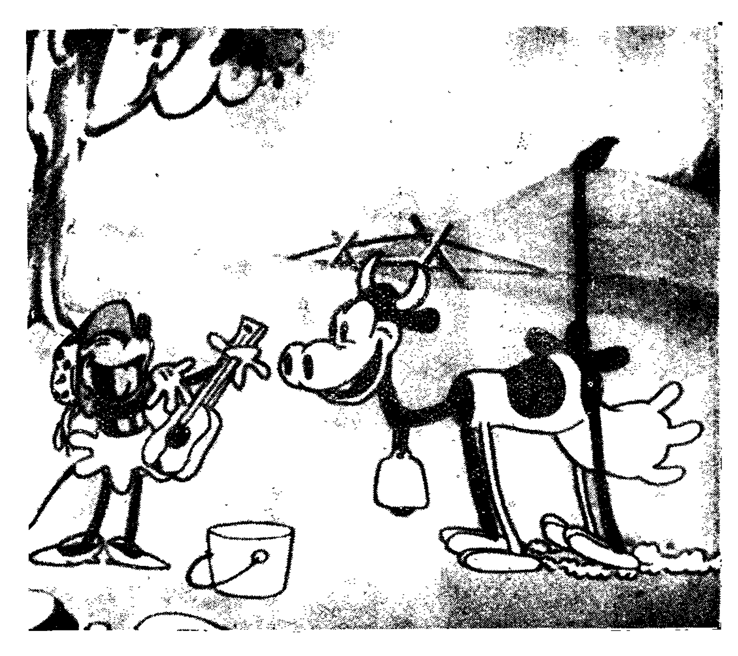
Я не случайно заговорила объ этихъ картонныхъ фигуркахъ въ сопоставленіи съ Чаплинымъ. Есть въ костюмѣ Шарло и въ нѣкоторыхъ его нарочито-механическихъ жестахъ что-то общее съ персонажами «Пюбли-Сине». Можно сравнивать обаяніе Дугласа Фербенкса съ тѣмъ чисто звѣринымъ обаяніемъ, которое исходитъ отъ головы льва въ медальонѣ «Метро-

Гольдвинъ». Костюмъ и кое-какіе жесты Шарло имѣютъ что-то общее съ картонными фигурками кино-рекламы, напримѣръ, хотя бы съ Ратапуалемъ. Этотъ на рѣдкость удачный образъ «Пюбли-Сине» однимъ своимъ появленіемъ вызываетъ тотъ же смѣхъ и ту же симпатію, что и Шарло. Походка Ратапуаля, его длинный, пушистый хвостъ и все что онъ дѣлаетъ, напоминаетъ о серьезной роли искусственнаго и условнаго на экранѣ.

Борьба нѣмой фильмы съ разговорной еще не кончена. Исходъ ея могъ бы рѣшить Чаплинъ. Достаточно было бы ему сыграть удачно одну разговорную картину и его геніальный даръ окончательно утвердилъ бы права новаго искусства. Но Чаплинъ не сможетъ этого сдѣлать, даже если бы захотѣлъ. Вмѣсто него блистательную побѣду въ звуковомъ фильмѣ одержали его малые родственники — персонажи «Пюбли-Сине». Для нихъ музыкальная лента оказалась родной сферой. Чаплину, быть можетъ, тоже слѣдовало бы попробовать играть не въ разговорной фильмѣ, но въ комической-звуковой. Можетъ быть, если бы каждое движеніе его сопровождалось особымъ звукомъ — это подошло бы къ игрѣ Чаплина. Но разговорная рѣчь испортила-бы его образъ. Во всякомъ случаѣ передъ Чаплинымъ, этимъ высшимъ выраженіемъ нѣмого кинематографа, — трудная и почти неразрѣшимая задача. Перехожу къ персонажамъ «Пюбли-Сине», къ низшей сферѣ нѣмого искусства, для которыхъ звучащія фильмы оказались волшебно-животворящими.

DESSINS ANIMES

Вѣроятно, у многихъ, не только у дѣтей, съ любопытствомъ разглядывающихъ нотный листъ, появляется иногда ощущеніе страннаго и особаго бытія нотныхъ знаковъ. Кажется по временамъ, что эти палочки, кружки, закорючки, всѣ діэзы, бемоли, всѣ до, ми, фа, соль... — не только показываютъ какую ноту взять, но и являются образами живыхъ существъ, и что до діэзъ, можетъ быть, изображаетъ не только звукъ, но и цвѣтокъ съ пчелой надъ нимъ. Весь этотъ міръ расколдованъ сейчасъ движущимися звуковыми рисунками, едва-ли не самымъ безспорнымъ, пока что, завоеваніемъ звукового синема. Фееріи достойныя Э. Т. А. Гофмана, разыгрываются картонными героями, изъ которыхъ каждый является непрерывнымъ развоплощеніемъ какихъ-то нотныхъ знаковъ и вызываетъ

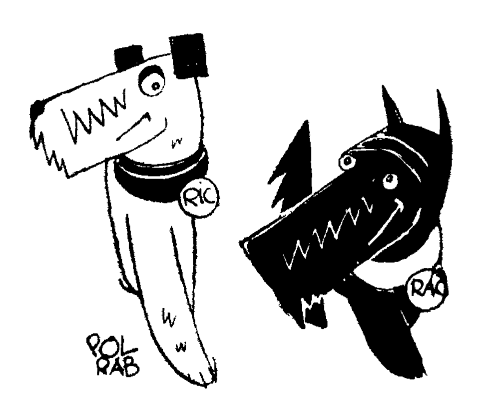

Эклога *Eclogue*

вокругъ звуки и шумы, необычайно подходящіе къ внѣшнему виду сказочныхъ: Мики, медвѣдя, попугая, Ратапуаля (онъ же «Феликсъ») къ цвѣтамъ, роялю и др. каррикатурамъ растеній, предметовъ, умѣющихъ двигаться, плясать, превращаться другъ въ друга и при этомъ звучать и пѣть. Еще до появленія звуковыхъ картинъ, возражая на статью В. И. Поля я писала, что связь кинематографа и музыки не случайна и что изъ соединенія ихъ сможетъ получиться нѣчто новое. Я рѣшаюсь напомнить объ этомъ не для того, чтобы искать похвалъ за «сбывшееся предсказаніе» (оно, кстати, хоть и сбылось, да не совсѣмъ). Мнѣ хочется сказать, что и безъ звуковыхъ картинъ можно было говорить о музыкальномъ ритмѣ хорошей фильмы. Ритмично чередуются кусочки разбитаго дѣйствія, ритмична нѣмая игра артистовъ, ихъ мимика и жесты. Отсюда — одинъ шагъ къ тому чтобы лента зазвучала, чтобы дѣйствіе слилось съ шумомъ, мелодіей, звукомъ. Но до недавняго времени картонныя фигурки еще молчали и допускались больше въ отдѣлы объявленій. Лишь постепенно ихъ художественное зна-

ченіе оказалось большимъ, чѣмъ прикладное. Но по настоящему они стали жить только тогда, когда получили голосъ. Странное это явленіе — хотя къ нѣмому кинематографу какъ будто нѣтъ уже возврата, но пока что разговорная или звуковая фильма (за двумя-тремя исключеніями, изъ которыхъ самое яркое — «Sous les toits de Paris» — Ренэ Клэра) не плѣняетъ, не убѣждаетъ. Публика уже увлечена новымъ видомъ кинематографическаго искусства, но критикуетъ его и не можетъ не чувствовать всѣхъ вопіющихъ уродствъ въ новыхъ разговорныхъ и звуковыхъ картинахъ.

Но движущіеся, звуковые рисунки у всѣхъ вызываютъ, если не восторгъ, то сознаніе, что здѣсь, въ этой, быть можетъ, ограниченной области — сліяніе музыки и синема безупречно.

РИКЪ И РАКЪ

Мнѣ кажется, что очень скоро среди «dessins animés» появятся и займутъ почетное мѣсто — Рикъ и Ракъ. Слишкомъ ужъ явный и большой успѣхъ выпалъ на ихъ долю.

Но откуда этотъ успѣхъ? Отчего ихъ изображенія всюду — на портсигарахъ, бумажникахъ, на столбцахъ газеты, названной ихъ именемъ

и. кажется, усердно читаемой. Отчего именами Рика и Рака названы модели лучшихъ платьевъ у лучшихъ портныхъ, отчего фигурки ихъ — изъ фарфора, изъ драгоцѣнныхъ камней — встрѣчаешь повсюду, что это? Преходящее увлеченіе? Отчасти да, но только отчасти. Есть и самая живая, неподдѣльная симпатія къ очаровательно уродливымъ Рику и Раку. Одинъ поэтъ, тонкій и глубокій, увѣрялъ меня, что зрѣлище обыкновеннаго чернаго Рака освѣжаетъ его любопытство къ природѣ, заражаетъ его необъяснимымъ чувствомъ веселости и животной теплоты.

Какіе-то люди терпѣливымъ усиліемъ, въ питомникахъ, создавали новый типъ собаки, полюбившейся всѣмъ своимъ особеннымъ уродствомъ. Но надо сознаться, что порознь Рикъ и Ракъ никогда не стали бы такъ знамениты и такъ... модны.

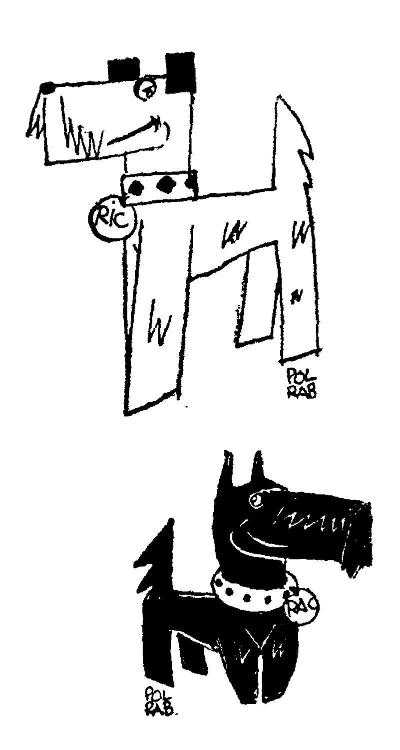
Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о какомъ-либо серьезномъ значеніи ихъ успѣха, я не пишу этихъ строчекъ въ угоду людей помѣшанныхъ на своей любви къ собакамъ и кажется, не имѣющихъ интереса къ другимъ вещамъ и явленіямъ. Мнѣ ясно, что въ категоріи цѣнностей мѣсто Рика и Рака не столь ужъ высоко. Но можно отзываться и на малыя явленія и можно по своему ихъ любить. Съ этой оговоркой я хочу отдать дань изобрѣтательности и таланту Поля Раба, который принесъ настоящую славу Рику и Раку. Конечно, для этой славы все было подготовлено тѣми анонимами, которые въ теченіе долгихъ лѣтъ культивировали и выходили эти двѣ разновидности собачьей породы. Но счастливая идея сопоставить Рика и Рака, объединивъ ихъ родственными кличками, принадлежитъ Полю Рабу.

Поль Рабъ выразилъ Рика и Рака въ линіяхъ, и безчисленные эти рисунки говорятъ какъ художникъ полюбилъ у Рака непропорціональность слишкомъ большой головы и слишкомъ короткихъ ногъ при длинномъ туловищѣ, и у Рика — его деревянныя, высокія, какъ бы негнущіяся лапы и туловище, увѣнчанное небольшой тупоносой и легкой головою.

Не умѣя объяснить себѣ, почему, я тоже принадлежу къ поклонникамъ Рика и Рака.

Можетъ быть все это увлеченіе — просто желаніе имѣть новыхъ фетишей. Можетъ быть, Рикъ и Ракъ, въ какой то малой степени служатъ той же человѣческой потребности которая породила въ свое время тотемизмъ и такъ какъ въ наши дни европейцы не стали бы поклоняться свя-

щенной ящерицѣ, священному быку или другому животному вызывавшему въ свое время и еще вызывающему кое-гдѣ родъ религіознаго почитанія (особенно на востокѣ), то и роль Рика и Рака болѣе скромная. Ихъ жизнь окружена свѣтскимъ успѣхомъ, а не мистическимъ поклоненіемъ. Такъ вѣроятно и лучше и справедливѣй.

По рецензіямъ

Прежде всего — названіе. Ужасно много хлопотъ доставило названіе журнала нашимъ критикамъ. «Числа»? Что значитъ «Числа»? На какомъ основаніи — «Числа»? Въ какомъ смыслѣ — «Числа»? Отчего не «Зарубежныя записки», не «Свѣтлыя зори», не «Вдали отъ родины», напримѣръ? Догадкамъ не было конца. Одни рѣшили, что названіе навѣяно Библіей и усмотрѣли въ программѣ журнала «библейскія настроенія». Другіе вспомнили Пиѳагора... Третьи принялись искать, нѣтъ ли въ журналѣ математическаго отдѣла.

Если нашихъ рецензентовъ названіе журнала такъ интересуетъ, мы имъ охотно дадимъ нужное объясненіе когда нибудь, пріотворимъ, такъ сказать, дверь въ область тайны... А пока вспомнимъ двухъ русскихъ поэтовъ. Во-первыхъ Блока:

Я отворю... Но пусть немного
Еще помучается онъ!

Затѣмъ — Пушкина. Онъ, помнится, любилъ названія, «которыя ничего не значатъ».

Особенно тепло отнеслись къ «Числамъ» въ Варшавѣ. Еще до выхода журнала, въ газетѣ «За свободу» появилась большая глубоко - прочувствованная статья о немъ. Писалъ г. Петръ Міусовъ изъ г. Кшивда. Уже тогда онъ счелъ нужнымъ отмѣтить, что «Числа» издаются на бумагѣ Альфа. Съ тѣхъ поръ, что бы о «Числахъ» въ «За Свободу» ни писали, бумага Альфа упоминалась неизмѣнно. Подражая леонидо - андреевской проституткѣ, варшавская газета на своей сѣрой оберточной бумажкѣ вопрошала «Числа»: какъ вы смѣете быть хорошими, когда я плохая? Бываютъ разные снобизмы. Есть, очевидно, и снобизмъ нищеты. Надо впрочемъ сказать, что подъ перомъ г. Философова, съ бумагой Альфа, успѣшно соперничало имя г-жи Даманской. Но къ этому давно всѣ привыкли. Что дѣлать, это болѣзнь! Г-жа Даманская не даетъ г. Философову покоя, онъ бредитъ ею уже много лѣтъ, волшебный призракъ ея мерещится ему всюду. Начать г. Философовъ можетъ съ чего угодно, кончитъ онъ непремѣнно г-жей Даманской. Любопытнѣйшій клиническій случай представляетъ собою вообще теперешнее состояніе г. Философова. Поговоримъ серьезно. Отъ довольно преклонныхъ уже и напрасно растраченныхъ лѣтъ своихъ, отъ нестерпимаго варшавскаго захолустья, отъ отсутствія вліянія на кого либо и что либо, и — не сомнѣваемся! — отъ всѣхъ русскихъ несчастій и крушеній, ему сейчасъ хочется только одно: биться головой о стѣну, — и всѣхъ тѣхъ, кто о стѣну головой не бьется, онъ называетъ дураками и пошляками. Состояніе внушаетъ жалость, даже сочувствіе. Но не слѣдуетъ въ умоизступленіи редактировать газету. Не надо писать статьи. Съ больными людьми неловко спорить. Намъ неловко г. Философову отвѣчать.

Другое дѣло г. Нальянчъ изъ той же «За Свободу». Это человѣкъ крѣпкій, здоровый, молодцеватый. Онъ разсуж-

даетъ о стихахъ. Ему нравится въ стихахъ добротная техника, яркіе образы, звонкія рифмы. Все что было въ русской поэзіи въ послѣдніе годы прошло мимо него, все, даже, что было въ мірѣ... Онъ «не подозрѣваетъ», какъ говорили когда-то о такихъ юношахъ въ Петербургѣ. Его сужденія смѣлы, — но прежде чѣмъ высказывать ихъ, г. Нальянчъ: пройдите краткій курсъ литературной грамотности! Помните вообще, что рѣчь серебро, а молчаніе золото. Не высказывайтесь о живописи. Если вамъ больше нравится Самокишъ - Судковская, чѣмъ Ларіоновъ или Шагалъ, то молчите объ этомъ, ради Бога.

Г. Ходасевичъ изъ газеты «Возрожденіе» подозрѣваетъ, конечно. Онъ о звонкихъ рифмахъ не говоритъ. Но его статья, полная намековъ «слишкомъ хорошо понятныхъ литературнымъ кругамъ» (выраженіе самого г. Ходасевича) написана какъ будто только для того, чтобы публично продемонстрировать, что живъ еще Иванъ Ивановичъ, что ему все еще хочется «добре шмартовать барбарами» Ивана Никифоровича, что Парижъ ничѣмъ не уступаетъ Миргороду, что лишь по счастливой случайности какая нибудь бурая свинья не гащитъ его рукописей со стола редактора «Возрожденія» и что вообще «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!». Впрочемъ, одинъ проницательный человѣкъ замѣтилъ, что если бы всѣ маститые Иванъ Иванычи примирились со всѣми Никифоровичами, то это было бы концомъ и смертью русской эмиграціи. Успокоимся, въ такомъ случаѣ: русская эмиграція живетъ.

Она жива. Но она оскорблена. Ее оскорбилъ въ своемъ разсказѣ «Тринадцатые» Яновскій и г.Loллій Львовъ требуетъ въ «Россіи и Славянствѣ» къ отвѣту редакторовъ «Чиселъ» за ихъ преступное попустительство. Отъ имени «всего нашего Зарубежья» выступаетъ г. Лоллій Львовъ. Его голосъ дрожитъ отъ волненія. «Чудовищныя непристойности», «неслыханныя гадости» еле переводя духъ, повторяетъ г. Лоллій Львовъ. Признаемся, редакція поступила опрометчиво, напечатавъ разсказъ Яновскаго. Она совсѣмъ забыла предостереженія предшественника г. Лоллія Львова, Фаддѣя Булгарина. Булгаринъ, еще сто лѣтъ назадъ, писалъ въ одной изъ своихъ рецензій: «Все это прекрасно, господа, но дамы! Вѣдь повѣсть эта можетъ попасться дамамъ! Что же скажутъ дамы?» Мы забыли о дамахъ.

Въ той же газетѣ г. Глѣбъ Струве испугался за Пушкина. «Числа» противъ Пушкина ведутъ будто бы походъ, да и не только противъ Пушкина, а противъ «русской культуры, русской государственности, противъ всей новѣйшей исторіи Россіи». Дѣйствительно, Россіи и Пушкину отъ сотрудниковъ «Чиселъ» угрожала смертельная опасность. Но теперь, разъ на защиту ихъ всталъ г. Глѣбъ Струве, наши патріоты и пушкинисты должны спать спокойно.

Наконецъ, въ «Рулѣ» г. Савельевъ, «нѣкто г. Савельевъ», какъ принято писать о незнакомцахъ, пространно, подробно, туманно, безцвѣтно, монотонно и вяло доказываетъ что беллетристы — сотрудники «Чиселъ» пишутъ все-таки не такъ хорошо, какъ Марсель Прустъ. Однако, въ заключеніе, г. Савельевъ признается, что журналъ нашъ «радуетъ его глазъ». Порадуемся за глазъ г. Савельева.

К.

Объ Андреѣ Бѣломъ *

Къ 50-лѣтію со дня рожденія

— Что побѣдило въ Россіи? Не будемъ ломать голову надъ этимъ. Позвольте лучше съимпровизировать миѳъ.

Сначала поднялось чувство — Керенскій, и бездна прогрохотала: нѣтъ.

Потомъ воля — Корниловъ, и бездна прогрохотала: нѣтъ.

Наконецъ поднялось нѣчто третье — сила жизни, и бездна прогрохотала: да!

Такъ какъ подъ силой жизни Андрей Бѣлый разумѣетъ большевиковъ, аудиторія Дома Искусствъ безмолвствуетъ. Для присутствующихъ въ залѣ коммунистовъ образы знаменитаго символиста слишкомъ темны и сложны, для некоммунистовъ — чужды.

Предсѣдатель объявляетъ перерывъ.

Бѣлый искательно устремляется къ Блоку.

— Ну, какъ, Саша, очень плохо?

Блокъ улыбается добродушно и смущенно.

— Да нѣтъ же, совсѣмъ не плохо.

Рядомъ съ чуть чуть деревяннымъ, спокойнымъ и отсутствующимъ лицомъ Блока еще рѣзче выступаетъ нервное, страстно оживленное и безпокойно пытливое лицо Бѣлаго. Какъ не выдѣлить изъ тысячи страстную фигуру лектора съ растрепанными сѣдѣющими волосами вокругъ плѣши, прикрытой черной ермолкой, съ разлетающимися фалдами сюртука и съ широко отставленными отъ туловища руками.

Бѣлый держится, наклоняясь впередъ, подъ угломъ, какъ будто сейчасъ побѣжитъ на собесѣдника.

Если бы скульпторъ хотѣлъ создать аллегорическую фигуру подъ названіемъ «Безпокойство», онъ могъ бы, ничего не прибавляя, лѣпить Бѣлаго.

Во всемъ, въ каждомъ жестѣ, въ интонаціяхъ, въ выборѣ словъ, въ дѣятельности писательской и научной, во всемъ рѣшительно, Бѣлый былъ всегда и сейчасъ остался безпокойнѣйшимъ изъ существъ.

— Святое безпокойство — говорилъ Гете.

Безпокойство болѣзненное — можно сказать о Бѣломъ.

Вчитываясь въ то, что создано этимъ блестящимъ и плодовитымъ писателемъ, кажется, не трудно понять въ чемъ его несчастіе.

По Бѣлому всякое человѣческое «я» заключаетъ въ себѣ все многообразіе земной жизни. Мудрено ли, что собственное я, сложное и очень разностороннее, заслонило отъ Бѣлаго все живущее.

«Есть въ развитіи такой мигъ, когда **Я** сознаетъ себя господиномъ міра... Я, я, я, я, я, я, я, я, прогудѣло по мощнымъ вселеннымъ» (Записки чудака).

Бѣлый никогда никого не слушаетъ, онъ удваиваетъ свое «я», утысячеряетъ его, созерцаетъ и слушаетъ въ себѣ самомъ и себя и собесѣдника и толпу и цѣлый народъ.

Всѣ эти особенности полугеніальнаго «чудака» не мѣшаютъ ему быть однимъ изъ самыхъ значительныхъ писателей нашего времени.

Главная сила Бѣлаго, мнѣ кажется, въ томъ, что каждое его слово и каждый жестъ ежесекундно напоминаютъ о «бездонномъ провалѣ въ вѣчность».

---

*) Отрывки изъ книги воспоминаній, подготовленной къ печати и выходящей въ ближайшее время въ издательствѣ «Чиселъ».

Все у него на сквознякѣ, все угрожаетъ рухнуть куда - то. По своему Бѣлый громче кого бы то ни было кричитъ: «помни о смерти».

Если у читателя хватитъ терпѣнія добраться хотя бы до середины одной изъ «Симфоній» или «Серебрянаго голубя» или даже «Москвы подъ ударомъ» — у него начинаетъ кружиться голова.

Самые устойчивые предметы, самыя тяжеловѣсныя понятія, подхваченныя какимъ то вихремъ, начинаютъ кружиться въ пространствѣ.

Среди современниковъ Бѣлаго мало кто, говоря о немъ, не обмолвится: «чудакъ». Скажетъ и не это: «фальшивый человѣкъ», «фигляръ» и еще болѣе непріятныя клички нерѣдко сосѣдствуютъ съ именемъ Бѣлаго.

Но почти каждый изъ его ругателей неизмѣнно добавляетъ: «а все - таки это писатель почти геніальный».

Строгій и сухой на похвалу Гумилевъ говаривалъ о Бѣломъ:

«Этому писателю данъ геній».

И всегда при этомъ добавлялъ:

«Но геній свой онъ умудрился погубить».

Вдохновенныя писанія Бѣлаго въ самомъ дѣлѣ — свидѣтельство какой - то катастрофы; несмотря на всѣ свои достоинства, они всегда поражаютъ какимъ либо изъяномъ.

Блестящія, но математически отвлеченныя схемы, замѣчательная, но утомительная игра словъ и созвучій и главное, рѣдкое по силѣ чувство неустойчивости и относительности всего на свѣтѣ — вотъ приблизительно главныя слагаемыя сочиненій этого писателя.

Въ суммѣ получается нѣкая очень значительная дробь, но не цѣлое число. Какого то слагаемаго Бѣлому не хватаетъ.

Какого?

Вѣроятнѣе всего: вниманія къ реальности.

Часто «презрѣннымъ» бытовикамъ удается уловить и запечатлѣть простѣйшее дыханіе жизни.

Бѣлому это удается очень рѣдко. Только говоря о Россіи, онъ почти всегда находитъ слова, «ударяющія по сердцамъ».

Поѣздъ плачется: въ дали родныя
Телеграфная тянется сѣть,
Пролетаютъ поля росяныя,
Пролетаю въ поля: умереть.
Пролетаю: такъ пусто, такъ голо!
Пролетаютъ—вонъ тамъ, и вотъ здѣсь
Пролетаютъ: за селами села...
Пролетаютъ: за весями весь...

Удивительна для Бѣлаго простота этихъ строчекъ. Обыкновенно у него все сложно и вычурно. Играющій на рояли, — яркаетъ граціей, яркой градаціей,—сумасшествіе для Бѣлаго «съ ума сшествіе» «нисхожденіе голубя Я на безумное».

Но приводить примѣры, подобные этимъ, значило бы выписать почти всю прозу этого сложнаго и подчасъ утомительнаго писателя.

Мучительно было встрѣчаться съ Бѣлымъ въ Берлинѣ. По многимъ причинамъ онъ былъ еще растеряннѣе, чѣмъ обычно. Чтобы заглушить очень сложныя и мучительныя огорченія и сомнѣнія, Бѣлый пустился плясать фоксъ-троты. Причины этихъ его увлеченій танцами были многимъ понятны, и никому не приходило бы въ голову смѣяться, если бы онъ пытался объяснить свое «веселье» какими то высшими соображеніями.

По словамъ Блока, Вячеславъ Ивановъ, чтобы повернуться на стулѣ, долженъ былъ обязательно какъ то по особому объяснить свое движеніе.

О Бѣломъ сказать то же самое было бы еще справедливѣе. Въ этомъ мнѣ пришлось удостовѣриться въ Берлинѣ.

Въ двухъ залахъ танцуютъ. За грохотомъ джазбанда едва слышишь слова собесѣдника.

Мелькаютъ лица солидныхъ толстяковъ, оттанцовывающихъ фокстротъ, проносятся фигуры женщинъ: типичныя берлинскія фигуры могучихъ Амалій и Марихенъ.

Внезапно въ толпу танцующихъ изъ сосѣдняго маленькаго зала входитъ, почти вбѣгаетъ странный человѣкъ съ лицомъ безумнымъ и вдохновеннымъ. Его длинные полусѣдые волосы вьются вокругъ большой лысины, онъ разгоряченъ и бѣжитъ къ буфету, наклоняясь впередъ всѣмъ тѣломъ и головой и улыбаясь своей медовой чуть - чуть сумасшедшей улыбкой.

Не успѣваетъ онъ пристроиться къ буфетной стойкѣ, какъ рядомъ съ нимъ появляются двѣ Марихенъ. Онѣ хватаютъ его съ двухъ сторонъ за руки и кричатъ:

«Herr Professor, Herr Professor, aber kommen sie doch tanzen..».

Бѣлый (это онъ), не успѣвая освѣжиться лимонадомъ, вновь бѣжитъ танцевать.

По дорогѣ онъ замѣчаетъ нашъ столикъ и, на минуту оставивъ Марихенъ, присаживается къ намъ.

— Удивляетесь, что я танцую? — спрашиваетъ онъ.

— Да нѣтъ, нисколько, это вполнѣ естественно.

— Можетъ быть, но я полюбилъ эти танцы, потому что въ нихъ дикій зовъ древности, разрывы временъ, вы понимаете?

Ничего у Бѣлаго не просто. Въ самомъ дѣлѣ и на стулѣ не можетъ повернуться просто такъ, чтобы повернуться. Непремѣнно по самымъ высокимъ соображеніямъ.

Бѣлаго можно бы назвать олицетвореніемъ переходной эпохи. Онъ успѣваетъ всего коснуться, но не успѣваетъ быть хозяиномъ одной какой либо идеи, одного чувства.

Все мелькаетъ передъ нимъ и въ немъ. Онъ слишкомъ многихъ понимаетъ, слишкомъ многому сочувствуетъ: всюду умѣетъ оставить частицу своего «я», но собрать въ одно цѣлое разбросанныя и разрозненныя частицы этого «я» ему не удается.

Футуристы учились у Бѣлаго.

Формалисты обязаны ему своимъ существованіемъ.

Стилистическія новшества нынѣшнихъ Пильняковъ — подражаніе Бѣлому.

Но развѣ не трагична судьба большого писателя, творчество котораго стало лишь матеріаломъ для новыхъ поколѣній?

Николай Оцупъ

Вечеръ у Анненскаго

отрывокъ

Въ Царское Село мы пріѣхали съ однимъ изъ позднихъ поѣздовъ. Падалъ и таялъ снѣгъ, все было черное и бѣлое. Какъ всегда, въ первую минуту удивила тишина и показался особенно чистымъ сырой, сладковатый воздухъ. Извощикъ не торопился. Городъ уже наполовину спалъ и таинственнѣе, чѣмъ

днемъ была близость дворца: недоброе, неблагополучное что - то происходило въ немъ — или еще только готовилось, — и городъ не обманывался, оберегая пока было можно свои предчувствія отъ остальной безпечной Россіи. Царскоселы всѣ были чуть - чуть посвященные и какъ будто связаны круговой порукой.

Кабинетъ Анненскаго находился рядомъ съ передней. Ни одинъ голосъ не долеталъ до насъ, пока мы снимали пальто, приглаживали волосы, медлили войти. Казалось, Анненскій у себя одинъ. Гости, которыхъ онъ ждалъ въ этотъ вечеръ и Гумилевъ, который долженъ былъ поэту насъ представить, повидимому еще не пришли.

Дверь открылась. Всѣ уже были въ сборѣ. Но молчаніе продолжалось. Гумилевъ оглянулся и всталъ намъ навстрѣчу. Анненскій съ какой-то привычной, механической и опустошенной любезностью, привѣтливо и небрежно, явно отсутствуя и высокомѣрно позволяя себѣ роскошь не считаться съ появленіемъ новыхъ людей, — или понимая, что именно этимъ онъ сразу выдастъ имъ «дипломъ равенства», — Анненскій протянулъ намъ руку.

Онъ уже не былъ молодъ. Что запоминается въ человѣкѣ? Чаще всего глаза или голосъ. Мнѣ запомнились гладкіе тускло сіявшіе въ свѣтѣ низкой лампы волосы. Анненскій стоялъ въ глубинѣ комнаты, за столомъ, наклонивъ голову. Было жарко натоплено, пахло лиліями и пылью.

Какъ я потомъ узналъ, молчаніе было вызвано тѣмъ, что Анненскій только что прочелъ свои новые стихи

«День былъ ранній и молочно-парный. Скоро въ путь...»

Гости считали, что надо что-то сказать и не находили нужныхъ словъ Кромѣ того каждый сознавалъ, что лучше хотя бы для виду задуматься на нѣсколько минутъ и замѣчанія свои сдѣлать не сразу: имъ больше будетъ вѣсу. Съ дивана въ полутьмѣ, уже кто-то поднимался, уже повисалъ въ воздухѣ какой-то витіеватый комплиментъ, уже благосклонно щурился поэтъ, давая понять, что цѣнитъ, и удивленъ, и обезоруженъ глубиной анализа, — какъ вдругъ Гумилевъ нетерпѣливо перебилъ

— Иннокентій Федоровичъ, къ кому обращены ваши стихи?

Анненскій, все еще отсутствуя, улыбнулся

— Вы задаете вопросъ, на который сами же хотите отвѣтить... Мы васъ слушаемъ.

Гумилевъ сказалъ

— Вы правы. У меня есть своя теорія на этотъ счетъ Я спросилъ васъ, кому вы пишите стихи, не зная, думали ли вы объ этомъ.. Но мнѣ кажется вы ихъ пишите самому себѣ. А еще можно писать стихи другимъ людямъ или Богу. Какъ письма.

Анненскій внимательно посмотрѣлъ на него. Онъ уже былъ съ нами.

— Я никогда объ этомъ не думалъ

— Это очень важное различіе.. Начинается со стиля, а дальше уходитъ въ какія угодно глубины и высоты Если себѣ, то въ сущности ставишь только условные знаки, іероглифы: самъ все разберу и пойму, знаете, будто въ записной книжкѣ. Пожалуй, и къ Богу то же самое Не совсѣмъ, впрочемъ. Но если вы обращаетесь къ людямъ, вамъ хочется, чтобы васъ поняли и тогда мно-

гимъ приходится жертвовать, многимъ изъ того, что лично дорого.

— А вы, Николай Степановичъ, къ кому обращаетесь вы въ своихъ стихахъ?

— Къ людямъ, конечно — быстро отвѣтилъ Гумилевъ.

Анненскій помолчалъ.

— Но можно писать стихи и къ Богу... по вашей терминологіи... съ почтительной просьбой вернуть ихъ обратно, они всегда возвращаются, и они волшебнѣе тогда, чѣмъ другіе... Какъ полагаете вы, Анна Андреевна? — вдругъ съ живостью обернулся онъ къ женщинѣ, сидѣвшей вдалекѣ въ глубокомъ креслѣ и медленно перелистывавшей какой-то старинный альбомъ.

Та вздрогнула, будто испугавшись чего-то. Насмѣшливая и грустная улыбка была на лицѣ ея. Женщина стала еще блѣднѣй, чѣмъ прежде, безпомощно подняла брови, поправила широкій шелковый платокъ, упавшій съ плечъ.

— Не знаю.

Анненскій покачалъ головой.

— Да, да... «есть мудрость въ молчаніи», какъ говорятъ. Но лучше ей быть въ словѣ. И она будетъ.

Разговоръ оборвался.

— Что же, попросимъ еще кого нибудь прочесть намъ стихи, — съ прежней равнодушной любезностью проговорилъ **поэтъ.**

Г. А.

Нѣсколько разсужденій объ Андрэ Жидѣ и эмигрантскомъ молодомъ человѣкѣ

Когда я читалъ въ первый разъ Андрэ Жида, я подумалъ, что это продолженіе той блестящей и сухой французской литературы «tout à fait spirituelle», которая очаровываетъ умъ какъ волшебная собака Тристана и Изольды, но часто кажется пребывающей въ такой же абстрактной пустотѣ, какъ геометрія Лобачевскаго, и не ищущей реальнаго знанія. И только потомъ я сталъ понимать, что книги Жида это разсказъ о поискахъ пути изъ ложности этой пустоты въ истинную жизнь. Конечно онѣ остаются книгами идей, умственными построеніями, и какъ всѣ человѣческія вещи являются архитектурными геометрическими формами, но ткань ихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ становится настолько чистой и прозрачной, что черезъ нее видна кристальная и вѣчная, движущаяся вода жизни.

Сейчасъ я не собираюсь писать критическую замѣтку о Жидѣ. Во-первыхъ я не чувствую себя «квалифицированнымъ» для этого, а потомъ въ маленькой статьѣ опасно осуждать чужую душу.

Моя цѣль — на рядѣ цитатъ, неизбѣжно упрощая и искажая, представить, демонстрировать трагическое стремлеленіе сознанія Жида изъ пустоты въ реальную жизнь.

Повидимому самому Жиду хорошо знакомо холодное отчаянье человѣческаго ума передъ невозможностью найти двери въ жизнь, передъ неизвѣстностью, гдѣ находится дерево

жизни. Вотъ что онъ говоритъ въ «Paludes».

«Что я вижу?

— Проходятъ три торговца зеленью.

— Уже — автобусъ...

— Швейцаръ мететъ передъ крыльцомъ.

— Лавочники прихорашиваютъ витрины.

— Кухарка идетъ на рынокъ.

— Школьники идутъ въ школу.

— Кіоски принимаютъ газеты. Торопящіеся люди ихъ покупаютъ.

— Въ кафэ разставляютъ столики

Боже мой! Боже мой! Почему Анжель не здѣсь теперь! Я снова рыдаю — я думаю что это отъ нервовъ; — рыданія подступаютъ при перечисленіи каждой вещи. И потомъ, я чувствую ознобъ! — А! ради любви ко мнѣ закроемъ окно Этотъ воздухъ утра пронизываетъ меня холодомъ.

— Жизнь — жизнь другихъ людей — вотъ это и есть жизнь? — видѣть жизнь! Что же однако значитъ: жить!.. И что можно сказать о жизни другое? Восклицанія. — Теперь я сталъ чихать; какъ только моя мысль останавливается и я начинаю наблюдать, мнѣ становится холодно».

Для того, чтобы прослѣдить по книгамъ Жида, какъ въ его сознаніи совершается «критика чистаго разума», потребовалось бы очень серьезное и отвѣтственное изслѣдованіе, тѣмъ болѣе трудное, что хотя романы Жида являются романами идей, къ нимъ примѣнимы слова самого Жида о Достоевскомъ· «его идеи почти никогда не бываютъ абсолютны; онѣ выражаютъ лишь состояніе его персонажей».

Я не имѣю возможности произвести такое изслѣдованіе и долженъ довольствоваться весьма поверхностными и приблизительными догадками. Повидимому такъ же хорошо какъ Бергсонъ, Жидъ знаетъ, что на самый главный вопросъ смущающій человѣка — что такое жизнь? Что такое значитъ жить? (вопросъ который можетъ поставить только умъ) — умъ одинъ никогда не можетъ найти отвѣта, такъ какъ знаніе, которое онъ даетъ въ метафизикѣ, есть знаніе внѣшнее, формальное и пустое, не становящееся неотъемлемой частью реальности.

Въ приведенной мною выше цитатѣ изъ «Paludes», необыкновенное значеніе имѣетъ то, что человѣкъ, отъ имени котораго ведется разсказъ, смотритъ на жизнь изъ окна, то есть издали, со стороны, изъ какого то внѣшняго, въ отношеніи жизни, пространства, и что жизнь представляется ему какими то отдѣльными, смѣняющими другъ друга, какъ въ кинематографѣ, необъяснимыми, далекими, какъ бы «двухмѣрными» картинами. Онъ чувствуетъ, что жизнь отдѣлена отъ него какой то преградой, какимъ то пространствомъ, что онъ не можетъ прикоснуться къ ней, войти внутрь ея, ощутить ее въ себѣ. Она проходитъ мимо его ума, какъ вода течетъ мимо губъ Тантала. Этотъ моментъ, когда въ человѣкѣ останавливается сосредоточенный ходъ мыслей или разсѣянное теченіе мечтаній и вдругъ, какъ очнувшійся лунатикъ, онъ видитъ, что находился въ какой то абстрактной мертвой пустотѣ и со страхомъ начинаетъ искать вокругъ себя и въ себѣ истинную жизнь, еще съ большей силой изображенъ въ «Имморалистѣ».

Но все таки гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, въ какомъ измѣреніи Жидъ искалъ жизнь

и спасеніе? Здѣсь мы подходимъ къ самому центру мысли Жида, къ его книгамъ «Достоевскій» и «Numquid et tu». Самъ Жидъ, кажется, отрекся отъ этихъ книгъ, и я слышалъ, что въ критикѣ ихъ принято считать слабоватыми. Меня же эти книги волнуютъ больше всего, что написано Жидомъ. Во всякомъ случаѣ, для моей сегодняшней темы онѣ имѣютъ необыкновенное значеніе.

Въ душахъ героевъ Достоевскаго Жидъ различаетъ три зоны, три области· верхняя — зона ума, чуждая душѣ, но изъ которой рождаются самыя страшныя искушенія. Средняя — зона страстей; и, наконецъ, нижняя, самая глубокая, которую не могутъ потрясти даже трагическія страсти и событія. Жидъ говоритъ: «именно эта зона намъ позволяетъ достигнуть съ Раскольниковымъ воскресенія, (я придаю этому слову смыслъ, который ему придаетъ Толстой) второго рожденія, о которомъ говоритъ Христосъ», и дальше: «эта глубокая зона вовсе не адъ, а наоборотъ, небо души».

Возвращеніе въ эту нижнюю, внутреннюю зону души изъ внѣшнихъ зонъ ума и страстей и есть для Жида путь спасенія, путь возвращенія въ рай, въ реальную и абсолютную жизнь, «въ радость Господина Твоего».

Главная идея Жида, что этотъ путь указанъ въ словахъ Спасителя: «Истинно, истинно говорю вамъ: если пшеничное зерно, падши въ землю не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода». «Любящій душу свою потеряетъ ее; а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную», и что это возвращеніе въ вѣчную жизнь связано съ исчезновеніемъ времени, съ сліяніемъ отдѣльнаго человѣка съ всеобщей жизнью и происходитъ не въ будущемъ, а немедленно, еще на землѣ. Но предоставимъ слово самому Жиду: «Состояніе радости, которое мы находимъ въ Достоевскомъ не то же ли самое, которое намъ предлагаетъ Евангеліе; это состояніе, въ которое намъ позволяетъ войти то, что Христосъ называетъ новымъ рожденіемъ, это блаженство, которое достигается только черезъ отреченіе отъ всего, что въ насъ есть индивидуальнаго; такъ какъ именно привязанность къ самимъ себѣ намъ мѣшаетъ погрузиться въ Вѣчность, войти въ царствіе Божіе и причаститься не имѣющаго твердыхъ очертаній ощущенія всемірной жизни... Вѣчная жизнь можетъ уже теперь во всей полнотѣ пребывать въ насъ. Мы въ ней живемъ съ момента, когда мы соглашаемся умереть для самихъ себя, соглашаемся добиться отъ себя отреченія, которое намъ немедленно позволяетъ воскреснуть въ вѣчность».

Я думаю, что здѣсь Жидъ подходитъ къ самому важному моменту своей жизни, къ моменту, когда въ сознаніи человѣка укрѣпляется непреложное знаніе, что всѣ рѣшенія вопроса, какъ жить, есть только разные «модусы вивенди», построенные на компромиссѣ между нравственнымъ чувствомъ и эгоизмомъ и что единственный путь — есть путь христіанскій. Вѣроятно, втайнѣ каждый человѣкъ знаетъ, что это единственный и высшій путь. И больше — человѣкъ почти уже готовъ отказаться отъ своей индивидуальности и войти въ тѣсныя врата ведущія въ абсолютную жизнь. Здѣсь даже является предчувствіе страшной близости момента, когда вдругъ будетъ освобождена какая то невѣроятная сила, которая рас-

плавнтъ косность міра и потрясетъ всѣ законы необходимости. Нѣчто похожее на то, когда мы пытаемся представить, что будетъ, если найдутъ способъ освобождать энергію атомовъ. И все-таки, несмотря на ясность убѣжденія, на предчувствіе, что сейчасъ, черезъ мгновеніе, съ потрясающей снлой все озарится небывалымъ свѣтомъ и станетъ постижимой «ноуменальная сущность» вещей, человѣкъ не входитъ въ ворота реальной н вѣчной жизни. Онъ произносить слова нстины, онн сохраняютъ свой логическій смыслъ, но уже какъ бы не имѣютъ содержанія, становятся только колебаніямн воздуха и ничего не измѣняютъ. Все остается попрежнему необъясннмымъ и совершающимся по своей неизвѣстной, темной судьбѣ. Въ «Numquid et tu» Жидъ пншетъ:

«Я оставилъ мои чтенія и эти благочестивыя упражненія, которыя мое сухое и разсѣянное сердце уже больше не одобряло. Не видѣть въ ннхъ ничего кромѣ комедіи, и при этомъ безчестной комедіи, въ которой я убѣждаю себя опознать игру Дьявола — вотъ что нашептываетъ моему сердцу Дьяволъ»

Здѣсь открывается одно изъ самыхъ трагнческнхъ сомнѣній человѣческаго сознанія. Въ минуту самаго высокаго и свѣтлаго подъема вѣры Богъ какъ бы смѣется надъ человѣкомъ. Человѣкъ вдругъ видитъ, что само ощущеніе своей праведности и спасенія лицемѣрно, ни на чемъ не основано, не соотвѣтствуетъ ничему реальному. Человѣкъ говоритъ: «я отрекаюсь отъ моей души», но даже не можетъ вообразить, что э т о значнтъ. Не только осуществленіе этой ндеи непосильно для большинства людей, но самая эта идея не можетъ быть представлена человѣческнмъ умомъ.

Я думаю, что въ душѣ почти каждаго человѣка существуютъ одновременно и Іовъ и шарлатанъ въ высшемъ смыслѣ, почти пророкъ. Іовъ видя, что самая страстная вѣра не можетъ потрясти міра, съ усталостью сознаетъ, что всѣ мольбы обращались ни къ кому, къ чему то слѣпому и не отвѣчающему, что вся метафизика — только «безчестная комедія», такъ какъ ей ничто реально не соотвѣтствуетъ, и что о Богѣ нельзя говорить, что Онъ просто есть изъ чувства внутренней порядочности. Шарлатанъ тоже знаетъ о себѣ, что нѣтъ ннкакихъ основаній предполагать, что онъ въ отличіе отъ другихъ людей имѣетъ какое то реальное метафизическое знаніе и обладаетъ какимн то недоступными обыкновенному человѣческому уму доказательствами истины.

И вотъ Жидъ — былъ близокъ къ почти пророческому шарлатанству, и, все-таки не сталъ пророкомъ Онъ не пытался какъ Толстой силой превратить въ вѣру сердца свое умственное убѣжденіе, что Хрнстосъ есть дверь въ жизнь Странно, что въ своихъ размышленіяхъ о Евангеліи онъ ни разу не останавливается на словахъ. «Что вы зовете меня Господи! Господи! И не дѣлаете того, что я говорю?» Можетъ быть ему просто стало скучно по настоящему стремиться въ вѣчную жизнь. Я чувствую, что эта догадка имѣетъ вульгарный характеръ. Но вѣдь въ самомъ дѣлѣ, возможно, что Жидъ вдругъ, какъ герой «Сна смѣшного человѣка», почувствовалъ, что ему в с е р а в н о было бы существовалъ-ли бы міръ, или если бы нигдѣ ничего не было! Вообще здѣсь возможны только самыя отдаленныя предположенія. Вотъ еще одно: хотя и зная, что умъ не можетъ дать ре-

альнаго знанія, Жидъ былъ всетаки человѣкомъ умственной гордости и не могъ повѣрить въ какое то знаніе неумственное, превышающее умъ.

Я знаю, что многимъ, вполнѣ законно, мои разсужденія покажутся или безсмысленной и скучной ерундой, или наоборотъ общими и избитыми мѣстами. Все что я написалъ мнѣ самому представляется слишкомъ развязнымъ, предположительнымъ и случайнымъ и врядъ ли я съумѣлъ ясно выразить то, что я хотѣлъ сказать. Но это, въ концѣ концовъ, и не важно. Повторяю, моей цѣлью вовсе не было дать, хотя бы поверхностную, характеристику Жида. Я здѣсь сознательно не касаюсь всего сомнительнаго, что есть въ Жидѣ, напримѣръ, отравы, ироніи и сантиментальности, которыя чувствуются почти во всѣхъ его книгахъ. Самое подозрительное въ немъ это сладкозвучныя имена его героевъ, элегантныя патетическія восклицанія и отсутствіе наивности и доброты. Въ самыя высокія свои минуты онъ никогда не достигаетъ той любви «до истязанія души своей» и того «умиленнаго до страданія вида», которые такъ потрясаютъ сердце въ нѣкоторыхъ русскихъ книгахъ. Также я совершенно не касаюсь того, какъ въ романахъ Жида разсказывается о жизни внѣшнихъ зонъ, объ искушеніяхъ и катастрофахъ ума, о борьбѣ страстей и поискахъ настоящаго человѣка освобожденнаго отъ того искусственнаго человѣка, который создается культурой и соціальной средой, который подражаетъ общепринятому идеалу и боится остаться одинъ и быть искреннимъ (одна изъ главныхъ темъ Жида, сближающая его съ Толстымъ и Руссо).

Моей единственной цѣлью было указать въ книгахъ Жида на открытіе пути изъ внѣшней тьмы и пустоты пространства во внутрь жизни, вѣрнѣе надежду на открытіе этого пути. Именно эта мелькнувшая надежда дѣлаетъ Жида для многихъ такимъ нужнымъ и близкимъ.

Въ эмиграціи больше всего должны любить Жида совсѣмъ молодые люди, уѣхавшіе изъ Россіи еще дѣтьми, помнящіе Россію достаточно чтобы не стать иностранцами, но недостаточно долго въ ней жившіе, чтобы по примѣру старшихъ наполнить воспоминаніями о прошломъ ту фантастическую соціальную пустоту, въ которой приходится жить эмигрантамъ.

Я часто думалъ, что русскіе въ Парижѣ похожи на Декарта, для котораго шумъ улицъ Амстердама былъ какъ шумъ ручья, а люди идущіе по этимъ улицамъ, какъ деревья лѣса. Вѣдь многіе бы теперь могли написать эти слова:

«Среди толпы великаго народа, чрезвычайно дѣятельнаго и болѣе заботящагося о своихъ собственныхъ дѣлахъ, чѣмъ интересующагося чужими дѣлами, я могъ жить также одиноко и уединенно какъ въ наиболѣе отдаленной пустынѣ».

Декартъ въ этой пустынѣ съ нѣкоторымъ европейскимъ педантизмомъ, мечталъ о прекрасномъ геометрическомъ мірѣ. Для старшихъ поколѣній эмигрантовъ эта пустыня какъ Вавилонскія рѣки. Но выростаетъ новое поколѣніе эмигрантскихъ дѣтей, которые хотятъ жить, но которымъ негдѣ жить: повѣсть отцовъ становится для нихъ уже «отдаленнѣй чѣмъ Пушкинъ», а стать иностранцами они не могутъ и не хотятъ, такъ какъ все-таки родились и были въ Россіи. Вѣроятно это чисто субъ-

ективное и ошибочное мнѣніе, но мнѣ часто казалось, что въ минуту разсѣянности, въ ту минуту остановки жизни, когда человѣкъ, вдругъ, какъ бы очнувшись отъ задумчивости, съ удивленіемъ смотритъ вокругъ себя и видитъ все какъ бы въ первый разъ, такой эмигрантскій молодой человѣкъ внезапно, со страхомъ долженъ почувствовать, что онъ не помнитъ, не знаетъ гдѣ онъ находится, что у него не было настоящей жизни, что жизнь прошла мимо него, что онъ оторванъ отъ тѣла своего народа и не находится ни въ какомъ мірѣ и ни въ какомъ мѣстѣ. Здѣсь соціальная пустота сливается съ абстрактной и ужасающей метафизической пустотой. Тотъ кто хочетъ найти изъ этого мертваго пустого пространства дорогу въ жизнь, протягиваетъ свою руку невѣрнаго Фомы и въ этотъ моментъ желанія любви и страха, что подъ рукой окажется призракъ, хорошо если кто нибудь скажетъ слова съ такой силой выраженныя Розановымъ: «не вѣрь, о, не вѣрь небытію, и никогда не вѣрь Вѣрь именно въ бытіе только въ бытіе, въ одно бытіе».

Среди тѣхъ, кто можетъ помочь въ эту минуту своимъ словомъ, своей исповѣдью есть многіе большіе чѣмъ Жидъ. Но можетъ быть для современнаго молодого человѣка именно онъ говоритъ наиболѣе понятнымъ и близкимъ языкомъ. Молодому человѣку трудно сказать ему: «скучные утѣшители всѣ вы». Не потому ли это, что Жидъ самъ зналъ эту неутолимую тоску по «ноуменальнымъ вещамъ» и холодное отчаяніе передъ тѣмъ что жизнь проходитъ въ какомъ то тягостномъ оцѣпененіи, какъ пустое и нерадостное видѣніе сна. И вотъ для тѣхъ эмигрантскихъ дѣтей, которые хоть разъ въ жизни чувствовали себя героями «Paludes», Жидъ ближе и понятнѣй чѣмъ кто либо изъ современныхъ русскихъ писателей

Скажутъ, что это и есть признакъ денаціонализаціи. Но мнѣ кажется, что эмигрантскій молодой человѣкъ, съ волненіемъ читающій Жида и плохо знающій русскую географію, можетъ быть, ближе къ «великодержавному» стилю русской культуры и менѣе денаціонализированъ, чѣмъ эмигрантскій классикъ Шмелевъ, сравнившій какъ то Пруста съ Альбовымъ. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ слишкомъ многіе русскіе, вдругъ, настолько почувствовали себя въ Европѣ «стрюцкими», что серьезно стараются доказывать, что въ Россіи тоже была письменность, и вообще по улицамъ не ходили бѣлые медвѣди. Первородство русской литературы настолько утверждено именами Толстого и Достоевскаго, что врядъ ли она нуждается въ этомъ охранительномъ провинціальномъ патріотизмѣ противорѣчащемъ самому духу всеобщности, всечеловѣчности и всемірности русской культуры. Вспомнимъ слова Достоевскаго. — «всякій поэтъ — новаторъ Европы, всякій, пришедшій тамъ съ новою мыслію и съ новою силой, не можетъ не стать тотчасъ же и русскимъ поэтомъ, не можетъ миновать русской мысли, не стать почти русскою силой» И не вина эмигрантскаго молодого человѣка, что въ современной французской литературѣ больше о бытіи, о «ноуменальныхъ вещахъ», о «четвертомъ измѣреніи», чѣмъ въ русской литературѣ сегодняшняго, вѣрнѣе вчерашняго дня, и что, напримѣръ, Жидъ, несмотря на свою сомнитель-

ность, все-таки ближе къ Достоевскому чѣмъ кто либо изъ современныхъ русскихъ классиковъ.

В. Варшавскій

Синклеръ Льюисъ

Присужденіе нобелевской преміи Синклеру Льюису вызвало недовольство въ Америкѣ. Какъ извѣстно, литературные приговоры стокгольмскаго жюри, вообще, рѣдко встрѣчаютъ единодушное одобреніе на родинѣ лауреатовъ. Это иногда наводитъ на мысль, что въ установленномъ Нобелемъ порядкѣ присужденія «премій по литературѣ» кроется изначальный порокъ. Если не нужно быть нѣмцемъ, чтобы судить о научныхъ заслугахъ Эрлиха, или англичаниномъ, чтобы оцѣнить по достоинству открытія Ротерфорда, то съ литературой дѣло обстоитъ не столь просто. Здѣсь далеко не всегда сужденіе соотечественниковъ писателя совпадаетъ съ мнѣніемъ иностранцевъ. Достаточно вспомнить престижъ, которымъ, до войны, пользовались въ Россіи нѣкоторые французскіе писатели, принужденные на родинѣ довольствоваться скромными мѣстами во вторыхъ и третьихъ рядахъ. И обратно, есть литературныя репутаціи, которымъ никогда не суждено выйти за предѣлы, полагаемые языкомъ, бытомъ или умственнымъ «климатомъ». Сюда слѣдуетъ, прежде всего, отнести поэтовъ: за рѣдчайшими исключеніями, этнографическая граница для нихъ — глухая стѣна, за которую голосъ ихъ не проникаетъ. Впрочемъ, и прозаиковъ постигаетъ иногда такая же участь: взять хотя бы сэра Джемса Берри, одного изъ популярнѣйшихъ писателей современной Англіи, остающагося почти неизвѣстнымъ на континентѣ.

Но отсюда еще далеко до вывода, что правота всегда на сторонѣ соотечественниковъ. О своихъ писателяхъ они судятъ столь же ложно, какъ о своихъ пророкахъ. Никакихъ монополій въ литературной критикѣ устанавливать не приходится. Пусть иностранецъ многаго не пойметъ и не замѣтитъ: вѣдь это непониманіе будетъ скорѣе всего касаться внѣшнихъ фактовъ; тогда какъ то, что есть въ писателѣ общечеловѣческаго, доступно всѣмъ и, можетъ - быть, всего болѣе доступно тому, кого не отвлекаютъ детали быта. «Записки охотника» сейчасъ имѣютъ больше читателей во Франціи, чѣмъ въ Россіи, а «L'assommoir» непрерывно переиздается въ Германіи.

Совсѣмъ другой вопросъ, конечно, хорошъ ли данный составъ судей, компетентны ли они вообще судить о литературѣ. Въ этомъ смыслѣ рѣшеніе стокгольмской академіи могли иногда вызывать серьезныя сомнѣнія. Но на этотъ разъ выборъ ея сомнѣній не вызываетъ, что бы ни говорили по ту сторону океана.

На первыхъ порахъ романы Синклера Льюиса производятъ впечатлѣніе всего только грандіознаго репортажа. Какое нагроможденіе фактовъ, наблюденій, чуть ли не статистическихъ данныхъ! Нѣтъ какъ будто никакого отбора, никакого построенія. Обо всемъ докладывается послѣдовательно и подробно. Въ «Главной улицѣ» детально описаны чуть ли не всѣ дома и всѣ жители городка, въ который попадаетъ героиня романа. Разсказывая о засѣданіи дамскаго литературнаго кружка, авторъ съ протоколь-

ной точностью приводитъ все, что на этомъ засѣданіи говорятъ благонравныя жены пасторовъ и мечтательныя старыя дѣвы. Выписки изъ газетныхъ передовицъ смѣняются рѣчами странствующихъ агитаторовъ Союза Христіанской молодежи, рекламныя афиши — старыми анекдотами изъ вагоннаго репертуара коммивояжеровъ. При этомъ — въ болѣе раннихъ романахъ, въ особенности — почти полное отсутствіе фабулы, движенія.

Однако, какъ ни подавленъ читатель грудами почти сырого матеріала, онъ чувствуетъ себя вовлеченнымъ въ потокъ, уносящій автора. Критика не разъ уже отмѣчала необыкновенную «энергію» Синклера Льюиса. Можно возразить, что качество это не должно вліять на чисто - литературную оцѣнку писателя. Однако, именно на примѣрѣ Льюиса становится особенно понятнымъ, какую огромную роль играетъ въ творческомъ процессѣ волевое напряженіе. Льюисъ художественный self made man. Онъ какъ будто не прошелъ никакой литературной школы и самъ ощупью отыскивалъ пути художественнаго осуществленія. Отсюда его обстоятельность: онъ словно боится, что не сумѣетъ все показать и все объяснить. Онъ никогда не довольствуется приблизительнымъ. Онъ предпочитаетъ сказать слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Но какое для этого требуется напряженіе! Съ никогда не ослабѣвающимъ напоромъ и вниманіемъ онъ подбираетъ матеріалъ, не останавливаясь передъ повтореніями, не брезгуя никакими мелочами. Онъ не оставитъ неосвѣщеннымъ ни одного уголка, не броситъ ни одного намека безъ того, чтобы его не развить.

Разумѣется, это достоинство есть вмѣстѣ съ тѣмъ слабость и недостатокъ. Разумѣется, для того, чтобы принять Льюиса, надо многое ему простить: надо понять, что описаніе для него не самоцѣль. И, дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ вчитываешься въ книги Льюиса, начинаютъ проступать, изъ - за тысячи наблюденныхъ и запротоколированныхъ фактовъ, живые человѣческіе образы — съ выпуклостью, которую мы привыкли находить только у большихъ мастеровъ слова. Правда великіе мастера пріучили насъ къ совсѣмъ другой техникѣ повѣствованія. Пріемы Льюиса по сравненію съ ними примитивны. Онъ неловокъ, громоздокъ: — увалень, таскающій тяжелые мѣшки, не гипнотизеръ, при помощи двухъ-трехъ пассовъ овладѣвающій нашимъ воображеніемъ. Но за то, и строитъ онъ не на пескѣ: однажды повѣривъ ему, будешь вѣрить ему всегда.

Къ тому же надо признать, что Льюисъ непрерывно учится и работаетъ надъ собою. За десятилѣтіе, протекшее со времени появленія «Главной улицы», техника его значительно утончилась, онъ рѣшается уже обходиться безъ того аппарата фактовъ и оправдательныхъ документовъ, на который опирался раньше. Не всегда это стремленіе къ самоусовершенствованію даетъ положительные результаты. Такъ, попытка написать романъ съ «дѣйствіемъ» кончилась довольно плачевной неудачей: «Mantrap» — въ лучшемъ случаѣ посредственный сценарій холливудской фильмы. Недаромъ за этой книгой послѣдовалъ «Эльмеръ Гантри», означающій возвращеніе къ прежней манерѣ. Но за то «Человѣкъ, который знавалъ Кулиджа» и, въ особенности, «Додсвортъ» свидѣтель-

ствуютъ о томъ, что Льюисъ — на пути къ преодолѣнію своей тяжеловѣсности, что онъ научается экономить средства, отказывается отъ статистической манеры и начинаетъ заботиться объ архитектоникѣ.

Этотъ отказъ отъ фетишистскаго преклоненія передъ фактомъ, отъ методовъ литературнаго репортажа есть, вѣроятно, производное другого процесса: постепеннаго перенесенія центра тяжести изъ области быта въ область человѣческой психики. Льюисъ никогда не былъ чистымъ «бытовикомъ», но онъ не умѣлъ смотрѣть на людей иначе, чѣмъ сквозь призму быта. Пока герои его показывались въ статическомъ состояніи (какъ Кароль Кенникотъ въ «Главной улицѣ» или Бэббитъ) могло казаться, что только бытъ Льюиса и интересуетъ. Но съ той минуты, какъ персонажи его вышли изъ состоянія равновѣсія, уголъ зрѣнія измѣнился: вниманіе, естественно, оказалось направленнымъ на ихъ внутренній міръ. Льюисъ не забываетъ объ обстановкѣ, въ которой имъ приходится дѣйствовать, но отправная точка и здѣсь перемѣстилась: объективное описаніе постепенно замѣняется цѣпью «состояній сознанія».

Льюиса иногда называли сатирикомъ. Это едва ли вѣрно. Правда онъ иногда былъ близокъ къ тому, чтобы войти въ роль соціальнаго реформатора (въ особенности въ «Эльмерѣ Гантри» книгѣ горькой и «обличительной» par excellence), но по счастью, во-время отъ этого соблазна удержался. Онъ не ставитъ себя внѣ своихъ героевъ, не отдѣляетъ себя отъ нихъ, не судитъ.

Можетъ быть, причину этого слѣдуетъ искать въ томъ, что въ стукѣ и грохотѣ американской жизни Льюисъ сумѣлъ различить и иныя ноты, разслышалъ нѣкую романтическую мелодію, смягчающую и очеловѣчивающую существованіе самаго брутальнаго янки. Оказывается, что гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ не дано насладиться безпримѣснымъ благополучіемъ, что гдѣ-то въ глубинѣ подтачиваетъ ихъ безотчетное безпокойство, непонятная тоска по вещамъ, которымъ нѣтъ имени. Уже въ первомъ своемъ романѣ «Our Mr. Wrenn» Льюисъ изобразилъ маленькаго, ограниченнаго человѣка, клерка, проводящаго цѣлые дни за конторскимъ пультомъ, но бредящаго путешествіями, подвигами, великими страстями. При первой же попыткѣ осуществить свои мечтанія мистеръ Реннъ попадаетъ, конечно, въ самыя нелѣпыя положенія. Однако Льюисъ не издѣвается надъ нимъ. Онъ какъ бы дѣлаетъ отвѣтственной всю Америку за его душевное уродство. Не смѣется онъ и надъ Кароль Кенникотъ и ея безпомощными поисками «красивой жизни». Да что, самъ Джорджъ Беббитъ, агентъ по продажѣ недвижимостей, благополучный обитатель благополучнаго города Зенита, членъ всевозможныхъ союзовъ, братствъ и клубовъ, самъ Беббитъ, олицетвореніе американской «prosperity» и «efficiency» не застрахованъ отъ какого то подобія міровой скорби: какъ ни доволенъ онъ своей виллой, своей женой, своимъ автомобилемъ, своей безопасной бритвой, своимъ патентованнымъ бѣльемъ, — иногда все же снятся ему странные сны, наполняющіе его смутнымъ томленіемъ, отъ котораго становятся вдругъ постылыми стукъ пишущихъ машинъ въ конторѣ и разговоры объ очередной выгодной парцелляціи.

Однако, глазъ Льюиса слишкомъ зорокъ и слишкомъ прямо привыкъ смотрѣть на вещи, чтобы безъ оговорокъ принять эти порывы за дѣйствующую силу. Насколько они безпочвенны, онъ съ безжалостной убѣдительностью показалъ на примѣрѣ г-жи Додсвортъ, которая подъ внѣшнимъ стремленіемъ къ высшимъ формамъ жизни скрываетъ самое суетное тщеславіе и безконечную душевную черствость.

Приговоръ этотъ, однако, не окончательный и не всеобщій. Процессъ пристальнаго изученія человѣческой души, ея силъ и способностей, Льюисъ продѣлываетъ съ той же добросовѣстностью, съ какой описывалъ онъ бытъ и явленія не индивидуальнаго, а типичнаго порядка Еще присутствуетъ — и не исчезнетъ, вѣроятно, никогда — въ его творчествѣ проблема «американизма», но она не доминируетъ, она подчинена высшей, единственно важной, темѣ — о человѣкѣ и человѣческомъ вообще

И именно поэтому Льюисъ пересталъ быть явленіемъ провинціально - американскимъ (чего нельзя сказать, напр, о Теодорѣ Дрейзерѣ), именно поэтому произведенія его стали достояніемъ той міровой литературы, о которой мечталъ нѣкогда Гете и которая въ данное время, можетъ быть, ближе къ своему осуществленію, чѣмъ когда бы то ни было Вслѣдствіе этого и присужденіе нобелевской преміи Льюису остается оправданнымъ, даже если въ Америкѣ оно не встрѣчаетъ полнаго сочувствія.

Мих. Канторъ

Встрѣча съ Джемсъ Джойсомъ

Я узналъ о Джойсѣ изъ «Нувелль Литтереръ».

Затѣмъ, вскорѣ, послѣ первыхъ же статей — прочиталъ одинъ изъ его разсказовъ, вѣрнѣе — одну изъ главъ «Дублина» — въ «Звенѣ» — безъ особаго интереса.

Ставши подписчикомъ знаменитой библютеки мадмуазель Адріенъ Монье — прочиталъ: обѣ переведенныя по-французски, книги: съ рѣдкимъ интересомъ, волненіемъ и съ большой подсознательной технической пользой.

Первой — сталъ читать «Дедалуса»; и послѣ нѣсколькихъ-же страницъ, поразился: общностью, однородностью атмосферы

Рѣдчайшая книга, по тембру внутренняго трепета, эластичности, истеріи и точности Одна изъ первыхъ, написанныхъ — «кругло»; въ ней, самая важная и содержательная сторона, живой человѣческой личности — «не отсутствуетъ», не принесена въ жертву «общественному цѣломудрію» — герой дѣйствительно живой, не оскопленный человѣкъ.

Какъ каждое теплокровное существо, онъ — надѣленъ поломъ. (Къ великому сожалѣнію: «Эгоистъ», «A rebours», «Силасъ Марнеръ» — самыя куцыя, нелѣпыя книги!)

Какъ ни по-латински, ни классически— послѣ столькихъ происшествій, на нѣсколькихъ послѣднихъ страницахъ, она — ни обрывается, вдругъ — благополучіемъ, а — разползается въ прахъ.

Какая, въ ней, продѣлана — подготовительная работа, къ «Улиссу»! (О содержаніи котораго я — читалъ), и, какъ

Д. Джойсъ *J. Joyce*

далеко отъ нее «Дублинъ», часто вызывающій въ памяти — Чехова.

Англійская книжная лавка, библіотека и издательство: — «Шекспиръ и К-о», находящаяся наискосокъ библіотеки Адріенны Моннье — представляетъ изъ себя больше всего: музей Джемса Джойса.

Сколько разъ, я разсматривалъ — добрую полдюжину его фотографій, выставленныхъ въ окнахъ и витринахъ — почти всѣ его книги и переводы, и — «Улисса», изданнаго этой лавкой, по-англійски — запрещеннаго въ странахъ англійскаго языка.

Я зналъ, что Джойсъ живетъ, уже довольно давно — въ Парижѣ, и, что: не бывая на самомъ Монпарнассѣ — иногда посѣщаетъ «Кафэ де Версай», что противъ вокзала.

Я видѣлъ по фотографіямъ, что — у него серьезная болѣзнь глазъ, а, затѣмъ и — слышалъ, отъ одного нью-іоркскаго издателя, что онъ — почти слѣпъ, и самъ больше не пишетъ, а диктуетъ.

Этотъ послѣдній разговоръ, снова раздулъ во мнѣ пылъ — поддернувшійся было «временемъ пепла», т. к. — и книги брать въ «La maison des livres»,

я, давно — пересталъ, и, по Одеонской улицѣ — проходилъ рѣдко.

Но, вотъ, у меня — выставка.

Съ каталогами въ карманѣ, я прошелъ по монпарнасскимъ кофейнямъ, раздавъ ихъ — кому находилъ нужнымъ.

Уже нѣсколько дней, думая — не только занести каталогъ А. Монnье, но, даже — попросить ее (такъ-же какъ и Тургеневскую библіотеку): повѣсить афишу (но ихъ оказалось недостаточно) — мечтая — «дать знать о выставкѣ — французской интеллигенціи», и лично самой хозяйкѣ: съ истиннымъ восторгомъ и энтузіазмомъ — оказать ей почтеніе, вниманіе, какъ — редакторшѣ французскаго перевода и издательницѣ «Улисса».

Идя Люксембургскимъ садомъ: я — шагъ за шагомъ, наливался какъ весеннее дерево сокомъ — жаромъ чувства, устремленности, намагничиваніемъ, сомнамбулическимъ летомъ къ Джойсу.

«Давно уже — тринадцатый часъ, значитъ: библіотека закрыта, на обѣденный перерывъ — дамъ каталогъ консьержкѣ, если — въ двери, съ улицы — нѣтъ щели для корреспонденціи» рѣшилъ я, вынимая изъ кармана каталогъ, дѣлая на немъ надпись: «à Adriènne Monnier, éditrice de Goyce» (поставивъ G., вмѣсто J.) и запечатывая его въ конвертъ.

Вотъ: Одеонская улица.

Только здѣсь, я — вспомнилъ, о «Шекспиръ и К-о».

Подойдя — убѣдился, что онъ запертъ.

Посмотрѣвъ, столь знакомые мнѣ — портреты, — со все болѣе подымающейся температурой — вложивъ второй разъ каталогъ въ конвертъ, и начертавъ: «Шекспиръ и К-о», я — отправился къ консьержу. («Можетъ-быть: доберется и до него самого!» осозналъ я, свое настроеніе). Не совсѣмъ довѣряя, моимъ словеснымъ объясненіямъ, но глянувъ на конвертъ — обѣдавшая семья: любезно замычала и закивала.

Я, перешелъ, наискосокъ — дорогу, къ «La maison des livres» — и, бросивъ взглядъ въ окно: къ нѣкоторому изумленію — увидѣлъ Адріенну Монnье — на своемъ обычномъ мѣстѣ — за небольшимъ столомъ, стоящимъ не совсѣмъ посерединѣ комнаты — лицомъ къ окну, въ обществѣ мужчины и женщины.

Какъ всегда, по костюму — она напоминала: толстовку, и ее: круглое, бѣлое и не черноволосое лицо — еще больше подчеркивало ее «руссофильство».

Мы увидѣли другъ друга, кажется — одновременно, но я — не раскланялся съ ней, рѣшивъ войти.

«Bonjour, mademoiselle!» сказалъ я, закрывъ за собой стеклянную дверь, направляясь къ Монnье.

«Bonjour, monsieur!» отвѣтила она, заученной интонаціей (передавъ ее, своимъ помощницамъ), хотя и не безъ искренности.

«У меня выставка, и — я занесъ вамъ каталогъ» сказалъ я, подавая ей, послѣ рукопожатія — запечатанный конвертъ, — «Хотя навѣрное, это васъ мало интересуетъ!»

«Да, да!» разорвавъ конвертъ, смотря репродукціи каталога, пѣла она — «ахъ, это очень занятно!»

Отступая къ двери, чтобы выйти, я бросилъ взглядъ на другихъ присутствующихъ.

Спиной ко мнѣ — сидѣлъ, сильно наклонившись впередъ — мужчина, фигу-

ра котораго, въ полусезонномъ пальто, блекло-оливково-шоколаднаго цвѣта — казалась еще больше.

За нимъ, черезъ столъ — смугловатая женщина, въ возрастѣ Адріенны Моннье — въ которой, — я — почувствовалъ, смутно вспомнилъ, сообразилъ: хозяйку «Шекспиръ и К-о»... и... ну, конечно-же: спина — это самъ Джемсъ Джойсъ!

Я, уже давно плававшій въ потокѣ: предчувствія встрѣчи — дѣлая снова, шагъ впередъ — чтобы увидѣть, для вящей достовѣрности, хоть самый малый профиль, одновременно — запустилъ руку въ карманъ — достать каталогъ.

Женщины, уже нѣсколько мгновеній, отдавшія себѣ отчетъ о творящемся во мнѣ — наблюдали, съ растроганно-благосклоннымъ видомъ.

«Мнѣ доставляетъ удовольствіе —видѣть господина Джойса — я хотѣлъ-бы, ему тоже — вручить каталогъ моей выставки!» — сказалъ я.

Джемсъ Джойсъ — не очень медленно и не очень быстро, совершенно естественно и просто, безъ малѣйшей «значительности» — поднялся, одновременно повернувшись ко мнѣ лицомъ.

«Позвольте мнѣ — пожать вашу руку», почти безъ интервала, радостно, но ровно — сказалъ я.

«Вашъ большой русскій поклонникъ», смотря ему въ лицо, произнесъ я, пожимая: небольшую, размягченную, теплую его руку, давая ему понять, что это: не знакомство на равныхъ началахъ, а: «Яко видѣста очи мои».

Джойсъ, такъ-же: ни быстро, ни медлительно, изъ скромности, ни секунды не задерживаясь — опустился на вѣнскій стулъ, снова оказавшись, ко мнѣ, спиной.

«Я, скоро, снова стану вашимъ абонентомъ» — не зная что дѣлать, сказалъ я, Адріеннѣ Моннье.

«Гдѣ ваша выставка?» обратился ко мнѣ Джойсъ — тихимъ, почти баритональнымъ, матовымъ голосомъ, опять-таки — на рѣдкость, не по-англійски просто, непретенціозно, безъ растягиваній и сюсюканій.

(Но, хотя слова и были произнесены безъ специфической англо - саксонской интонаціи, я почувствовалъ, припомнивъ конецъ «Дедалуса», что — несмотря на хорошее знаніе французскаго языка (хотя, французъ — произнесъ-бы вѣроятно: «гдѣ она, ваша выставка?») — парижскаго, живого, пульсирующаго акцента, у него — нѣтъ совершенно тоже — по-французски говорить, очевидно — ему случается — не часто).

«38, рю Ля Боесси» отвѣтилъ я.

«А, рю Ля Боесси» повторилъ, очень тихо, ласково Джойсъ.

«Bonjour monsieur, dames!» откланялся я.

«Bonjour monsieur» такъ-же мягко, отозвался Джойсъ.

Я — даже забылъ извиниться за безцеремонное вторженіе — складывая дорогой — образъ: любимѣйшаго романиста.

... «Да: онъ почти совершенно слѣпъ! Его очки такъ сильны, что — стекла, до самыхъ ободковъ: мутно-дымчатое, темно-голубое, затуманенное, колеблющееся море.

Фотографіи, передаютъ его хорошо — и, живой, онъ: — душа — заставившая ихъ: дышать и переливаться, двигаться.

Онъ: матовый, дряблый, изношенный, пепельный.

Умирающіе глаза — заражаютъ умираніемъ весь организмъ или, наоборотъ — служатъ его зеркаломъ.

Лобъ — овально выпуклый, какъ у дегенеративныхъ дѣтей — опоясанъ волосами, почти на половинѣ между теменемъ и бровями.

Онъ, хотя всего — на нѣсколько лѣтъ старше меня, но, я — передъ нимъ — 12 лѣтній подростокъ; вялая, темная кожа на лицѣ, вялые, блеклые, темно-русые, съ большой просѣдью — волоса. Длинный — овалъ лица, съ длиннымъ, совершенно безвольнымъ «непрактичнымъ» подбородкомъ — дѣтская безпомощность. Отчужденность. Ни одной точки касанія съ внѣшнимъ міромъ. Великая сосредоточенность и самоуглубленность, которой — уже ничто не разсѣетъ (глазъ ему, больше — ненужно!)

Пониманіе, отзывчивость — на самыя тонкія, еле уловимыя вибраціи.

«Жизнь въ немъ — теплится, лишь, какъ у Пруста: для окончанія возложенной миссіи», бормоталъ я.

С. Шаршунъ

Пушкинъ или Чеховъ?

Въ прошломъ году, въ связи съ чеховскими юбилейными днями, появилось въ «Послѣднихъ Новостяхъ» двѣ статьи. Появились онѣ даже въ одномъ номерѣ. Одна статья — И. Бунина, другая Г. Адамовича. Онѣ подходятъ къ предмету разно, но каждая въ своихъ рамкахъ, какъ будто не совсѣмъ себя договариваетъ. Мнѣ представляется небезъинтереснымъ не только сопоставить ихъ, но и каждую изъ нихъ «договорить». Полагаю, что попытка моя найдетъ себѣ оправданіе въ значительности тѣхъ вопросовъ, которые, по моему, встаютъ за гранями того, передъ чѣмъ остановилась ихъ недоговоренность.

Нашъ знаменитый писатель, уже неоднократно писавшій о Чеховѣ, на этотъ разъ сосредоточивается на Чеховѣ-собесѣдникѣ. Онъ почти воздерживается отъ выводовъ и размышленій, онъ рисуетъ Чехова-балагура, перескакивающаго съ пустяка на пустякъ, смѣющагося, даже хохочущаго надъ тѣмъ, что, признаться, очень мало смѣшно.

Г. Адамовичъ, критикъ тонкій, хорошо «видящій», говоритъ о Чеховѣ—изобразителѣ своей современности, отразителѣ и воплотителѣ 80-90-хъ годовъ со всею ихъ бѣдностью, внутреннею и удручающею волевою слабостью. Для характеристики этой эпохи, вѣрнѣе — для оправданія нашего къ ней (а можетъ быть, его личнаго) нѣсколько любовнаго отношенія Адамовичъ подбираетъ рядъ словъ, которыя впрочемъ самъ признаетъ не соотвѣтствующими: «одухотворенность, кротость, покорность, блѣдность, тишина». За всѣмъ этимъ критикъ признаетъ (для русскаго) нѣкоторую положительную прелесть, подобно русской природѣ, въ которой есть нѣчто, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный».

Эти послѣднія слова вмѣстѣ съ цитатою изъ Тютчева невольно хочется сопоставить съ заключительными строчками статьи Ив. Бунина. Послѣ длиннаго пересказа скучныхъ, расплывчатыхъ рѣчей покойнаго Чехова онъ упо-

минаетъ о томъ, *какъ онъ узналъ о его смерти*. Онъ поѣхалъ верхомъ въ село забрать почту и заѣхалъ къ кузнецу перековать лошадь. «Былъ жаркій и сонный день съ горячимъ южнымъ вѣтромъ, съ тусклымъ блескомъ неба. Я развернулъ газету, сидя на порогѣ кузнецовой избы...». *Такъ* онъ узналъ о смерти Чехова. Увѣряю васъ, что этой одной строчкой писатель убиваетъ все предыдущее, и изъ всего «некролога» я, по крайней мѣрѣ, ощущаю только это одно, — жару степную, сѣрую ослѣпительность степного дня, жару впереди себя и жару сзади, изъ кузницы. Чувствуете всю прелесть того, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный»?... Изъ всѣхъ подробностей бунинскаго разсказа о Чеховѣ единственно *это* съ силою встаетъ и врѣзывается въ память: какъ Бунинъ узналъ о смерти Чехова, то-есть тѣ его слова, въ которыхъ сказался не критикъ, а *писатель*. Никогда какъ именно въ сопоставленіи съ *этой* силой, — съ привязанностью къ жаркому степному полудню, къ пыльной дорогѣ, — никогда мнѣ не показалась столь слабой умственно-волевая сторона той эпохи, о которой онъ вспоминаетъ. И Чеховъ былъ воплотитель *этого* времени. Но воплотитель ли, въ настоящемъ, *творческомъ* и *критическомъ* смыслѣ этого слова? А что если только талантливое порожденіе?..

Вѣдь нѣтъ настоящаго *художественнаго* воплощенія, когда нѣтъ ясно ощущаемой личности, то есть личнаго *отношенія* къ изображаемому. Развѣ тѣмъ великъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», что *изображалъ* «всю эту ветошь маскарада» и прочую обыденщину «своей эпохи»? Конечно, нѣтъ; а тѣмъ, что все время за описываемымъ мы чувствуемъ описывающаго, сквозь все, *о чемъ* онъ пишетъ, ощущаемъ *его*. Вотъ этого не чувствуемъ въ Чеховѣ. Да, онъ «воплощаетъ» свою эпоху, — эпоху нытиковъ, слабняковъ, — но онъ не высказывается; *онъ* по отношенію къ своимъ *созданіямъ* такой же, какіе *они* по отношенію къ *жизни*. Вотъ почему выдвиженіе Чехова на одну доску съ Пушкинымъ въ строкахъ Адамовича представляется черезчуръ смѣлымъ. Когда читаемъ у него, что въ писаніяхъ Чехова «мы не только узнаемъ исчезнувшій бытъ и складъ существованія, мы въ это существованіе проникаемъ изнутри», — когда читаемъ это, то невольно относитъ насъ къ строкамъ Бунина, въ которыхъ писатель говоритъ, какъ мало авторъ «Вишневаго Сада» зналъ ту помѣщичью среду, о которой писалъ. Да онъ и усадьбы не зналъ. Въ нѣсколькихъ бѣглыхъ и мѣткихъ черточкахъ Бунинъ подрываетъ правдоподобіе и самаго вишневаго сада, и подобныхъ обитателей усадьбы, ихъ отношенія къ дому и къ вещамъ. Здѣсь даже, вмѣстѣ съ знаніемъ среды, быта, людей, подвергается сомнѣнію добротность самой драматической сущности чеховскихъ «находокъ»: такія словечки, какъ «человѣка забыли», «многоуважаемый шкапъ», похоронены, надо надѣяться, навсегда. Никогда вымученная ложь всего этого не выступала такъ ярко, какъ послѣ этихъ строкъ Бунина. Нашъ писатель забылъ подчеркнуть и трагически-чувст-

вительный «эффектъ» ударовъ топора, которые доносятся изъ саду прежде, чѣмъ бывшая хозяйка выѣхала. Неужели можетъ еще кого-нибудь задѣть это «ибсеновское» смѣшеніе неправдоподобнаго реализма съ насильственно навязываемымъ символизмомъ? Конечно, многіе изъ насъ чувствовали всю эту несуразность, но Бунинъ первый громко спросилъ: «Да и гдѣ были сады, сплошь состоящіе изъ вишень?»... Что остается послѣ этого вопроса? Красивое заглавіе...

Есть еще одинъ и очень важный вопросъ, выдвигаемый въ статьѣ Адамовича и получающій отвѣтъ въ статьѣ Бунина устами самого Чехова.

Очень интересно и вѣрно опредѣлено у Адамовича положеніе Пушкина по отношенію къ Россіи, — къ единой, цѣльной, государственно-единой. Единой не въ смыслѣ горизонтально-географическомъ, а въ смыслѣ политически-патріотическаго вертикальнаго разрѣза. Пушкинъ, какъ опредѣляетъ Адамовичъ, «могъ критиковать окружающее, но онъ не сомнѣвался въ принципахъ и не былъ разрушителемъ, какъ лучшіе изъ его преемниковъ». «Пушкинъ, — говоритъ онъ, — держалъ въ себѣ с т и л ь Россіи». Этотъ «стиль» давно утраченъ, отъ него отошли, и, если Чеховъ столько же свою эпоху выявляетъ, сколько Пушкинъ выявилъ свою, то онъ б е з с т и л е н ъ, какъ эта самая его эпоха. Этой безстильностью, противоположной пушкинской «стильности», Чеховъ насквозь проникнутъ и проникнуто и то, что принято называть «чеховщиной».

Вѣдь что такое с т и л ь? Въ матеріалѣ н ѣ т ъ стиля; стиль то, что превращаетъ матеріалъ въ произведеніе искусства. Стиль — вмѣшательство человѣка. Бюффонъ сказалъ — «Le style c'est l'homme»; говорятъ даже, что онъ сказалъ — «Le style c'est tout l'homme». Во всякомъ случаѣ только въ стилѣ человѣкъ, а безстильность, какъ все необработанное или недоработанное есть проявленіе слабости творческой передъ ждущимъ его вмѣшательства матеріаломъ; иными словами — безвольное, ожидающее чужой в о л и, чтобы изъ эстетическаго небытія пройти въ художественное б ы т і е. Да, трогательно все то, чего «не пойметъ и не замѣтитъ гордый взоръ иноплеменный», — но это, какъ ни драгоцѣнно, — это матеріалъ. Пушкинъ съумѣлъ подняться в ы ш е матеріала, когда свой патріотизмъ «кристаллизировалъ въ г о с у д а р с т в е н н о с т и».

Но его связь съ государственнымъ принципомъ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ ослабѣвала все больше, съ каждымъ поколѣніемъ разрывъ углублялся, люди погружались въ безстильность. И вотъ, въ послѣднемъ своемъ письмѣ Бунину Чеховъ являетъ самъ формулу этого разрыва, формулу страшную, ибо въ страшную минуту явленную. Въ письмѣ этомъ, говоритъ Бунинъ, «онъ какъ почти всегда шутливъ... а огорчается только однимъ, — грустью за Японію, чудесную страну, которую, конечно, разобьетъ и всей своей тяжестью раздавитъ Россія»...

Что сказать на это? Нельзя съ большей ясностью и откровенностью расписаться въ оскудѣніи того чувства «государственности», которое такъ сильно жило въ Пушкинѣ. И это въ минуту объявленія японской войны, когда под-

вергалось опасности положеніе Россіи и тихоокеанскомъ побережьи, вѣковыми народно-государственными усиліями пріобрѣтенное и упроченное! Или были уже нѣмы сказочные образы Ермака и его дружинъ, продвигавшихъ страну,—сами того не зная,—къ свободному морю? Или успѣла стереться память о Муравьевѣ Амурскомъ, наконецъ, давшемъ выходъ великой державѣ, столѣтіями изнывавшей въ континентальной жаждѣ? Или не болѣло сердце за дѣло славныхъ русскихъ моряковъ съ адмираломъ Невельскимъ во главѣ, пустившимъ первую русскую флотилію до устья Амура? Или не обязывали насъ подвиги того «неизвѣстнаго солдата», который, исполняя завѣтъ Петра «ногою твердой стать на морѣ», ш е л ъ на востокъ и усилія того русскаго крестьянина, который, — «первый поселенецъ», — п р и ш е л ъ и отпечаталъ русскій лапоть на береговомъ пескѣ китайскаго Амура? Что сказать? Вспоминаю вотъ что. Я въ то время (начало японской войны) былъ въ южной Италіи. Пріѣзжаю съ вокзала въ гостинницу; вхожу въ читальную комнату, — масса туристовъ-англичанъ съ газетами въ рукахъ. Тогда всѣ европейскія общественныя симпатіи были на сторонѣ Японіи. Одна изъ присутствующихъ дамъ была крайне разочарована. «Ну полноте, — говоритъ ей господинъ, — вѣдь нельзя же разсчитывать, что каждый день будетъ побѣда...». Я вышелъ. Очень было больно. Но не знаю, ч т о больнѣе: слова англичанина или слова Чехова... И е щ е грустнѣе становится, что Чеховъ былъ «выразитель своей эпохи»... Помню, въ тѣ же времена читалъ въ одной газетѣ, какъ японская мать баюкаетъ свое дитя и поетъ: «Ты знаешь, почему мы побиваемъ русскихъ? Потому что русская мать не любитъ своего отечества»...

Встаетъ въ памяти пушкинское «О чемъ шумите вы, народные витіи»? Реторично? Напыщенно? Можетъ быть. Но вотъ это — принципъ, то что Адамовичъ отмѣтилъ словомъ «стиль Россіи». Положимъ, — это не «чистая поэзія», тутъ есть и отъ министерства иностранныхъ дѣлъ, и отъ Славянскаго Общества, но уже одно заглавіе: «Клеветникамъ Россіи»! Развѣ не лучше это, чѣмъ грусть по Японіи? Да, к л е в е т а н а Р о с с і ю ! Велика была поднимающая и возмущающая сила этихъ словъ. И гдѣ тотъ огонь? И вѣдь это не то, что сейчасъ именуется «имперіализмомъ», — это в ѣ р а, вѣра со всею живучестью искренняго восторга, со всею присущей восторгу силой негодованія. А какая в ѣ р а въ «чеховщинѣ»? Знаменитыя «пророчества» о долженствующемъ наступить лучшемъ будущемъ, о той «свѣтлой, прекрасной, изящной жизни», о которой лепечутъ дѣвочки-подростки, о которой разглагольствуютъ студенты и которой поддакиваютъ полковники въ «Трехъ Сестрахъ»? Право же лучше не подчеркивать ту автобіографическую нить, которая связываетъ эти истерическіе выкрики съ личностью автора ихъ написавшаго.

Это будетъ все же болѣе достойная дань уваженія, — допустить, что Чеховъ заставилъ и х ъ говорить, а не с а м ъ такъ говорилъ. Почетнѣе отнести всѣ эти рѣчи на долю того «наблюдателя русской жизни», наблюдательностью котораго такъ восхищался Толстой, чѣмъ приписать ихъ тому, кто

провозглашается «воплотителемъ» своей эпохи. Ужъ пусть лучше эти худосочныя «пророчества» останутся для Чехова «чужими словами».

Кн. Сергѣй Волконскій

Кришнамурти

Трудно говорить о Кришнамурти просто, потому что люди къ нему относятся пристрастно, и даже равнодушные имѣютъ о немъ предвзятое мнѣніе.

Кришнамурти — лже-пророкъ, теософскій Мессія, основатель новой секты, теннисный чемпіонъ, индусскій философъ, кинематографическій актеръ и т. д.

Что на это сказать? Кто, изъ за стѣны этихъ предубѣжденій услышитъ голосъ простой правды не сопровожденной трубными звуками и барабаннымъ боемъ? Кто узнаетъ человѣка безъ ходуль, безъ маски, безъ нарядовъ и грима, подвигъ котораго въ томъ что онъ «человѣкъ»?

Смыслъ этого утерянъ и мы, какъ китаянки тѣхъ временъ когда неизуродованная нога считалась позоромъ, отворачиваемся отъ этой «естественности».

Человѣкъ для насъ символъ слабости, грѣха, несовершенства, долженствующій быть спасеннымъ. Несчастному человѣку противопоставляется Богъ всесильный. Сверхчеловѣкъ узурпировалъ мѣсто человѣка и люди не сознаютъ, что стремленіе къ сверхчеловѣчеству усиливаетъ ихъ «подчеловѣчество».

Сверхчеловѣкъ это существо одаренное необычайными качествами т. е., извѣстнаго рода «форсированный уродъ». Совершенный же человѣкъ отличается своей естественностью, онъ пересталъ быть «подчеловѣкомъ», освободившись отъ ограниченій эгоцентрической личности. Только тогда, когда преграда эгоцентризма — корень несовершенства — перестаетъ закрывать путь развитія человѣка, онъ можетъ стать совершеннымъ, т. е. истиннымъ человѣкомъ.

Истинный человѣкъ, это существо, которое не противопоставляетъ свое «я» другимъ. Въ немъ исчезли ограниченія и особенности. Совершенство не терпитъ градацій и въ этомъ смыслѣ нѣтъ «добраго» или «злого» человѣка; въ каждомъ изъ насъ лежитъ возможность достичь этого чистаго «человѣчества».

Но мы равнодушны къ «человѣческому» въ насъ, его благородство и достоинство насъ не воодушевляютъ, простота не трогаетъ. Что для насъ «человѣкъ» безъ аттрибутовъ? Себя и другихъ мы украшаемъ качествами, превосходствами и къ прозрачной «сущности» относимся безразлично.

«Кришнамурти - Мессія» въ насъ вызываетъ любопытство, насмѣшку, если не возмущеніе. «Кришнамурти - магъ и волшебникъ» — какой-то трепетъ, но какое намъ дѣло до Кришнамурти — человѣка?

И чтобы оправдать нашъ интересъ къ нему на этихъ страницахъ, покажемъ его въ аспектѣ поэта, которому самъ онъ придаетъ такъ мало значенія. Вотъ — два стихотворенія Кришнамурти:

НИЩІЙ

Какъ нищій, голодный, худой, — садится у храма на ступеняхъ, чтобъ встряхивать чашку пустую, такъ усѣлся и я,

умоляя, чтобъ сердце пустое мое заполнено было.

Вѣрующіе пришли въ храмъ и много обычныхъ снесли приношеній, и мнѣ давали они мѣдяки, улыбаясь.

Но снова на завтра средь нищихъ другихъ занялъ я мѣсто свое, попрежнему опустошенный и грустный.

НИТІА

Братъ мой умеръ, мы были какъ двѣ звѣзды въ голомъ небѣ.

Былъ онъ похожъ на меня, обожженный солнцемъ горячимъ, въ странѣ легкихъ вѣтровъ, колеблемыхъ пальмъ и свѣжихъ ручьевъ; въ странѣ, гдѣ тѣней не счесть; гдѣ — яркихъ цвѣтовъ попугаи, гдѣ птицы — болтливы.

Гдѣ рѣютъ на радостномъ солнцѣ вершины зеленыхъ деревьевъ, гдѣ желты пески золотые, гдѣ съ сине - зеленымъ отливомъ моря.

Гдѣ люди отъ солнца спасаются въ тѣнь, гдѣ бурую почву спекло, гдѣ блещутъ сверкая въ нечистой водѣ поля изумрудныя — риса; гдѣ, съ бронзовымъ отблескомъ голы тѣла, свободные въ свѣтѣ лучей ослѣпляющихъ.

Ребенка у края дороги грудью кормитъ мать. Виднѣется храмъ придорожный. Съ рвеніемъ вѣрныхъ кто то приноситъ богу въ даръ веселыхъ и пестрыхъ цвѣтовъ. Во всемъ тишина и миръ безъ предѣла.

Онъ умеръ. Я въ одиночествѣ плакалъ. Куда бы ни шелъ я, мнѣ слышался голосъ его и счастливый смѣхъ. Въ каждомъ прохожемъ хотѣлъ я увидѣть его черты. Всѣхъ я разспрашивалъ, не повстрѣчался ли имъ братъ мой, никто не утѣшилъ меня.

Я молилъ, я просилъ, но боги хранили молчанье. Больше не было слезъ у меня, я больше грезить не могъ. Я искалъ его всюду во всемъ.

Деревья шепча приглашали меня въ жилище его.

Въ поискахъ этихъ нашелъ я Тебя, о Господинъ души моей, только въ Тебѣ узналъ я лицо брата.

Только въ Тебѣ, о Любовь безпредѣльная, я созерцалъ всѣхъ умершихъ и живыхъ.

И. де Манціарли

Современное масонство

На современное масонство существуютъ два господствующихъ взгляда, невольно удивляющихъ своей стремительной противоположностью. По одному масоны — кампанія безобидныхъ чудаковъ, одѣвающихся въ архаическіе костюмы и выполняющихъ безсмысленныя церемоніи. Если масонство и играло прежде извѣстную роль — что впрочемъ сомнительно — то теперь оно лишено всякаго значенія. По мнѣнію русскаго историка (А. А. Боровой «Современное масонство на Западѣ», Москва 1923 г.) «чистое масонство вымираетъ... Извѣстную живучесть обнаруживаютъ французскія ложи», но «эти ложи ничѣмъ не отличаются отъ обычныхъ политическихъ ассоціацій».

Второе мнѣніе сводится къ тому, что масонство и понынѣ является самой страшной и самой могущественной организаціей въ мірѣ, состоящей изъ: 1. евреевъ, 2. іезуитовъ, 3. атеистовъ и сатанистовъ, 4. соціалистовъ, 5. большевиковъ, 6. пацифистовъ и сторонниковъ: а) Антанты, б) Лиги Націй и в) Панъ-Европы. Григорій Бостуничъ («Масонство

въ своей сущности», Бѣлградъ 1923 г.), ставящій въ вину масонамъ въ числѣ прочихъ преступленій, изобрѣтеніе танковъ и удушливыхъ газовъ, а также убійство графа Витте, утверждаетъ, что во главѣ мірового масонства стоитъ «жидовскій совѣтъ семи» (Ротшильдъ, Гинзбергъ, Филиппъ, Сассунъ, Вейцманъ, Высоцкій и Н. Соколовъ), подготовляющій пришествіе «жидовскаго царя міра». Въ согласіи съ Бостуничемъ ген. Людендорфъ («Vernichtung der Freimaurerei durch Enthüllung ihrer Geheimnisse»)полагаетъ, что масоны стремятся къ «іудейско-капиталистической мировой монархіи съ Соединенными Штатами во главѣ». Фридрихъ Вихтль (« Weltfreimaurerei, Weltrevolution. Weltpolitik») доказываетъ въ свою очередь, что всѣ революціи и цареубійства были организованы масонами, что масоны Клемансо и Пуанкарэ заранѣе рѣшили паденіе Гогенцоллерновъ и потому начали великую войну, что масоны Ленинъ и Троцкій устроили революцію въ Россіи, что масонъ Вильсонъ придумалъ Лигу Націй. Деньги на міровое революціонное движеніе, руководимое масонами, по свѣдѣніямъ этихъ авторовъ, идутъ изъ секретнаго фонда англійскаго правительства.

Въ изданіяхъ нѣмецкихъ націоналъ-соціалистовъ можно встрѣтить утвержденіе, что «масонъ Штреземанъ продалъ Германію французамъ», а въ родственномъ имъ по духу «Reveil Français» Эмиль Бержеронъ обвиняетъ французскихъ масоновъ, что они, ради нѣмецкихъ братьевъ, стремятся къ пересмотру Версальскаго договора.

По сравненію съ этими преступленіями уже мелочнымъ кажется негодованіе антимасонскаго «Comité pour le bon goût français et chrétien» на то, что масоны изобрѣли прическу à la garçonne и короткія юбки, или мнѣніе того же Людендорфа, что танецъ чарльстонъ введенъ въ моду масонами для того, чтобы показать, что весь міръ пляшетъ подъ ихъ дудку (почтенный генералъ убѣжденъ, что масонскій «центръ» находится въ г. Чарльстонѣ).

Мнѣніе о незначительности и вымираніи масонства легко опровергается цифрами. Въ настоящее время на всемъ земномъ шарѣ насчитывается около 4,4 милліона масоновъ, принадлежащихъ къ 28.000 ложамъ. Въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ имѣется 3,3 милліона масоновъ, — при чемъ за послѣдніе 40 лѣтъ возникли 5.600 ложъ съ 2,6 милліонами членовъ, — далѣе идетъ Великобританія съ 9.100 ложъ и 840.000 членовъ и т. д. Иниціаторы второго антимасонскаго конгресса въ Вѣнѣ (сентябрь 1930 г.) съ тревогой констатировали, что «масонство получило особенно широкое распространеніе послѣ войны». Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи, напримѣръ, въ періодъ 1920-28 г.г. возникла тысяча новыхъ ложъ и ежегодный приростъ масоновъ достигаетъ 15-20 тысячъ человѣкъ. Ростъ континентальнаго масонства проявляется не въ столь бурныхъ формахъ, но и онъ даетъ себя знать, особенно тамъ, гдѣ до сихъ поръ масонство находилось подъ запретомъ.

Итакъ, масонство не умираетъ, а развивается и уже в силу своей многочисленности заслуживаетъ вниманія, въ особенности если мы вспомнимъ, что въ союзъ, существующій свыше 200 лѣтъ, входятъ люди всѣхъ племенъ, религій,

классовъ и профессій. Эта значительность вмѣстѣ съ тѣмъ естественно требуетъ извѣстнаго вниманія и къ аргументамъ противниковъ масонства.

Къ сожалѣнію большинство этихъ аргументовъ обнаруживаетъ, что ихъ авторы не имѣютъ самого отдаленнаго представленія о чемъ они говорятъ. Можно отрицательно относиться къ католикамъ, іезуитамъ въ частности, не любить евреевъ и ненавидѣть атеистовъ, но нельзя одновременно объединять всѣ эти три категоріи въ одну масонскую организацію, такъ какъ столь разнообразныя обвиненія обладаютъ непріятнымъ свойствомъ другъ друга уничтожать. Невозможно въ самомъ дѣлѣ сколько нибудь серьезно, какъ это дѣлаетъ Людендорфъ, говорить о связяхъ масоновъ съ іезуитами. Католическая церковь, — а слѣдовательно и орденъ Іисуса — съ момента возникновенія союза вольныхъ каменьщиковъ была и остается и по сію пору его главной, серьезной идеологической противницей. Дѣло идетъ о принципіальномъ и непримиримомъ расхожденіи: католическая церковь вѣритъ въ свою божественную исключительность, масонство, религіозное въ своей массѣ, индифферентно къ церковнымъ установленіямъ и одинаково признаетъ всѣ исповѣданія. Уже первая антимасонская булла Климента XII (1738 г.) ставитъ въ вину масонамъ, что они стремятся объединить «людей всѣхъ религій и сектъ» — на этой точкѣ зрѣнія католицизмъ остается и понынѣ и энциклика Пія XI о «единствѣ церквей» осуждаетъ тѣхъ, кто «думаетъ, что всѣ религіи хороши».

Однако, отношеніе католической церкви къ масонству перетерпѣло сложную эволюцію. Когда то масоновъ обвиняли въ атеизмѣ — затѣмъ выяснилось, что всѣ ложи требуютъ отъ своихъ членовъ принадлежности къ какой либо религіи (не церкви) и исключеніе составляютъ лишь ложи Великаго Востока Франціи, которыя въ 1877 г. выкинули изъ своего устава фразу «Масонство основывается на вѣрѣ въ Бога и безсмертіе души». Великія ложи Англіи, Америки и Скандинавіи усмотрѣли въ этомъ постановленіи «отказъ отъ традицій и обрядовъ масонства» (изъ письма Великаго Мастера Англіи принца Уэльскаго, впослѣдствіи Эдуарда VII) и прервали сношенія съ французскими ложами. Обвиненіе въ атеизмѣ всего масонства такимъ образомъ отпадаетъ. Долгое время у католиковъ имѣло успѣхъ обвиненіе масоновъ въ томъ, что они поклоняются «чорту Битру», но и отъ этого обвиненія пришлось отказаться послѣ оглушительнаго скандала съ Лео Таксилемъ, главнымъ создателемъ легенды о сатанизмѣ масонства. Величайшій авторитетъ католической церкви по борьбѣ съ масонствомъ іезуитскій патеръ Груберъ призналъ (въ письмѣ къ вѣнскому масону доктору Рейхелю), что эту борьбу надо перенести изъ плоскости «дѣтскихъ и лживыхъ утвержденій» въ плоскость серьезной, но спокойной борьбы двухъ противоположныхъ міросозерцаній. Комментируя послѣднія энциклики Пія XI, патеръ Груберъ («Das Neue Reich», 1926, №№ 26-29) такъ формулируетъ обвинительный актъ противъ масонства. Масонство идентично съ протестантизмомъ, приводящимъ въ концѣ концовъ къ атеизму и антихристіанству, такъ какъ протестантизмъ (и масонст-

во) стоитъ за абсолютную свободу мысли и совѣсти. Масонство адогматично и проповѣдуетъ «лаицизмъ» и «посюстороннюю культуру («Diesseitskultur»).

Масонскіе авторы, отвѣчающіе о. Груберу, признали связь масонства съ протестантизмомъ, но, конечно, отвергли утвержденіе, что протестантизмъ ведетъ къ атеизму. (W. Mike въ «Bundesblatt», Berlin 1927. № 78). Точно также они не возражали и противъ адогматизма масонства, при чемъ заявили, что видятъ въ этомъ плюсъ, а не минусъ. Наконецъ, докторъ Рейхель («Wiener Freimaurer Zeitung», 1926, № 6) подтвердилъ, что къ масонству можно приложить термины «лаицизма» и «Diesseitskultur», но что опять таки этими принципами масонство можетъ только гордиться. «Наша этика», писалъ онъ, «стоитъ на почвѣ свѣтскаго общества и стремится всѣми средствами «посюсторонней культуры» улучшить состояніе цивилизаціи и уменьшить страданія человѣчества. Мы вѣримъ въ «потустороннее» существованіе, но считаемъ, что его надо достигнуть на путяхъ «этой стороны».

Когда-то острый и грубый споръ между католицизмомъ и масонствомъ принялъ въ послѣднее время болѣе мирный характеръ, и Пій XI, вмѣсто грозныхъ проклятій своихъ предшественниковъ, призываетъ сыновъ церкви молиться за масоновъ, чтобы тѣ избавились отъ заблужденій.

Что касается евреевъ, то вопреки распространеннымъ представленіямъ ихъ участіе въ масонствѣ крайне невелико. Прусскія великія ложи, стоящія на «христіанской» основѣ и объединяющія около 50 процентовъ всѣхъ нѣмецкихъ масоновъ вовсе не принимаютъ евреевъ (то-же относится и къ скандинавскимъ ложамъ) и въ послѣднее время къ нимъ присоединилась великая ложа Саксоніи — въ другихъ нѣмецкихъ ложахъ количество евреевъ не превышаетъ 4 процентовъ. Сами евреи часто обвиняютъ масоновъ если не въ антисемитизмѣ, то въ недостаточно энергичной борьбѣ съ антисемитизмомъ и даже создали спеціальную еврейскую организацію «B'nai B'rith», которая пропагандируетъ масонскіе принципы — «борьбу съ матеріализмомъ, съ пессимизмомъ и патріотизмъ» — исключительно среди евреевъ. «B'nai B'rith», насчитывающій около 100.000 членовъ (изъ нихъ 50.000 въ Соединенныхъ Штатахъ и 14.000 въ Германіи) организованъ по образцу масонскихъ ложъ, но не признанъ ни одной изъ существующихъ масонскихъ организацій.

Главнымъ пропагандистомъ теоріи объ идентичности масонства съ еврействомъ является ген. Людендорфъ, но на этомъ поприщѣ великаго стратега постигли крупныя разочарованія. Вышеупомянутый патеръ Груберъ, убѣжденный врагъ масоновъ, назвалъ утвержденія генерала «идіотическимъ мошенничествомъ», а старый Гинденбургъ отвѣтилъ друзьямъ его бывшаго начальника штаба, старавшихся убѣдить президента республики въ злокозненности масонства: «Я самъ хорошо знаю, что такое масонство. Мои предки были масонами, а они не могли принадлежать къ обществу, цѣль котораго состоитъ въ установленіи мірового владычества евреевъ». Принимая гроссмейстеровъ старопрусскихъ ложъ (14 іюня 1926 г.) Гинденбургъ сказалъ имъ: «Не сомнѣ-

ваюсь, что патріотическій духъ, которымъ были преисполнены прежніе масоны и понынѣ одушевляетъ ихъ», а союзъ Стального Шлема, объединяющій бывшихъ участниковъ войны, организація отнюдь не лѣвая, на засѣданіи 10 марта 1928 г. въ Магдебургѣ принялъ слѣдующую резолюцію: «Союзъ фронтовиковъ послѣ неоднократнаго изученія вопроса не имѣетъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ національныхъ чувствахъ масоновъ въ него входящихъ».

Однако Людендорфу нельзя отказать въ послѣдовательности — когда онъ выяснилъ, что въ ложи входятъ многочисленные представители протестантскаго духовенства — національнымъ гроссмейстеромъ Германіи состоитъ пасторъ Хабихтъ, въ совѣтѣ должностныхъ лицъ Великой Ложи Англіи засѣдаютъ 14 епископовъ и 24 священника, а въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ работаетъ ложа, состоящая только изъ священниковъ — то генералъ заявилъ о своемъ разрывѣ съ протестантской церковью. Впослѣдствіи онъ пошелъ еще дальше и провозгласилъ, что вся христіанская религія пропитана еврейскимъ духомъ, а потому истинные германцы должны вернуться къ почитанію Вотана.

Въ «Книгѣ Масонскихъ Конституцій», вышедшей въ Англіи въ 1723 г. въ категорической формѣ запрещается вносить въ ложи политику. Этотъ основной принципъ соблюдается и теперь — за исключеніемъ Великаго Востока Франціи — и при пріемѣ въ ложу о политическихъ убѣжденіяхъ не спрашиваютъ. Поэтому въ политическомъ отношеніи современное масонство чрезвычайно разношерстно. Въ Англіи масонство возглавляется принцами крови, но въ ложахъ можно встрѣтить политиковъ всѣхъ направленій — парламентская ложа «New Welcome» состоитъ преимущественно изъ членовъ рабочей партіи. Однако менѣе всего можно отождествлять масонство съ соціализмомъ. И французскіе, и нѣмецкіе соціалисты въ большинствѣ своемъ смотрятъ на масонство, какъ на исключительно «радикально-буржуазное теченіе», политически нерѣдко враждебное соціализму и «не освободившееся отъ религіознаго духа». Лишь въ послѣдніе годы намѣчается извѣстный сдвигъ — конгрессы французской соціалистической партіи 1906 и 1912 г.г. признали принадлежность къ союзу вольныхъ каменьщиковъ личнымъ дѣломъ каждаго члена партіи и съ тѣхъ поръ притокъ соціалистовъ въ ложи нѣсколько усилился. Въ германскихъ (исключительно въ «гуманитарныхъ») ложахъ также стали появляться одиночные соціалъ-демократы. Интересно, что именно соціалистъ Г. Глазеръ выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ гоненій на религію въ Россіи («Wiener Freimaurer Zeitung», 1930 г., № 3).

Указанія на связь масонства съ большевизмомъ въ сущности говоря не заслуживаютъ даже опроверженія. Уже въ 1923 г. коминтернъ запретилъ всѣмъ коммунистамъ, подъ страхомъ исключенія изъ партіи, участвовать въ ложахъ, какъ въ явно буржуазныхъ организаціяхъ. Принадлежность къ масонству считается въ СССР государственнымъ преступленіемъ, за которое разстрѣливаютъ — фонъ Мекку и Пальчинскому было вмѣнено въ вину то,

что они когда то примкнули къ французскому масонству.

Для характеристики отношенія масоновъ къ большевизму приведемъ нѣсколько цитатъ изъ изданной русской ложей въ Берлинѣ «Великій Свѣтъ Сѣвера» брошюры: «Русская Ложа Сѣвернаго Устава»:

«Масонство и большевизмъ суть совершенно различные полюсы мысли. Принципы масонства: взаимная терпимость, уваженіе къ себѣ и другимъ, совершенная свобода совѣсти. Принципы большевизма: абсолютная нетерпимость и полное отрицаніе свободы совѣсти и всѣхъ вытекающихъ изъ нея гражданскихъ свободъ. Цѣль масонства — нравственное и матеріальное улучшеніе человѣчества для созданія высшихъ формъ жизни, къ коимъ міръ долженъ быть подготовляемъ постепенно. Цѣль большевизма — немедленное и насильственное ниспроверженіе существующаго во всемъ мірѣ строя во имя диктатуры одного класса надъ другимъ. Масонскія средства — проповѣдь братской солидарности, мирнаго сотрудничества классовъ и всеобщей высокой морали, единой для всего человѣчества. Большевицкія средства — проповѣдь взаимнаго раздѣленія и яростной классовой ненависти. Масонство стремится къ гражданской свободѣ, къ равенству правъ и къ человѣческому братству. Большевизмъ объявляетъ гражданскую свободу буржуазнымъ предразсудкомъ и смѣется надъ равенствомъ правъ. Масонство вмѣняетъ своимъ членамъ въ священную обязанность любить отечество и защищать его своею кровью въ минуту опасности. Оно стремится не уничтожить національные границы, а мирными средствами создать на землѣ гармоническое братство живущихъ въ мірѣ народовъ. Его мечта — идеально поставленная Лига Націй. Большевизмъ же стремится уничтожить идею родины и стереть національныя границы. Масонство стоитъ за правильную міровую эволюцію, считаясь съ условіями мѣста и времени. Большевизмъ есть чистѣйшая реакція и деспотія въ самой жестокой и примитивной формѣ, отрицающая всякое свободное народное волеизъявленіе. Масонство есть врагъ всякаго фанатизма. Большевизмъ есть воплощенный фанатизмъ. Обѣ эти силы — масонство и большевизмъ — по природѣ своей заклятые враги и рядомъ имъ нѣтъ мѣста на свѣтѣ. Восторжествуетъ одна, — должна погибнуть другая».

Иностранное масонство, соблюдая свою аполитичность, избѣгаетъ публичныхъ выступленій противъ большевизма, но все же наиболѣе вліятельная масонская организація Германіи Великая Ложа «Трехъ Земныхъ Шаровъ» 24 апрѣля 1930 г. выпустила воззваніе съ протестомъ противъ гоненій на вѣру въ СССР, въ которомъ между прочимъ говорится: «Эти ужасающія преслѣдованія еще разъ доказываютъ, что большевизмъ и масонство являются діаметрально противоположными и по самому существу своему враждебными міровоззрѣніями».

Но столь же враждебенъ масонству и фашизмъ всѣхъ видовъ и толковъ. Если Людендорфъ ограничивается — поневолѣ — угрозами, то Муссолини переходитъ къ дѣйствіямъ. Итальянскія ложи, бывшія идеологическимъ центромъ для либеральныхъ, республиканскихъ, а отчасти и соціалистическихъ

группировокъ и игравшія крупную роль въ политической жизни, естественно должны были столкнуться съ фашизмомъ, претендовавшимъ на неограниченное господство. Вначалѣ итальянскіе масоны, всегда національно настроенные (знаменитый походъ гарибальдійцевъ былъ чисто масонскимъ предпріятіемъ) поддерживали Муссолини, но затѣмъ стали отходить отъ него, не желая отказываться отъ своихъ старыхъ либерально-демократическихъ традицій. Въ февралѣ 1923 г. Великій Востокъ Италіи заявилъ, что онъ «не откажется отъ традиціоннаго убѣжденія, что суверенитетъ народа является необходимой основой гражданской жизни». Муссолини счелъ эту резолюцію за объявленіе войны и черезъ нѣсколько дней предписалъ всѣмъ фашистамъ выйти изъ ложъ. Вслѣдъ за тѣмъ фашистская печать начала непристойную травлю масонства, подъ вліяніемъ которой по всей Италіи прокатилась волна масонскихъ погромовъ. Вооруженные фашисты, подъ предводительствомъ депутатовъ парламента и при полномъ бездѣйствіи властей, врывались въ ложи, ломали мебель, жгли библіотеки, рвали портреты Гарибальди и Мадзини. Отношенія все обострялись и въ декабрѣ 1924 г. Великій Мастеръ итальянскаго масонства Ториджіани не побоялся публично заявить, что «фашизмъ для Италіи означаетъ моральный и интеллектуальный регрессъ». Въ началѣ слѣдующаго года черезъ палату депутатовъ былъ проведенъ — хотя и не безъ труда — законъ, фактически прекращавшій работу ложъ, при чемъ самъ Муссолини выступилъ на его защиту, обвиняя масоновъ въ... франкофильствѣ. Противъ закона протестовалъ даже такой противникъ масонства, какъ бывшій министръ просвѣщенія Руффини, горячо поддержанный знаменитымъ философомъ Бенедетте Кроче. Въ ноябрѣ 1925 г. масонство въ Италіи перестало существовать, а его руководители были брошены въ тюрьмы или сосланы на Липарскіе острова.

Въ Испаніи Примо де Ривера, въ Венгріи адмиралъ Хорти также закрыли масонскія ложи — и для большевиковъ, и для фашистовъ масонство было одинаково непріемлемо.

Въ заключеніе надо указать, что никакого мірового масонства въ организаціонномъ значеніи этого слова не существуетъ. Не только нѣтъ масонскихъ «центровъ» или «центра», но даже въ отдѣльныхъ странахъ масонскія ложи не объединены въ общіе союзы — такъ въ Соединенныхъ Штатахъ имѣется 49 великихъ ложъ, между собой административно не связанныхъ, въ Англіи власть Великой Ложи не распространяется даже на Шотландію и Ирландію, въ Германіи работаютъ независимо другъ отъ друга девять великихъ ложъ, во Франціи три, и т. д.

Зато вполнѣ правильно «обвиненіе» въ пацифистскихъ тенденціяхъ масонства, которыя съ особенной силой проявляются за послѣднее время въ европейскихъ ложахъ — къ сожалѣнію не во всѣхъ, такъ какъ многія, боясь упрековъ въ «непатріотизмѣ», не рѣшаются примкнуть къ мирному движенію. Препятствіемъ является и то обстоятельство, что между ложами бывшихъ военныхъ противниковъ до сихъ поръ не возстановлены сношенія. Поэтому совсѣмъ недавно возникла Всеобщая Ма-

сонская Лига, которая рѣшила оставить въ покоѣ медлительныя и консервативныя великія ложи и попробовать объединить отдѣльныхъ масоновъ, всѣхъ странъ и всѣхъ масонскихъ «системъ». Въ числѣ своихъ задачъ Лига выдвигаетъ на первый планъ борьбу за миръ, считая, что масонство, вѣрное историческимъ традиціямъ и богатое международными связями, можетъ сыграть извѣстную роль въ дѣлѣ воспитанія новаго, мирнаго человѣчества.

Владиміръ Татариновъ

Письмо изъ Исландіи

Въ Рейкіавикѣ (столицѣ Исландіи) театръ существуетъ всего лишь 35 лѣтъ, если считать съ момента, когда начались регулярныя представленія, по первой драмѣ, написанной по исландски и поставленной на нашемъ островѣ, уже за сто лѣтъ.

Населеніе недостаточно велико чтобы обезпечить театръ отъ матеріальныхъ затрудненій, даже поддержка правительства не спасаетъ положенія.

Актеры и актрисы въ Рейкіавикѣ работаютъ, какъ мнѣ кажется, больше другихъ людей въ странѣ. Необходимость заставляетъ ихъ искать еще другихъ занятій для заработка.

Но вечеромъ и до глубокой ночи они въ театрѣ: на репетиціяхъ и спектакляхъ. И «усталость» — слово, вычеркнутое ими изъ употребленія, потому что театръ не имѣетъ возможности оплачивать замѣстителей.

Если считать рабочіе часы въ театрѣ и внѣ его, они доходятъ до 20 часовъ въ сутки. Таково положеніе вещей въ настоящее время. Но есть надежда, что въ скоромъ времени условія измѣнятся къ лучшему. Одинъ изъ практическихъ идеалистовъ Исландіи 25 лѣтъ назадъ задумалъ постройку зданія для національнаго театра. Онъ неустанно занимался этимъ вопросомъ и не давалъ заснуть интересу другихъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ онъ внесъ въ парламентъ предложеніе обложить страну налогомъ для постройки національнаго театра, и сохранить этотъ налогъ для поддержанія театра и въ дальнѣйшемъ, когда зданіе будетъ отстроено. Этотъ проектъ былъ принятъ и мы надѣялись, что фундаментъ будетъ заложенъ на слѣдующій годъ, когда должно было праздноваться столѣтіе исландскаго парламента. Но увы, когда архитекторы выработали и представили планъ, то оказалось, что постройка зданія обойдется вдвое больше предполагаемой суммы. Это вызвало значительное замедленіе въ постройкѣ театра.

Исландское правительство считаетъ своей обязанностью помогать развитію науки и искусствъ. Съ этой цѣлью, напримѣръ, оно обложило штрафомъ людей нарушающихъ порядокъ. Штрафъ этотъ идетъ въ фондъ помощи студентамъ, для научныхъ командировокъ.

Незаслуженно холодное имя Исландіи (Iceland — страна льда) вовсе къ ней не подходитъ, но я думаю, что это имя одно изъ благъ страны; оно предохраняетъ насъ отъ большого наплыва иностранцевъ на этотъ счастливый и прекрасный уголокъ земли. Иначе мы могли бы потерять наши національныя особенности и не были бы въ состояніи сохранить нашъ языкъ, который, какъ говорятъ, былъ намъ дарованъ однимъ изъ боговъ огня.

Марта Кальманъ

Гончарова — художникъ современной жизни и костюма театральнаго.

Сдѣлать проектъ костюма то же самое, что написать картину (мнѣніе Гончаровой). Я къ этому могу добавить, что первое, т. е. проектъ костюма, въ наше время — задача очень скромная передъ лицомъ неограниченной претензіи современныхъ художниковъ и очень трудная, болѣе трудная, чѣмъ картина. Оцѣнка костюма происходитъ немедленно. И жизнь его и всякой моды, даже, когда она отмѣчаетъ цѣлую эпоху, весьма коротка. Но сказать, что проектъ костюма меньшее творчество, чѣмъ созданіе картины такъ же не правильно, какъ сказать, что крылья бабочки менѣе красивы, чѣмъ шкура пантеры.

Каждая театральная постановка, сдѣланная Гончаровой, непохожа одна на другую и является происшествіемъ въ этомъ родѣ. Первая постановка, заказанная ей Дягилевымъ для Парижа и показанная здѣсь въ Національной Оперѣ въ 1914 году, — былъ «Золотой Пѣтушокъ» Римскаго-Корсакова. Въ Дягилевскомъ балетѣ съ этого момента происходитъ переломъ: начало работы съ модернистами, отказъ отъ петербургской школы и отъ своего же собственнаго «Міра Искусства». Хотя онъ къ нему и возвращался нѣсколько разъ позднѣе, но внутренне онъ ему уже не принадлежалъ.

«Золотой Пѣтушокъ» произвелъ на парижанъ сильное впечатлѣніе. Въ декоративномъ смыслѣ онъ является незабываемымъ замѣчательнымъ спектаклемъ. Въ немъ найдено полное соотвѣтствіе съ духомъ музыкальнымъ и ли-

Н. Гончарова — *Костюмъ для мюзикъ-холл*
N. Gontcharova — *Costume de music-hall*

тературнымъ этого произведенія. Элементъ комическій, буффонада приходятъ къ зрителю не только черезъ слово, они даны въ декораціяхъ и костюмахъ. Французы это чувствовали не понимая словъ либретто. Взаимоотношенія формы и цвѣта между декораціей и костюмами, между отдѣльными костюмами — строго разсчитаны. Первый актъ — оранжевый, второй — темно-синій и коричневый и третій — красный. Все въ рамкѣ живыхъ кулисъ, солистовъ и хора, посаженныхъ на двѣ лѣстницы по бокамъ (въ 1914 г. впервые примѣненіе лѣстницъ въ такомъ родѣ для театра) — интересная выдумка, самое главное, практически правильная и да-

ющая возможность каждому пѣвцу видѣть дирижера и не занимать сцены, свободной для танцоровъ. Такъ называемый «русскій стиль» гончаровскаго «Пѣтушка» до нея никогда не существовалъ. Все это отъ самаго маленькаго орнамента на костюмѣ до комическихъ дворцовъ послѣдняго дѣйствія выдумано художникомъ.

Восемь лѣтъ спустя, Гончарова сдѣлала постановку «Свадьбы» Стравинскаго. Обѣ вещи — русскія, но въ смыслѣ декоративныхъ принциповъ одна противоположна другой. Разнообразіе «Пѣтушка» смѣняется общимъ костюмомъ для мужчинъ и общимъ для женщинъ. Полихромія — двумя цвѣтами: бѣлымъ и коричневымъ. Декоративное построеніе «Свадьбы» не по соотвѣтствію, какъ въ «Пѣтушкѣ», а по противоположности. Желаніе Гончаровой было: музыкѣ, очень сложной по ритму, дать декорацію фоновъ, голубого, сѣраго и охры, съ костюмами почти репетиціонными, въ которыхъ обычно работаютъ танцоры. Групповое дѣленіе танцоровъ и вся сложность танца солистовъ, созданные Нижинскимъ, благодаря этому, остались неприкосновенными. — Костюмъ ихъ не отяжелилъ и не измѣнилъ. Движенія были такъ же явно видны, какъ если бы ихъ дѣлалъ человѣкъ нагой.

Декораціи и костюмы сдѣланы были въ оппозиціи къ танцу и музыкѣ, но своей наготой они позволяли сосредоточить наибольшее вниманіе на музыкѣ и хореографіи. — Оппозиція заключалась въ томъ, что въ данномъ случаѣ ни декораціи, ни костюмы не имѣли въ себѣ никакихъ элементовъ характерныхъ для музыки или хореографіи. — Они были только символами того, что должно было происходить, — и въ танцѣ не подчеркивали ни одного характера. — Невѣста ничѣмъ не отличалась отъ своихъ подружекъ.

Единственное дѣленіе было на полъ и возрастъ. — Спектакль представлялъ три параллели, дополнявшихъ одна другую, — каждое изъ искусствъ стремилось показать максимумъ своихъ средствъ, — при чемъ хореографія сохраняетъ ритмическую зависимость отъ музыки — тогда же какъ декораціи и костюмы — безъ прямой зависимости обслуживали и ту и другую.

Въ послѣдней изъ своихъ постановокъ, «Маленькая Екатерина» Савуари, Гончарова въ зависимости отъ психологическаго момента строитъ каждый актъ. Въ сценѣ прощанія всѣ костюмы черные — конечно разнообразно черные,

Н. Гончарова — *Городской костюмъ*
N. Gontcharova — *Costume de ville*

что не особенно легко сдѣлать, — психологически правильно для момента прощанія, но для Парижа надо было рѣшиться сдѣлать восемнадцатый вѣкъ въ черномъ и дать ему форму, какую зритель могъ бы принять. Привожу нѣсколько мыслей Гончаровой по поводу костюма театральнаго и городского:

«Городской костюмъ или скорѣе костюмъ обыденной жизни созданъ, чтобы покрывать, украшать, скрывать, подчеркивать, предохранять, вообще, чтобы сдѣлать человѣку жизнь удобной и, по возможности пріятной среди ему подобныхъ. «Костюмъ обыденной жизни одѣваетъ личность».

Другими, какъ мнѣ кажется, являются цѣль и смыслъ театральнаго костюма. Одѣвая артиста, онъ имѣетъ еще другое назначеніе, чѣмъ костюмъ обыденной жизни: онъ создаетъ матеріальный аспектъ воображаемаго персонажа, его характеръ, его типъ. Когда костюмъ служитъ подобной цѣли въ обыденной жизни, онъ становится театральнымъ, предназначеннымъ осуществить матеріальный аспектъ воображаемаго персонажа: травести, свадебное платье и т. д.

Явно, что на сценѣ матеріальный аспектъ персонажа принимается во вниманіе. Тамъ есть декорація, музыка, танцы, произносимый текстъ и игра артистовъ. Все это составляетъ, такъ сказать, тѣло, голосъ и одежду великой дамы Мельпомены. Что касается театральнаго костюма, онъ является ея характернымъ признакомъ, говорящей деталью, помогающей понять, объяснить персонажъ и его возможности, создавая атмосферу персонажа, прежде чѣмъ тотъ заговоритъ, запоетъ или сдѣлаетъ жестъ. Онъ создаетъ гротескъ посредствомъ контраста, поддерживаетъ посредствомъ созвучія, усложняетъ или упрощаетъ жестъ или значеніе словъ. Въ этомъ дѣйствительное соотношеніе между костюмомъ и движеніями съ одной стороны, между костюмомъ и произносимыми на сценѣ рѣчами — съ другой. Въ этомъ надо отдавать себѣ отчетъ, съ этимъ именно надо считаться, создавая костюмъ.

Надо также отдавать себѣ отчетъ, что костюмъ не долженъ затруднять или дѣлать невозможнымъ жестъ, необходимый театральному выраженію персонажа, что онъ не долженъ противорѣчить тексту, что жестъ можетъ быть упраздненъ только въ случаѣ, когда онъ дѣлаетъ болѣе выразительными необходимѣйшія движенія. Психологическаго выраженія личности костюмъ не долженъ скрывать, но иногда всего лишь давать иллюзію, что онъ его скрываетъ: театральный рыцарь, переодѣтый монахомъ, долженъ оставаться, несмотря на свое переодѣваніе, рыцаремъ; — мужчина, переодѣтый женщиной долженъ явно оставаться мужчиной — иначе это будетъ совершенно новый персонажъ, хотя и воплощенный тѣмъ же актеромъ.

Я хотѣла бы также указать на характеръ взаимоотношеній костюмовъ между собой и декораціей по отношенію къ нимъ.

Костюмъ и декорація вмѣстѣ создаютъ матеріальный аспектъ и психологическую атмосферу сцены, прежде чѣмъ произведенъ жестъ или услышанъ голосъ актера.

Часто говорятъ: «такой-то костюмъ не будетъ виденъ на этой декораціи». Въ дѣйствительности всякій костюмъ виденъ на всякой декораціи, даже если онъ совершенно одного тона и цвѣта.

Предполагая, что костюмъ можетъ

быть незамѣтенъ на сценѣ или вѣрнѣе на фонѣ декорацій, забываютъ двѣ вещи: вниманіе, совершенно исключительное, направленное однимъ человѣческимъ существомъ на другое, и, съ другой стороны, неоспоримое притяженіе взгляда къ движеніямъ, производимымъ въ опредѣленномъ пространствѣ. Попробуйте не увидѣть на пустынной улицѣ въ пасмурный день человѣка, одѣтаго въ сѣрое, на фонѣ сѣрой стѣны.

Что касается театра, рѣдко удается сдѣлать персонажъ невидимымъ, развѣ надѣвъ на него родъ аксессуара, т.-е. скрывъ его скорѣе формой, чѣмъ цвѣтомъ.

Несмотря на это, надо разсчитать такъ тона и формы декораціи, чтобы ея краски были поддержаны тонами костюмовъ и обратно, чтобы ихъ соединеніе не противорѣчило смыслу театральнаго выраженія и чтобы оно создавало психологически и зрительно единство спектакля. Поэтому, устанавливая макету какого нибудь костюма, надо отыскать точное взаимоотношеніе его тоновъ и формъ, съ тонами и формами декораціи, найти по возможности, лучшую формулу, лучшее разрѣшеніе, каковое въ каждомъ случаѣ является единственнымъ.

Взаимоотношенія, уже сложныя, между костюмомъ и декораціей, еще болѣе осложняются между двумя или нѣсколькими костюмами. Костюмы могутъ взаимно уничтожать другъ друга или же другъ друга поддерживать. Какой нибудь костюмъ можетъ пройти совершенно незамѣченнымъ около другого. Все зависитъ отъ ихъ цвѣтовъ и ихъ формъ и, конечно, также отъ мѣста ихъ нахожденія на сценѣ. Все это можно сравнить съ карточной игрой и ея сложными правилами, при безчисленномъ количествѣ комбинацій. Надо также отдавать себѣ отчетъ въ послѣдовательности появленія костюмовъ на сценѣ.

Вотъ, по моему, главныя основы созданія театральнаго костюма; онѣ допускаютъ всякій анахронизмъ, всякую выдумку, при условіи, что эти послѣдніе ставятъ себѣ цѣлью создать сценическій персонажъ въ соотношеніи съ жестами, текстомъ и ансамблемъ».

Начиная съ 1912 года, Гончарова дѣлаетъ проектъ костюмовъ для Ламановой въ Москвѣ. Ламанова проситъ не заботиться о формѣ, такъ какъ, говоритъ, ее интересуетъ выдумка Гончаровой со стороны орнамента только. Но какъ разъ форма, которую Гончарова дала своимъ моделямъ была той, которой суждено было развиться.

Читая въ 1913 году одно изъ интервью съ Дягилевымъ мы находимъ описаніе того, какъ Гончарова интересуется модой и на нее вліяетъ. «Это она выдумала платье-рубаху» — говоритъ Мишель Жоржъ Мишель.

Спорный вопросъ о неравноправности графическаго, пластическаго и живописнаго началъ — въ данное время насъ, мнѣ кажется, меньше волнуетъ. — Ясно, что нѣтъ преимуществъ ни за однимъ изъ этихъ свойствъ. Важно одно, какъ они примѣняются для разрѣшенія опредѣленной цѣли. Оттого что одно явленіе болѣе обыденное, а другое — менѣе, не умаляются качества болѣе обыденнаго.

Леонардо, Ботичелли, Паміаполо не дѣлали разницы между живописью декоративной и станковой. Устройство празднествъ, иллюминацій, фрески, портреты, иллюстраціи они дѣлали съ одинаковымъ интересомъ.

М. Л.

Художественная хроника

О живописи и о Рѣпинѣ

Внѣ Россіи, въ катастрофическое и мучительное время умеръ Рѣпинъ. Умеръ «всей Россіи» извѣстный русскій незадолго передъ смертью громко — и не въ первый разъ — заявившій о своихъ, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. Всѣ эти исключительныя обстоятельства отражаются въ извѣстной мѣрѣ на откликахъ печати по поводу смерти «великаго» художника.

Не попытаться - ли оцѣнить Рѣпина внѣ всего этого, просто, какъ художника? Не постараться - ли найти критерій, который помогъ-бы установить его подлинное значеніе прежде, чѣмъ это сдѣлаетъ время?

Всякое творчество неизбѣжно слагается изъ «что» и «какъ». Истинный художникъ долженъ обладать двуединымъ дарованіемъ: способностью видѣть, т. е. воспринимать и способностью убѣдительно передавать воспринятое, т. е. изображать.

Казалось бы первое само собою разумѣется, да и не такъ ужъ оно существенно: всѣ видятъ, всѣ воспринимаютъ внѣшній міръ приблизительно одинаково. Казалось бы — и это часто можно слышать — что вся сущность искусства въ томъ «какъ» изображать. Однако, за послѣднее время все настойчивѣе раздаются голоса, указывающіе на необходимость сказать «что-то» въ каждомъ произведеніи искусства. И это «что-то», котораго требуютъ, о которомъ тоскуютъ, разумѣется, не интеллектуальнаго характера: это не фабула, не сюжетъ, не «содержаніе».

Въ живописи и скульптурѣ, какъ и во всякомъ искусствѣ, «что» — способность воспринимать міръ по своему, глубже, шире и напряженнѣе, чѣмъ это доступно обывателю; способность открывать въ мірѣ новое. Тотъ, кто воспринимаетъ такъ же, какъ масса — не художникъ.

Обыватель не знаетъ ни формы, ни цвѣта предметовъ: онъ смотритъ на нихъ мелькомъ. Изъ суммы этихъ мимолетныхъ и непровѣренныхъ впечатлѣній — съ одной стороны, изъ привычки видѣть предметы такими, какими показало ихъ искусство — съ другой, слагается обывательское представленіе о внѣшнемъ видимомъ мірѣ. Художникъ смотритъ на однѣ и тѣ же вещи часами въ теченіе дней, недѣль, а иногда — и лѣтъ. Онъ изучаетъ видимое, старается проникнуть въ его глубину; онъ провѣряетъ свои впечатлѣнія. Истинный художникъ, т. е. творецъ, кромѣ того стремится освободиться отъ привычки обманчивыхъ обликовъ и условностей, установленныхъ традиціей, и найти свое собственное, ему одному свойственное зрѣніе. Такой художникъ неизбѣжно открываетъ что-то новое въ видимомъ мірѣ и расширяетъ способность воспріятія не только свою, но и вообще. Въ результатѣ — толпа послѣдователей, т. е. школа со всѣми ея ужасами: подражаніемъ, традиціями, канонами, «вѣрностью завѣтамъ» и т. п. Другими словами, подлинное творчество мало по малу замѣняется рутиной и косностью. Возникаетъ стѣна, которую новый творецъ пробиваетъ съ трудомъ и медленностью, часто не доживая до побѣды, часто сдаваясь и падая подъ враждебнымъ сопротивленіемъ. Творецъ не можетъ не встрѣтить отпора, такъ какъ онъ рветъ

путы, взрываетъ традиціи, ломаетъ установившіеся критеріи и вкусы. Это не нравится. Это не можетъ нравиться: масса не любитъ, когда нарушаютъ ея покой и посягаютъ на священную косность. Все это относится, конечно, къ нашей эпохѣ: бывали времена, когда художникъ и искусство не были въ такомъ положеніи.

«Что», т.-е. своеобразное воспріятіе міра должно быть непосредственнымъ, интуитивнымъ — отнюдь не придуманнымъ и нарочитымъ.

Интеллектуальный элементъ въ «что» свидѣтельствуя о слабости художественнаго воспріятія, приводитъ къ господству сюжета, къ тенденціозности, къ анекдоту, разсказу, къ искусственнымъ и отвлеченнымъ построеніямъ, къ лже-воображенію, однимъ словомъ къ «литературности» въ живописи. Всякое искусство ограничено. Живопись имѣетъ дѣло съ міромъ видимымъ и осязаемымъ, а не съ слышимымъ и умопостигаемымъ. Вторженіе въ искусство чуждыхъ ему элементовъ вредитъ: оно ослабляетъ напряженіе произведенія, разбрасываетъ, а не сосредоточиваетъ впечатлѣніе. Истинный живописецъ, часто начиная съ сюжета (напр. картины по заданію), преодолѣваетъ его, переходитъ за предѣлы интеллекта въ ту ирраціональную область, гдѣ начинается творчество.

Чувственный элементъ въ «что» — очень частый въ живописи и въ скульптурѣ — какъ болѣе грубый, болѣе кричащій, заслоняетъ художественное значеніе произведенія. Можно очень плохо написать красивую женщину, напримѣръ. Такая картина можетъ все-таки производить впечатлѣніе, дѣйствуя на зрителя черезъ чувственность. Можно очень хорошо написать мясную тушу (Рембрантъ) и будетъ видно не мясо, и искусство. Однако далеко не всѣ оцѣнятъ красоту такой картины.

Научить видѣть нельзя никакъ: нужно самому найти, развить и отточить свое зрѣніе. Изображать можно отчасти научить и научиться: каждый годъ сотни, если не тысячи молодыхъ и не молодыхъ людей кончаютъ школы и академіи. Въ глазахъ массы, твердо увѣренной, что задача искусства — дублировать природу, все это — художники. Но среди нихъ художники — единицы. Убѣдительность послѣднихъ сохраняется несмотря на пріобрѣтенное мастерство. Почти всегда отъ этой выучки отходятъ и бросаютъ ее, ища своей собственной убѣдительности, какъ основы мастерства. Найдя ее, возбудивъ негодованіе современниковъ (въ томъ числѣ и собратьевъ по искусству, въ особенности, если художникъ никакихъ школъ и академій не прошелъ), такой мастеръ становится основателемъ школы, при условіи, конечно, если у него есть «что» сказать. Его произведенія живутъ и живутъ, разъ онъ обладаетъ и «что» и «какъ».

Искусство между творцомъ и зрителемъ. Говоря объ искусствѣ, невозможно говорить о первомъ, не касаясь второго.

Эстетическая эмоція не имѣетъ ничего общаго ни съ интеллектуальными, ни съ чувственными переживаніями. Для чистыхъ эстетическихъ переживаній необходима особая способность, нѣкоторая утонченность душевнаго склада. Провѣрить, или обнаружить въ себѣ эту способность можно передъ дѣйствительно великими образцами искусства. Ихъ покоряющая сила въ томъ,

что зритель, всматриваясь, погружается въ непосредственное созерцаніе, въ которомъ отсутствуютъ и мысль и чувство. Невозможно разсказать, чѣмъ, почему прекрасны Джіоконда, Венера Милосская, Урокъ анатоміи, портреты Рафаэля, Давидъ и т. д. За всѣми словами останется нѣчто несказуемое, болѣе могущественное, однако, чѣмъ всѣ слова вмѣстѣ взятыя. И этотъ остатокъ — самое существенное въ произведеніи искусства. Его обыкновенно обозначаютъ ничего не говорящимъ словомъ: «геніально».

Огромное большинство зрителей не умѣетъ, да и не старается, разобраться въ качествѣ своихъ впечатлѣній, довольствуясь тѣмъ, что впечатлѣніе есть. Чѣмъ это впечатлѣніе сильнѣе, тѣмъ, слѣдовательно, художникъ выше. Онъ будитъ мысль (разсказъ, тенденція и пр.) и отлично, хоть «мысли» этой цѣна, можетъ быть, всего лишь пятакъ. Онъ будитъ чувство (ужасъ, жалость, восхищеніе красотой лица, тѣла, пейзажа, а не самой картиной) — и хорошо: онъ мастеръ, онъ великій художникъ. между тѣмъ художественныя качества произведенія не оцѣнены по достоинству. Проходятъ десятки лѣтъ — картина умерла. А какой нибудь Кранахъ, не возбуждающій въ томъ-же зрителѣ, ничего кромѣ недоумѣнія, живетъ и живетъ, и покоритъ и засосетъ того - же зрителя, если онъ дастъ себѣ трудъ провести передъ картиною часъ. Грубой и нехудожественной покажется послѣ него «потрясающая» картина, восхищавшая его раньше. «Ей мѣсто въ паноптикумѣ, а не въ галлереѣ», скажетъ онъ самъ.

Но если художникъ видитъ и показываетъ зрителю міръ такимъ, какимъ зритель его знаетъ и привыкъ видѣть; если художникъ въ согласіи съ вкусами массы, или чуть-чуть, въ доступной степени отошелъ отъ нея — онъ не можетъ не нравиться; ему обезпеченъ успѣхъ, правда — короткій, ненадолго переживающій автора, а то — и умирающій ранѣе его самого.

Теперь обратимся къ Рѣпину. Въ нашу задачу не входитъ критиковать его. Намъ хочется всего-лишь поставить нѣсколько вопросовъ.

Обладалъ-ли Рѣпинъ настолько своеобразнымъ и глубокимъ зрѣніемъ, чтобы открыть въ видимомъ мірѣ что-то новое, или же видѣлъ міръ такъ-же, или чуть-чуть иначе, чѣмъ рядовой зритель? Художественнымъ, или обывательскимъ было его воспріятіе?

Преодолѣно ли интеллектуальное и чувственное начало въ Рѣпинскомъ «что» настолько, чтобы не играть первенствующей, если не единственной роли въ его произведеніяхъ?

Возможны ли передъ произведеніями Рѣпина чистыя эстетическія переживанія, или же онъ производитъ впечатлѣніе, возбуждая чувства, ударяя по нервамъ, или, наконецъ, дѣйствуя на интеллектъ зрителя?

Если допустить, что Рѣпинское «какъ» весьма убѣдительно (отмѣтимъ, кстати, что и это очень спорно), возможно ли считать столь-же цѣннымъ его «что»?

Чему обязанъ Рѣпинъ своимъ успѣхомъ, дѣйствительной ли художественной цѣнностью своихъ произведеній, или тѣмъ, что отражалъ свое время, т. е. былъ въ согласіи со вкусами и взглядами современной ему массы?

В. Савинковъ

Де-Пизисъ

На прошлогодней выставкѣ итальянскихъ художниковъ были собраны картины не только представителей новой итальянской школы, но и работы въ той или иной степени близкіе импрессіонистамъ. Самъ по себѣ итальянскій импрессіонизмъ слишкомъ провинціаленъ и простоватъ. На парижскомъ фонѣ онъ кажется малопривлекательнымъ. Увы, въ области чистой живописи современные итальянскіе художники достигли не многаго. Такіе мастера, какъ де Кирико и Карра*) живописью, т. е. тѣмъ, что мы научились называть «живописью» никогда и не занимались.

Это не мѣшаетъ имъ дѣлать интересныя и въ своемъ родѣ несомнѣнно значительныя вещи. Можно какъ угодно относиться къ де Кирико, можно полагать, что картины его не «живопись» (съ большой буквы...), а «литература» или «иллюстрація», но отрицать исключительное дарованіе художника нельзя. Допустивъ даже, что картины де Кирико случайность, допустивъ, что «міръ» де Кирико могъ бы быть показанъ иначе, — не на холстѣ и не красками, — значительность этого міра остается безспорной. Очарованіе и пафосъ его очевидны.

Нынѣшняя «итальянская школа» обязана де Кирико всѣмъ. Собственно говоря школой равной импрессіонизму или кубизму ее считать не приходится. Послѣдователи де Кирико просто усвоили его психологію, его отношеніе къ вещамъ и въ предѣлы его психологіи, въ предѣлы его отношенія къ вещамъ, пытаются внести каждый что-нибудь свое. Чаще всего это «что - нибудь свое» выражается въ техническомъ трюкѣ или въ манерности необязательно хорошаго тона. Впрочемъ, постараемся избѣгать упрековъ. Художники не виноваты въ томъ что пишутъ плохо. Всѣмъ людямъ хочется быть красивыми. Доказывать человѣку, что онъ некрасивъ, да еще почему именно некрасивъ — грубо и безтактно; тѣмъ болѣе, что «смягчающихъ вину обстоятельствъ» всегда множество... Въ нихъ не нуждается художникъ де Пизисъ, которому посвящена настоящая замѣтка.

Де Пизисъ живетъ и работаетъ въ Парижѣ. Работы его давно уже отмѣчены французскими критиками и мнѣ незачѣмъ рекламировать молодого мастера. Импрессіонизмъ, (вѣрнѣе послѣдствія импрессіонизма, въ заколдованномъ кругѣ которыхъ пребываетъ большинство молодыхъ художниковъ), отнюдь не мѣшаетъ итальянской природѣ де Пизиса. Его всегда нѣжныя и изысканныя по цвѣту картины написаны скорѣе въ традиціяхъ французской живописи. Легкій налетъ специфической фантастики вполнѣ гармонируетъ съ чисто живописными качествами манеры де Пизиса. Несмотря на особую женственную кокетливость своихъ холстовъ — художникъ умѣетъ оставаться естественнымъ и простымъ. Натяжекъ и искусственности (основныхъ недостатковъ почти всѣхъ послѣдователей де Кирико) въ работахъ де Пизиса нѣтъ. Онъ или совсѣмъ не «позируетъ», или поза его натуральна...

Кстати о позахъ: — Молодымъ ху-

*) О работахъ Карра приходится судить главнымъ образомъ по репродукціямъ. Въ Парижѣ онъ выставляетъ рѣдко и на упомянутой выставкѣ онъ представленъ всего лишь одной вещью. — Объ этомъ стоитъ пожалѣть.

дожникамъ обойтись безъ нихъ чрезвычайно трудно, а въ тѣхъ случаяхъ, когда живопись носитъ интеллектуальный характеръ, — невозможно. Впрочемъ, та или иная поза нужна каждому (даже не «интеллектуальному») живописцу. Она помогаетъ ему найти себя и выборъ ея имѣетъ рѣшающее значеніе не только въ узкихъ границахъ ремесла, но и внѣ оныхъ. Комментаріи къ этому, можетъ-быть, спорному утвержденію, увели бы насъ слишкомъ далеко отъ картинъ вообще и отъ картинъ де Пизиса въ частности...

Одна изъ добродѣтелей де Пизиса — экономія и разсчетливость въ распредѣленіи эффектовъ. Де Пизисъ запечатлѣваетъ на холстѣ лишь самое главное, какъ въ живописномъ, такъ и въ сюжетномъ отношеніяхъ. Работы художника отмѣчены желаніемъ понять сущность изображаемаго и найти простѣйшее опредѣленіе его. Легкость и непосредственность письма приближаетъ де Пизиса къ лучшимъ современнымъ живописцамъ. Подобно имъ онъ пренебрегаетъ показнымъ блескомъ и техническими ухищреніями, предоставляя таковые тѣмъ многочисленнымъ «виртуозамъ кисти», которымъ другими качествами блистать не дано...

Г. Бабэ

Салонъ настоящихъ независимыхъ

Въ концѣ ноября закрылся у Porte de Versailles самый «лѣвый» изъ большихъ ежегодныхъ салоновъ. Представляло несомнѣнный интересъ увидѣть эту выставку, почти все, что дѣлается въ настоящее время во Франціи въ «старомъ революціонномъ направленіи», того, что въ настоящее время принято называть послѣ-кубизмомъ. Салонъ этотъ относительно невеликъ, хорошо размѣщенъ и вещи пріятно развѣшаны. Не мѣсто здѣсь выражать свое мнѣніе о кубизмѣ и вообще кажется мнѣ не слѣдуетъ теперь далѣе теоритезировать, а скорѣе смотрѣть на результаты. Ибо вѣроятно кубизмъ все-таки кончился, вѣрнѣе популяризировался и перешелъ съ картины на плакатъ, матерію и ковры, это, можетъ, и создаетъ современное оттолкновеніе отъ него. Отмѣтимъ кстати нѣсколько «старыхъ знакомыхъ», напримѣръ, Сержа Фера и нѣсколькихъ интересныхъ новыхъ между ними — Сергѣя Шаршуна, вещи котораго нарочито упрощенные въ смыслѣ композиціи, полны нѣжнѣйшихъ фактуръ и тонкаго чувства «valeur'овъ» и написаны съ чрезвычайной любовью, а также сюрреалистическія композиціи Мишонза, имѣющія свою зловѣще фантастическую атмосферу.

Б. П.

Осенній салонъ

Послѣ посѣщенія каждаго новаго осенняго салона, съ новой силой поднимается въ зрителѣ мысль о глубокой правильности, нѣкоторое время тому назадъ начатой кампаніи въ художественной прессѣ, за уничтоженіе этихъ и огромныхъ и безпорядочныхъ выставокъ, гдѣ хорошія работы совершенно подавлены грубѣйшимъ сосѣдствомъ, затеряны, и часто принадлежа одному и тому же художнику повѣшены въ раз-

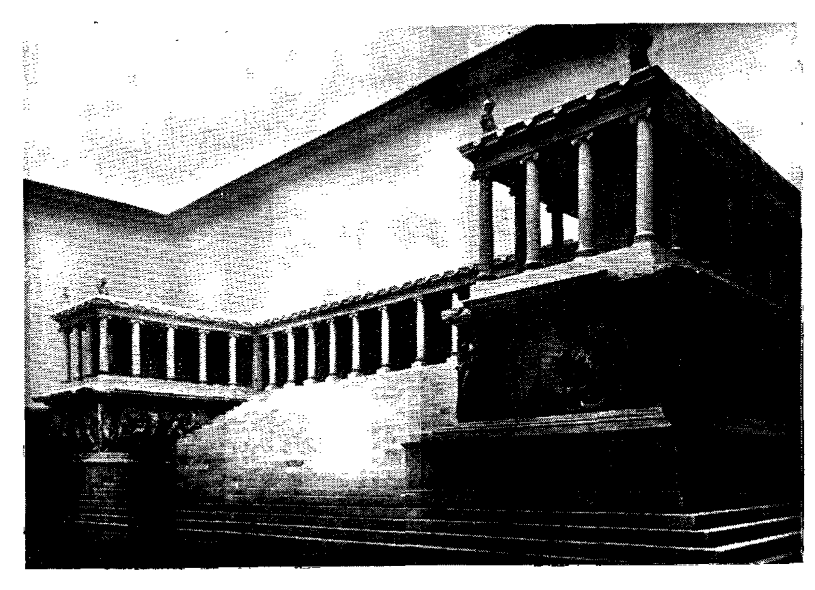
ныхъ залахъ. По существу только одинъ Боннаръ изъ большихъ художниковъ выставляетъ въ Салонѣ, и отчасти еще интересны небольшія ретроспективныя выставки, устраиваемыя иногда въ одной изъ залъ Салона, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выставка Анри Руссо. Но въ общемъ это невѣроятное нагроможденіе картинъ, если и почти ничего не даетъ для искусства, такъ сказать очень поучительно для опредѣленія общаго настроенія художественнаго міра. Растерянность и безпринципность настоящаго времени все же предпочтительнѣй псевдо-кубистическихъ салоновъ 1921 — 1925. Русскіе художники какъ всегда, какъ бы обезцвѣченные и заглушенные въ этомъ хаосѣ, все-же составляютъ единственную, можетъ быть, его интересную ноту. Очень красивы и персональны яркіе пейзажи Минчина. Интересенъ ядовито-зеленый intérieur Ланского, натюръ мортъ съ устрицами Пикельнаго показываетъ своеобразное чувство цвѣта и какое то разъясненіе отношенія къ міру. Очень пріятна терракотовая дѣвушка съ лошадью Андрусова, но почти все остальное на уровнѣ ненужныхъ вещей. Къ сожалѣнію Блюмъ, Терешковичъ и Шацманъ отсутствуютъ на выставкѣ.

А. Б.

Новые музеи Берлина

На «Музейномъ островѣ», между благороднымъ зданіемъ Шинкелевскаго Стараго Музея (его столѣтній юбилей праздновался 1-го октября) и безобразной коробкой Музея Императора Фридриха, выдержаннаго въ строго «вильгельмовскомъ» стилѣ, зажаты строгія, простыя формы новыхъ музеевъ, которыми справедливо можетъ гордиться Берлинъ: Пергамскаго, Древняго Востока и Германскаго. Эти новые музеи уже имѣютъ почтенную исторію. Первые пергамскіе фризы появились въ Берлинѣ въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка и возбудили подлинную сенсацію — европейцы впервые увидали знаменитую битву боговъ съ гигантами, которую римскій писатель Ампелій считалъ за одно изъ «miracula mundi». Послѣ упорныхъ трудовъ, продолжавшихся четверть вѣка, удалось реконструировать Пергамскій алтарь, и въ 1902 году онъ былъ открытъ въ видѣ самостоятельнаго музея — черезъ 6 лѣтъ зданіе начало осѣдать (здѣсь проходятъ Шпрее и каналы) и его пришлось снести, а фризы отправить въ сараи. Упрямый кайзеръ хотѣлъ, чтобы новый музей былъ построенъ на мѣстѣ снесеннаго и на укрѣпленіе фундаментовъ были затрачены милліоны. Потомъ пришла война, за ней инфляція и только теперь республиканская Германія докончила постройку начатую Германіей императоровъ, докончила несмотря на то, что время какъ будто не очень благопріятствовало празднеству музъ — въ день открытія по улицамъ Берлина маршировали отряды «наци», за которыми слѣдовали грузовики «зеленой» полиціи.

Между Дарданеллами и Смирной, въ 30 километрахъ отъ моря лежатъ развалины Древняго Пергама, теперешней Бергамы. Послѣ смерти Александра Македонскаго династія Атталидовъ, искусныхъ полководцевъ, дипломатовъ и финансистовъ создала здѣсь маленькое, но высоко культурное и хорошо организованное государство, ставшее цент-

Пергамскій алтарь *Autel de Pergame*

ромъ наукъ и искусствъ тогдашняго міра. Пергамская библіотека уступала только Александрійской, а изобрѣтеніе пергамента не мало способствовало распространенію литературы. Во 2-омъ вѣкѣ до Р. Х. на Пергамъ обрушились варвары-галаты о которыхъ упоминаетъ апостолъ Павелъ. Въ память побѣды надъ ними, побѣды организованной государственности надъ варварствомъ Царь Эвменей 2-ой и воздвигъ алтарь, посвященный неизвѣстному богу. Фризы, его украшающіе изображаютъ эллинскую легенду о томъ, какъ гиганты, олицетворяющіе хаотическое и разрушительное начало, возстали противъ міропорядка олимпійскихъ боговъ и были разбиты.

Въ огромной залѣ—нѣмцы, заразившіеся у американцевъ, любятъ указывать, что она самая большая музейная зала въ мірѣ (47 × 30 метр.) — высится подлинный пергамскій алтарь, вѣрнѣе его передній фронтонъ. Ступени изъ желто-розоваго мрамора ведутъ къ низкой колоннадѣ, черезъ которую проникаешь къ жертвеннику. Высокій постаментъ и стѣны алтаря украшены фризами-реконструкціями. Подлинные фризы развѣшены по стѣнамъ колоссальнаго помѣщенія. Чѣмъ больше глядишь на эти линіи и формы великолѣпнаго эллинскаго искусства, — хотя уже съ явными признаками упадка, — тѣмъ труднѣе выйти потомъ на сѣрыя площади Берлина.

Слѣдующія двѣ залы, собственно говоря, должно когда-нибудь лечь въ основаніе будущаго музея античной архитектуры, о которомъ мечталъ Т. Ви-

гандъ — здѣсь собраны результаты архитектурныхъ раскопокъ въ малоазіатскихъ эллинистическихъ городахъ 4-2 вѣка до Р. Х.: Магнезіи, Пріенѣ и др. Южная зала посвящена римской архитектурѣ эпохи Траяна и Марка Аврелія и здѣсь поставлены огромныя двухэтажныя ворота рынка въ Милетѣ (2-ой вѣкъ послѣ Р. Х.) — великолѣпный образецъ поздне-римскаго искусства.

Второй изъ вновь открытыхъ музеевъ — Древняго Востока — еще далеко не готовъ и пока для публики открыты только двѣ залы, правда, самыя интересныя. Печально только то, что въ музей попадаешь не съ того конца (новое зданіе еще не имѣетъ собственнаго входа) и это разсѣиваетъ впечатлѣніе. Пройдя черезъ Милетскія ворота зритель попадаетъ изъ бѣломраморнаго эллинистическаго міра въ царство голубой и желтой керамики Вавилона и оказывается по ту сторону воротъ богини Иштаръ — передъ нимъ открывается великая процессіонная дорога. Въ будущемъ современный посѣтитель музея — какъ и его предшественники, вавилоняне 5-го вѣка до Р. Х. — совершитъ обратный путь — пройдетъ по процессіонной дорогѣ, между фланкирующими ее высокими зубчатыми бастіонами къ воротамъ богини любви. Они покрыты словно синимъ восточнымъ ковромъ съ вышитыми на немъ фантастическими животными — быками бога Адада, драконами бога Мардука, покровителя Вавилона и львами Иштаръ. Черезъ ворота Иштаръ 2 тысячи лѣтъ назадъ входили въ укрѣпленный городъ царя Навуходоносора 2-го (600-500 г.г.), воздвигнутый, какъ гласитъ сохранившаяся надпись «на удивленіе народовъ», комплексъ гордыхъ храмовъ и пышныхъ дворцовъ, художественное выраженіе сознанія государственнаго величія и жестокой, но пламенной вѣры.

Неутомимый Кольдевей въ теченіи 18 лѣтъ раскапывалъ развалины холма Касръ и еще 13 лѣтъ понадобилось для того, чтобы собрать зданія «по кирпичикамъ», возстановить формы и линіи, а главное найти оригинальныя краски, исчезнувшія вслѣдствіе процессовъ вывѣтриванія.

Направо отъ воротъ богини высится подлинная стѣна изъ троннаго зала дворца Навуходносора — цѣлая гамма синихъ тоновъ съ львинымъ цвѣтнымъ рельефомъ. Невольно фантазія ищетъ на этихъ сіяющихъ кирпичахъ когда то вспыхнувшія зловѣщія слова древняго пророчества.

По сравненію съ пышными и огромными образцами искусства Передней Азіи новый Германскій Музей сначала, — но только сначала — проигрываетъ. Въ немъ собраны картины и скульптуры 14-17 вѣковъ, прежде находившіяся въ музеѣ императора Фридриха, отчасти въ другихъ коллекціяхъ Знаменитый Боде придалъ этому собранію осмысленный и въ историческомъ и въ художественномъ отношеніи видъ. Нѣмецкое средневѣковье и нѣмецкій ренессансъ представлены здѣсь чудесными образчиками и въ этихъ тихихъ залахъ можно провести многіе и многіе часы, исполненные подлиннаго художественнаго наслажденія.

В. Е. Т.

Авіація и искусство

Выставка въ павильонѣ Марсанъ, Лувръ

Бетонное сооруженіе со стальными балконами. Этажи зеркально - гладкихъ платформъ. Навѣсы изъ дюраллюминія въ серединѣ, внизу пласты фундамента изъ бѣлыхъ кубовъ и надъ всѣмъ легкіе, прозрачные тросы изъ отполированной стали.

Терассы устроены, какъ ярусы висячихъ садовъ Ассиріи. Площадки необычайно обширныхъ балконовъ, выпирающія на десятки метровъ надъ улицами и площадями города.

И столбы огня, фонтаны красныхъ, синихъ, зеленыхъ прожекторовъ, то неподвижныхъ, то крутящихся и мигающихъ. — Это эскизъ проекта для центральнаго аэропорта Парижа. Вокругъ основной постройки, въ тѣни, видны знакомыя линіи крыльевъ дворца Трокадеро, а въ глубинѣ надъ переплетами Эйфелевой башни сіяетъ главный маякъ для воздушныхъ кораблей.

«Искусство и Авіація», называется выставка въ павильонѣ Марсанъ. Пожалуй, правильнѣе было бы назвать ее «Архитектура и Авіація». Повидимому духъ авіаціи почти не отражается ни въ современной живописи и скульптурѣ, ни въ прикладномъ искусствѣ; 2-3 «пейзажа съ аэропланами», нѣсколько проектовъ памятниковъ погибшимъ авіаторамъ довольно спорнаго художественнаго достоинства и образцы фаянсовыхъ вазъ или занавѣсокъ со стилизованными дирижаблями и самолетами (не то стрекозы, не то сыплющіеся съ неба кресты). За то въ зодчествѣ — настоящія завоеванія идеи полета. Какъ это ни покажется страннымъ на первый взглядъ, авіація вдохновляетъ и подчиняетъ всю современную архитектуру. Металлическія строенія изъ стальныхъ брусьевъ, скрѣпленныхъ винтами и стянутые стальными тросами, подвижными въ узловыхъ скрѣпленіяхъ подобны каркасамъ гигантскихъ летательныхъ машинъ. Проектъ ангара польскаго инженера Залѣсскаго даетъ синтезъ между профилемъ формы крыши и сѣченіемъ крыла аэроплана; остовъ крыла, сконструированный на основаніи принципа балки со многими упорами, своими переплетами даетъ полную картину трельяжа параболлической формы. Первымъ опытомъ такого рода архитектуры явилась Эйфелева башня, сконструированная на основаніи принципа равнаго сопротивленія во всѣхъ сѣченіяхъ. Среди многихъ проектовъ выставки есть одинъ (проектъ зданія авіаціоннаго клуба) съ фасадомъ въ видѣ трехмоторнаго аэроплана, гдѣ террасы и навѣсы подъѣздовъ сдѣланы въ видѣ крыльевъ, а вышки для радіо, сигнализаціонныхъ огней маяковъ и наблюденія — въ видѣ неподвижнаго пропеллера и руля для направленія хвоста. Осуществленіе образа летательнаго аппарата при помощи неподвижнаго бетона даетъ потрясающее впечатлѣніе порыва и движенія.

На первый взглядъ казалось бы парадоксально неправильнымъ стремленіе во что бы то ни стало разрѣшать проблему движенія въ неподвижныхъ массахъ желѣзо-бетона. Но исторія архитектуры уже знаетъ подобный опытъ. Такъ, готика явилась слѣдствіемъ стремленія преодолѣть при помощи камня законъ тяготѣнія, уничтоживъ линіи нагрузки и перенеся весь планъ конструкціи изъ горизонтали въ вертикаль. Основная тенденція современной архитек-

туры — побѣда надъ неподвижностью*). Ея профили криволинейные, живые (т. к. кривая есть символъ и эмблема жизни) въ гармоническомъ соединенін съ прямолинейными горизонталями (символъ земного пространства) даютъ ощущеніе сдвига съ мертвой точки, вѣроятно первый опытъ такого рода въ исторін архитектуры. Готика освобождаетъ строенія отъ закона тяготѣнія; архнтектура XX вѣка выводитъ строеніе изъ плана статики въ планъ динамики. Повидимому сейчасъ поиски послѣднихъ ста лѣтъ новаго архитектурнаго стиля находятъ свою настоящую, непредугаданную форму.

Значительная часть выставки экспонатовъ посвящена жертвамъ авіаціи. Преодолѣніе земного притяженія дается человѣчеству не даромъ, земля ревниво оберегаетъ свою власть надъ существами безкрылыми и каждое новое достиженіе авіацiи отмѣчено кровью. Здѣсь техника идетъ поистинѣ крестнымъ, сурово-трагическимъ путемъ. Проектъ памятника Гильбо, героя «Латама 27», который полетѣлъ на помощь Нобиле, оставивъ свой уже подготовленный перелетъ черезъ Атлантическій Океанъ, представляетъ аппаратъ, упавшій носомъ впередъ, съ моторомъ зарывшимся въ волны, со сломаннымъ пропеллеромъ; его распластанныя крылья и корпусъ образуютъ какъ бы надгробный крестъ Это эмблема героической смерти. Положеніе аппарата при полетѣ дающаго кренъ внизъ бываетъ въ трехъ случаяхъ· при атакѣ, при салютѣ и въ знакъ траура. — Дальше памятникъ безвѣстно пропавшей «Бѣлой Птицѣ»; она несется на лучѣ свѣта изъ облаковъ, подобно стрѣлѣ Рядомъ воспоминаніе о послѣднемъ достиженін, объ осуществленномъ перелетѣ «Вопросительнаго знака»

На одной изъ стѣнъ обращаетъ вниманіе серія пано, изображающая какія то сооруженія на волнахъ океана подковообразной формы, непонятнаго назначенія, точно фантастическій пейзажъ съ другой планеты. Это проекты пловучихъ островов, базъ для гидроавіоновъ среди океана, станцій на воздушной линіи Парижъ — Нью-Іоркъ. Они построены изъ скрѣпленныхъ листовъ стали, по принципу подводныхъ лодокъ. Мастерскія, жилыя помѣщенія расположены какъ въ блиндированномъ блокгаузѣ. Водное пространство между концами подковы образуетъ спокойную лагуну, при чемъ весь островъ постоянно направляется моторами и рулями противъ вѣтра.

Есть особое чувство силы и жизнерадостности, которое охватываетъ всякаго, даже непосвященнаго профана, когда онъ соприкасается съ авіаціонной техникой Здѣсь, въ двухъ залахъ павильона Марсанъ, просто не можетъ родиться мысль объ упадкѣ культуры, о кризисѣ цивилизаціи, о сумеркахъ нашей эпохи Здѣсь наоборотъ ясно ощущаешь, что сейчасъ въ человѣкѣ окончательно пробудилась самая мощная изъ міровыхъ силъ, сила энтузіазма, организуемая устремленнымъ знаніемъ. 23 го-

*) «Стиль эпохи» не является чѣмъ то случайнымъ; онъ связанъ съ общимъ строемъ жизни. Былъ вѣкъ камня, вѣкъ бронзы, сейчасъ можно говорить о переходѣ въ вѣкъ летательной машины, самой совершенной реализаціи проблемы движенія. Эйнштейнъ, Бергсонъ, Прустъ — всѣ они разными путями подошли къ одному — къ разрѣшенію задачи временн и движенія.

да какъ Фарманъ совершилъ первый перелетъ въ одинъ километръ.

Въ прошломъ году Костъ установилъ рекордъ міра на дальность полета въ 8.500 километровъ изъ Парижа въ Манджурію.

Въ ближайшее десятилѣтіе аэропланъ-ракета, выйдя за предѣлы высоко-сопротивляемыхъ слоевъ атмосферы легко побьетъ всѣ нынѣшніе рекорды дальности и быстроты (572 кил. въ часъ).

М. П.

«Ангелъ смерти» въ переводахъ

«Ангелъ Смерти» Ирины Одоевцевой, переведенный на англійскій языкъ былъ встрѣченъ съ большимъ интересомъ въ кругахъ англійской и американской печати. Роману и романисткѣ посвящено множество статей въ различныхъ изданіяхъ.

«Ангелъ Смерти» только что вышелъ по нѣмецки (Rembrandt Verlag, Berlin) выходитъ въ январѣ по итальянски (R. Remprad et Figlio, Florence) и пріобрѣтенъ для перевода на французскій датскій, шведскій, венгерскій и чехословацкій языки.

Школа имени Детердингъ

Эта школа, созданная М. А. Маклаковой и группой русскихъ педагоговъ и существующая благодаря ихъ энергіи и благодаря помощи Л. П. Дэтердингъ, — возсоздаетъ для русскихъ дѣтей тѣ условія воспитанія, ту атмосферу, которая казалась не возстановимой внѣ Россіи. Въ прекрасномъ свѣтломъ помѣщеніи, вдали отъ центра Парижа, почти на лонѣ природы, почти въ загородныхъ условіяхъ, въ Отей, — учатся дѣти, какъ учились въ русскихъ гимназіяхъ, реальныхъ училищахъ и почти по той же программѣ, нѣсколько расширенной. Переходя съ М. А. Маклаковой изъ одного класса въ другой и продѣлавъ въ полчаса путь, который ученикъ школы продѣлываетъ въ нѣсколько лѣтъ, я могъ вообразить постепенное его выростаніе въ этой средѣ и сопоставить эти переходы изъ класса въ классъ, изъ одного дѣтскаго возраста въ другой — съ воспоминаніями о досовѣтскихъ русскихъ гимназіяхъ. Если бы много было заграницей такихъ русскихъ школъ, страхъ передъ угрозой денаціонализаціи былъ бы напрасенъ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ «Краткаго очерка» дѣятельности этой школы, выпущеннаго въ видѣ особаго проспекта къ десятилѣтію со дня ея основанія (1920 — 1930 г. г.).

Съ самаго основанія школы въ составъ учащихся принимаются мальчики и дѣвочки отъ 7 до 18 лѣтъ, безъ различія вѣры, національности или происхожденія.

Школа имѣетъ два отдѣленія — классическое и реальное.

Въ качествѣ учебныхъ программъ этихъ двухъ отдѣленій приняты программы русскихъ дореволюціонныхъ гимназій и реальныхъ училищъ съ усиленнымъ изученіемъ французскаго и англійскаго языковъ и ихъ литературъ, и наукъ математической группы. Въ настоящее время программы весьма сближены съ программами французскихъ лицеевъ.

Предметами преподаванія являются: Законъ Божій, языки: русскій, французскій, англійскій, нѣмецкій, латинскій; ма-

тематика: арифметика, алгебра, геометрія, тригонометрія, основы высшей математики; физика, химія, исторія, географія, логика, психологія, естествовѣденіе, рисованіе и черченіе. Гимнастика и спортъ.

Число преподавателей и воспитателей до текущаго 1920-1930 г. было 20, нынѣ, вслѣдствіе открытія новыхъ классовъ и усиленія педагогическаго надзора, достигаетъ — 28.

Заработокъ ихъ былъ около 8 1/2 франковъ за часовой урокъ; въ мѣсяцъ они получали отъ 200 до 765 франковъ на своемъ содержаніи.

Число учащихся, ничтожное въ первый годъ, быстро возрастало и держится въ теченіе ряда лѣтъ на общемъ уровнѣ около 200 человѣкъ.

Число учащихся по годамъ было:

1920	въ нач.	— 6,	въ концѣ	— 30
1920-21	»	— 53,	»	— 136
1921-22	»	— 131,	»	— 177
1922-23	»	— 109,	»	— 149

(Отливъ въ Германію изъ за валюты).

1923-24	въ нач.	— 156,	въ концѣ	— 198
1924-25	»	— 180,	»	— 215
1925-26	»	— 191,	»	— 228
1926-27	»	— 192,	»	— 200
1927-28	»	— 170,	»	— 180
1928-29	»	— 150,	»	— 182

Окончило Школу за 10 лѣтъ около 600 человѣкъ, — своихъ и экстерновъ, изъ коихъ учениковъ Школы было около 300.

Въ высшія учебныя заведенія поступило большинство. Окончило высшія учебныя заведенія свыше 200 человѣкъ. Оставлены при высшихъ учебныхъ заведеніяхъ для подготовки къ профессурѣ 12. Въ 1927-1928 учебномъ году на конкурсныхъ экзаменахъ въ знаменитую «Эколь Сентраль» изъ 2.000 конкурировавшихъ выдержали и были приняты всѣ трое воспитанниковъ Школы, пошедшіе на этотъ конкурсъ.

Н.

Вечера, посвященные «Числамъ»

Вечеръ «Кочевья»

Первый въ этомъ году вечеръ «Кочевья», въ большей своей части, былъ посвященъ только что тогда вышедшей, 2-3 книжкѣ «Чиселъ». Подробный докладъ, или точнѣе рецензію, о ней прочиталъ А. В. Эйснеръ. Начавъ съ указанія на чрезвычайно значительный фактъ упорнаго молчанія критики о 2 - 3 номерѣ и сдѣлавъ отсюда выводъ, о нѣкоторой негласной цензурѣ, существующей въ эмигрантской печати, А. В. Эйснеръ перешелъ къ изложенію и разбору содержанія книги, заранѣе сознавшись въ пристрастіи къ журналу, который сумѣлъ уже съ выходомъ второго номера создать противъ себя общій фронтъ благороднаго негодованія профессіональныхъ политиковъ и литературныхъ рутинеровъ. Сдѣлавъ по поводу разбираемаго номера упрекъ редакціи въ недостаточной формальной строгости, изъ - за чего въ книгу попали вещи явно ученическія, не достигающія общаго уровня «Чиселъ», докладчикъ пробовалъ въ заключеніе опредѣлить пока еще трудно уловимый духъ журнала, его «направленіе», привѣтствуя при этомъ свободу отъ политиканства, которымъ такъ часто въ иныхъ изданіяхъ подмѣняютъ политику, и возможность, благодаря этой свободѣ, обратить все вниманіе на вопросы искусства. Закончилъ А. В.

Эйснеръ увѣренностью въ томъ, что молодые писатели зарубежья, расходясь съ «Числами» въ рядѣ вопросовъ, не могутъ не сочувствовать имъ, какъ въ широкомъ смыслѣ слова своему журналу.

Послѣ доклада состоялся обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе: В. Л. Андреевъ, В. С. Варшавскій, Б. Ю. Поплавскій, В. Фохтъ, Г. П. Федотовъ и другіе. Особенно интересными были замѣчанія Г. П. Федотова, единственнаго на этомъ вечерѣ сумѣвшаго найти слова для опредѣленія общаго внутренняго тона «Чиселъ», и подѣлившагося со слушателями своими опасеніями за ихъ дальнѣйшій путь, но, впрочемъ, закончившаго свою рѣчь надеждой, что «духъ Петронія» будетъ преодоленъ.

Эр

Вечеръ Союза молодыхъ поэтовъ

Больше всего говорилось о «духѣ» журнала и въ этомъ выступавшіе въ Союзѣ сходились съ большинствомъ газетныхъ критиковъ, обычно говоря о журналахъ, разбирающихъ только отдѣльныя произведенія, но невольно дѣлающихъ исключеніе касаясь «Чиселъ». Вѣроятно, во второй-третьей книгѣ духъ журнала выявился не столь въ стихахъ, какъ въ первой, сколь въ статьяхъ, о которыхъ говорилось больше всего.

О нихъ, какъ и объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, докладывалъ Ю. Б. Софіевъ, руководствовавшійся главнымъ образомъ замѣтками Н. А. Оцупа «Изъ дневника» и «Комментаріями» Г. В. Адамовича.

Важнѣйшимъ въ новомъ направленіи «Чиселъ» Ю. Б. Софіевъ считаетъ возвратъ съ Парнасскихъ высотъ во имя жалости къ тѣмъ, изъ которыхъ, какъ сказано въ замѣткѣ Н. А. Оцупа «кто-нибудь будетъ отвезенъ завтра на Пэръ-Лашезъ, какъ былъ бы отвезенъ на Волково или другое русское кладбище». Руководствуясь въ дальнѣйшемъ тѣми же замѣтками: полемикой съ Антономъ Крайнимъ, гдѣ авторъ отстаиваетъ право писателей не заниматься политикой и той, въ которой говорится о Некрасовѣ, докладчикъ отмѣтилъ съ удовлетвореніемъ, что среди сравнительнаго литературнаго благополучія, гдѣ еще недавно можно было спокойно «пописывать стишки, заниматься хореями и рифмами», произошелъ расколъ, раздѣлившій молодыхъ писателей на два лагеря: одни считаютъ самымъ важнымъ ежедневное писаніе стиховъ, «ремесло», другіе, слѣдуя за «Числами», хотятъ говорить и думать не о «красивомъ» или злободневномъ, а о самомъ главномъ, о какой-то послѣдней правдѣ.

Ко всему этому подводитъ и статья Г. В. Адамовича, разоблачающаго тщету чистаго искусства.

Вслѣдъ за Софіевымъ выступали: Л. И. Кельберинъ, Б. Ю. Поплавскій, Л. Червинская, Унковскій, Леонидъ Ганскій и Борисъ Заковичъ.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ доклада было выступленіе Бориса Поплавскаго, защищавшаго грубость въ искусствѣ, по его мнѣнію необходимую въ трагическія эпохи. Упомянувъ о греческихъ циникахъ, нарушавшихъ «хорошій тонъ» во имя правды, онъ призывалъ писателей слѣдовать ихъ примѣру и заниматься самыми серьезными вопросами, ибо «никто не имѣетъ права говорить о «хоро-

шенькомъ», пока существуетъ хоть одинъ страдающій.

Какъ и предыдущій ораторъ, Борисъ Поплавскій отозвался одобрительно о разсказѣ Яновскаго, понравившагося ему грубостью и цѣннымъ, по его мнѣнію, соціальнымъ пафосомъ.

Причиной послѣдовавшаго выступленія Лидіи Червинской былъ тотъ же разсказъ Яновскаго. Выступавшая порицала какъ автора, такъ и хвалившихъ его и высказала предположеніе, что хвалятъ Яновскаго только для эпатированія обывателей.

Вслѣдъ за выступленіемъ Унковскаго, касавшагося исключительно формальной стороны произведеній, выступалъ Л. Ганскій, порицавшій «Числа» за напечатаніе статьи Талина о Бунинѣ. Къ «духу» «Чиселъ» вернулся Л. Кельберинъ, говорившій о пафосѣ правды въ «Комментаріяхъ» Г. В. Адамовича.

Б. Г. Заковичъ

Политика и искусство

Вечеръ «Чиселъ»

12 декабря 1930 г. въ залѣ Дебюсси состоялся диспутъ на тему «Искусство и политика», организованный редакціей «Чиселъ». По напряженности спора и по значительности высказанныхъ идей и мнѣній вечеръ былъ знаменателенъ, быть можетъ, не только для выясненія линіи журнала, но и, до извѣстной степени, отношенія эмиграціи къ одному изъ самыхъ живыхъ для нея вопросовъ. Залъ былъ переполненъ, публика слѣдила за диспутомъ съ неослабѣвавшимъ интересомъ.

Вступительное слово произнесъ Н. А. Оцупъ. Докладчикъ предложилъ не обсуждать вопроса академически. Въ краткихъ словахъ онъ напомнилъ содержаніе спора между А. Крайнимъ и руководящей группой «Чиселъ» на страницахъ 2-3-ей книги.

Въ этомъ спорѣ «Числа» нашли поддержку политиковъ - профессіоналовъ, сочувствующихъ автономіи искусства. Но виднѣйшіе изъ политиковъ эмигрантовъ, напр. П. Н. Милюковъ, соглашаясь съ «Числами» въ этомъ, расходятся съ ними въ пониманіи задачъ искусства. Искусство «Чиселъ» они склонны упрекать въ аморальности и упадочничествѣ.

Докладчикъ предполагаетъ, что это происходитъ отъ специфическаго у политиковъ пониманія воспитательныхъ задачъ искусства, у котораго есть своя о с о б а я мораль. То же и съ такъ называемыми «похоронными настроеніями». Искусство въ правѣ и даже обязано говорить о смерти, но во-имя жизни.

Продолжая споръ съ А. Крайнимъ, докладчикъ иллюстрируетъ свои положенія разсказомъ Достоевскаго о Лисабонскомъ землетрясеніи. Нельзя ясно разграничить области искусства и политики, но требовать первенства надъ всѣмъ, что человѣкъ можетъ дѣлать, и въ томъ числѣ надъ искусствомъ, политика можетъ лишь въ моментъ всеобщей катастрофы. Какъ ни страшно то, что мы переживаемъ, въ настоящій моментъ создалась атмосфера, при которой законно и возможно удѣлять искусству вниманіе и силы.

З. Н. Г и п п і у с ъ утверждаетъ, что есть глубокая связь между искусствомъ и политикой. Возражая докладчику, находившему, что она и Д. С. Ме-

режковскій связаны съ эпохой религіознаго пафоса Европы, З. Н. Гиппіусъ утверждаетъ, что истина не зависитъ отъ эпохи. Что такое политика, которую «Числа» отметаютъ?

Г. В. Адамовичъ согласенъ, что споръ не долженъ быть академическимъ. Иначе, вопросъ былъ бы простъ, во всякомъ случаѣ менѣе сложенъ, чѣмъ полагаетъ З. Н. Гиппіусъ. Въ жизни нѣтъ отдѣльно - существующихъ искусства, политики, литературы, все сплетено вмѣстѣ. Писатель имѣетъ ввиду жизнь. Не включая въ свое творчество вопросовъ злободневныхъ, онъ неизбѣжно думаетъ о направленіи міра, «куда все идетъ», т. е. о политикѣ. Также и политикъ не можетъ пренебречь такой силой, какъ искусство. Но сейчасъ вопросъ находится въ другой плоскости.

Поколѣніе, представленное «Числами», ищетъ отвѣта на важнѣйшіе вопросы бытія. Оно чувствуетъ обязанность напомнить о темахъ, забытыхъ сейчасъ въ Россіи: смерть, Богъ, судьба... Оно, можетъ быть, и не религіозно, но знаетъ о мѣстѣ религіи въ культурѣ. Не говоря о Россіи оно помнитъ о ней, и не занимаясь политикой, все же участвуетъ въ ней.

Послѣ перерыва выступаетъ П. Н. Милюковъ. Ораторъ соглашается съ докладчикомъ въ вопросѣ объ автономіи искусства. Онъ всегда стоялъ за независимость искусства отъ политики и не видитъ ничего плохого въ томъ, чтобы литераторы политикой не занимались. Подчиненіе искусства и литературы политическимъ темамъ П. Н. Милюковъ считаетъ пагубнымъ. Касаясь отношенія журнала «Числа» къ этимъ вопросамъ, ораторъ подчеркиваетъ, что по его мнѣнію расхожденіе между руководящей группой журнала и старшими писателями (Мережковскій, Гиппіусъ) внутренно ничѣмъ не оправданно. Какъ тѣ, такъ и другіе являются представителями неоромантизма, отрыва литературы отъ жизни и реальныхъ ея интересовъ. Русская литература періода классическаго, до Толстого включительно, была періодомъ реализма. Его смѣнилъ періодъ романтическій или періодъ «символизма». Сейчасъ, въ то время когда въ Россіи литература возвращается къ здоровому реализму, здѣсь въ эмиграціи часть литераторовъ, въ частности тѣ, которые сотрудничаютъ въ «Числахъ», продолжаютъ оставаться на позиціяхъ отрыва отъ жизни. Съ этой точки зрѣнія П. Н. Милюковъ считаетъ позиціи, занятыя сотрудниками «Чиселъ», и старшими и младшими, позиціями прошлаго, а не будущаго.

Г. П. Федотовъ находитъ отношеніе искусства къ политикѣ аналогичнымъ его отношенію къ природѣ. Политика и природа входятъ въ искусство, но подлежатъ переработкѣ. Наша политика плоха. Если бы она была связана съ жизнью, искусство претворило бы ее. Въ настоящее время писатели предпочитаютъ другія темы. Эмигрантскіе писатели уходятъ въ себя. Опасно не то, что «Числа» ушли отъ политики, а то, что они недостаточно внимательны къ Россіи.

Д. С. Мережковскій возражаетъ П. Н. Милюкову въ его характеристикѣ литературы послѣднихъ десятилѣтій. Нео - романтизмъ былъ лишь ступенью къ символизму. Нашъ отецъ Достоевскій, Бодлэръ только грязныя пеленки... Кругъ идей Достоевскаго не пережитъ. Путь Достоевскаго есть путь

связи искусства съ политикой и христіанствомъ.

Оправданіе «Чиселъ» въ ихъ скрытой религіозности. Мы можемъ говорить о томъ, о чемъ въ Россіи говорить нельзя. Въ Россіи литература прекратилась. Тамъ гдѣ нѣтъ свободы, нѣтъ искусства.

Г. Адамовичъ (съ мѣста) — А Пушкинъ?

П. Н. Милюковъ (съ мѣста) — Къ чести русскихъ писателей литература въ СССР существуетъ.

Д. С. Мережковскій. При самодержавіи была хоть сравнительная свобода, а теперь въ Россіи царитъ смерть. Если въ Россіи и есть еще таланты, то грошъ имъ цѣна. Нельзя говорить объ успокоеніи. Это стыдно.

Рѣчь Мережковскаго вызываетъ въ публикѣ движеніе. Раздаются возгласы съ мѣста.

Н. А. Оцупъ, отвѣчая Мережковскому, рѣшительно протестуетъ противъ его тона и противъ такого пониманія позиціи «Чиселъ». Что сейчасъ нужно дѣлать?

Д. С. Мережковскій (съ мѣста). Надо биться головой объ стѣну.

П. Н. Милюковъ (съ мѣста). А какой результатъ?

З. Н. Гиппіусъ (съ мѣста). Я на это не согласна.

Н. А. Оцупъ не понимаетъ пренебрежительныхъ словъ Мережковскаго о Бодлэрѣ. Гдѣ же стремленіе русской культуры быть вселенской?

П. Н. Милюковъ (съ мѣста, оборачиваясь къ Мережковскому). Да вѣдь это онъ Бодлэра въ люди вывелъ.

Н. А. Оцупъ возражаетъ Федотову на его упрекъ о невниманіи «Чиселъ» къ Россіи. Блокъ, имя котораго здѣсь часто упоминалось, быть можетъ послѣднее выраженіе исконно русскаго стремленія принести себя въ жертву другимъ. Какъ бы теперь лучше послужить русскому народу? Спрашивалъ онъ послѣ революціи. Въ нашихъ условіяхъ повторять позу Блока грозитъ нестерпимой фальшью. Западъ рѣшаетъ эти вопросы суше и, внѣшне — эгоистичнѣй, какъ бы говоря:

chacun pour soi, Dieu pour tous.

Но не слѣдуетъ ли намъ, ради Россіи, внимательнѣй присмотрѣться къ Западу?

При большомъ оживленіи въ залѣ и на эстрадѣ, предсѣдательствующій Георгій Ивановъ закрываетъ собраніе.

Отвѣты на «Анкету о живописи» г.г. М. Блюма, Вульпа, Ж. Липшица, Н. Милліоти, Р. Пикельнаго, Б. Поплавскаго, С. Шаршуна и др. по техническимъ условіямъ не вошли въ настоящій номеръ «Чиселъ» и будутъ напечатаны въ № 5.

„Мастера современной литературы". "Academia". Ленинградъ.

Въ Совѣтской Россіи писатели сразу начинаютъ съ печатанія полнаго собранія сочиненій, которое иногда впрочемъ останавливается на первомъ томѣ за отсутствіемъ дальнѣйшихъ произведеній. Неудивительно поэтому, что писателямъ извѣстнымъ посвящены подробныя монографіи, въ которыхъ ученые знатоки стараются подробно разъяснить особенности творчества «мастеровъ современной литературы» и тѣмъ предотвратить возможность лжетолкованій.

Михаилъ Кольцовъ еще недавно доказалъ свое искусство отчетами о послѣднемъ московскомъ процессѣ въ совѣтскомъ оффиціозѣ. Критикъ находитъ ему предшественниковъ: его можно «прощупать» въ Антошѣ Чехонте и въ Рошфорѣ. «Легкость и пріятность фразы доведены у Кольцова до совершенства» и потому «фельетоны его привлекаютъ читателя съ самаго начала». Онъ приводитъ примѣръ этого увлекательнаго остроумія: «Сколько лѣтъ! сколько зимъ! Въ Парижѣ появилась рыжая борода Петра Струве».

Такимъ способомъ «Струве даже не разоблаченъ, онъ распыленъ Кольцовымъ». «Наша отечественная эмиграція восторгается фельетонами М. А. Алданова» — но Алдановъ не знаетъ, чего хочетъ. «Кольцовъ, въ отличіе отъ Алданова, знаетъ зачѣмъ и почему борются, интригуютъ», и въ его «политическихъ портретахъ» все ясно и «просто». Все дѣло въ томъ, что Кольцовъ свободенъ отъ основного недостатка, указаннаго въ статьѣ Бухарина: «не видѣть партіи это значитъ не понимать смысла событій». Кольцовъ видитъ «нашу партію» и «ощущаетъ себя въ гущѣ совѣтской стройки». Поэтому если его фельетоны «сравнить съ отрывками изъ Толстого или Тургенева» то у Кольцова будетъ преимущество: вмѣсто «символики отвлеченной мысли» у него окажется «естественный пріемъ». Про Михаила Кольцова можно найти подходящими только «слова Виргилія о Пиндарѣ».

Не такъ гладко обстоитъ дѣло съ Бабелемъ, которому посвящена другая монографія. Автобіографія Бабеля правда безукоризненна: онъ «всѣмъ обязанъ встрѣчѣ» съ Горькимъ и произноситъ «имя Алексѣя Максимовича съ любовью и благоговѣніемъ». Онъ, единственный изъ совѣтскихъ писателей, служилъ въ Чека. Но онъ обладаетъ нѣкоторымъ талантомъ и потому внушаетъ опасенія своимъ истолкователямъ.

У него тоже были предшественники: «гиперболическая патетика Конарміи въ значительной степени предварена Тарасомъ Бульбой». Гоголь, Пиранделло, О. Генри, Гейне, Флоберъ, Прустъ — всѣ безпорядочной толпой тѣснятся вокругъ Бабеля, у котораго «пейзажъ напоминаетъ О. Уайльда». Но «вещь, еще наканунѣ имѣвшая успѣхъ, перестаетъ

пружинить», «литература сейчасъ идетъ другими дорогами», а Бабелю «мѣнять голосъ трудно». Въ дальнѣйшемъ монографія разъясняетъ съ большей точностью, что «его романтизмъ есть особаго рода интеллигентская самооборона противъ суровой увѣренности и мужественнаго закала пролетарской революціи» Отсюда ясно, что Бабелю лучше помолчать.

Еще хуже дѣло обстоитъ съ большимъ талантомъ Зощенки. Его подвергли чисто формальной критикѣ, опасаясь даже коснуться темы его произведеній и ихъ основного настроенія. Самымъ занятнымъ является ироническая автобіографія Зощенки, указывающая на существующій «заказъ на краснаго Льва Толстого» и объясняющая, почему онъ не сталъ краснымъ «Рабиндранатомъ Тагоромъ» — имя, подъ которымъ онъ подразумѣваетъ «неуклюжій, громоздкій стиль» Федина. Онъ утверждаетъ даже, что «пародируетъ того воображаемаго, но подлиннаго пролетарскаго писателя, который существовалъ бы въ теперешнихъ условіяхъ жизни и въ теперешней средѣ». В. Шкловскій поясняетъ: «Онъ не Боккачіо, напримѣръ, и не Леоновъ, и даже не Достоевскій». Другіе пытаются объяснить, что же онъ такое, сравнивая его съ Лѣсковымъ и Толстымъ.

Отъ ихъ старательнаго разбора, отъ «изученія» языка и стиля Зощенки, живыя его вещи такъ же вянутъ, какъ нѣкогда греческіе авторы отъ «толкованія» гимназическихъ учителей-чеховъ. И отъ всей этой полицейской «провѣрки паспортовъ» досужими критиками, остается одно острое чувство жалости къ отданнымъ подъ негласный надзоръ «мастерамъ».

Ю. Сазонова

М. Кузминъ. Форель разбиваетъ ледъ. Стихи. Ленинградъ 1929.

Стихи грустные, слабые, очень усталые. Не безъ прелести, конечно.

Ахъ, Сергунька тихій ангелъ отлетѣлъ,
Ахъ, Сергунька, бѣлый свѣтъ осиротѣлъ...

По условіямъ времени, среди книгъ приходящихъ къ намъ изъ совѣтской Россіи, среди стиховъ предвзято - мажорныхъ, однообразно - барабанныхъ, мертвенныхъ и бездушныхъ, это прежде всего «человѣческій документъ». Кузминъ помнитъ бесѣды о преобразованіи жизни, надежды на соединеніе искусства и религіи, блоковскіе ранніе леденящіе «снѣга», «высокій бредъ» Вячеслава Иванова, предвоенный Петербургъ, погибшій скорѣе всего случайно, вовсе не бывшій обреченнымъ, какъ теперь многіе утверждаютъ... Кузминъ былъ одинокъ всегда. Теперь его голосъ становится все глуше, это не рѣчь, а шопотъ. Что дѣлать ему въ теперешнемъ совѣтскомъ мірѣ? Онъ бодрится, онъ усмѣхается, ему даже нравятся новыя времена и апостольско-нищенскій бытъ ихъ.Все стало напряженнѣе,—жизнь еще волшебнѣе, смерть еще неотвратимѣе. «Блаженъ, кто посѣтилъ сей міръ...». Но сама съ собой душа не лукавитъ: ей страшны роковыя минуты. Она растеряна, — и съ прежнимъ, изысканнѣйшимъ мастерствомъ перебирая слова за словами, поэтъ тщетно пытается замаскировать ими невѣріе свое ни во что, и все растущую скуку. Старческій эротизмъ еще даетъ ему иногда вдохновеніе. Но эротизмъ питается лишь иллюзіями: за ними еще очевиднѣе и безжалостнѣе становится правда.

Ю. Сущевъ

К. Бальмонтъ. Въ раздвинутой дали, Поэма о Россіи. Бѣлградъ 1929.

Наши современники къ Бальмонту несправедливы. Распространенное мнѣніе о немъ таково: онъ исписался, онъ раньше писалъ стихи замѣчательные, чуть ли не геніальные, а теперь ослабѣлъ... Это мнѣніе основано, вѣроятно, на томъ, что ранніе вещи Бальмонта никто не перечитываетъ. Если трудъ этотъ произвести, то становится яснымъ, что Бальмонтъ остался такимъ же какъ былъ. Пожалуй, онъ «ослабѣлъ», но еле еле замѣтно. «Въ горящихъ зданіяхъ» или въ «Будемъ, какъ солнце» то же безразсудное многословіе, та же риторика и тотъ же принципіальный, нарочитый, декоративный восторгъ, что и въ послѣднихъ произведеніяхъ Бальмонта. Если кому ранній Бальмонтъ нравится, тотъ долженъ бы любить его и до сихъ поръ. Въ частности «Въ раздвинутой дали» — книга полная обычныхъ бальмонтовскихъ особенностей: стихъ плавный и «роскошный», слова цвѣтистыя и нарядныя, чувства мощныя, космическія.

Но намъ ни ранній, ни поздній Бальмонтъ не нравится.

Ю. Сущевъ

Союзъ молодыхъ поэтовъ. Сборникъ стиховъ IV. Парижъ 1930

Лѣтъ семь - восемь назадъ чуть ли не въ каждомъ русскомъ городѣ былъ союзъ поэтовъ. Задачи его были весьма почтенны: полученіе пайковъ, освобожденіе своихъ членовъ отъ «снѣговой повинности» и т. д. Не знаю, въ какомъ положеніи они сейчасъ, но думаю, что и теперь есть въ такихъ объединеніяхъ смыслъ, все тотъ же, тамъ — въ СССР. Но вотъ — союзъ поэтовъ парижскій, что онъ такое? Зачѣмъ здѣсь, въ сравнительно нормальныхъ условіяхъ, это самое странное изъ всѣхъ профессіональныхъ объединеній?

Союзъ шофферовъ или журналистовъ или врачей, — да, у нихъ свои общія (матеріальныя) дѣла и заботы, но о какихъ, въ этомъ родѣ, интересахъ думать молодымъ парижскимъ стихотворцамъ? Объ изданіи очередной тетрадки стиховъ? Развѣ только объ этомъ. Потому что, кромѣ этого, сообща, дѣлать имъ какъ будто нечего. Единеніе поэтовъ (и то до поры до времени) возможно только при нѣкоторомъ «родствѣ» въ пониманіи искусства и жизни. Его нѣтъ у молодыхъ членовъ парижскаго союза. И потому ихъ мирное сосѣдство не можетъ быть длительнымъ.

Одни изъ нихъ даровиты, другіе — нѣтъ, одни ищутъ «произвести впечатлѣніе», другіе — чего то поглубже; почти всѣ они мало самостоятельны, но у однихъ нѣтъ никакой надежды стать поэтами, у другихъ уже сейчасъ сквозь чужой стиль проступаютъ свои черты. Какъ произойдетъ распадъ союза и произойдетъ ли, сказать трудно. Но если бы его члены захотѣли яснѣе разобраться въ себѣ и въ своихъ сосѣдяхъ и если бы внутри союза произошло само собой какое-то размежеваніе — это было бы хорошимъ знакомъ. Безъ борьбы литературная жизнь становится вялой и инертной, а вялости и въ новой, четвертой, книжкѣ союза не меньше, чѣмъ въ предыдущихъ.

Эта вялость прежде всего — въ ин-

тонаціяхъ. Переходы отъ одной стихотворной фразы къ другой — не свои, заемные. Эпитеты — приблизительны, почти нѣтъ строчекъ, произнесенныхъ съ глубокимъ напряженіемъ, стараній много, но они не туда направлены. Это не вслушиваніе въ себя, это — подбираніе словъ и рифмъ.

Тѣмъ цѣннѣе отдѣльныя исключенія.

Было бы пріятно начать ихъ перечень со стиховъ В. Мамченко, если бы они не были помѣчены 24 и 25 г. г. То, что Мамченко пишетъ такъ мало и рѣдко очень затрудняетъ сужденіе о немъ. Во всякомъ случаѣ, есть всегда нѣчто свое у этого косноязычнаго автора. Онъ силится сказать что-то необычно важное и съ трудомъ связываетъ фразы. Стихи Мамченко напоминаютъ отчаянные жесты глухонѣмого, котораго хочешь, но часто не можешь понять.

У Дряхлова свой голосъ. свой ритмъ, но пишетъ онъ неряшливо. Въ этой тетрадкѣ напечатано его длинное лирическое стихотвореніе, растянутое и состоящее изъ далеко не равноцѣнныхъ строчекъ.

Если бы авторъ сумѣлъ сдѣлать отборъ изъ нихъ, его стихотвореніе могло быть самымъ интереснымъ въ сборникѣ.

Хороши, но не очень радуютъ стихи Смоленскаго. Гладко, удачно, не безъ глубины, какъ всегда у этого автора, но безъ очарованія.

Это очарованіе есть у Халафова въ его немножко дѣтскихъ стихахъ. Вотъ только сохранится ли оно, когда слова его станутъ полновѣснѣй и скупѣе? Почти тотъ же вопросъ — о стихахъ Тауберъ...

У Кельберина въ довольно длинной, но интересной лирической сюитѣ — три очень живыя строчки:

«Путь небесный вѣдь проходитъ низко,
Путь небесный — только жалость, нѣжность,
Путь небесный — все, что людямъ близко.

Совершеннѣе и какъ-то болѣе выношены, чѣмъ у другихъ (въ этой тетрадкѣ) — стихи Софіева и Червинской.

«Гумилизмъ» Софіева привлекателенъ. «Красочность» и яркость Гумилева, вредящія и его собственнымъ стихамъ (несмотря на ихъ выдающіяся достоинства) — чаще всего невыносимы у его учениковъ и подражателей. У Софіева героическая бутафорія не оскорбляетъ. Она обезцвѣчена и въ поблекшей ея скромности есть — «прямое духа благородство».

Первое стихотвореніе Червинской — совсѣмъ хорошо. Хотя есть и въ немъ, какъ въ погубленномъ второмъ стихотвореніи, — «литературность». Удивительно, какъ авторы, подверженные этой болѣзни, упорно думаютъ о стихахъ и стихотворчествѣ (вмѣсто того, чтобы думать и писать о жизни). Пора бы всю эту возню съ «словомъ», «поэтомъ», «стихомъ» и «поэзіей» не дѣлать предметомъ своей лирики. Хочется вѣрить, что «книжность» Червинской не изсушитъ ея несомнѣннаго дарованія.

Николай Оцупъ

А. Формаковъ. Въ пути. Рига 1926; *В. Третьяковъ. Солнцерой.* Петрополисъ. Берлинъ 1930; *Н. Бѣлоцвѣтовъ. Дикій медъ.* Берлинъ 1930; *С. Шарнипольскій. Стихотворенія.* Парижъ 1930.

Въ условіяхъ жизни русской эмиграціи и при глубокомъ равнодушіи «широкихъ массъ» къ современной поэзіи, — даже люди, преданные ей, не могутъ иногда услѣдить, насколько ново имя того или другого автора, печатался ли онъ или выступаетъ впервые, молодъ ли или уже вступилъ во вторую половину «странствія земного». Передо мной четыре книжки не похожихъ другъ на друга авторовъ. Изъ нихъ только объ одномъ, о А. Формаковѣ, въ книгѣ дана библіографическая справка. Изъ нея узнаемъ, что авторомъ уже выпущена одна книга — въ 1925 г. Сборникъ «Въ пути», рецензируемый мною, уже вторая книга Формакова. Она помѣчена 1926 г., но прошла въ свое время незамѣченной, отчего не будетъ, можетъ быть, лишнимъ, сказать и о ней въ обзорѣ новыхъ поэтическихъ сборниковъ. Къ сожалѣнію, то, что можно сказать о стихахъ Формакова, не очень утѣшительно.

Вотъ нѣсколько строчекъ наудачу изъ его книги:

> Алое слово «прости»
> Таетъ на западѣ блѣдномъ.

или:

> Ворчали блестящіе обжоры:
> — Не красочно и объемъ! объемъ!
> Однако, скоро
> Остались не при чемъ:
> Все пошло вверхъ дномъ.

Въ такомъ родѣ почти всѣ стихи всей книги: смѣсь провинціальнаго декадентства съ немного комическимъ футуризмомъ.

Къ счастію, Формаковъ пишетъ и прозу, болѣе совершенную чѣмъ стихи. О ней, при случаѣ, въ другой разъ.

Совсѣмъ другая природа у поэзіи Н. Бѣлоцвѣтова, автора книжки «Дикій медъ». Одно его стихотвореніе хочется выписать цѣликомъ:

> Такими же печальными, какъ струи
> Летейскія, какъ смерти поцѣлуи
> Такими просвѣтленными, какъ Имя
> Творца и Вседержателя, такими
> Прохладными и легкими, какъ пѣна,
> Какъ въ небесахъ плывущая Селена.
> Такими же прозрачными, какъ въ Римѣ
> Вода и воздухъ и вино, такими
> Навѣки незабвенными, какъ встрѣчи
> На Рождествѣ, когда горѣли свѣчи
> На нашей елкѣ праздничной, такими,
> Весь міръ преображающе благими,
> Какъ разговоръ, когда тропою снѣжной
> Я шелъ съ тобой, довѣрчивой и нѣжной...

Стихи Бѣлоцвѣтова далеко не равноцѣнны. Но онъ остороженъ въ выборѣ словъ, достаточно строгъ къ себѣ и можетъ дописаться до своего стиля.

Имя Третьякова знакомо нѣкоторымъ петербуржцамъ. Среди посѣтителей поэтическихъ вечеровъ и студій онъ былъ однимъ изъ наиболѣе внимательныхъ и культурныхъ. Сказывается эта культурность и въ стихахъ его блѣдноватой, но пріятной книжки «Солнцерой».

Посмертная книжка С. Шарнипольска-

го, выпущенная его друзьями и снабженная краткимъ предисловіемъ, вызываетъ смѣшанное чувство. Критиковать только что погибшаго молодого автора какъ будто неудобно. Но правилу «о мертвыхъ ничего, кромѣ хорошаго» уже послѣдовали друзья покойнаго, написавъ о самомъ Шарнипольскомъ и объ утраченныхъ его дарованіяхъ. О стихахъ посмертной его книги нелегко говорить. Да, конечно, способности у Шарнипольскаго были. Но то, что онъ оставилъ, еще не вышло изъ стадіи первыхъ опытовъ, гдѣ ничего еще для автора не прояснилось.

Н. О.

Юрій Фельзенъ. Обманъ. ***Повѣсть Библіотека «Совр. писатели». Из-во Поволоцкаго и К°. Парижъ 1930.***

Книга прочтена, — странное впечатлѣніе. Задумываешься, недоумѣваешь: эту записную книжку какъ будто хотѣли сдѣлать невнятной и однозременно ясной, передать смутность душевныхъ переходовъ въ отчетливыхъ словахъ, — не повѣсть, а ночная бесѣда съ самимъ собой, взаперти. Міръ отвергнутъ или отодвинутъ, и заколочены окна. Это — пробковая камера. Все — въ себѣ. Наблюденіе направлено внутрь. Въ центрѣ тихое «я», — размышленіе, самораскопки, человѣкъ съ ланцетомъ и микроскопомъ. Жадно схватываются мелочи. Влекутъ вниманіе первыя содроганія. Придаточныя предложенія стали главными. Обваломъ прилагательныхъ схоронены существительныя: опредѣленія дороже опредѣляемаго. Всюду — выискиванье, неслышное проползаніе, медленный, неугомонный шопотъ, шаги на цыпочкахъ, не «охота за черепами», — охота за тѣмъ, что въ черепахъ. Мучителенъ выборъ эпитета. Неудовлетворенность однимъ выдвигаетъ двойныя соединенія («безполезно - бунтующее», «послушно - довѣрчивая», «любовно - дружескій», «взволнованно - новый», «убѣждающе - пѣвучій» и даже «саможертвенный»). Эти пары проплываютъ на каждой страницѣ, иногда подрядъ, въ сосѣдствующихъ строкахъ, по 5-6 въ одномъ періодѣ.

Періоды длинны. Они вязки, усѣяны запятыми. Точка упразднена. Съ трудомъ читается вслухъ фраза. Вездѣ ощущеніе тѣсноты и сдавленности. Абзацы растягиваются на 20, 30, 40 строкъ. Сквозитъ настойчивость, упорство, желаніе схватить ускользающее, напряженность ловли. Разсказъ идетъ на одной нотѣ. Голосъ нигдѣ не повышается и не снижается. Только временами, рѣдко слышатся тона приглушеннаго, стыдливаго лиризма. Его выдаетъ напѣвность фразъ. Этотъ мотивъ унылъ. Въ немъ — голосъ безнадежности. Книга напоена деспотизмомъ волевого самовнушенія, — отсюда самообличенія. Все же это не безнадежность и не примиреніе. Звучитъ мужественный голосъ, увѣренность въ преодолѣніи. Чего? Можетъ быть, жизненной стихіи, можетъ быть, собственной слабости и неустойчивости. Къ этому путь одинъ — безстрашіе передъ правдивой оцѣнкой самого себя. Мѣстами трогаетъ безжалостность этихъ признаній.

Кто - то ходитъ въ наглухо застегнутомъ, тѣсномъ пиджакѣ, — все равно кто, — герой или авторъ, но душно, стянуто, несвободно. Чувствуется безвоздушность. Ощущается искусственность. Тяготитъ маята («я... настолько

весь сжатъ, словно бы лишенъ своего (?) воздуха»). Въ такой литературности есть что - то оранжерейное, парниковое, безсолнечное. Это не смерть, но и не жизнь. Въ стремленiи передать печальную однострунность души, идетъ ритмическое чередованiе эпитетовъ (два -три , два - три, иногда четыре и даже пять). Для передачи этого мотива служатъ ряды существительныхъ, — обычно въ концѣ перiода, — ноты стихающаго голоса. Они должны притушить зажегшуюся на мигъ разгоряченность. Все остальное скользитъ въ ровномъ темпѣ. Больше всего повѣсть дорожитъ плавностью. Записи дневника этого не скрываютъ: «плавную обоснованность моихъ разсказовъ, спутывало, останавливало то, что принято называть джентльменствомъ». А въ этомъ джентльменствѣ — настороженность не только предъ другими, но и предъ собой. Тутъ, въ этихъ сторожкихъ наблюденiяхъ за каждымъ своимъ движенiемъ, неуловимыми измѣненiями души, таится горькая отрада, но и странность. Обычно тѣнь слѣдуетъ за человѣкомъ. Въ повѣсти Фельзена человѣкъ бредетъ за своей тѣнью. Волнуютъ не чувства, а ихъ отраженiя, не факты и случаи, а ихъ словесное выраженiе. Все необычно, — и въ этомъ интересъ книги. Она — не русская. Безъ труда отмѣчаются иностранныя влiянiя. Они пронизали духъ повѣсти, они отпечатлѣлись на ея языкѣ. Для нѣкоторыхъ шармеромъ сталъ Прустъ, — модное повѣтрiе, недолгiй учитель, мэтръ безъ школы, безпотомственный дворянинъ литературы: оригиналы — не наставники, больная индивидуальность — не законъ. Кельи для отшельниковъ, просторъ — здоровье. Фельзенъ посадилъ себя въ тюрьму. Въ ней долго не выдержать. Съ русскихъ литературныхъ дорогъ сворачивать трудно, съ русскихъ литературныхъ дорогъ своротить нельзя. Поблуждавъ въ бѣлыхъ пустыняхъ, при разсѣявшейся мглѣ увлеченные рискомъ путники возвратятся на старую широкую дорогу.

Какъ знакомо, какъ законно это безпокойное желанiе отойти отъ вчерашняго дня, отказаться отъ наслѣдства, чтобъ зажить своимъ умомъ! Какъ понятна, какъ бываетъ горяча потребность въ необычномъ словѣ, новомъ, непрiскучившемъ рисункѣ фразъ! Но непобѣдимы основныя традицiи, и духъ языка, и законы человѣчества. Отъ ихъ власти напрасно увертывается Фельзенъ, — не увернуться и не уйти. У строгости и непреклонности языка есть своя квадратура круга, поставленные предѣлы опытовъ и запрещающiя велѣнiя. Никогда не будетъ позволено произнести: «Я буду читать на равныхъ», «она обратилась ко мнѣ уже не на равныхъ». Напрасна и борьба съ точкой. На бумагѣ перiодъ можетъ разростись, усыпанный запятыми. При чтенiи вслухъ проявится, невольно восторжествуетъ въ своей власти неустранимая, четкая и прекрасная точка. Въ концѣ концовъ, оказывается, что ее обозначали условно другимъ знакомъ съ лукавымъ хвостикомъ. Это и есть единственное лукавство книги Фельзена. Остальное — прямодушно и честно въ своей печали. Фельзенъ обладаетъ зоркостью и умомъ. Въ своей благовоспитанности онъ сдержанъ. У него нѣтъ желанья нравиться, онъ не хочетъ быть угодникомъ читателя. Здѣсь есть отсвѣты литературной гордости. Его книга — для немногихъ, эти немногiе должны быть терпѣливы:

не напрасная жертва — она вознаградится. Интересна повѣсть, еще интереснѣй авторъ. Онъ не шаблоненъ — это хорошо. Но онъ боится шаблона — это плохо: значитъ, не увѣренъ, или не крѣпокъ. И опять: молодая неувѣренность — достоинство. Отсутствіе корневистости, крѣпкой внутренней силы, ощущенія опоры — недостатокъ и ущербъ. У Фельзена много данныхъ для свѣтлыхъ предреченій. Изъ нихъ лучшія залоги — его даровитость и умъ. Онъ — аналитикъ, но онъ еще и художникъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ изломанная Леля, простоватая Ида (почему съ «выигрышными (?) ногами»), наивно вульгарные Бобки и Зинка, и, особенно, старикъ Дерваль. Эпизодическое лицо, недолгій гость въ повѣсти, онъ встаетъ живымъ образомъ въ своей отчетливой портретной ясности. Нелегко было заинтересовать и фабулой. Сама по себѣ она блѣдна, ея почти нѣтъ, и совсѣмъ нѣтъ фактовъ. Они падаютъ и тотчасъ пропадаютъ безъ вліянія и послѣдствій. Это — тоже протестъ, — возстаніе противъ сегодняшняго влеченія къ фабулѣ. Молодые писатели жаждутъ погубить ее психологіей безъ сюжета. Походъ смѣлъ — и безнадеженъ.

П. П-ій

***Владиміръ Диксонъ. Стихи и проза.** Съ предисловіемъ Алексѣя Ремизова. Изд. «Волъ». Парижъ 1930.*

Имя Владиміра Диксона, молодого зарубежнаго писателя, умершаго въ декабрѣ прошлаго года, знакомо намъ по двумъ ранѣе вышедшимъ книгамъ: «Ступени» (книга стиховъ) въ 1924 г. и «Листья» (стихи и проза) въ 1927 г. Эти книги имѣли нѣкоторые литературные недостатки, но въ цѣломъ носили на себѣ оттѣнокъ благородства и чистоты языка. Въ этомъ было одно изъ очарованій Вл. Диксона и даже излишняя въ нѣкоторомъ смыслѣ зависимость отъ традицій всей русской поэзіи искупалась, если мѣстами и незначительнымъ, то во всякомъ случаѣ своимъ подлиннымъ поэтическимъ голосомъ.

Только-что вышедшая посмертная его книга, «Стихи и Проза», обнаруживаетъ въ В. Диксонѣ писательскую зрѣлость и открываетъ новый кругъ темъ и стилистическихъ опытовъ, которыми интересовался писатель въ послѣдніе годы своей жизни. И если въ стихахъ его, — правда, по сравненію со «Ступенями», очень окрѣпшихъ, — попрежнему сказывается, наряду съ собственными темой и стилемъ, вліяніе Блока, то проза В. Диксона показываетъ, что молодая зарубежная литература потеряла въ немъ очень интереснаго и, суливщаго многое въ будущемъ, прозаика.

Проза, представленная этой книгой, очень разнообразна. Наряду съ такими разсказами, какъ «Ложь», «Письмо», «Разсказъ о дѣдушкѣ» и «Память», матеріаломъ для которыхъ послужили бытъ или воспоминанія, мы имѣемъ опытъ народной русской сказки («Сказка», «Подарокъ»), цѣлый циклъ бретонскихъ легендъ и житій святыхъ и просто поэтическіе «essais» («Глаза», «Червь»). Но лучшими страницами этой книги, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе, являются безспорно два разсказа изъ цикла «Описаніе обстановки» (послѣдніе разсказы Диксона).

Здѣсь, собственно, заложены тѣ новые пути, по которымъ могло бы разви-

ваться чрезвычайно значительное творчество В. Диксона. Первый разсказъ, «Столъ», заключаетъ въ себѣ описаніе не самого стола, а того процесса мышленія, который ассоціируясь со всѣми предметами, лежащими на столѣ, проходитъ въ сознаніи писателя. Съ математической точностью регистрируетъ В. Диксонъ весь ходъ своихъ ассоціацій:

«На столѣ стоитъ лампа, а рядомъ съ ней — игрушечная лошадь, раскрашенная узорами. Лошадь улыбается; она деревянная. Должно быть, хочетъ сахара; лошадей надо кормить съ ладони, а не пальцами, а то всю руку откуситъ. Грива у лошади зеленая и желтая; ее зовутъ Крѣпышъ; иного имени у деревянной лошади быть не можетъ. Она убѣжала изъ Теръ - Агасьянцевскихъ конюшенъ — и стоитъ у лампы, пасется на столѣ. Задней ногой лошадь упирается въ телефонную книгу, на обложкѣ которой написано: 42».

«Лампа въ десять свѣчей» напоминаетъ писателю о смерти «капельмейстера Крейслера». Дождь и первая тяжелая капля на окнѣ вызываетъ мысль о Средиземномъ морѣ и корабляхъ. Цифра 42 на телефонной книгѣ указываетъ на то, что «экспортъ шведской промышленности достигъ 42%». Случайно возникшая школьная фраза «сказуемое согласуется съ **падежомъ»,** ассоціируется «съ угрожающими размѣрами **падежа** скота» въ Россіи. Теръ - Агасьянцевскія конюшни, которыя были вызваны въ памяти писателя игрушкой, стоявшей на столѣ, напомнили о дѣвицѣ Геръ-Агасьянцъ, пьющей чай. Такъ возникаетъ цѣлая цѣпь образовъ и людей, снова появляется «капельмейстеръ Крейслеръ» — и вотъ почему весь этотъ хаосъ мыслей (вся эта «толчея мыслей, въ которой отражаются и съ которой движутся вещи», по выраженію А. Ремизова) производитъ на читателя сильнѣйшее впечатлѣніе. Возможно, что этому искусству Вл. Диксонъ научился у Джойса, съ которымъ былъ въ личныхъ отношеніяхъ, но во всякомъ случаѣ русская литература потеряла со смертью В. Диксона любопытнѣйшее явленіе въ области психологіи творчества.

Второй разсказъ въ «Описаніи обстановки» — «Стулъ» — построенъ проще, ибо онъ больше касается прямого описанія стула и его исторіи (и исторіи тѣхъ людей, у которыхъ онъ перебывалъ), хотя и здѣсь имѣется великолѣпная по ироніи ассоціація уже не со стуломъ, а съ ковромъ, на которомъ стоитъ стулъ («ночная жалоба ковровой души»).

Книга В. Диксона издана любовно — а подробный, «энциклопедическій», характеръ примѣчаній показываетъ, какъ внимательно отнеслись издатели къ наслѣдству писателя. Среди текста имѣются рисунки В. Диксона, очень связанные съ манерой его письма и со всей его благородной и чистой личностью.

Б. С.

«Мансарда». Рига; «Русскій магазинъ». Ревель; «Понедѣльникъ». Шанхай.

Въ сентябрѣ и октябрѣ 1930 г. въ эмиграціи появилось нѣсколько новыхъ журналовъ. Въ Ригѣ — «Мансарда», въ Ревелѣ — «Русскій магазинъ», въ Шанхаѣ — «Понедѣльникъ». Изъ нихъ «Мансарда» выпустила уже двѣ тетрадки.

Стихи и проза «Мансарды», особенно стихи, не поднимаются надъ среднимъ уровнемъ того, что пишутъ въ эмиграціи начинающіе авторы. Ни одного имени пока выдѣлить нельзя. Но въ общемъ тонѣ журнала, въ подборѣ статей есть что-то пріятное и утѣшительное, есть усиліе до чего-то договориться и какое-то свое мѣсто среди литературныхъ изданій занять. Судя по «письму, которое рѣшили послать заказнымъ» во 2-ой книжкѣ «Мансарды», есть даже въ журналѣ тенденція опредѣлить себя раньше, чѣмъ силы сотрудниковъ это позволятъ. Отсюда нѣкоторая запальчивость, не совсѣмъ оправданная матеріаломъ «Мансарды».

Всякій журналъ всегда — сумма невѣсомыхъ элементовъ, которые составляютъ силу только тогда, когда участники его — въ общеніи пріобрѣтаютъ еще что-то сверхъ того, чѣмъ каждый порознь обладаетъ. Этого подсчитать и измѣрить нельзя. Но при нѣкоторомъ внутреннемъ слухѣ, признаки такой атмосферы безъ труда угадываются. Мнѣ кажется, что у «Мансарды» уже есть нѣчто большее, чѣмъ у каждаго сотрудника въ отдѣльности. Остается самое важное, трудное и еще участниками журнала не разработанное — собственное творчество каждаго изъ нихъ. Передъ ними путь очень тяжелый въ условіяхъ эмиграціи, особенно вдали отъ литературнаго центра, который въ силу какихъ-то причинъ — единственно и только въ Парижѣ.

«Русскій Магазинъ» пытается помочь этому своему отрыву отъ центра и печатаетъ у себя авторовъ, проживающихъ въ Парижѣ — Ремизова, Поплавскаго и др. Признаться, намъ интереснѣе было-бы среди «мѣстныхъ силъ» найти новое имя, нежели прочесть и въ ревельскомъ изданіи хорошія вещи слишкомъ знакомыхъ авторовъ. Но и здѣсь, какъ въ «Мансардѣ», новыхъ открытій нѣтъ. Въ «Русскомъ магазинѣ» кромѣ того, меньше собранности и меньше самостоятельности. Все-же и этотъ журналъ можно привѣтствовать съ надеждой, что онъ поможетъ рано или поздно, мѣстнымъ авторамъ найти свой голосъ.

Для «Понедѣльника» центръ притяженія нужно искать не въ Парижѣ, а... въ Москвѣ. Несмотря на отдѣльныя фразы явно «бѣлогвардейскія»,—душа журнала въ туманѣ московской культуры (и не вообще московской, а именно теперешней, совѣтской). Отсюда чрезмѣрное, несвойственное русской культурѣ, пренебреженіе къ западу (у совѣтскихъ москвичей посильнѣе: къ «гнилому западу») отсюда, безъ мѣры и контроля, восхваленія авторовъ преимущественно совѣтскихъ (это всегда подозрительно, потому что безъ предвзятости нельзя замалчивать русскихъ писателей и поэтовъ, живущихъ въ эмиграціи).

Непріятно разсудительное воркованіе вступительной статьи, изъ которой вытекаетъ, что русскіе писатели на Западѣ «лучше» г. г. Щербаковыхъ, Сѣверныхъ и Несмѣловыхъ только потому, что къ ихъ услугамъ лучшія типографіи и издатели.

Собственное творчество упомянутыхъ выше авторовъ стоило-бы упоминанія наряду съ произведеніями другихъ дебютантовъ, но раннее самодовольство руководителей журнала побуждаетъ насъ отложить болѣе подробный разговоръ о немъ до появленія слѣдующихъ выпусковъ «Понедѣльника».

Н.

Ю. Либединскій. Рожденіе героя. Романъ. Москва 1930.

Старый коммунистъ Шороховъ влюбляется въ свою свояченицу, Любу. Его «переживанія», его чувства и мысли, его сомнѣнія, его колебанія описаны Ю. Либединскимъ очень обстоятельно. Романъ идейный, вѣрнѣе тенденціозный: авторъ пытается объяснить, почему Шороховъ, несмотря на всѣ свои партійныя и революціонныя добродѣтели, не можетъ еще стать подлиннымъ «героемъ», т. е. подчинить жизнь личную жизни общественной или по крайней мѣрѣ слить ихъ безъ ущерба для той и другой. Однако, Либединскому суждены одни только «благіе порывы». Таланта у него немного и какъ онъ ни борется со схематизмомъ, романъ его напоминаетъ упражненіе на заданную тему. Если «Рожденіе героя» чѣмъ либо и интересно, то лишь тѣмъ впечатлѣніемъ, которое эта вещь произвела въ Россіи и безконечными спорами, идущими вокругъ нея. Къ сожалѣнію, анализъ этихъ споровъ не можетъ умѣститься въ рамкахъ рецензіи.

Ю. Сущевъ

Дм. Лаврухинъ. По слѣдамъ героя. Москва 1930.

Книга исключительно интересная. Авторъ собралъ въ ней матерьялы, изъ которыхъ составляется романъ. Отдѣльныя замѣтки, записи изъ дневниковъ, мысли изъ записной книжки, наблюденія, «зарисовки», черновики... Дальше попытки изъ этихъ матерьяловъ построить повѣствованіе. «По слѣдамъ героя» цѣнно и для пониманія теоретическихъ вопросовъ творчества, и еще болѣе, какъ свидѣтельство о жизни, бытѣ и настроеніяхъ въ теперешней Россіи. Дм. Лаврухинъ — человѣкъ безспорно умный и зоркій, который въ потокѣ дѣлъ и словъ сумѣлъ подмѣтить все наиболѣе важное.

Ю. Сущевъ

Юрій Олеша. Зависть. Изд. ЗИФ. Москва.

Одно изъ самыхъ своеобразныхъ произведеній совѣтской Россіи. Яркое и, въ какомъ то смыслѣ, неожиданное. Объ этомъ романѣ въ зарубежной прессѣ появилось много лестныхъ рецензій. Но странное дѣло, эта книга пользуется большимъ успѣхомъ и въ СССР. Вотъ отрывки изъ отзывовъ совѣтской печати...

«...Это произведеніе ставитъ Олешу въ рядъ лучшихъ писателей («Правда»)».

«... Книга Олеши большой вкладъ въ современную литературу. («Молодая Гвардія)».

И т. д. и т. д.

Если мы вспомнимъ, что «принятый» здѣсь, гонимъ тамъ, — то фактъ такого единодушія въ оцѣнкѣ книги Олеши становится интересной и чрезвычайно отвѣтственной, во многихъ отношеніяхъ, темой для изслѣдованія возможностей сближенія психологіи находящихся по разнымъ сторонамъ границы... Это нѣкій мостъ!

Романъ Олеши написанъ въ выраженіяхъ, которыми сейчасъ изъясняется и мыслитъ Россія въ своей массѣ. Вмѣ-

стѣ съ тѣмъ слова тщательно отобраны и ни разу не встрѣчается: — тракторъ, электрофикація, секторъ и т. п. Словарь богатъ и — что важно! — это не существительныя, списанныя у Тургенева, Лѣскова, Ремизова и Бунина, тщательно сохраняемыя и преподносимыя подъ новымъ или полуновымъ соусомъ,—это живая рѣчь новой Россіи!

Недавно Леоновъ обмолвился приблизительно такъ:

— Мы не можемъ разсчитывать наши произведенія на столѣтья; отъ насъ требуютъ писать на злобу дня...

Одинъ изъ героевъ романа Иванъ Бабичевъ (немного Мармеладовъ, немного «стрѣлокъ» Куприна), — трибунъ харчевенъ, мечтаетъ собрать и представить новой эпохѣ «старое барахло», — людскія чувства! Въ послѣдній разъ выстроить ихъ и заставить вспыхнуть хоть на мгновенье, какъ перегорѣвшую электрическую лампу. Парадъ чувствъ!... Безразсудный храбрецъ, вѣрный другъ, блудный сынъ, самоубійца перерѣзывающій себѣ горло... всѣ полно выражающія характерныя, отживающія, чувства, прежде чѣмъ исчезнуть навсегда, пройдутъ предъ мерцающей маской исторіи. Объ этомъ мечтаетъ Иванъ. Себѣ онъ оставляетъ скромную роль командующаго парадомъ.

Но трудно найти людей исчерпывающе, полно выражающихъ — чувство! Только одинъ найденъ: Кавалеровъ — Зависть.

Впрочемъ апологетъ этого живописнаго представленія скоро мякнетъ, устаетъ.

— Дѣло въ томъ, — объясняетъ онъ. — что эти чувства не отмираютъ, не исчезаютъ; они только перешли къ представителямъ новой, сильной эпохи. Для насъ же осталось одно чувство: Зависть. Пейте, Кавалеровъ.

Однажды утромъ, встрѣтившись съ Кавалеровымъ у незастеленной кровати вдовы Анички, неодѣтый Бабичевъ успокаивающе и объясняюще говоритъ:

«— Выпьемъ, Кавалеровъ... Мы много говорили о чувствахъ. И главное, мой другъ, мы забыли... о равнодушіи. Не правда ли? Въ самомъ дѣлѣ... Я думаю, что равнодушіе есть лучшее изъ состояній человѣческаго ума. Будемъ равнодушны, Кавалеровъ...»

Такъ безславно опускается «прекрасный хламъ» стараго; а дитя новой эпохи — Андрей Бабичевъ, комиссаръ и партіецъ занимается футболомъ и изготовляетъ телячью колбасу, которую можно будетъ продавать по тридцать копеекъ килограммъ.

Это талантливое произведеніе написано подъ сильнымъ вліяніемъ Достоевскаго. Кажутся знакомыми фразы, которыя Юрій Олеша подписалъ своимъ именемъ:

«Я говорилъ, ужасаясь тому, что говорю».

Или:

«Вдругъ взять да и сотворить что нибудь явно нелѣпое, совершить какое нибудь геніальное озорство и сказать потомъ: Да, вотъ вы такъ, а я такъ.»

Или:

«Выйти на площадь, сдѣлать что нибудь съ собой и раскланяться...»

Достоинъ вниманія также характеръ рѣчи героевъ этого романа. Они говорятъ въ одномъ «ритмѣ». Каждый говоритъ свое. Никто не повторяетъ другого. Партитуры хорошо распредѣлены и каждый поетъ со своего голоса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ голоса эти какъ-то сливаются всѣ — въ одинъ! Будто у всѣхъ

у нихъ одно сердце, одинъ пульсъ, одно дыханіе и потому «паузы» приходится имъ дѣлать въ одно и то-же время.

Я хочу сказать, что эти люди скорѣе и больше рисуютъ намъ лицо автора, чѣмъ авторъ — обликъ своихъ героевъ.

Это не упрекъ. Это констатированіе факта.

В. С. Яновскій

Ю. Кельчевскій. Въ лѣсу. Романъ. Парижъ 1930.

О романѣ этомъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Онъ занимателенъ, какъ чтеніе «салонное» или «вагонное» и ничтоженъ въ качествѣ произведенія художественнаго. Авторъ выражаетъ мысли самыя общія, рисуетъ образы самые условные. Всѣ положенія въ романѣ трафаретны. Славные, добрые, молодцеватые эмигранты, прелестныя женщины... Добродѣтель торжествуетъ, влюбленные соединяются, препятствія къ концу книги устраняются. Интрига и смыслъ наивны до трогательности. Но, правду сказать, такія же книги на французскомъ или англійскомъ языкахъ расходятся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и всѣми признаются явленіемъ законнымъ. Отчего бы и намъ ихъ не узаконить? Вмѣсто «Деревянной ноги» какого нибудь Смита или Пэрри примемся читать «Въ лѣсу». Это все таки не Брешко - Брешковскій. Это скромнѣе, опрятнѣе, лучше. Это — та средняя «литпродукція», которой въ Россіи до сихъ поръ было маловато и о которой русскій обыватель тосковалъ.

Н. Пановъ

Б. Л. Модзалевскій. Пушкинъ. Труды Пушкинскаго дома Академіи Наукъ С. С. С. Р. Ленинградъ 1929.

Извѣстіе, сравнительно недавнее, — вѣдь въ эмиграціи годы проходятъ однообразно, какъ недѣли, — о смерти Бориса Львовича Модзалевскаго — больно поразило всѣхъ кому дороги судьбы пушкинизма и русской литературы. Б. Л. Модзалевскій соединялъ въ себѣ исключительную по обширности эрудицію и работоспособность со столь-же исключительнымъ личнымъ безкорыстіемъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ людей, которые полюбили Пушкина и остались этой любви вѣрными навсегда.

Б. Л. Модзалевскій былъ вдохновителемъ чуть не всѣхъ крупныхъ предпріятій въ области пушкиновѣдѣнія за послѣднія тридцать съ лишнимъ лѣтъ, причемъ во многихъ изъ нихъ сознательно оставлялъ имя свое въ тѣни. Ближайшій сотрудникъ перваго предсѣдателя Пушкинской Комиссіи Академіи Наукъ, Леонида Майкова, онъ вмѣстѣ со своимъ старшимъ другомъ и учителемъ организовалъ знаменитую Пушкинскую выставку 1899 года и подготовлялъ не менѣе знаменитое академическое изданіе сочиненій Пушкина. Онъ основалъ и въ теченіе двадцати лѣтъ редактировалъ академическій сборникъ «Пушкинъ и его современники», чьи сорокъ выпусковъ составляютъ незамѣнимую энциклопедію по исторіи русскаго просвѣщенія пушкинской эпохи. Когда незадолго до войны былъ учрежденъ Пушкинскій Домъ при Академіи Наукъ, Б. Л. Модзалевскій былъ избранъ его руководителемъ и остался его безсмѣннымъ директоромъ до послѣд-

няго дня своей жизни Этому юному учрежденію выпала судьба совершенно исключительная. За десять лѣтъ существованія, въ самое тяжелое пореволюціонное время, Пушкинскій Домъ сталъ живымъ средоточіемъ русскаго пушкиновѣдѣнія и литературовѣдѣнія Безчисленные «Труды Пушкинскаго Дома» выходившіе въ тѣ годы, когда русская мысль была обречена на молчаніе, занимаютъ почетную и внушительную полку въ собраніи библіофила.

Я помню какъ въ 1922 году, юнымъ студентомъ, я пришелъ къ Б. Л Модзалевскому просить о разрѣшеніи воспользоваться для моей работы одною изъ рукописей Пушкина, принадлежавшей къ собраніямъ Пушкинскаго Дома Въ Петербургѣ стояли тогда лютые морозы, набережныя были засыпаны высокими сугробами снѣга, и Пушкинскій Домъ, на Васильевскомъ Островѣ, между Биржей и Университетомъ, стоялъ неотапливаемый Борисъ Львовичъ принялъ меня въ своемъ холодномъ кабинетѣ, съ важной любезностью, сидя за рѣзнымъ, съ бронзовыми украшеніями, письменнымъ столомъ «дней Александровыхъ прекраснаго начала», въ шубѣ и въ шапкѣ. Широкая, сѣдая борода и живые, черные, спрятанные за старомодными очками, улыбающіеся глаза Я получилъ отъ него все, что просилъ, и даже больше: неожиданное довѣріе и поощреніе. Съ снисхожденіемъ и гордостью, какъ жрецъ должно-быть вводитъ новичка въ свое святилище, водилъ онъ меня по неотопленнымъ, заставленнымъ заламъ Пушкинскаго Дома, показывая ящики съ драгоцѣнными рукописями, портреты на стѣнахъ и шкафы, гдѣ за стеклянными дверцами стояли томики библіотеки Пушкина.

Я ушелъ отъ него обласканный и покоренный, какъ должно быть многіе, кому случалось приблизиться къ этому замѣчательному человѣку.

Выпущенный друзьями Б. Л Модзалевскаго посмертный сборникъ его работъ о Пушкинѣ къ сожалѣнію не даетъ достаточно полнаго представленія о его дѣятельности. Задача эта, кстати, врядъ-ли могла быть выполнена въ узкихъ предѣлахъ одной книги Литературное наслѣдіе Б. Л Модзалевскаго, статьи, изслѣдованія, комментаріи къ текстамъ и дневникамъ Пушкина, слишкомъ разнообразно и нестройно. Можно всетаки пожалѣть о томъ, что нѣкоторыя основныя работы, какъ «Пушкинъ подъ тайнымъ надзоромъ», «Анна Петровна Кернъ», не были включены въ сборникъ по тѣмъ соображеніямъ, что онѣ были недавно переизданы и имѣются на книжномъ рынкѣ Составители сборника вынуждены были ограничиться тѣмъ, что включили въ него нѣсколько статей, затерянныхъ въ старыхъ спеціальныхъ изданіяхъ, присоединили къ нимъ извѣстную статью «Родъ Пушкина» и три неизданныя работы, найденныя въ бумагахъ Б. Л. Модзалевскаго.

Эти новыя работы, — «Къ исторіи ссылки Пушкина въ Михайловское», «Работы П В Анненкова о Пушкинѣ» и «Письма Софьи Михайловны Дельвигъ», — особенно двѣ послѣднія изъ нихъ, не имѣютъ вполнѣ законченнаго характера Самъ Б. Л Модзалевскій навѣрно значительно переработалъ бы ихъ прежде чѣмъ отдавать въ печать Но эти изслѣдованія заключаютъ въ себѣ рядъ новыхъ документовъ и деталей, относящихся къ біографіи Пушкина, и поэ-

тому несомнѣнно должны были быть опубликованы.

Повторяемъ, сборникъ этотъ повидимому составлялся наспѣхъ и въ трудныхъ условіяхъ. Будемъ за него все-же благодарны, какъ за напоминаніе о замѣчательномъ человѣкѣ, всю свою жизнь посвятившемъ Пушкину, руководителѣ того учрежденія, которое незадолго до своей смерти почтилъ стихами Блокъ:

...Вотъ зачѣмъ такой знакомый
И родной для сердца звукъ,
Имя Пушкинскаго Дома
Въ Академіи Наукъ.

. . . .

Съ бѣлой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

Съ Б. Л. Модзалевскимъ сошла въ могилу цѣлая эпоха въ исторіи пушкинизма. Можно опасаться за то, удастся ли Пушкинскому Дому безъ его славнаго директора сохранить, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, свое исключительное положеніе.

Г. Ферстеръ

Путь № *24 и 25.* Ymca-Press. *Парижъ.*

Что такое православіе? — Это нищая религія. Неизвѣстная и неизданная мистическая поэзія, разоренные храмы, смиренные священники. Православіе омытое слезами столькихъ подвижниковъ, презираемо католичествомъ за отсутствіе большой схоластической литературы, за неясность догматовъ, которые и вправду не установлены окончательно, за неопредѣленность авторитета соборовъ, за мірскіе интересы священниковъ. Что можетъ на это возразить эта, почти тайная, церковь? То, можетъ быть, что схоластическая мысль чаще всего отъ лукаваго, что своимъ логическимъ геніемъ она изсушаетъ теплоту религіозности, что авторитетъ посягаетъ на соборную жизнь церкви, на софичность ея, что православіе не занимается политикой и что вся его спасительность и нѣжность въ склоненіи къ быту. Трудно ему даже сослаться на свою особую софическую атмосферу, ибо софичность есть скорѣе тихое вѣянье, чѣмъ точно формулированная система. Софичность есть атмосфера, она живетъ въ несказанной нѣжности пѣснопѣній, въ кроткомъ культѣ юродства и нищеты, въ колѣнопреклоненіи, въ молчаніи, въ мистической темнотѣ православія. Христосъ католиковъ есть скорѣе царь, Христосъ протестантовъ — позитивистъ и титанъ, Христосъ православный — трости надломленной не переломитъ, онъ весь въ жалости, всегда въ слезахъ, потому то всѣ, далеко даже отошедшіе отъ церковности, все-же никогда съ презрѣніемъ о ней не говорятъ, а сохраняютъ навѣкъ нѣкую боль разрыва съ православіемъ, какъ Блокъ. Католичество же, властное по природѣ, склонно вызывать гнѣвъ отступниковъ. Но не пора ли православіе защищать и даже реабилитировать его, какъ это ни смѣло сказано. Изучать и издавать его мистическую литературу, и нѣжнѣйшую религіозную поэзію, хотя бы времени «голубиной книги». Россія не доцѣнивала православія, все равнялось на Западъ и даже персы и индусы лучше издавались, чѣмъ православные святые, и это несмотря на Хомякова и Леонтьева и даже Достоевскаго. Розановъ казался почти чудакомъ въ Россіи, Ремизомъ — археологомъ, однако они и на-

чали очищеніе православія отъ недомыслія западниковъ. «Путь» равняется на русскую церковь, онъ чрезвычайно цѣненъ въ виду этого, хотя Франкъ, Бердяевъ и Лосскій скорѣе европейскіе умы, давно оцѣненные. Ильинъ, можетъ быть, слишкомъ рѣзокъ для софической атмосферы — онъ скорѣе протестантски трагиченъ. Вышеславцевъ блестящій язычникъ, но зато съ Флоровскимъ, Арсеньевымъ, Плетневымъ, Алексѣевымъ, Булгаковымъ, Прокофьевымъ и нѣкоторыми другими, появляется въ эмиграціи чисто православная, лирически теплая, софическая настроенность. Нѣчто новое въ общемъ и очень цѣнное. Изъ новыхъ сотрудниковъ журнала въ прошлыхъ номерахъ еще запомнились Меншиковъ и интересный хотя и хаотическій Иваскъ. Чрезвычайно жалко также, что Карташевъ не принимаетъ участія въ «Пути».

Б. П.

André Malraux. La voie royale. *Grasset. Paris.*

Противопоставленіе европейской цивилизаціи и жизни природы, жизни примитивнаго человѣка является безспорно самою модною темою современной французской литературы. Но романъ Малро даетъ ей неожиданную и острую форму: герой романа Клодъ Ваннекъ ищетъ въ тропическихъ лѣсахъ, среди дикихъ племенъ Индо - Китая память о былой утонченной культурѣ, которая превратилась какъ бы въ часть природы. Описаніе поросшаго тропическою растительностью, населеннаго пресмыкающимися, древняго храма врѣзается въ память читателя. Древнія кмерскія статуи, которыя Клодъ Ваннекъ отдираетъ отъ ихъ вѣкового жилища, чтобы увезти съ собою въ Европу, становятся почти живыми. Для автора жизнь художественнаго творенія кажется безспорнѣе жизни человѣка и звѣря. Какимъ отвращеніемъ полны его описанія гадовъ окружавшихъ каменную красу храмовъ! — чувствуешь почти физическое содроганіе отъ муравьевъ, которыхъ давила ладонь ползшаго по стѣнѣ Клода Ваннека. Статуи безсмертны, человѣкъ смертенъ. Мысль о смерти гонитъ героя-авантюриста по свѣту. Смерть въ образѣ ясной угрозы дикарей кажется ему менѣе страшной, чѣмъ смерть, спрятанная въ мягкихъ складкахъ европейскаго комфорта. Единственный отпоръ смерти — активность и это рождаетъ авантюризмъ.

Андре Малро обладаетъ рѣдкимъ даромъ описанія картины двумя - тремя штрихами: трудно забыть палатку вождя дикарей, бѣлый домъ, въ которомъ ослѣпленный французъ вертитъ жерновъ мельницы, или мелькающую между деревьями картину костра, на которомъ дикари сжигаютъ трупы, — лучшую быть можетъ зрительную страницу романа. Андре Малро обладаетъ темпераментомъ необычайной силы, который окрашиваетъ жизнью каждую строку; — и отрава его мысли даетъ роману горькую, почти безнадежную страстность. Подлинность романа, взятаго изъ дѣйствительной археологической поѣздки Андре Малро въ Индо - Китай, составляетъ одну изъ его неотъемлемыхъ прелестей.

Ю. Сазонова

Marc Chadourne. Cécile de la Folie. Librairie Plon. 1930.

Когда читаешь одну за другой новыя французскія книги, то хочется останавливаться не на тѣхъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ блестящему и гладкому среднему уровню, а на другихъ, немногихъ, которыя, будучи лучше или хуже этого завиднаго средняго уровня, выдѣляются чѣмъ-то неуклюжимъ, неровнымъ, какимъ-то нескрываемымъ авторскимъ усиліемъ. Такимъ исключеніемъ была нѣсколько искусственная и запутанная книга Шадурна «Vasco», вышедшая два года тому назадъ, такимъ же исключеніемъ является и «Cécile de la Folie».

Фамилія героини съ нѣкоторой наивностью символизируетъ необычность, мятежность, ирраціональность душевнаго ея склада. Исторія разсказывается несложная. Молоденькой барышней, ученицей консерваторіи попадаетъ героиня въ имѣніе богатыхъ родственниковъ, гдѣ влюбляется въ своего кузена, честолюбиваго, скрытнаго, умнаго мальчика. Для нея это — любовь навсегда, для него — только идеалъ любви, то, чего онъ хочетъ достигнуть, чѣмъ дорожитъ, чего старается не упустить и что ему, въ концѣ концовъ не удается. Студенческая жизнь, война, послѣвоенный Парижъ, съ доступными и казалось бы заслуженными удовольствіями, совершенно его мѣняютъ. Все же Cécile, требовательная, безкомпромиссная, твердая, несмотря на жизненныя и творческія неудачи, остается чѣмъ-то для него высшимъ, послѣднимъ его судьей, и къ ней онъ изрѣдка обращается, вечеромъ или ночью, съ безсвязными, стыдливыми о себѣ признаніями, съ язвительными насмѣшками, какъ бы отмщающими за подобное униженіе. Она, усталая послѣ уроковъ музыки, которыми кормитъ отца и брата, терпѣливо выслушиваетъ его исповѣди и поддерживаетъ въ немъ надежду измѣниться и какъ то подняться. Во всемъ этомъ много отъ Достоевскаго, да и въ книгѣ не разъ говорится о русскомъ духѣ, о русской музыкѣ, о необходимости поѣхать въ Россію. Конецъ романа печальный и, къ сожалѣнію, мелодраматическій. Герой «чувствуетъ» во снѣ, что Cécile рѣшила утопиться, отыскиваетъ ее на берегу Сены, привозитъ домой, но слишкомъ поздно: она смертельно больна и въ его присутствіи доигрываетъ на рояли послѣдніе аккорды.

Недостатковъ въ книгѣ сколько угодно: стремленіе во что бы то ни стало оригинальничать (такъ, «части» романа названы почему-то «періодами»), упомянутый мелодраматизмъ конца, явныя неправдоподобности и порою дурной вкусъ — такія выраженія, какъ «Парижъ — теплая самка», или «слоновая потребность въ нѣжности», конечно, непростительны и недопустимы. Но недостатки Шадурна искупаются сухимъ, жаркимъ тономъ, соотвѣтствующими характеру и переживаніямъ Cécile de la Folie, порывистостью, страстностью, силой авторскаго таланта, жизненной вѣрностью и все же исключительностью прелестнаго образа героини. Любопытно, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся и морали и междучеловѣческихъ отношеній, Шадурнъ проводитъ точку зрѣнія, понятную намъ, русскимъ, и для французовъ врядъ ли пріемлемую. Подобно Монтерлану, Шадурнъ — внѣ основного прустовскаго теченія современной французской литературы.

Ю. Ф.

СОДЕРЖАНІЕ:

Клише работъ Липшица любезно предоставлены «Числамъ» галлереей «La Renaissance».

СБОРНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И ФИЛОСОФІИ.

Адресъ Редакціи: 1, rue Jacques Mawas, Paris XV[e].

Въ вышедшихъ книгахъ «Чиселъ» напечатали оригинальныя произведенія и отвѣты на анкету слѣдующіе авторы:

М. А. Алдановъ, Вадимъ Андреевъ, Георгій Адамовичъ, А. Бахрахъ, Н. Бахтинъ, М. Ю. Бенедиктовъ, П. М. Бицилли, Р. Блохъ, гр. П. Бобринской, Борисъ Божневъ, И. А. Бунинъ, В. Варшавскій, В. В. Вейдле, Гайто Газдановъ, Александръ Гингеръ, З. Н. Гиппіусъ, И. Голенищевъ-Кутузовъ, Сергѣй Горный, Вальдемаръ Жоржъ, Б. Заковичъ, Георгій Ивановъ, М. Л. Канторъ, Діана Карэнъ, Л. Кельберинъ, Д. Кнутъ, Антонъ Крайній, Антонинъ Ладинскій, Рене Лалу, Григорій Ландау, Иванъ Лукашъ, В. Мамченко, Ю. Мандельштамъ, И. В. де-Манціарли, Л. Мартэнъ-Шофье, Д. С. Мережковскій, Н. Милліоти, К. В. Мочульскій, Н. Д. Набоковъ, Ирина Одоевцева, В. Оксъ, М. А. Осоргинъ, Николай Оцупъ, Р. Пикельный, Петръ Пильскій, Борисъ Поплавскій, Г. Раевскій, Р. Режанъ, В. Савинковъ, Ю. Л. Сазонова, Владиміръ Сиринъ, М. Л. Слонимъ, В. Смоленскій, Б. Сосинскій, Юрій Софіевъ, К. Сюаресъ, В. Татариновъ, Г. П. Федотовъ, Юрій Фельзенъ, Г. Ферстеръ, С. Франкъ, Ал. Холчевъ, М. О. Цетлинъ, Марина Цвѣтаева, Л. Червинская, Сергѣй Шаршунъ, А. Швыровъ, Левъ Шестовъ, И. С. Шмелевъ, В. Яновскій и др.; а также помѣщены воспроизведенія работъ слѣдующихъ художниковъ: Андрусовъ, Араповъ, Блюмъ, Вламэнкъ, Гончарова, Делакруа, Домье, Дюфи, Инденбаумъ, Ларіоновъ, Липшицъ, Лучанскій, Милліоти, Минчинъ, Де-Пизисъ, Пикельный, Писсаро, Сутинъ, Терешковичъ, Шагалъ, Яковлевъ.

Въ первой книгѣ — 286 стр и 18 воспроизведеній (одно въ 3-хъ краскахъ) на отдѣльныхъ листахъ и въ текстѣ.

Въ книгѣ второй-третьей — 336 стр. и 26 воспроизведеній (два въ 3-хъ краскахъ). Приложенія къ любительскимъ экземплярамъ первой книги: оригинальная гравюра или оригинальная картина въ краскахъ Шагала; второй-третьей книги: оригинальныя литографіи или оригинальныя работы Вламэнка и Терешковича.

Условія подписки — на послѣдней страницѣ.

CAHIERS DE L'ÉTOILE

Revue bimestrielle.

104, *Boulevard Berthier. Paris* (17e).

Les Cahiers de l'Etoile *ne vont plus paraître périodiquement en* 1931. *Ils se proposent de publier des volumes contenant des écrits de J. Krishnamurti, des études sur lui ou des œuvres exprimant l'esprit de la Revue. La préparation de ces volumes ne permet pas de fixer d'avance la date exacte de leur parution. Nous demandons à ceux de nos lecteurs qui voudraient être au courant de notre nouvelle activité de bien vouloir nous envoyer leur adresse.*

Le premier volume paraîtra à la fin du premier trimestre de 1931 *et contiendra des traductions de quelques écrits de J. Krishnamurti et ses récentes conférences en France.*

Nous rappelons à ceux de nos lecteurs qui s'intéressent à nos idées et à leur propagation que nous avons encore des collections complètes des trois années 1928-1929-1930 (*édition ordinaire et édition de luxe*).

ЧИСЛА

«TCHISLA», 1, rue Jacques Mawas, Paris XVe.
Редакторы: **И. В. де МАНЦІАРЛИ** и **Н. А. ОЦУПЪ.**
Секр. редакціи: Л. Кельберинъ. Секр.
издательства: А. Клюдницкая. Издатель:
Cahiers de l'Etoile. Administration: 104, boul.
Berthier, Paris XVIIe. Ch.-post., Paris 1182-39.
Ген. представ. для всѣхъ странъ: Librairie J. Povolozky, Paris и Petropolis Verlag A. G., Berlin.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1931-ый ГОДЪ

Стоимость 1 экземпляра на бумагѣ «Альфа» — 20, двойного номера — 25 франковъ. Подписная цѣна на годъ: во Франціи — 70, за границей — 75 франковъ (3 доллара). Годовые подписчики получають цѣнное художественное приложеніе. Стоимость именного экземпляра на бумагѣ Hollande de Rives съ литографіей или гравюрой и автографомъ извѣстнаго художника — 150 франковъ. Подписная цѣна на четыре номера: во Франціи — 510, за границей — 550 франковъ (22 доллара). Стоимость именного экземпляра на бумагѣ Japon съ оригинальной работой въ краскахъ извѣстнаго художника и автографами поэтовъ, воспроизведенія и стихи которыхъ напечатаны въ сборникѣ — 1.000 франковъ. Приложенія къ уже вышедшимъ книгамъ: гравюры и литографіи Шагала, Вламэнка, Терешковича, Блюма, Яковлева, а также (къ экземплярамъ на бумагѣ Japon) — оригинальныя работы въ краскахъ тѣхъ же художниковъ. Первая книга имѣется въ продажѣ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Редакція и контора «Чиселъ» открыты по понед. и четверг. отъ 3 до 6 ч. — Рукописи, письма, заявленія о подпискѣ и деньги направлять по адр.: «ЧИСЛА», «TCHISLA», 1, rue Jacques Mawas, Paris XVe.

Le Gérant: M. Bermond. **Imp. Franco-Slave, 32, Rue de Ménilmontant, Paris (20e)**